УМБЕРТО

ЭКО

ЗАКЛЯТИЕ САТАНЫ

УМБЕРТО

UMBERTO ECO

PAPE SATÀN ALEPPE

CRONACHE DI UNA SOCIET LIQUIDA

УМБЕРТО ЭКО

ЗАКЛЯТИЕ САТАНЫ

ХРОНИКИ ТЕКУЧЕГО ОБЩЕСТВА

Перевод с итальянского
Яны Арьковой,
Ирины Боченковой,
Екатерины Степанцовой
и Анны Ямпольской

издательство АСТ
Москва

УДК 821.131.1-4
ББК 84(4Ита)-44
Э40

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

В оформлении обложки использована иллюстрация Максима Максутова, по лицензии *Shutterstock.com*

Эко, Умберто
Э40 Заклятие сатаны. Хроники текучего общества / Умберто Эко ; пер. с итал. Я. Арьковой, И. Боченковой, Е. Степанцовой и А. Ямпольской. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2019. — 704 с.

ISBN 978-5-17-100529-0

Умберто Эко (1932–2016) — самый знаменитый итальянский писатель нашего времени, автор мировых бестселлеров «Имя розы» и «Маятник Фуко», историк-медиевист, специалист по семиотике, филолог и историк культуры, лауреат самых престижных премий, чьи книги переведены на сорок языков.
«Заклятие сатаны. Хроники текучего общества» — сборник заметок, публиковавшихся автором в миланском журнале L'Espresso с 2000 по 2015 год, на разнообразные актуальные темы современной политики, философии, религии, массмедиа и книжной культуры в контексте нынешней социальной ситуации, характеризующейся кризисом идеологий и политических позиций. «Заклятие сатаны» — последняя книга Умберто Эко, подготовленная к печати им самим, — является своего рода продолжением «Картонок Минервы».

УДК 821.131.1-4
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-17-100529-0

© Le nave di Teseo editore, Milano, 2016
© Я. Арькова, перевод на русский язык, 2019
© И. Боченкова, перевод на русский язык, 2019
© Е. Степанцова, перевод на русский язык, 2019
© А. Ямпольская, перевод на русский язык, 2019
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
© ООО "Издательство АСТ", 2019
Издательство CORPUS ®

Содержание

Вступление 15

Текучее общество 17

Полный назад!
Пер. И. Боченковой

Свободомыслящие католики и неверующие ханжи 23
Много ли мы наизобретали? 27
Полный назад! 31
Рождаюсь снова, рождаюсь заново,
в тысяча девятьсот сороковом 35
Разрушить Италию 39

Быть на виду
Пер. Е. Степанцовой

Помахать ручкой 47
Господь свидетель, что я дурак... 51
Чем я хуже Мадонны? 55
Я твитю, следовательно, я существую 59

Утрата приватности ... 63
В глубинах ДНК ... 66

Старики и молодежь

Пер. Е. Степанцовой

Средняя продолжительность жизни ... 71
Красивое безобразно, безобразное красиво? ... 75
Тринадцать лет, прожитых зря ... 79
Детинушки под прицелом ... 83
Жил да был Черчилль ... 87
Как убивать молодежь к обоюдной выгоде ... 91
Бедные берсальеры ... 95
Два приятных сюрприза ... 99
Поколение чужаков ... 102
Где все прочие шестидесятилетние? ... 105
Тупая Тереза ... 109

On line

Пер. А. Ямпольской

Мои двойники в электронной почте ... 115
Как выбрать президента ... 118
Хакер — неотъемлемая часть системы ... 121
Многовато интернета? Зато в Китае ... 124
Чудная игра ... 127
Учебник в роли учителя ... 130
Как копировать из интернета ... 134
Где бы нам пристроить поэтов? ... 138

Зачем нужен учитель? 142
Пятая власть 146
Между догматизмом и фаллибилизмом 152
Марина, Марина, Марина... 156
Эти суки, космические лучи 159

О сотовых
Пер. А. Ямпольской

Опять про сотовый 165
Проглотить сотовый 172
Торт с клубникой и сливками 174
Эволюция: всё одной рукой 177
Сотовый и королева из Белоснежки 180

О заговорах
Пер. Я. Арьковой

Где же Глубокая Глотка? 185
Заговоры и тайны 189
Хорошая компания 192
Попробуй угадай 196
Не верьте в совпадения 199
Заговор о теории заговора 202

О массмедиа
Пер. И. Боченковой

Радиовещательный гипноз 209
Не купить ли пакетик тишины? 212

Два Больших Брата 215
Роберта 218
Миссия детектива 221
Союзники бен Ладена 224
Поехать туда, не знаю куда 228
Мэдрейк-волшебник — итальянский герой? 231
Усыновить истину 235
Минкульпоп и пупок 239
Вреден ли зритель телевизору? 243
Сам себе свидетель 247
Грех наш насущный даждь нам днесь 252
Был ли Агамемнон хуже, чем Буш 256
Где эта улица 259
Корабли поднимают корму 263
Высокий средний низкий 267
«Интеллектуально выражаясь» 271
Подследственные и посредственные 274
Дай мне сказать, лахудра! 277
Встряхнуть или смешать? 281
Что мы знаем про Ниро Вульфа 285
Типа того 288
Несчастна та страна 291
Время и история 295

Различные формы расизма

Пер. Е. Степанцовой

Философствовать по-женски 301
Где живет антисемитизм? 306

Кто велел носить паранджу? 311
Евреи, масоны и radical chic 315
Противоречия антисемита 319
Проклятые румыны 323
Какой позор, у нас нет врагов! 327
Бойкот израильским латинистам? 331
Грамматические тонкости и побоища 335
Молчи, интеллигент поганый 339
Мужья безвестных жен 342
Возвращение дяди Тома 346
Пруст и боши 349
Классики наших дней 354
От «Мауса» к Charlie 358

О ненависти и смерти
Пер. А. Ямпольской

О смерти и любви 363
Куда пропала смерть? 367
Право на счастье 370
Наш Париж 374

Между религией и философией
Пер. Я. Арьковой

Пророки видят то, что знают 381
Корни Европы 384
Лотос и крест 388
Так что же такое «релятивизм»? 391

Случай и Разумный замысел 393
Олень и верблюд 397
Рот на замок 401
Идолопоклонство и ненавязчивое иконоборчество 405
Скальфари и факты (его и мои) 409
Кокаин для народа 413
Американские боги 417
Новогодние реликвии 421
Распятие как светский символ 425
Кто же такие волхвы? 429
Страсти по Гипатии 433
Хэллоуин, релятивизм и кельты 437
Проклятая философия 440
Уклонение от уплаты налогов и негласное возмещение 443
Священный эксперимент 447
Моно- и политеистические религии 451

Хорошее воспитание

Пер. Я. Аръковой

Кого чаще цитируют? 457
Сучий потрох 461
Когда слово не расходится с делом 465
«Лекари» бакалавриата 469
Размышления на чистовике 473
Как бы на это посмотрел Гаттамелата? 477
Обмен взглядами на фестивале 480
Сладость промедления 483
Закроем классические лицеи? 487

О книгах и всякой всячине
Пер. Я. Арьковой

Гарри Поттер опасен для взрослых? ... 493
Как защитить себя от тамплиеров ... 497
Невыносимая легкость дедка из Ламбруго ... 501
Осязание книги ... 506
Вот вам и прямой угол ... 510
Путешествие к центру Жюля Верна ... 514
Пространство в форме штопора ... 518
О книге, которую вы не читали ... 522
О ненадежности носителей информации ... 526
Футуризм не был катастрофой ... 529
А этот анекдот ты знаешь? ... 533
Festschrift ... 537
Старый добрый Холден ... 539
Ох уж этот Аристотель! ... 543
Монтале и бузина ... 547
Лгать и притворяться ... 550
Легковерие и самоидентификация ... 553
Три заметки о добродетели ... 556
Кто боится бумажных тигров? ... 559

Четвертый Рим
Пер. И. Боченковой

Падение Четвертого Рима ... 565
Настоящий Великий коммуникатор? ... 568
Убить птичку ... 572

О режиме медийного популизма ... 576
Американка в Риме ... 580
My heart belongs to daddy ... 584
Разве я расист? Это он негр ... 588
Берлускони и Писториус ... 592
Странная история неизвестного сотрапезника ... 596
В добрый час, Критон... ... 600
Норма и пуритане ... 604
«Гауно!» ... 608
Каста неприкасаемых ... 611
Давайте читать Конституцию ... 615
Keep a low profile ... 619
А судьи кто? ... 623
Сын мой, все это будет твоим ... 626
Власть и левые ... 629

От глупости до безумия

Пер. И. Боченковой

Нет, это не загрязнение. Это примеси в воздухе ... 633
Как разбогатеть на чужой боли ... 637
Красавицы и чудовища ... 641
Выстрелы с уведомлением о вручении ... 645
Лишний мертвец не помешает ... 649
С позволения сказать ... 653
Примирительные оксюмороны ... 657
В погоне за предисловием ... 661
Заблуждения одного не-товарища ... 665
Риусский танцовщик ... 669

Попросить прощения 673
У кого-то кружится солнце 677
Чего не следует делать ни в коем случае 681
Чудодейственный «Мортакк» 684
Джойс и «мазерати» 687
А был ли Наполеон? 691
Мы все сошли с ума? 695
Идиоты и ответственная пресса 699

Вступление

Я начал вести колонку «Картонки Минервы» в журнале *L'Espresso* в 1986 году — долгое время я писал ее еженедельно, затем раз в две недели. Как я напоминал в начале читателям, если открыть пачку спичек «Минерва», то получается разворот из двух белых картонок для заметок — к тому же я воспринимал эти свои записки как краткие примечания или реплики в сторону по поводу разных вещей, приходивших мне в голову: как правило, на злобу дня, но не обязательно, поскольку для меня бывало достаточно злободневно, если как-нибудь вечерком мне приспичило перечитать, скажем, страницу из Геродота, сказку братьев Гримм или комикс про Железную Руку.

Многие из «картонок» я включил в свой «Второй немногословный дневник», вышедший в 1992 году, приличное их количество было напечатано в сборнике «Картонки Минервы», куда вошли эссе, опубликованные до начала 2000 года, некоторые я в 2006 году использовал в сборнике «Полный назад!». Но с 2000 по 2015 год, если считать по двадцать шесть «картонок» в год, я написал четыреста с лишним «картонок»,

и мне показалось, что некоторые из них вполне можно издать.

Пожалуй, все (или почти все) «картонки», собранные в этой книге, можно считать размышлениями по поводу различных аспектов нынешнего «текучего общества», о котором я говорил в одной из недавних «картонок» — она-то и открывает этот сборник.

Хотя большую часть повторов я убрал, кое-какие, возможно, остались — дело в том, что некоторые явления в эти пятнадцать лет повторялись с пугающей регулярностью, заставляя меня настойчиво возвращаться к темам, сохраняющим удручающую актуальность.

Пара слов по поводу заглавия. Цитата, само собой, из Данте (*Pape Satàn, pape Satàn aleppe*, «Ад», VII, 1), но, хотя, как известно, полчища комментаторов бились над раскрытием смысла этого стиха, большинство пришло к выводу, что у него нет определенного значения. В любом случае эти слова, звучащие из уст Плутона, приводят в замешательство и заставляют предполагать всякую чертовщину. В связи с этим мне показалось уместным вынести их в заглавие книги, которая — не столько по моей вине, сколько по вине нашего времени — вышла бессвязной и скачет, как сказали бы французы, с петуха на осла, отражая текучую природу последних пятнадцати лет.

Текучее общество

Концепцией «текучей» современности или «текучего» общества мы обязаны, как известно, Зигмунту Бауману. Желающим разобраться с тем, что из нее следует, может пригодиться книга «Состояние кризиса» (*Einaudi*, 2015)[1], где Бауман и Карло Бордони[2] обсуждают эту и другие проблемы.

Черты текучего общества начинают вырисовываться в нынешнюю эпоху, называемую постмодерном (это, впрочем, зонтичный термин, под которым с большим или меньшим основанием толкутся самые разные явления, от архитектуры до литературы и философии). Постмодернизм обозначил собой кризис «больших нарративов», полагавших, будто они могут подогнать весь мир под свой шаблон, и занимался исключительно переосмыслением прошлого в игровом или ирони-

Зигмунт Бауман (1925–2017) – британский социолог польского происхождения. Оригинальное издание: Bauman Z. *State of crisis*. Polity, 2014. См. также русский перевод: Бауман З. *Текучая современность*. СПб.: Питер, 2008. (*Здесь и далее – примечания переводчиков и редактора.*)

2 *Карло Бордони* (р. 1946) – итальянский социолог.

ческом ключе, что во многом роднило его с нигилистическими настроениями. Но по мнению Бордони, сейчас и постмодернизм идет на убыль. Это было временное явление, мы проскочили его, сами того не заметив, и когда-нибудь его станут изучать, как сейчас изучают предромантизм. Его задачей было указать на происходящие изменения, постмодернизм стал своего рода переправой от модернизма к еще не поименованному настоящему.

Одной из характерных черт этого зарождающегося настоящего, по мнению Баумана, является кризис Государства (какая мера самостоятельности остается у национальных государств по сравнению с возможностями наднациональных сообществ?). Исчезает институт, гарантировавший индивидуумам возможность единообразного решения различных проблем нашего времени, и вот с его кризисом мы получаем кризис идеологий, а стало быть, и партий, и вообще всего того, что обращается к общности ценностей, которая позволяла индивидууму ощущать себя частью чего-то, выражающего его чаяния.

На фоне кризиса понятия общности на первый план выступает оголтелый индивидуализм, когда никто никому больше не попутчик, а лишь соперник, которого лучше остерегаться. Этот «субъективизм» подорвал основы современного общества, ослабил его, так что в результате в отсутствие каких-либо ориентиров все расплывается и растекается. Теряется незыблемость права (судебная система воспринимается как нечто враждебное), и единственное, что остается человеку, лишенному ориентиров, — это демонстрация себя любой ценой, «демонстрация себя» как ценность (явления, которые я нередко затрагивал в «Картонках Минервы»), да еще потребительство. И это не такое по-

требительство, что стремится к обладанию объектом желания и им удовлетворяется, – нет, полученный объект тут же обесценивается, как устаревший, и человек мечется от одной покупки к другой, охваченный какой-то бесцельной булимией (новый мобильный почти ничем не отличается от старого, но старый отправляется прямиком в утиль во имя участия в этой оргии желаний).

Кризис идеологий и партий: кто-то сказал, что партии сейчас – это такси, куда садятся вождь или вожак, контролирующие голоса избирателей, непринужденно выбирая себе авто в соответствии с предоставляемыми возможностями, так что циников-оппортунистов теперь даже можно понять и не слишком ими возмущаться. Не только отдельные личности, но и общество в целом включено в процесс непрерывного обесценивания всего.

Что можно противопоставить этому разжижению? Пока неизвестно, и такое междуцарствие продлится довольно долго. Бауман отмечает, как (с утратой веры в спасение, грядущее свыше – от государства или от революции) типичной приметой междуцарствия становятся движения протеста. Эти движения знают, чего не хотят, но чего хотят – не знают. И хотелось бы напомнить, что одна из проблем, с которой столкнулись органы правопорядка в связи с «черноблочниками», состоит в том, что, в отличие от прежних анархистов, фашистов или «Красных бригад»[1], их невозможно четко обозначить. Они действуют, но когда и куда их занесет – не знает никто. Даже они сами.

Есть ли способ пережить эту текучесть? Есть, и для этого надо окончательно признать, что мы живем в те-

«*Красные бригады*» (итал. *Brigate Rosse*) – подпольная леворадикальная террористическая организация, действовавшая в Италии в 1970–80-х годах.

кучем обществе и для того, чтобы понять его и, возможно, преодолеть, понадобятся новые инструменты. Беда, однако, в том, что политики и подавляющая часть интеллигенции еще не осознали весь масштаб этого явления. Бауман остается покамест «гласом вопиющего в пустыне».

2015

ПОЛНЫЙ НАЗАД!

Свободомыслящие католики и неверующие ханжи

Когда речь идет о великих духовных преобразованиях, ознаменовавших конец XX века, всегда упоминается кризис классических идеологий, который смешал традиционные различия между правым и левым политическими движениями. Так оно и есть. Однако стоит задаться вопросом, явилось ли падение Берлинской стены причиной этого коллапса или стало одним из его последствий.

Возьмем науку: там предполагалась нейтральная идеология, идеал прогресса, общий как для либералов, так и для социалистов (менялось только представление о том, как управлять этим прогрессом, в пользу кого, превосходный пример — «Манифест Коммунистической партии» 1848 года, панегирик достижениям капитализма, завершающийся примерно так: «теперь мы тоже хотим все это»). Существовал прогрессист, который верил в развитие технологий, и реакционер, который выступал за возвращение к Традиции, к первозданной Природе. Случаи «революции назад», типа луддитов, ломающих станки, были лишь незначительными эпизодами. Они никак не влияли на четкое разделение двух направлений.

Это деление дало трещину в шестьдесят восьмом, когда перемешались убежденные сталинисты и дети цветов, операисты[1], ожидающие, что с развитием автоматизации производства будет меньше работы, и пророки освобождения посредством наркотиков дона Хуана[2]. Все окончательно рассыпалось в тот момент, когда популизм по типу стран третьего мира[3] стал общим флагом как для крайних левых, так и для крайних правых, и теперь мы оказались перед лицом движений типа «битвы в Сиэтле»[4], где встречаются неолуддиты, радикальные защитники окружающей среды, экс-операисты, *люмпены* и яркие звезды, отвергающие клонирование, бигмаки, генную инженерию и ядерную энергию.

Не меньшие изменения произошли в противостоянии церковного и светского мира. Тысячелетиями с религиозным духом связывалось недоверие к про-

Операизм — разновидность марксизма, течение итальянской мысли шестидесятых годов XX века. Оспаривая традиционную марксистскую ценность «освобожденного труда», операисты считали, что общество неотчужденного, свободного труда невозможно в рамках индустриального конвейера (фордизма). Фордизм должен уступить место обществу, основанному на приоритете информационных технологий. Для того чтобы вынудить капитал развить новые технологии, необходимо отказываться от работы в рамках фордизма. Лозунгом того времени стало «Меньше работы, больше оплаты!».

2 Речь идет о работе Карлоса Кастанеды «Учение дона Хуана: Путь познания индейцев племени яки», опубликованной в 1968 году. Дон Хуан использовал психотропные и галлюциногенные растения в качестве помощи при обучении.

3 В странах «третьего мира» популистские режимы получили в XX веке широкое распространение. Популизм часто выступал разновидностью национал-реформизма, направленного на решение проблем экономической модернизации при отсутствии либо слабости механизмов парламентской демократии (Бразилия, Аргентина, Египет, Гана и другие).

4 *«Битва в Сиэтле»* стала первым проявлением антиглобализма в США в декабре 1999 года. Массовая акция протеста была связана с прохождением конференции ВТО в городе Сиэтл и направлена против политики экономической глобализации. Эта антиглобалистская акция вызвала по-настоящему большой резонанс в обществе и спровоцировала демонстрации во многих странах. С этого момента по всему миру начинают формироваться антиглобалистские движения и организации.

грессу, отказ от всего мирского, бескомпромиссный догматизм; и, наоборот, для мира светского был характерен оптимистичный взгляд на преобразование природы, гибкость этических принципов, принятие «иных» религиозных вероучений и открытость вольнодумству.

Конечно, у верующих всегда была тяга к «земной реальности», к истории как пути искупления (вспомним Тейяра де Шардена[1]), но и светских «апокалиптиков» тоже хватало — антиутопии Оруэлла и Хаксли[2] или научная фантастика, рисующая ужасное будущее, в котором все подчинено чудовищной научной рациональности. Но в конечном счете религиозной проповеди полагалось напоминать нам о финальном моменте и о том, что нас ожидает согласно христианской эсхатологии, а светской — возносить хвалу паровозу.

Недавняя встреча *papaboys*[3] демонстрирует нам завершающий момент преобразований, начатых Войтылой[4]: есть масса верующей молодежи, но, судя по их ответам, данным в эти дни интервьюерам, они очень далеки от фундаменталистского невроза. Они готовы пойти на мировую, когда речь идет о добрачных от-

Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955) — французский католический философ и богослов.

2 *Джордж Оруэлл* (1903–1950) — британский писатель и публицист. Наиболее известен как автор культового антиутопического романа «1984» и повести «Скотный двор»; *Олдос Леонард Хаксли* (1894–1963) — английский писатель, новеллист и философ. Автор известного романа-антиутопии «О дивный новый мир».

3 *Papaboy* — неологизм, используемый для определения молодых людей, участвующих в религиозных мероприятиях, на которых присутствует папа. Термин был придуман итальянскими СМИ летом 2000 года в связи с проведением в Риме Всемирного дня молодежи (итал. *Giornata mondiale della gioventù*), католического съезда, имеющего праздничный характер и ориентированного на молодых людей со всего мира, независимо от их вероисповедания.

4 Иоанн Павел II (до интронизации *Кароль Юзеф Войтыла*, 1920–2005) — папа римский, драматург, поэт, педагог. Канонизирован 27 апреля 2014 года.

ношениях, противозачаточных средствах, некоторые из них вполне толерантны к наркотикам, и никто не возражает против дискотек; тогда как светский мир оплакивает акустическое загрязнение, дух *New Age*[1], на который возлагается надежда в объединении неореволюционеров, последователей монсиньора Милинго[2] и сибаритов, пристрастившихся к восточному массажу.

Это только начало, то ли еще будет.

2000

New Age (*англ.* буквально «новая эра») — общее название совокупности мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера. Отличается от традиционных религиозных движений тем, что не представлен каким-то одним определенным духовным учением или религиозным воззрением (сектой, общиной, традицией, школой), а включает в себя множество (иногда на практике очень мало совместимых) различных учений, практик и концепций. Нередко позиционирует свои учения не как религиозные, а как культурологические, оздоровительные, просвещенческие, образовательные или спортивные.

Монсиньор *Эммануэль Милинго* (р. 1930) — католический архиепископ из Лусаки (Замбия), прославившийся своими сомнительными достижениями в области врачевания и изгнания бесов. В 2001 году официально перешел в секту преподобного Муна и в мае того же года сочетался браком с сектанткой Марией Сунг. Был лишен сана, что не помешало ему претендовать на совершение таинств, а в 2006 году монсиньор Милинго даже произвел в епископы четырех священников, причем женатых.

Много ли мы наизобретали?

Видимо, это сообщение появилось в интернете. Не знаю, где именно, поскольку я получил его по электронной почте. Коммерческий спам, предлагающий новинку — *Built-in Orderly Organized Knowledge*[1], сокращенно — *BOOK*, то есть книга.

Никаких проводов и батареек, никаких микросхем, выключателей и кнопок. Компактное портативное устройство, его можно использовать, даже сидя у камелька. Представляет собой ряд пронумерованных листов (вторсырье), каждый из которых содержит тысячи бит информации. Эти листы удерживаются вместе в правильной последовательности с помощью элегантного футляра, называемого переплетом.

Каждая страница оптически сканируется, и информация заносится прямо в мозг. Предусмотрена команда *browse*[2], позволяющая переходить от одной страницы к другой, как вперед, так и назад, одним движением пальца. Функция, называемая «содержание», позволяет мгновенно найти желаемое место на нужной странице. Можно приобрести дополнительное устрой-

1 Встроенное упорядоченно-организованное устройство знаний (*англ.*).

2 Пролистать, просмотреть (*англ.*).

ство под названием «закладка»: оно дает возможность вернуться туда, где вы остановились, даже если *BOOK* был закрыт. Далее описываются дополнительные характеристики этой потрясающей инновации, а также объявляется, что поступил в продажу *Portable Erasable-Nib Cryptic Intercommunication Language Stylus*[1], *PENCIL* (то есть карандаш). Перед нами не просто прекрасная шутка. Это также ответ на многочисленные тревожные рассуждения, что с развитием компьютеров книге, возможно, придет конец.

Существует много предметов, которые после изобретения не подлежат дальнейшему улучшению, как, например, стакан, ложка, молоток. Когда Филипп Старк[2] захотел изменить форму ручной соковыжималки, он произвел на свет изумительный объект, в котором, однако, семечки падают в стакан. В то время как классическая соковыжималка удерживает их вместе с мякотью. Не так давно я разозлился на лекции потому, что дорогущее электронное устройство плохо проецирует фотографии: старый диапроектор, не говоря уж про древний эпидиаскоп, показывал их куда лучше.

В конце XX века уместно спросить себя, действительно ли за эти сто лет мы изобрели много нового. Ведь все предметы, которыми мы пользуемся в повседневной жизни, появились еще в XIX веке. Назову лишь некоторые: поезд (но паровая машина появилась веком раньше), автомобиль (с сопутствующей индустрией нефтепереработки), пароходы с гребным винтом, сооружения из железобетона и небоскребы, подводная лодка и метрополитен, динамо-машина, турбина,

Портативное приспособление для кратких личных записей с возможностью их стирания (*англ.*).

Филипп Старк (р. 1949) – известный французский промышленный дизайнер, дизайнер интерьеров и потребительских товаров серийного производства.

работающий на солярке дизель, аэроплан (решающий эксперимент братьев Райт случится через три года после конца века), пишущая машинка, граммофон, диктофон, швейная машинка, холодильник и консервы, пастеризованное молоко, зажигалка (и сигарета), цилиндровый замок Йейла, лифт, стиральная машина, электроутюг, авторучка, ластик, промокашка, марка, пневматическая почта, унитаз, электрический звонок, вентилятор, пылесос (1901), безопасная бритва, диван-кровать, парикмахерское кресло и вращающийся офисный стул, спички простые и охотничьи, непромокаемый плащ, застежка-молния, английская булавка, газированные напитки, велосипед с надувной камерой, стальными спицами и цепной передачей, автобус и электрический трамвай, монорельс, целлофан, целлулоид, искусственные ткани, универмаги, чтобы продавать все это, и, если позволите, электрическое освещение, телефон, телеграф, радио, фотография и кинематограф. Бэббидж[1] изобрел вычислительную машину, способную делать шестьдесят шесть операций в минуту, и вот мы уже на пути к компьютеру.

Конечно, наш век дал нам электронику, пенициллин и другие лекарства, удлинившие нашу жизнь, пластмассу, ядерный синтез, телевидение и полеты в космос. Возможно, я что-то упустил, но верно и то, что сегодня самые дорогие часы и авторучки стремятся воспроизвести классические модели столетней давности, а в какой-то из предыдущих «картонок» я уже говорил, что последнее усовершенствование в области коммуникации — то есть интернет — показывает превосходство проводного телеграфа над беспроводным, изобретен-

Чарлз Бэббидж (1791–1871) — английский математик, изобретатель первой аналитической вычислительной машины.

ным Маркони, или, иными словами, означает возврат от радио к телефону.

По крайней мере два характерных изобретения нашего века, пластмассу и ядерный синтез, сейчас стараются «разызобрести» обратно, потому что стало заметно, как они отравляют планету. Прогресс не обязательно состоит в том, чтобы идти вперед любой ценой. Я попросил вернуть мне мой диапроектор.

2000

Полный назад!

В одной из «картонок» я заметил, что мы наблюдаем интересный технологический регресс. Прежде всего, под контроль поставлено назойливое воздействие телевизора благодаря изобретению пульта дистанционного управления, позволяющего зрителю переключать каналы, не вставая с дивана, и таким образом обрести творческую свободу, называемую «фазой *Blob*»[1]. Окончательное освобождение от телевидения дал видеомагнитофон, воплотивший движение к кинематографу. Кроме того, с помощью пульта дистанционного управления можно выключить звук, возвращаясь к роскоши немого кино. Кстати, интернет, навязывая откровенно буквенную коммуникацию, ликвидировал угрозу *«цивилизации картинок»*. В сущности, можно вообще убрать изображения, придумав какой-то ящик, который издает лишь звуки и не требует даже пульта дистанцион-

BLOB (*англ.* пятно, капля) — сатирическая программа на итальянском телевидении, выходит с 1989 года. Представляет собой иронически-саркастический монтаж из телевизионных сюжетов и любительских видеороликов. Анджело Гульельми, создатель программы, связывает ее название с американским фильмом ужасов «Капля» (*The Blob*).

ного управления. Я-то хотел пошутить, намекая на изобретение радио, но (очевидно, по какой-то высшей воле) предсказал появление *iPod*.

Наконец, телетрансляция посредством *pay-TV*[1] положила начало новой эры передачи информации через телефонный кабель, ознаменовав переход от беспроводной телеграфии к телефонии с проводами. Эта последняя стадия завершилась появлением интернета: обойдя Маркони, мы вернулись к Меуччи[2].

Я развил теорию движения в обратном направлении в своей книге «Полный назад!»[3], где применил эти принципы и к политической жизни (впрочем, в недавней своей «картонке» я также заметил, что мы возвращаемся к ночи 1944 года: военные патрули на улицах, дети и учителя в форме). Но и это еще не все.

Каждый, кто задумался о покупке нового компьютера (они устаревают за три года), заметил, что сегодня в продаже можно найти лишь те, на которых установлена операционная система *Windows Vista*[4]. Достаточно почитать в интернете, что думают пользователи о *Vista* (не буду пересказывать, боюсь, вызовут в суд), и послушать друзей, попавших в эту ловушку, чтобы тебе расхотелось (может, и ошибочно, но ты непоколебим) покупать компьютер с *Vista*. Однако, если тебе нужен бо-

Pay-TV (*англ.* платное телевидение) – телевизионные каналы и услуги, за пользование которыми взимается плата.

Гульельмо Маркони (1874–1937) – итальянский радиотехник и предприниматель, известный всему миру благодаря своим изобретениям в области беспроводной связи. Считается одним из изобретателей радио. Лауреат Нобелевской премии по физике за 1909 год; *Антонио Меуччи* (1808–1889) – итальянский ученый, изобретатель телефона.

3 См.: Умберто Эко. *Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ* / Пер. с итал. Е. Костюкович. – М.: Эксмо, 2007.

4 *Windows Vista* – операционная система семейства *Windows NT* корпорации *Microsoft*. Выпущена 30 января 2007 года. Предшественником была *Windows XP*, а следующей ОС в линейке – *Windows 7*.

лее-менее современный компьютер, придется терпеть *Vista*. Или довольствоваться клоном, огромным, как фура, в сборке прилежного продавца, который все еще устанавливает *Windows XP* и более ранние версии. И тогда ваш рабочий стол будет напоминать лабораторию *Olivetti* с компьютером *Elea* 1959 года[1].

Полагаю, производители компьютеров заметили, что продажи значительно снижаются, потому что пользователь, не желающий *Vista*, отказывается приобретать новый компьютер. И что произошло? Попробуйте набрать в поисковике *Vista downgrading*[2] или нечто подобное. Вам объяснят, что, если вы купили новый компьютер с операционной системой *Vista*, заплатив за него соответствующую сумму, вам придется выложить еще немного денег (но не просто так, а пройдя определенную процедуру, которую я не осилил), и после череды приключений вы вновь обретете возможность пользоваться версией *Windows XP* или ей предшествующими.

Те, кто использует компьютеры, знают, что такое *upgrading*. Это то, что позволяет тебе обновить программное обеспечение вплоть до последней версии. Соответственно, *downgrading* – это возможность вернуть твой продвинутый компьютер к блаженным возможностям старых программ. За деньги. До того как в интернете появился этот красивый неологизм, в обычном англо-итальянском словаре можно было найти слово *downgrade*, которое в качестве существи-

Elea 9003 – первая ЭВМ, выпущенная в 1959 году в Италии компанией Оливетти (*Olivetti*), крупнейшим производителем офисной техники.

Даунгрейд (*англ.*) – использование старого аппаратного или программного обеспечения. Выступает в противовес апгрейду (модернизации устройства). Также даунгрейд может рассматриваться как переход на более ранние версии аппаратного или программного обеспечения, например из-за наличия в новых версиях ошибок или из-за того, что старые версии удобнее и быстрее работают.

тельного переводится как *упадок*, *снижение* или *сокращенная версия*, а в качестве глагола означает *отступать*, *уменьшать*, *упрощать* и *ухудшать*. Так что нам предлагается возможность, проделав большую работу и выложив определенную сумму, затем ухудшить и упростить то, за что мы уже сполна заплатили. Невероятно, но факт (на эту тему остроумно высказался Джампаоло Прони в электронном журнале *Golem L'indispensabile*[1]), и сотни бедолаг работают как проклятые, отдавая свои деньги за то, чтобы ухудшить себе программное обеспечение. Достигнем ли мы той стадии, когда за умеренную плату наш компьютер можно будет превратить в тетрадь, чернильницу и перьевую ручку?

Но дело не только в парадоксе. Существуют достижения технического прогресса, превзойти которые невозможно. Бессмысленно изобретать механическую ложку — та, которую придумали две тысячи лет назад, все еще нормально работает. Отказались же от «Конкордов»[2], а они преодолевали расстояние между Парижем и Нью-Йорком за три часа. Не уверен, что это было правильное решение, но прогресс может также означать два шага назад, как, например, возврат к использованию энергии ветра вместо нефти и тому подобное. Устремимся же в будущее! Полный назад!

2008

Джампаоло Прони (р. 1955) — итальянский философ, преподаватель семиотики в Болонском университете. Оригинальный электронный журнал *Golem L'indispensabile* (Голем — Насущное) основали в 1996 году Умберто Эко, Джанни Риотта и Данко Зингер. См.: www.golemindispensabile.it (дата обращения: июнь 2018 года).

«Конкорд» (фр. *Concorde*) — британо-французский сверхзвуковой пассажирский самолет, находившийся в коммерческой эксплуатации с 1976 года. 25 июля 2000 года при вылете из парижского аэропорта «Шарль де Голль» разбился самолет, совершавший рейс Париж — Нью-Йорк, погибло сто тринадцать человек. С 2003 года полеты «Конкордов» были прекращены.

Рождаюсь снова, рождаюсь заново, в тысяча девятьсот сороковом

Жизнь — не что иное, как тихая память о детстве. Согласен. Но спустя время в наших воспоминаниях окрашиваются в приятные тона и те моменты, которые тогда казались тебе горестными. Например, тот день, когда ты соскользнул в канаву, подвернул ногу и был вынужден две недели сидеть дома в самодельном гипсе из марли, смоченной в яичном белке. Лично я с нежностью вспоминаю ночи, проведенные в бомбоубежище: нас будили глубокой ночью, тащили в одной пижаме и накинутом сверху пальто в сырой бетонный подвал, освещенный тусклой лампой, и мы играли в догонялки, в то время как над нашими головами слышались глухие разрывы — то ли бомб, то ли зенитной артиллерии. Наши мамы дрожали от холода и страха, но для нас это было необычное приключение. Вот что такое ностальгия. Поэтому мы готовы принять все, что напоминает нам об ужасных сороковых, и это дань, которую мы платим нашей старости.

Какими были города в то время? Темными по ночам, когда светомаскировка вынуждала редких прохожих использовать фонарики не на батарейках, а на дина-

мо-генераторе, как велосипедный, который заряжался фрикционной передачей, для чего приходилось судорожно нажимать рукой на своеобразный курок. Но позднее был введен комендантский час, и на улицу выходить стало нельзя.

Днем город патрулировался военными, по крайней мере до 1943 года, пока здесь были расквартированы войска итальянской Королевской армии, и наиболее усиленно — во времена республики Сало[1]. И если в городах постоянно ходили небольшие отряды солдат и морские патрули Сан-Марко или «черные бригады»[2], в деревнях можно было легко встретить партизан, и те и другие были вооружены до зубов. В городе, находящемся на военном положении, в определенных обстоятельствах запрещались собрания, мелькали еще толпы сторонников «Балиллы» и «Маленьких итальянок» в униформе[3] и школьников в черных халатах — они учились до полудня, в то время как их матери пытались купить то немногое, что еще можно было найти в продук-

Республика Сало или Итальянская социальная республика (итал. *Repubblica Sociale Italiana*) — марионеточное государство, образованное в сентябре 1943 года на оккупированной Германией территории Северной (и частично Центральной) Италии. Просуществовала до 25 апреля 1945 года, когда капитулировали остатки немецких войск на территории Италии.

Сан-Марко (итал. *Reggimento «San Marco»*) — воинская часть морской пехоты ВМС Италии, официально учрежденная в 1919 году; *черные бригады* (итал. *Brigate Nere*) — фашистские военизированные формирования, которые действовали на севере Италии с 1943 года до конца Второй мировой войны в период существования Итальянской социальной республики.

3 *«Балилла»* (итал. *Opera Nazionale Balilla, ONB*) — фашистская молодежная организация, существовавшая в Италии в 1926–1937 годах. Название происходит от прозвища Джована Баттисты Перассо, мальчика из Генуи, который в 1746 году бросил камень в австрийского солдата и этим начал восстание против австрийских войск, оккупировавших город. Образ Перассо использовался фашистской пропагандой как пример патриотического поведения для итальянских детей. *«Маленькая итальянка»* (итал. *Piccola Italiana*) — детская организация в период фашизма, куда входили девочки в возрасте от восьми до четырнадцати лет.

товых магазинах. И если ты хотел хлеба — я уж не говорю о белом, хотя бы съедобного, не из опилок, — ты должен был отдать за него приличную сумму на черном рынке. Свет в домах был тусклый, а отопление ограничивалось только кухней. На ночь клали в постель горячий кирпич, и я вспоминаю с нежностью даже обморожения. Замечу, что сейчас все это возвращается, — конечно, не в полном объеме. Но я улавливаю его аромат. Прежде всего, есть фашисты в правительстве. Не только они, и, может, не совсем фашисты, но это неважно, известно, что история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй — в виде фарса. Зато в те времена на стенах висели плакаты, на которых отвратительный чернокожий американец (к тому же пьяный) тянулся скрюченной рукой к белой Венере Милосской. Сегодня я вижу по телевизору суровые лица изможденных негров, которые тысячами вторгаются в наши земли, и, честно говоря, окружающие меня люди напуганы куда больше, чем тогда.

Возвращается в школы черный халат[1], и я ничего не имею против. Это куда лучше, чем модная футболка хулигана, да вдобавок я ощущаю во рту вкус пирожных *madeleine*, смоченных в настойке из липового цвета[2], и вслед за Гоццано[3] мне хочется повторить «рождаюсь снова, рождаюсь заново, в тысяча девятьсот сороковом». Только что прочитал в газете, что мэр го-

1 Во многих начальных школах в Италии ученики обязаны носить в качестве школьной формы черный халат (девочки) и укороченный халат (мальчики), часто дополняемый белым воротничком.

2 Аллюзия на роман Марселя Пруста «В сторону Свана».

3 *Гоццано Гвидо* (1883–1916) — один из крупнейших итальянских лириков XX века. Возглавлял поэтическую группировку, иронически названную *crepuscolari* (сумеречники), из среды которой вышли такие поэты, как Марино Моретти и Фаусто Мартини. В своих произведениях анализирует подсознательное и всплывающие в нем потоки ассоциаций, подобно тому как это делал в прозе Марсель Пруст.

рода Новара, сторонник партии «Лига Севера», запретил собираться по ночам в парке группам более трех человек. Трепетно, как у Пруста, жду возвращения комендантского часа. Наши военные сражаются против повстанцев с раскрашенными лицами где-то в Восточной Азии (к сожалению, уже не в Африке). Но я вижу армейские подразделения с оружием и в камуфляже и на площадях наших городов. Армия, как и тогда, не только сражается на рубежах, но и выполняет функции полиции. Я словно попал в «Рим — открытый город»[1]. Слышу разговоры и читаю статьи, подобные тем, что читал тогда в журнале *La difesa della razza*[2], где нападки были не только на евреев, но и на цыган, марокканцев, иностранцев в целом. Хлеб дорожает. Нас предупреждают, что придется экономить нефть, ограничивать потребление электроэнергии, выключать витрины в ночное время. Идут на убыль автомобили, и вновь появляются «Похитители велосипедов»[3]. Оригинальный штрих — скоро будут нормировать воду. Пока еще нет отдельного правительства на юге и на севере страны, однако есть те, кто работает в этом направлении. Я скучаю по Вождю, который бы обнимал и целомудренно целовал в щечку пышнотелых деревенских хозяек, но у каждого свои предпочтения.

2008

«*Рим – открытый город*» (итал. *Roma, città aperta*) — кинофильм режиссера Роберто Росселлини 1945 года, считается эталоном и отправной точкой в развитии итальянского неореализма. Действие фильма происходит в 1944 году в Риме.

La difesa della razza («В защиту расы») — журнал, выходивший в Италии с 1938 по 1943 год. Главной целью его было псевдонаучное обоснование превосходства арийской расы над всеми остальными.

3 «*Похитители велосипедов*» (итал. *Ladri di biciclette*) — драма Витторио де Сики 1948 года, ставшая классикой итальянского неореализма и мирового кинематографа в целом. Действие происходит в послевоенной Италии 1940-х годов.

Разрушить Италию

Примерно год назад в одной своей «картонке» я рассказывал о том, что углубился в изучение интернет-сайтов анти-национально-освободительной и пробурбонской направленности. Сегодня в газетах пишут, что каждый третий итальянец выступает за смертную казнь. Мы возвращаемся на уровень американцев (*fuck you Беккариа*[1]), китайцев и иранцев. Еще один, вызывающий умиление шаг в прошлое — настойчивое требование вновь открыть дома терпимости, но не современные, подходящие к случаю, а такие, что были прежде, с незабываемыми писсуарами на входе и *maîtresse*[2], кричащей: «Ребята, в номерах не прохлаждаться!» Конечно, если можно было бы вернуть затемнение и, возможно, комендантский час, было бы куда интереснее. Кстати, разве конкурс теледив — это не навязчивые грезы о шеренге из танцовщиц незабвенного кабаре?

1 *Чезаре Беккариа* Бонесано (1738–1794) — итальянский мыслитель, публицист, правовед, экономист и общественный деятель эпохи Просвещения. Одним из первых в Европе выступил за отмену смертной казни и других наиболее жестоких наказаний.

2 *Maîtresse* (фр.) здесь: хозяйка борделя.

В начале пятидесятых годов мы с Роберто Лейди[1] решили основать антипатриотический союз. Это была своеобразная ирония, пародия на образование, которое мы получили в годы злополучной диктатуры, когда родина преподносилась нам под разными соусами и мы наелись этим до тошноты. К тому же возрождались неофашистские группы, и, вообще, по телевизору можно было смотреть только один канал в черно-белом изображении, и приходилось выдумывать, чем развлечь себя вечерами. В качестве гимна антипатриотический союз выбрал марш Радецкого[2], и предполагалось, естественно, дать моральную переоценку этой светлой личности противника национально-освободительного движения; планировался также референдум по возврату Ломбардо-Венецианских земель Австрии, Неаполя — Бурбонам, Рима, понятное дело, папе, передача Пьемонта Франции, а Сицилии — Мальте. Необходимо снести на всех площадях Италии памятники Гарибальди и переименовать все улицы, названные как в честь Кавура, так и в честь различных мучеников и героев-ирредентистов[3]; в школьных

Роберто Лейди (1928–2003) — итальянский музыковед, специалист по этнической музыке.

Марш Радецкого — марш, написанный Иоганном Штраусом — старшим в честь фельдмаршала графа Радецкого в 1848 году. Одно из самых знаменитых произведений Штрауса. Йозеф Радецкий (1766–1858) — австрийский военачальник и государственный деятель, отличился в австро-итальянской войне (также известна как Первая война за объединение Италии) против австрийского господства, начавшейся в условиях общеевропейской революции 1848 года. Радецкий в должности вице-короля Ломбардо-Венецианского королевства водворил при помощи жестких мер спокойствие в Италии. Фигура Радецкого крайне неоднозначно оценивается в итальянской историографии.

3 Граф *Камилло Бенсо ди Кавур* (1810–1861) — итальянский государственный деятель, премьер-министр Сардинского королевства, сыгравший исключительную роль в объединении Италии, первый премьер-министр Италии; *Ирредентист* — член или сторонник партии ирредентистов, программным требованием которой было воссоединение Италии по этнографическому и лингвистическому признаку.

учебниках нужно смело ставить под сомнения моральный облик Карло Пизакане, Энрико Тоти[1]. И далее по списку.

Союз распался, столкнувшись с удивительным открытием. Чтобы по-настоящему называться антипатриотом и желать Италии погибели, пришлось бы переоценить и фигуру дуче, то есть того, кто действительно погубил Италию, и, следовательно, у нас был один путь — в неофашисты. Сочтя такой вариант неприемлемым, мы отказались от проекта.

Мы, конечно, валяли дурака, но почти все, что мы тогда придумали, сегодня осуществляется — хотя у нас и в мыслях не было выступать под национальным флагом с идеями, которые потом Босси[2] провозгласил своей программой, и мы совершенно точно не собирались воздавать почести тем, кто расстреливал берсальеров у Порта Пиа[3].

В те времена в правительстве были христианские демократы, задачей которых было сдерживать церковь, защищая светский характер государства, и максимальным проявлением неоклерикализма стала поддержка Тольятти пресловутой статьи 7 Конституции,

Карло Пизакане (1818–1857) — итальянский революционер, деятель Рисорджименто; *Энрико Тоти* (1882–1916) — итальянский патриот, в годы Первой мировой войны добровольно пошел сражаться в отряд берсальеров, хотя и не подлежал призыву, поскольку в результате несчастного случая лишился ноги, когда работал механиком на железной дороге.

Умберто Босси (р. 1941) — итальянский политик, лидер и идеолог партии «Лига Севера», стремящейся добиться автономии и независимости северных провинций Итальянской Республики.

3 *Порта Пиа* (лат. *Porta Pia*) — ворота в северо-восточной части Аврелиановой стены Рима, последний архитектурный проект Микеланджело. 20 сентября 1870 года через брешь в стене рядом с ними в Рим вошли передовые отряды берсальеров. Это событие ознаменовало собой завершение Рисорджименто. В 1932 году на площади перед воротами был воздвигнут памятник берсальерам; в соседнем здании-разместился посвященный им музей с гробницей национального героя Энрико Тоти.

статьи, признающей Латеранские соглашения[1]. С некоторых пор распался квалюнквизм[2], движение, подхлестнувшее в определенный период антиунитарные настроения, недоверие к Риму, погрязшему в коррупции и воровстве, или выпады против бездельников-бюрократов, пьющих кровь трудового народа. Мы и представить себе не могли, что однажды подобную позицию займут министры нашей Республики.

Мы не понимали, что для того, чтобы лишить парламент его значимости и отобрать у него реальную власть, достаточно просто принять закон, по которому депутаты не избираются народом, а еще до выборов назначаются Боссом. Нам казалось, что плавный возврат к Палате фасций и корпораций[3] — это слишком фантастическая затея.

Мы хотели разрушить Италию, но постепенно и думали, что на это уйдет по меньшей мере век. Однако все произошло значительно быстрее; кроме Италии, рушится и *Alitalia*[4]. Но самое интересное, что этот про-

Пальмиро Микеле Никола Тольятти (1893–1964) — генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии; *Латеранские соглашения* (1929) — система договоров, урегулировавшая разногласия между итальянским государством и Святым престолом.

2 *Квалюнквизм* — недолговечное политическое движение, существовавшее в Италии в послевоенный период. Отрицает или сознательно игнорирует политический аспект в социальной жизни. Название произошло от газеты *L'Uomo Qualunque* («Обычный человек»), с 1944 года издаваемой Гульельмо Джаннини. Обычно под термином понимается безразличное отношение к политике, «пофигизм», обывательство.

3 *Палата фасций и корпораций* (итал. *Camera dei Fasci e delle Corporazioni*) — официальное название нижней палаты итальянского парламента с 1939 года. В палате заседали «национальные советники» (*Consiglieri Nazionali*), а не депутаты. Советники палаты представляли не избирательные округа, а различные отрасли культуры, торговли и промышленности Италии, что было воплощением идеи фашизма о корпоративном государстве. Советники избирались не на определенный срок, а на то время, пока они были членами отрасли, от которой были избраны.

4 *Alitalia* — итальянская авиакомпания, крупнейший авиаперевозчик Италии, пятый по величине в Европе. Основана в 1946 году. Когда писалась эта за-

цесс не зависит от государственного переворота, подготовленного бунтовщиками, кучкой благородных идеалистов, какими мы были. Нет, он совершается при одобрении большинства итальянцев.

2008

метка, компания находилась в глубоком кризисе. 8 августа 2014 года авиакомпания *Etihad Airways* (Объединенные Арабские Эмираты) объявила о приобретении всех акций у правительства Италии, тем самым приватизировав национального перевозчика страны.

БЫТЬ НА ВИДУ

Помахать ручкой

Сталкиваясь на практике с глобальным потеплением и исчезновением демисезонов и находя подтверждение своему опыту в авторитетных источниках, я задаюсь вопросом: что будет чувствовать мой внук, которому нет пока и двух с половиной, когда услышит слово «весна» или прочтет в школе стихи, повествующие об осеннем увядании природы? И какова будет его реакция, когда уже взрослым он послушает «Времена года» Вивальди? Возможно, он будет жить в другом мире, родном и привычном, и не будет страдать от отсутствия весны, глядя, как жаркой зимой распускаются по ошибке деревья. В конце концов, я и сам в детстве ни разу не сталкивался с динозаврами, однако вполне мог их себе представить. Возможно, моя ностальгия по весне — это тоска пожилого человека по детству, так вспоминаются ночи, проведенные в бомбоубежище за игрой в прятки.

Для этого еще не выросшего ребенка естественно будет жить в мире, где главной ценностью (важнее, чем секс и деньги) станет публичность. Где ради того, чтобы добиться признания и не прозябать в невыносимой, пугающей безвестности, пойдут на все, лишь бы

засветиться в телевизоре или в том, что к тому времени будет вместо телевизора. Где все больше безупречных матерей семейств будут с готовностью вываливать на скандальных ток-шоу самое грязное белье, лишь бы назавтра их узнавали в супермаркете и просили автографы, а молоденькие девушки (как это происходит уже сейчас) будут стремиться в актрисы, но не для того, чтобы стать второй Дузе или Гарбо[1], не для того, чтобы играть Шекспира или хотя бы петь, как Жозефина Бейкер[2], одетая в одни бананы, на сцене «Фоли-Бержер»[3], и даже не для того, чтобы грациозно дрыгать ножками, подобно шоу-герл в телепередачах недавнего прошлого, а просто чтобы попасть в ассистентки ведущего телевикторины — чистая показуха, не подкрепленная никаким искусством.

И тогда этому ребенку растолкуют (возможно, школа — заодно с царями Рима и падением Берлускони[4], а может, исторические фильмы с названиями типа «Однажды на "Фиат", которые в *Cahiers du cinéma* окрестят «пролёт», по аналогии с «пеплумом»), что с незапамятных времен люди стремились добиться признания окружающих. И одни старались, чтобы с ними было приятно посидеть вечерком в таверне, другие пытались отличиться в футболе или в стрельбе по мишеням на празднике святого покровителя либо рассказывали, как им на крючок попалась «вот такая рыбина». И девушки хотели выделиться, надев к воскрес-

Элеонора Дузе (1858–1924) — знаменитая итальянская актриса; *Грета Гарбо* (1905–1990) — шведская и американская актриса.

Жозефина Бейкер (1906–1975) — известная американо-французская танцовщица, певица и актриса.

3 *«Фоли-Бержер»* (Folies Bergère) — знаменитое парижское варьете и кабаре.

4 *Сильвио Берлускони* (р. 1936) — крупный предприниматель, четырежды занимал пост председателя Совета министров Италии, основатель правоцентристской партии «Вперед, Италия».

ной мессе кокетливую шляпку, а бабушки — тем, что они лучшие в деревне поварихи или портнихи. И беда, если б было иначе, ведь человеку, чтобы узнать, кто он такой, необходим взгляд Другого, и чем большую любовь и восхищение он вызывает у Другого, тем лучше себя узнаёт (или думает, что узнаёт), ну а если этих Других будет не один, а сотня, тысяча, десять тысяч — так тем лучше, чувствуешь себя полностью реализовавшимся.

И стало быть, в эпоху непрерывных и масштабных перемещений, когда каждый утратил родную деревню и чувство корней, а другой — это тот, с кем общаешься удаленно, по интернету, будет только естественно, если люди примутся искать признания иными путями и место деревенской площади займет практически всемирная аудитория телепередачи или того, что ее заменит.

Но чего школьные учителя, или кто там будет вместо них, вероятно, не вспомнят, так это того, что в те стародавние времена существовало очень жесткое разделение между прославленными и ославленными. Каждый хотел прославиться как самый меткий лучник или лучшая танцовщица, но никто не желал быть ославлен как главный в деревне рогоносец, общепризнанный импотент, прожженная шлюха. На худой конец шлюха пыталась выдать себя за танцовщицу, а импотент рассказывал раблезианские байки о своих сексуальных похождениях. В мире будущего (если он будет похож на тот, что вырисовывается уже сегодня) подобное разделение исчезнет: люди пойдут на все, лишь бы быть «на виду» и «на слуху». Не будет разницы между славой великого иммунолога и славой паренька, зарубившего маму топором, между великим любовником и победителем всемирного конкурса в категории «самый короткий мужской член», между тем, кто открыл

в Центральной Африке лепрозорий, и тем, кому лучше всех удалось облапошить налоговиков. Всякое лыко пойдет в строку — лишь бы произвести впечатление, лишь бы на следующее утро нас узнал бакалейщик (или банкир).

Если кто-то решит, что я сгущаю краски, то пусть объяснит, что означает, когда уже сейчас (точнее, последние несколько десятилетий) люди пристраиваются за журналистом с микрофоном, чтобы помахать в камеру ручкой, или идут на телевикторину «Цыганка»[1], прекрасно сознавая, что не скажут даже, что «одна ласточка весны не делает». Какая разница, все равно прославятся.

Но я не сгущаю краски. Возможно, ребенок, о котором речь, станет адептом какой-нибудь новой секты, задавшейся целью укрыться от мира, бежать в пустыню, похоронить себя в монастыре, наложить на уста печать молчания. В конце концов, такое уже было — на закате той эпохи, когда императоры стали вводить в сенат своих коней.

2002

«Цыганка» (итал. *La Zingara*) — популярная в Италии телевизионная викторина, транслировавшаяся на канале *RAI* 1 в 1997–2002 годах.

Господь свидетель, что я дурак...

Позавчера утром в Мадриде я завтракал со своим королем. Не поймите меня превратно: я по-прежнему ярый республиканец, но два года назад меня произвели в герцоги государства Редонда (под титулом Герцог Острова Накануне), и это герцогское достоинство со мной разделяют Педро Альмодовар, Антония Сьюзен Байетт, Фрэнсис Форд Коппола, Артуро Перес-Реверте, Фернандо Саватер, Пьетро Читати, Клаудио Магрис, Рэй Брэдбери[1] и несколько других лиц, которых до определенной степени объединяет одно общее качество: все они приятны королю.

Итак, остров Редонда площадью тридцать квадратных километров (всего ничего) находится в Вест-Индии, он совершенно необитаем, и подозреваю, нога ни одного из его монархов не ступала на его землю.

Педро Альмодовар Кабальеро (р. 1949) – испанский кинорежиссер; *Антония Сьюзен Байетт* (р. 1936) – английская писательница; *Фрэнсис Форд Коппола* (р. 1939) – американский кинорежиссер; *Артуро Перес-Реверте* (р. 1951) – испанский писатель; *Фернандо Фернандес-Саватер Мартин* (р. 1947) – испанский философ и писатель; *Пьетро Читати* (р. 1930) – итальянский литературный критик и биограф; *Клаудио Магрис* (р. 1939) – итальянский писатель; *Рэй Брэдбери* (1920–2012) – американский писатель.

В 1865 году его приобрел банкир Мэтью Дауди Шил, после чего обратился к королеве Виктории с просьбой предоставить ему автономию, что ее милостивое величество без труда и сделала, ибо не видела здесь ни малейшей угрозы для британской колониальной империи. В последующие десятилетия остров переходил от одного короля к другому, причем некоторые монархи продавали титул неоднократно, порождая стычки между претендентами (если хотите узнать всю историю династических пертурбаций, наберите в Википедии «Редонда»), и в 1997 году последний король отрекся от престола в пользу знаменитого испанского писателя Хавьера Мариаса (неоднократно переведенного также в Италии)[1], а тот принялся раздавать герцогские титулы направо и налево.

Вот и вся история, которая, понятное дело, слегка отдает патафизическим безумием, но все же, как ни крути, не каждый день становишься герцогом. Но речь не об этом — под конец нашего разговора Мариас сказал кое-что, над чем стоит поразмыслить. Мы говорили о том очевидном факте, что нынче люди готовы пуститься во все тяжкие, лишь бы попасть в телевизор, пускай даже в роли идиота, который машет ручкой, стоя позади интервьюируемого. Не так давно в Италии брат одной зверски убитой девушки, пожав с газетных хроник скорбную дань, решил настричь купонов со своей трагической известности и пришел к Леле Море[2] просить, чтобы тот устроил его на телевидение; знаем мы и тех, кто ради того, чтобы засветиться в новостях, готов признать себя рогоносцем, импотентом или мошенником, — в конце концов, психологам-криминалистам давно известно, что серий-

1 *Хавьер Мариас* (р. 1951) — испанский писатель и журналист.

2 *Леле Мора* (р. 1955) — скандально известный в Италии телепродюсер.

ным убийцей движет желание быть пойманным и прославиться.

«Откуда все это безумие?» — задались мы вопросом. Мариас выдвинул гипотезу: все, что творится сегодня, объясняется тем, что люди больше не верят в бога. Раньше они были убеждены, что у каждого их поступка есть как минимум один Зритель, которому известны все их дела (и помыслы), который может понять их или, если так надо, осудить. Человек мог быть совершенно никчемным, изгоем, никому не нужным «лузером», о котором через минуту после смерти никто уже и не вспомнит, но в глубине его души сидело убеждение, что хотя бы Кто-то один знает о нем все.

«Господь свидетель, что мне пришлось вытерпеть», — твердила себе немощная старушка, покинутая внуками. «Господь свидетель, что я невиновен», — утешал себя несправедливо осужденный. «Господь свидетель, сколько я для тебя сделала», — говорила мать неблагодарному сыну. «Господь свидетель, как я тебя люблю!» — кричал покинутый любовник. «Одному Богу известно, сколько я перенес», — жаловался горемыка, до чьих несчастий никому не было дела. К Господу взывали как к оку, от которого ничто не укроется, чей взгляд придавал смысл даже самой серой и бессмысленной жизни.

А если убрать, вычеркнуть этого всевидящего Свидетеля, то что остается? Взгляд общества, взгляд окружающих, который надо привлечь, чтобы тебя не засосало в черную дыру безвестности, в воронку забвения, пускай даже ради этого придется выбрать роль деревенского дурачка, отплясывающего в одних трусах на столе в трактире. Появление на телеэкране — это единственный заменитель трансцендентного, и в общем и целом вполне удовлетворительный: мы видим себя (и нас видят) в мире ином, и при этом все те, кто

здесь, видят нас там, и мы сами тоже находимся здесь: подумайте, как замечательно — пользоваться всеми преимуществами бессмертия (пускай довольно краткого и преходящего) и одновременно у себя дома, на земле, принимать почести по поводу нашего вознесения в Эмпиреи.

Беда в том, что в подобных случаях нас подводит двойное значение слова «признание». Мы все мечтаем, чтобы «признали» наши заслуги, наши жертвы или какое угодно другое наше достоинство, но когда, засветившись на экране, мы встречаем в баре кого-то, кто говорит: «А я вас вчера по телевизору видел», он всего-навсего тебя «признал», то бишь узнал в лицо — а это уже совсем другое дело.

2010

Чем я хуже Мадонны?

В прошлую пятницу, на одном из вечеров, организованных газетой *La Repubblica* в Болонье, в разговоре со Стефано Бартедзаги[1] мне случилось затронуть тему репутации. Было время, когда репутация могла быть только хорошей или плохой, и если возникала опасность погубить репутацию (человек терпел банкротство или прослывал рогачом), то ради восстановления доброго имени люди шли на самоубийство или мстили за поруганную честь. Само собой разумеется, все стремились иметь хорошую репутацию.

Но уже довольно давно на смену понятию репутации пришло понятие известности. Важно получить «признание» себе подобных, но не в смысле признания как уважения или награды, а в более банальном — когда ты идешь по улице, а вокруг говорят: «Смотри, смотри, это он». Основополагающей ценностью стала демонстрация себя, и, разумеется, самый надежный способ — это продемонстрировать себя по телевизору. Для этого не надо быть Ритой Леви Монтальчини или Марио

Стефано Бартедзаги (р. 1962) — итальянский писатель и журналист, в прошлом студент У. Эко.

Монти[1], достаточно признаться на ток-шоу, что тебе изменил муж.

Первым героем самодемонстрации стал тот идиот, что вставал позади интервьюируемых и махал ручкой. Зато на следующий вечер его узнавали в баре («а знаешь, я тебя по телевизору видел»), но при этом человек появлялся на телеэкране лишь на одно утро, не больше. Поэтому постепенно прижилась идея, что для того, чтобы закрепиться на экране прочно и надолго, надо делать то, что прежде испортило бы вам репутацию. Не то чтобы никто не хотел иметь хорошую репутацию, но завоевывать ее уж очень утомительно — надо совершить что-нибудь героическое, получить если не Нобелевку, то хотя бы премию «Стрега»[2], посвятить жизнь лечению прокаженных, а это все не такие вещи, что можно сделать одной левой. Куда легче вызвать к себе интерес, желательно нездоровый, если за деньги переспать со знаменитостью или попасться на растрате. Я не шучу, достаточно взглянуть, как гордо смотрит в камеру взяточник или какой-нибудь пройдоха от большой политики, когда его снимают для выпуска новостей, порой прямо в день ареста, — эти минуты славы стоят тюремного заключения, и уж тем более, если срок давности уже истек, вот почему обвиняемый улыбается. Прошли десятилетия с тех пор, когда у кого-то могла рухнуть вся жизнь оттого, что на него надели наручники.

В общем, принцип такой: «Если Мадонне можно, то почему мне нельзя?» И кому какое дело, девственница ты или нет.

Рита Леви Монтальчини (1909–2012) — итальянский нейробиолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1986 года; *Марио Монти* (р. 1943) — итальянский политик.

2 *Премия «Стрега»* (итал. *Premio Strega*) — одна из самых престижных итальянских премий (с 1947 года) в области литературы.

Обо всем этом мы говорили в прошлую пятницу, 15-го, а буквально на следующий день в *La Repubblica* вышла длинная статья Роберто Эспозито («Утраченный стыд»), где автор, в частности, рассуждает о книгах Габриэллы Турнатури («Стыд. Метаморфозы одного чувства» (*Feltrinelli*, 2012)) и Марко Бельполити («Без стыда» (*Guanda*, 2010))[1]. В общем, тема потери стыда нередко всплывает в размышлениях по поводу современных нравов.

Вопрос: это неистовое желание показать себя (стать известным любой ценой, даже ценой того, за что раньше заклеймили бы позором) происходит от утраты стыда или, наоборот, чувство стыда теряется оттого, что доминирующей ценностью становится демонстрация себя, пускай даже вопреки стыду? Я склоняюсь ко второму варианту. Быть на виду, стать предметом обсуждения — это настолько доминирующая ценность, что люди готовы отказаться от того, что прежде называлось стыдливостью (или ревнивым обереганием своей приватности). Как замечает Эспозито, одно из проявлений нехватки стыда — это когда в поезде громко говорят по мобильному, во всеуслышание разглашая подробности личной жизни — те, что раньше сообщались на ушко шепотом. Не то чтобы человек не отдавал себе отчета, что его слышат окружающие (тогда это просто невоспитанность), просто он подсознательно желает быть услышанным, пусть даже в его личной жизни нет ничего примечательного — увы, не всем дано иметь такую примечательную личную жизнь, как у Гамлета или Анны Карениной, поэтому прославиться как девушка из эскорт-услуг или злостный неплательщик уже будет неплохо.

Turnaturi G. *Vergogna. Metamorfosi di un'emozione.* Feltrinelli, 2012; Belpoliti M. *Senza vergogna.* Guanda, 2010.

Прочел, что какое-то очередное церковное течение призывает вернуться к публичной исповеди. Ну еще бы, какой смак в том, чтобы пичкать своим срамом уши одного лишь духовника?

2012

Я твитю, следовательно, я существую

Меня нет ни в Твиттере, ни в Фейсбуке. Это не противоречит конституции. Но в Твиттере, разумеется, есть мой фальшивый аккаунт — как есть он, если не путаю, и у Казаледжо[1]. Как-то раз я встретил даму, которая, глядя на меня глазами, полными благодарности, сказала, что постоянно читает меня в Твиттере и несколько раз вступала со мной в переписку, что чрезвычайно обогатило ее интеллектуально. Я попытался объяснить ей, что это самозванец, но она так на меня посмотрела, будто я заявил, что я — это не я. Если я есть в Твиттере, значит, я существую. *Twitto ergo sum.*

Убеждая ее, я не слишком усердствовал, поскольку, что бы ни думала обо мне эта дама (а судя по ее реакции, Эко-самозванец говорил как раз то, с чем она была согласна), это никак не отразилось бы ни на истории Италии, ни на мировой истории — не отрази-

Джанроберто Казаледжо (1954–2016) — итальянский предприниматель и политик, который вместе с комиком и политиком Беппе Грилло (р. 1948) основал движение «5 звезд». Есть мнение, что Дж. Казаледжо — подлинный автор (*ghostwriter*) книг Грилло, редактором блога которого он был.

лось бы даже на моей личной биографии. Было время, когда я регулярно получал по почте от другой дамы объемистые досье, якобы отправленные ею президенту Италии и другим выдающимся деятелям в знак протеста против кого-то, кто ее преследовал, которые она присылала мне для ознакомления, потому что, по ее словам, еженедельно, в каждой «картонке», я выступал в ее защиту. То есть, что бы я ни написал, она читала это как относящееся к ее личной проблеме. Я никогда не пытался ее разубедить, ведь это было бы бесполезно и ее глубоко личная паранойя все равно не повлияла бы на ситуацию на Ближнем Востоке. Потом, разумеется, не получив от меня никакого ответа, она переключила свое внимание на кого-то другого, так что не знаю, кого она терзает сейчас.

Мнение, высказанное в Твиттере, не имеет значения, потому что говорят все — и кто-то из этих «всех» верит в явления Девы Марии в Меджугорье, кто-то ходит к хироманту, кто-то считает, что за 11 сентября стоят происки евреев, а кто-то питает доверие к Дэну Брауну. Меня всегда завораживают твиты, бегущие строкой внизу экрана во время передач Телезе и Порро[1]. О чем только в них не говорится, каждый противоречит предыдущему, а все вместе они дают представление не о том, что думают люди, а лишь о том, что думают отдельные выбранные наугад персонажи.

Твиттер — это как непременный бар «Спорт» в любой деревушке или пригороде. Разговор ведут: местный дурачок; мелкий собственник, убежденный, что его душат налогами; участковый врач, сетующий, что ему не досталась кафедра сравнительной анатомии в крупном

Лука Телезе (р. 1970) и *Никола Порро* (р. 1969) — известные итальянские журналисты и телеобозреватели.

университете; уже слегка перебравший граппы прохожий; дальнобойщик, расхваливающий потрясающих телок на объездной дороге, — и (изредка) кто-то, говорящий нечто осмысленное. Но все так и остается в четырех стенах, еще ни разу беседы за барной стойкой не повлияли на международную политику, и беспокоили они разве что фашистов, которые следили, чтобы в барах не говорили о «большой стратегии». В целом же о том, что думает большинство, можно судить лишь по статистическим данным, получаемым в тот момент, когда каждый, хорошенько поразмыслив, голосует — и голосует за чье-то чужое мнение, забывая все, что было сказано в баре.

Выходит, эфир интернета пестрит мнениями, не имеющими значения — в том числе и потому, что если нравоучение и можно уложить менее чем в сто сорок знаков (например, «возлюби ближнего, как самого себя»), то чтобы изложить «Богатство народов» Адама Смита, знаков потребуется куда больше, и еще больше — чтобы растолковать, что означает $E = mc^2$.

Но зачем тогда публикуют твиты высокопоставленные персоны вроде Летты[1], которому достаточно препоручить те же самые мысли агентству ANSA[2], чтобы их тут же подхватили газеты и телевидение, донося их и до не сидящего в интернете большинства? И зачем папа держит в Ватикане семинариста-почасовика, дабы тот кратко излагал высказанное святейшим отцом *urbi et orbi* перед миллионами и миллионами телезрителей? Честно говоря, я и сам не знаю — вероятно, кто-то их убедил, что и это тоже нужно, чтобы привлечь огромное количество пользователей Сети.

Энрико Летта (р. 1966) — итальянский политик.
ANSA (*L'Agenzia Nazionale Stampa Associata*) — Национальное агентство Ассошиэйтед Пресс, основанное в 1945 году.

Ну хорошо, пускай Летта и Бергольо[1], но зачем тогда пишут в Твиттере господа Росси, Паутассо, Брамбилла, Чезарони и Эспозито?

Наверное, чтобы почувствовать себя немножко Леттой и папой.

2013

Хорже Марио Бергольо (р. 1936) – римский папа Франциск.

Утрата приватности

Одна из проблем нашего времени, из-за которой (судя по тому, что пишут в прессе) все немного сошли с ума, — это проблема так называемой *privacy*, что при большом желании поспобствовать можно перевести на вульгарный итальянский как «приватность». Если говорить очень и очень упрощенно, это означает, что каждый имеет право заниматься своими делами без чьего-либо надзора, особенно без надзора связанных с властями структур. Существуют даже организации, цель которых — гарантировать всем сохранение приватности (только непременно в формулировке *privacy*, а то звучит как-то несерьезно). В связи с этим мы беспокоимся, что через наши кредитные карточки кто-нибудь может отследить, что мы купили, в какой гостинице остановились и где поужинали. Не говоря уже о телефонном прослушивании — за исключением тех случаев, когда оно необходимо для выявления преступников. Дошло до того, что недавно *Vodafone* забил тревогу по поводу того, что тайные и не очень агенты различных государств могут узнать, кому мы звоним и что говорим.

Создается впечатление, что приватность — это благо, которое каждый готов защищать любой ценой, лишь бы не оказаться в мире Большого Брата (настоящего, оруэлловского), где всепроникающее око способно следить за всем, что мы делаем и даже что думаем.

Но вот в чем вопрос: действительно ли люди так уж дорожат приватностью? Когда-то угрозой приватности считалась сплетня — сплетен боялись за то, что они посягали на нашу репутацию в глазах окружающих, выставляли на всеобщее обозрение грязное белье, которому на законных основаниях полагалось стираться внутри семьи. Но сейчас (возможно, виной тому так называемое текучее общество, где каждый переживает кризис идентичности и ценностей и не знает, куда податься за ориентирами, которые бы его определяли) единственный способ получить общественное признание — это оказаться «на виду» любой ценой.

И вот женщина, торгующая собственным телом, которая прежде стремилась скрыть свой род занятий от родных и соседей, теперь заставляет называть это «эскорт-услугами» и жизнерадостно принимает свою общественную роль, без стеснения появляясь в телевизоре; супруги, некогда ревностно скрывавшие свои семейные неурядицы, участвуют в передачах в стиле *trash*, исполняя под аплодисменты публики любые роли: хоть изменника, хоть обманутого; наш попутчик в поезде громогласно сообщает по телефону, что он думает о свояченице и что надо делать его консультанту по налогам; находящиеся под следствием по любому делу вместо того, чтобы забиться в глушь и сидеть там, пока не схлынет волна скандала, наоборот, еще чаще появляются на публике с улыбкой на устах, ведь лучше быть заведомым вором, чем никому не известным порядочным человеком.

Недавно в *La Repubblica* появилась статья Зигмунта Баумана, в которой отмечалось, что социальные сети (и прежде всего Фейсбук), представляющие собой инструмент наблюдения за чужими мыслями и эмоциями, действительно используются различными контролирующими органами, причем при горячем содействии самих участников; Бауман говорит об «исповедническом обществе, возводящем публичную демонстрацию себя в ранг важнейшего и наиболее доступного, а также, вполне вероятно, наиболее эффективного доказательства присутствия человека в социуме». Иными словами, впервые за всю историю человечества объекты слежки сотрудничают со следящими, стараясь облегчить им задачу, и извлекают из этой капитуляции повод для удовлетворения, потому что кто-то *видит* их существование, и неважно, если порой они существуют в роли преступников или полудурков.

Верно также и то, что теперь, когда кто-то может узнать все обо всех, причем эти *все* представляют собой всю совокупность обитателей планеты, переизбыток информации мало что даст, кроме путаницы, белого шума и в конечном счете тишины. Но об этом пусть беспокоятся следящие, а объектов слежки полностью устраивает, чтобы о них самих и об их самых потаенных секретах знали хотя бы друзья, соседи и по возможности враги, ведь только так можно почувствовать себя живым и активным членом социума.

2014

В глубинах ДНК

В прошлой «картонке» я рассуждал о том, что происходит в мире, где больше не существует приватности и все могут узнать, что мы делаем. В заключение я сказал, что, по-видимому, бессмысленно отстаивать право обходить молчанием отдельные сферы, если учесть, что общей тенденцией является желание любой ценой оказаться на виду и на слуху, подтверждая этим свое существование. Люди не хотят приватности, даже если они ее требуют.

Сейчас, в деле об убийстве Яры[1], произошло обратное. Кто-то — если не следователи, то журналисты или еще какой-нибудь источник — не только заявил, что виновен Боссетти (который, когда я писал эти строки, оставался пока только подозреваемым) и что его вина установлена на основании анализа ДНК, но и сообщил, что, как при этом обнаружилось, он оказался внебрачным сыном такого-то, с которым его матушка несколько

[1] Речь идет о нашумевшем в Италии убийстве в городе Брембате-ди-Сопра тринадцатилетней девочки Яры Гамбарисио в 2010 году. По результатам теста ДНК был арестован местный каменщик Джузеппе Боссетти, который, как установило следствие, не был сыном человека, которого всю жизнь считал своим отцом. В 2016 году Боссетти был приговорен к пожизненному заключению.

десятилетий назад имела прелюбодейную связь, что муж его матери ни о чем не подозревал и вырастил Боссетти как родного ребенка, а теперь рвал и метал и так далее.

Едва схлынуло первое возбуждение, как раздались возмущенные голоса: ну хорошо, арестовали виновного, но так ли было надо разглашать во всеуслышание подробности его биографии, ставя в неприятнейшее положение как его мать, так и псевдоотца, фактически разрушить супружеский союз, выставить напоказ и подвергнуть публичному унижению людей, которые не имели никакого отношения к преступлению и были вправе ожидать, что их грязное белье не будет выставлено на всеобщее обозрение.

Прокатилась цепная реакция покаяния — в том числе среди журналистов, которые просили прощения за то, что сами же легкомысленно спровоцировали, под лицемерное поддакивание общественного мнения, справлявшего триумф так называемой *Schadenfreude*[1], то есть сладострастного упоения чужим несчастьем или страданием.

Но давайте задумаемся. Допустим, те, кто ведет следствие, сообщили, что обнаружили виновного (на момент написания этих строк еще подозреваемого) и что вину доказывает анализ ДНК. И все на этом. Тогда пресса и общественное мнение поинтересовались бы, каким образом из тысячи человек, проживающих в округе, был выбран именно Боссетти. И допустим, следователи ответили бы: «Этого мы вам не скажем, по крайней мере до суда, если он вообще будет».

Нетрудно себе представить последствия. Мы стали бы задаваться вопросом, что скрывают от нас судебные органы и силы правопорядка: кто докажет, что они

[1] Злорадство (*нем.*).

сработали правильно (или, как в таких случаях говорится, «профессионально»)? Общество, поднялся бы крик, имеет право знать!

Дело в том, что публика, благодаря *WikiLeaks* и разоблачениям Сноудена, привыкла к тому, что все, буквально все должно быть гласным. Что верно лишь до определенной степени: бывают такие махинации на общественном и частном фронте, которые и впрямь необходимо вскрыть и разоблачить, но изначально, для того, чтобы государственная машина могла работать, должна быть возможность сохранять содержание дипломатических депеш и правительственных документов в секрете. Представьте себе, если бы полицейские были обязаны докладывать: мы ищем убийцу и, похоже, выяснили, кто это, мы установили за ним слежку, чтобы поймать с уликами, его зовут имярек, и он живет на такой-то улице. Имярек пустился бы в бега и так и не был бы пойман. Есть планы, которые должны оставаться в тайне хотя бы до той степени, чтобы их исполнение (возможно, доблестное) не оказалось под угрозой срыва.

Но утрата приватности, особенно после *WikiLeaks* и Сноудена, оказалась возведена в ранг этической нормы, так что всем позарез нужно, чтобы гласности предавалось все, всегда и в любом случае. И не дай бог о неприятной истории с родственниками Боссетти умолчали бы — следователей бы обвинили в возмутительном пособничестве.

Ну так на что же мы жалуемся? Мама Боссетти и тот, кто до вчерашнего дня считался его отцом, должны смириться, что грязное белье теперь стирают на телеэкране, одновременно с рекламой стиральных машин. Если утрата приватности добралась (что логично) до глубин ДНК, ей остается лишь торжествовать всегда и повсюду. Нравится нам это или нет.

2014

СТАРИКИ
И МОЛОДЕЖЬ

Средняя продолжительность жизни

Не знаю, многие ли еще помнят стихи Де Амичиса: «Нет, не всегда уносят годы красоту, не омрачить ее следам несчастий — вот, матушке моей уж шестьдесят, и для меня она чем дальше, тем прекрасней». Это гимн не женской красоте, а сыновнему состраданию. Теперь возрастной рубеж для проявления подобного сострадания должен отодвинуться годам к девяноста, поскольку шестидесятилетняя дама, при условии мало-мальски приличного здоровья, выглядит еще свежо и бодро, а если при этом она прибегала к услугам пластического хирурга, то и лет на двадцать моложе. Тем не менее в детстве я, помнится, переживал, как нечестно выйдет, если я проживу дольше шестидесяти, — каково будет доживать свой век бессильным слюнявым маразматиком в приюте для престарелых! А думая о Миллениуме, считал, что, если верить Данте, пожалуй, я могу дожить до семидесяти, а значит, застать 2002 год, но это была очень отдаленная перспектива, и мало кто доживал до столь почтенного возраста.

Я размышлял об этом несколько лет назад, когда встретил Ганса Гадамера[1], которому на ту пору исполнилось уже сто: он приехал на конференцию издалека и за столом ел с отменным аппетитом. Я осведомился о его самочувствии, и он со скорбной улыбкой пожаловался на боль в ногах. Хотелось прямо-таки отхлестать его по щекам за это бодрое нахальство (и в самом деле, он благополучно прожил еще два года).

Мы по инерции считаем, что живем в эпоху, когда техника день за днем движется вперед семимильными шагами, задаемся вопросом, к чему приведет нас глобализация, но куда реже задумываемся над тем, что самого впечатляющего взлета (более стремительного, чем в любой другой сфере) человечество добилось в области увеличения продолжительности жизни. В конце концов, что человек способен подчинить себе природу, смутно подозревал уже троглодит, которому удалось самостоятельно добыть огонь, не говоря уже о том более развитом нашем предке, что изобрел колесо. Что когда-нибудь мы сможем построить летательные аппараты, говорили еще Роджер Бэкон, Леонардо и Сирано де Бержерак; что скорость наших перемещений будет все расти, стало ясно с изобретением парового двигателя; что у нас будет электрическое освещение, можно было предположить еще во времена Вольты. Но тысячелетиями люди тщетно мечтали об эликсире долголетия и источнике вечной молодости. В Средние века уже существовали отличные ветряные мельницы (которые до сих пор годятся в качестве источника альтернативной энергии) и при этом была одна церковь, посетивший которую паломник мог сподобиться чуда прожить до сорока лет.

1 *Ганс Георг Гадамер* (1900–2002) – немецкий философ, ученик М. Хайдеггера.

Мы побывали на Луне более тридцати лет назад и до сих пор не можем добраться до Марса, однако во времена высадки на Луне человек в семьдесят лет уже завершал свой жизненный путь, тогда как сегодня (если отбросить рак и инфаркт) у него есть вполне обоснованная надежда дожить до девяноста. В общем, великий прогресс (если уж говорить о прогрессе) произошел скорее в сфере долголетия, нежели в сфере компьютеров. Предвестником компьютеров была еще вычислительная машина Паскаля, который умер в тридцать девять, и это уже считалось почтенным возрастом. Для сравнения: Александр Македонский и Катулл умерли в тридцать три, Моцарт — в тридцать шесть, Шопен — в тридцать девять, Спиноза — в сорок пять, Фома Аквинский — в сорок девять, Шекспир и Фихте — в пятьдесят два, Декарт — в пятьдесят четыре, а дряхлый старик Гегель — в шестьдесят один.

Многие из тех проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня, вызваны увеличением средней продолжительности жизни. Я говорю не только о пенсиях. Даже грандиозная миграция из стран третьего мира в Западную Европу порождена, естественно, надеждой миллионов людей найти здесь еду, работу и все то, что обещают кино и телевидение, но вдобавок и стремлением добраться до мира, где живут дольше, — во всяком случае, сбежать оттуда, где умирают слишком рано. И однако же (хотя у меня под рукой и нет статистики), полагаю, на исследования в области геронтологии и на профилактическую медицину мы тратим неизмеримо меньше, чем на военные и информационные технологии. Не говоря уж о том, что мы довольно хорошо знаем, как сровнять с землей город или передавать информацию дешево, но до сих пор не имеем четкого представления о том, как совместить благосостояние

масс, будущее молодежи, перенаселенность земного шара и увеличение продолжительности жизни.

И пусть молодой человек считает, что прогресс – это то, что дает ему возможность посылать эсэмэски или недорого слетать в Нью-Йорк, но поразительный факт (и нерешенная проблема) состоит в том, что повзрослеть он планирует в лучшем случае годам к сорока, тогда как его предки взрослели в шестнадцать.

Конечно, следует возблагодарить Бога или судьбу за то, что теперь мы живем дольше, но необходимо при этом понимать, что перед нами одна из самых острых проблем нашего времени, а не просто очередное общее место.

2003

Красивое безобразно, безобразное красиво?

Гегель отмечал, что лишь с приходом христианства страдание и уродство оказались включены в сферу художественного, поскольку «невозможно изобразить в соответствии с греческими канонами красоты Христа бичуемого, в терновом венце... распятого, агонизирующего». Он ошибался, потому что в древнегреческом мире были не только Венеры из белоснежного мрамора, но и муки Марсия, смятение Эдипа или смертоносная страсть Медеи. Однако в христианской живописи и скульптуре и впрямь предостаточно искаженных болью лиц, даже если не доходить до садизма Мела Гибсона[1]. В любом случае, напоминал постоянно Гегель (имея в виду главным образом верхненемецкую и фламандскую живопись), мы видим триумф уродства в изображении гонителей Христа.

Недавно кто-то обратил мое внимание на то, что на знаменитой картине Босха, посвященной страстям Христовым (и хранящейся в Генте), среди жутко-

Мел Гибсон (р. 1956) – австралийский и американский актер, режиссер. Речь идет о его фильме «Страсти Христовы» (2004), в котором очень реалистично представлены физические страдания Христа.

ватой толпы палачей присутствует парочка таких, что многие нынешние рокеры и их молодые подражатели просто обзавидовались бы: у одного двойной пирсинг на подбородке, а у второго по всему лицу натыканы разные металлические побрякушки. Разница в том, что Босх стремился таким образом передать их злодейские наклонности (предваряя убеждение Ломброзо[1] что тот, кто делает татуировки или еще как-то меняет свое тело, — прирожденный преступник), тогда как сейчас мы можем с отвращением глядеть на отроков и отроковиц с бусинкой в языке, но было бы по меньшей мере статистически неверно считать их генетически ущербными.

Если же задуматься, что многие из этих же самых подростков обмирают по «классической» красоте Джорджа Клуни или Николь Кидман[2], становится ясно, что они в точности повторяют своих родителей, которые, с одной стороны, покупают автомобили и телевизоры, чей дизайн отвечает ренессансному закону божественной пропорции, или толпами валят в Уффици, чтобы испытать синдром Стендаля, а с другой — балуются фильмами в жанре «мочилово» с разбрызганными по стенам мозгами, покупают своим детишкам динозавров и прочих монстриков и ходят на перформансы художников, протыкающих себе ладони, истязающих конечности и калечащих гениталии.

Ни отцы, ни дети вовсе не отвергают прекрасное напрочь, не выбирают лишь то, что в прежние века считалось чудовищным. Такое было разве что с футуристами, когда они, шокируя обывателей, призы-

Чезаре Ломброзо (1835–1909) — итальянский врач-психиатр, прославившийся книгой «Гениальность и помешательство» (1863).

2 *Джордж Клуни* (р. 1961) и *Николь Кидман* (р. 1967) — известные голливудские звезды.

вали: «Не бойтесь уродства в литературе», а Палаццески (в «Противоболи» 1913 года) предлагал учить детей здоровому отношению к уродству, давая им в качестве обучающих игрушек «кукол, изображающих горбунов, слепцов, больных гангреной, проказой и сифилисом; пусть эти механические куклы плачут, кричат, стенают; пусть страдают от эпилепсии, чумы, холеры, ран, геморроя, триппера, безумия; пусть теряют сознание, хрипят, умирают»[1]. Просто сейчас люди в одних случаях наслаждаются прекрасным (в его классическом виде) и в состоянии распознать красивого ребенка, красивый пейзаж или красивую греческую статую, а в других — получают удовольствие от того, что еще вчера воспринималось как нестерпимо уродливое.

Более того, иногда уродство избирается моделью для новой красоты, как это случилось с «теорией» киборгов. И если в первых романах Гибсона (на сей раз Уильяма[2] — очевидно, что *nomina sunt numina*[3]) персонаж, у которого часть органов заменили механическими или электронными устройствами, мог еще восприниматься как жутковатое пророчество, то нынче некоторые радикальные феминистки предлагают преодолеть различия между полами, создав нейтральные (посторганические и «трансчеловеческие») тела, и Донна Харауэй[4] выступает с лозунгом «я скорее буду киборгом, чем богиней».

1 Цит. по: Альдо Палаццески. *Кодекс Перела. Противоболь. Поэзия* / Пер. А. Ямпольской. М.: Река Времен, 2016.

2 *Уильям Форд Гибсон* (р. 1948) — американский писатель-фантаст.

3 Имена суть божества (*лат.*).

4 *Донна Харауэй* (р. 1944) — американский философ, одна из основоположниц киберфеминизма, автор эссе «Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х» (1985) и многочисленных работ по эпистемологии и квир-теории.

По мнению некоторых, это означает, что в постмодернистском мире совершенно размылась разделительная грань между прекрасным и уродливым. Куда там ведьмам из «Макбета» с их «Зло есть добро, добро есть зло». Оба понятия попросту слились воедино, утратив всякое своеобразие.

Но так ли это? А вдруг некоторые закидоны людей искусства и молодежи лишь маргинальные явления и те, кто с ними носится, составляют меньшинство по сравнению со всем населением земного шара? По телевизору мы видим умирающих от голода детей, похожих на скелетики с распухшими животами, слышим про изнасилованных солдатами женщин, узнаем, что кого-то подвергли пыткам, а с другой стороны, перед глазами без конца всплывают не такие уж давние воспоминания о других живых скелетах, обреченных на смерть в газовой камере. Мы видим тела, которые буквально вчера разорвало на куски при взрыве небоскреба или падении самолета, и живем в страхе, что завтра такое может случиться и с нами. Каждый прекрасно чувствует, что все это *ужасно и уродливо*, и никакое понимание относительности эстетических категорий не может убедить нас переживать эти картины как объект наслаждения.

А раз так, то, возможно, киборги, Нечто из иного мира, фильмы-«мочилово» и фильмы-катастрофы лишь поверхностные проявления, раздутые массмедиа, отчаянная попытка заклясть куда более страшное и глубокое уродство, осаждающее нас со всех сторон, проигнорировать его, сделать вид, что это все понарошку.

2006

Тринадцать лет, прожитых зря

Позавчера бравший интервью журналист спросил меня (многие об этом спрашивают), какая из прочитанных книг больше всего на меня повлияла. Если бы за всю мою жизнь нашлась всего одна книга, которая бы однозначно повлияла на меня больше всех остальных, я был бы просто идиотом — как и многие из тех, кто отвечает на этот вопрос. Есть книги, сыгравшие решающую роль в мои двадцать лет, и другие книги, определившие меня в тридцать, и я с нетерпением жду книгу, которая потрясет меня в сто лет. Еще один вопрос, на который невозможно ответить: «Кто преподал вам самый важный урок?» Я всякий раз теряюсь, потому что (если только не сказать «папа с мамой») на каждом витке моего существования кто-нибудь чему-нибудь меня да учил. Это могли быть люди из моего окружения или дорогие сердцу усопшие — как, например, Аристотель, Фома Аквинский, Локк или Пирс.

В любом случае о нескольких уроках, полученных не из книг, я могу с уверенностью сказать, что они изменили мою жизнь. Первый преподала мне чудесная синьорина Беллини, учившая нас в пятом классе, ко-

торая задавала нам на дом ключевые слова (например, «курица» или «судно»), и, отталкиваясь от них, надо было написать рассуждение или рассказ. Однажды черт меня дернул заявить, что я произнесу экспромтом речь на любую тему, какую она мне задаст. Она окинула взглядом кафедру и сказала: «Блокнот». Задним умом я понимаю, что мог бы рассказать о блокноте журналиста, о путевом дневнике исследователя из книжек Сальгари[1], но вместо этого я уверенно вышел к доске и не смог произнести ни слова. Так синьорина Беллини научила меня, что никогда не надо быть самонадеянным.

Второй урок преподал мне дон Чели, монах-салезианец, который научил меня играть музыку: сейчас его, кажется, хотят канонизировать, хотя и не по этой причине — скорее напротив, адвокат дьявола мог бы вменить это ему в вину. 5 января 1945 года я пришел к нему, сияя, как новенький пятак, и заявил: «Дон Чели, а мне сегодня тринадцать лет исполнилось». «Прожитых совершенно зря», — ответил он ворчливо. Что хотел он сказать этой репликой? Что, раз уж я достиг столь почтенного возраста, мне следовало подвергнуть свою совесть беспощадному анализу? Что зря я ждал похвалы лишь за то, что исполнил свой биологический долг? Возможно, это было обычное проявление пьемонтского чувства уместного, отказ от пафоса, не исключено даже, что это было сердечное поздравление. Но подозреваю, дон Чели знал, и передал это знание мне, что учитель должен всегда держать учеников в напряжении, а не захваливать сверх меры.

Усвоив урок, я всегда крайне скупо хвалил тех, кто ждал от меня похвалы, не считая исключительных слу-

Эмилио Сальгари (1862–1911) — знаменитый итальянский писатель, автор исторических и приключенческих романов.

чаев и свершений паче чаяния. Возможно, таким поведением я причинил кому-то боль, и, если так, значит, я прожил зря не только первые тринадцать лет, но и все первые шестьдесят шесть. Но я однозначно решил, что самым явственным выражением моего одобрения должно быть отсутствие критики. Если критиковать не за что, значит, работа сделана на совесть. Меня всегда раздражали эпитеты наподобие «добрый папа» или «неподкупный Дзакканьини», поневоле наводящие на мысль, что все остальные понтифики были злыми, а политики — продажными. Иоанн XXIII и Дзакканьини просто-напросто делали то, что должны были делать, и непонятно, с какой стати их еще за это особо восхвалять.

Но из ответа дона Чели я вынес еще и то, что не надо много о себе мнить, что бы я ни сделал и как бы правильно ни поступил, а главное — поменьше задаваться перед окружающими. Значит ли это, что не надо стремиться к лучшему? Разумеется нет, но неким странным образом ответ дона Чели отсылает меня к высказыванию Оливера Уэнделла Холмса — младшего[1], вычитанному мною уже не помню где: «Секрет моего успеха в том, что я еще в молодости обнаружил, что я не бог». Очень важно понимать, что ты не бог, всегда сомневаться в своих действиях и считать, что прожил отведенные тебе годы не слишком хорошо. Только это даст тебе шанс, может быть, лучше прожить оставшиеся.

Вы спросите меня, почему все это вспомнилось мне именно сейчас, когда началась предвыборная кампания, а значит, если хочешь добиться успеха, надо немножко строить из себя Господа Бога, то есть говорить о содеянном, как Творец на седьмой день твори-

1 *Оливер Уэнделл Холмс – младший* (1841–1935) – американский юрист.

ния, что это *valde bona*[1], и демонстрировать некоторую степень мании величия, уверяя в своей несомненной способности сделать еще лучше (тогда как Господь удовлетворился тем, что создал лучший из возможных миров). Я, упаси боже, не морализирую, именно так и надо вести предвыборные кампании — представляете себе кандидата, который придет к избирателям и скажет: «До сих пор я занимался сплошной фигней и не уверен, что в будущем у меня выйдет лучше, — могу лишь обещать, что постараюсь»? Его просто не выберут. Так что, повторяю, никакого ложного морализма. Просто, пока я слушаю теледебаты, мне все вспоминается дон Чели.

2007

[1] Хорошо весьма (*лат.*).

Детинушки под прицелом

Честно говоря, меня слегка удивляет, что в разгоревшейся национальной дискуссии по поводу детинушек никому не пришло в голову заглянуть в достопочтенный и авторитетнейший «Большой словарь итальянского языка» издательства *UTET* (известный также как «Баттальи»[1]). Там мы бы обнаружили, что если под «дитятей» (*bamboccio*) подразумевается «ребенок, с шутливо-ласкательным оттенком; пухлый ребенок, слегка неловкий и неуклюжий, не обладающий еще речью и разумом, фактически вещь, игрушка», то для варианта «детинушка» (*bamboccione*) приводится целый ряд примеров из классической литературы, в частности, по словам Томмазео – Ригутини[2], «говоря "детинушка", я имею в виду телеса не столько исполинские, сколько дебелые... не бывает детинушки без хорошей лоснящейся ряхи», а Бальдини пишет: «Все теперь живут в свое удо-

Проект *Il Grande Dizionario della Lingua Italiana* был основан итальянским филологом Сальваторе Баттальей (1904–1971) в 1961 году. Издание словаря (21 том) было завершено лишь в 2002 году.

Tommaseo N. *Dizionario dei sinonimi della lingua italiana.* Nuova edizione riveduta et augmentata da G. Rigutini. Milano, 1850.

вольствие: вы, Бертольдино, сноха Менегина и милый наш детинушка Какасенно».

Что касается Какасенно, то в написанном Банкьери продолжении классического крочевского «Бертольдо и Бертольдино» читаем: «Какасенно был в обхвате широк, лоб у него был крохотный, глаза как плошки, брови косматые, нос вострый, губы тонкие, и с виду он был ни дать ни взять страхолюдина, иначе говоря – уродец».

Довелось ему сесть на коня: «Какасенно, не будь промах, левую ногу вдел в правое стремя и, забравшись на коня, оказался лицом к конскому седалищу, так что Эрминий чуть со смеху не лопнул, да как его ни уговаривал, Какасенно ни в какую слезать не желал».

Приезжает он к королю: «Придворные конюшие подняли занавесь, и вошел Какасенно, неся деревянную дверь на плечах. Король с королевой при виде столь блистательного явления так со смеху и покатились, глядя на такое чудачество, но пуще всех удивлена была Маркольфа; и тогда придворный мажордом, который при том присутствовал, едва оправившись от смеха, так сказал их величествам: "Да будет Вашим Величествам известно, что, поднимаясь по дворцовой лестнице, когда Маркольфа уже в залу входила, сказал этот детина одному из конюших, что надобно ему отлить. Засим отвели его, с вашего позволения, в нужное место, и когда он оттуда выходил, то не притворил за собой дверь, и я, видя такое, сказал ему так: "Отрок, потяни за собой дверь, а то напустишь смрада", – и тогда он, сняв дверь с петель, потащил за собой, и в таком виде мы к вам его и впустили"

Спрашивает король: "Скажи мне, Какасенно, зачем ты тащишь за собой эту дверь?" Тот отвечает: "А вам-то что за дело?" Король ему в ответ: "А такое де-

ло, что я хозяин этому дому". Какасенно тогда говорит: "Ну раз вы этому дому хозяин, то, стало быть, и дверь эта ваша — скажите, что мне с нею делать" Король ему: "Отпусти ее" Какасенно тогда говорит: "Дверь, пошла прочь, хозяин тебя отпускает; пошла прочь, говорю, уж больно ты тяжелая, сил моих нет на плечах тебя таскать". После чего Маркольфа, "сняв с его плеч дверь, велела Какасенно поклониться королю и королеве и, исполнив земной поклон, поцеловать обоим руку; тогда Какасенно, ни дать ни взять новый Кабалао, со всем изяществом распростерся на земле и говорил так: "О, мессиры, вот я вам кланяюсь до земли, как сказала моя бабушка, вложите мне вашу руку в рот, да я ее поцелую; идите же, я жду"».

Если считать Какасенно детинушкой, тогда многие из тех, кого так назвал Падоа-Скьоппа[1], под это определение не подпадают. И если кто-то в тридцать лет еще живет с родителями и берет у них машину, чтобы в субботу вечером съездить на дискотеку (и, возможно, разбиться в три ночи на автостраде), то, вероятно, он похитрее, чем Какасенно, и в любом случае поступает так оттого, что никто не предоставил ему работу, а значит, вину следует возложить на общество.

Это факт. Как бы там ни было, по работе мне приходится много общаться с молодежью, и я знаю немало молодых людей, которые, чтобы иметь возможность учиться, лезут из кожи вон, лишь бы получить стипендию и/или какую-нибудь подработку, и вскладчину с друзьями снимают жилье, селясь порой по четверо в комнате, так что поневоле задаешься вопросом, почему в наших мелких фирмах работает столько иммигрантов, почему столько иммигрантов устраиваются

Томмазо Падоа-Скьоппа (1940–2010) — итальянский банкир и государственный деятель, министр экономики и финансов Италии (2006–2008).

курьерами и развозят посылки, злостно занимая (как выразились бы члены «Лиги») рабочие места, причитающиеся нашим тридцатилетним, живущим с родителями.

Очевидный ответ заключается в том, что у этих тридцатилетних есть аттестат зрелости или диплом бакалавра (таким своеобразным словечком называют нынче тех, кто отучился в университете три года) и, значит, работать курьерами им не по чину. Однако же во всех биографиях великих американских писателей или политиков говорится, что, даже отучившись, они, пока к ним не пришла слава, преспокойно чистили обувь, мыли посуду или продавали газеты. Почему американцы так могут, а итальянцы нет? А может, Падоа-Скьоппа в чем-то и прав и доблестные политики из числа правых и левых, выражавшие возмущение его словами, могут по-прежнему набирать голоса среди детинушек (которые, будучи детинушками, теперь, возможно, и не голосуют)?

2007

Жил да был Черчилль

В номере *L'Internazionale* за начало марта я прочел заметку, где говорилось, что, согласно проведенному в Великобритании исследованию, около четверти англичан считает Черчилля вымышленным персонажем и то же самое касается Ганди с Диккенсом. При этом многие из опрошенных (сколько — не уточняется) поместили в разряд реально существовавших личностей Шерлока Холмса, Робин Гуда и Элинор Ригби.

Моей первой реакцией было — не будем драматизировать. Прежде всего, хотелось бы знать, к какому социальному слою относится та четверть, у которой нет четкого представления о Черчилле и Диккенсе. Если бы опросили лондонцев времен Диккенса — знакомых нам по гравюрам Доре или жанровым сценкам Хогарта, жителей лондонских трущоб, — то по меньшей мере три четверти из этих людей, грязных, изможденных и голодающих, не смогли бы ответить, кто такой Шекспир. Точно так же меня не удивляет, что реальными людьми считают Холмса и Робин Гуда: первого потому, что существует целая холмсовская индустрия и в Лондоне даже водят экскурсии в якобы его кварти-

ру на Бейкер-стрит, а второго — потому, что персонаж, послуживший прообразом легендарного Робин Гуда, существовал на самом деле (единственная фантастическая его черта состоит в том, что в эпоху феодализма деньги отнимали у богатых, чтобы раздать их бедным, тогда как с приходом рыночной экономики отнимают у бедных и отдают богатым). С другой стороны, я в детстве был уверен, что Буффало Билл — это вымышленный персонаж, пока отец не рассказал мне, что он не только существовал на самом деле, но что отец сам его видел, когда тот, подавшись на заработки с легендарного Дикого Запада в пьемонтскую провинцию, проезжал со своим цирком через наш город.

Верно, впрочем, и то — мы замечаем это, адресуясь с вопросами к нашей молодежи, не говоря уж об американской, — что представление даже о недавнем прошлом у людей весьма смутное. Я читал, что, судя по опросам, находятся те, кто считает Моро членом «Красных бригад», Де Гаспери — главой фашистов, Бадольо — партизаном[1]. Кто-нибудь скажет: столько времени прошло, зачем восемнадцатилетним ребятам знать, кто правил страной за полвека до того, как они родились? Ну что ж, может быть, фашистская школа слишком активно вдалбливала нам это в голову, но я в десять лет помнил, что премьер-министром во времена «Похода на Рим»[2] (двадцатью годами ра-

Альдо Моро (1916–1978) — итальянский политик, председатель Совета министров Италии в 1963–1968 и 1974–1976 годах, убитый «Красными бригадами»; *Альчиде Де Гаспери* (1881–1954) — итальянский христианско-демократический политик, премьер-министр Италии в 1945–1953 годах; *Пьетро Бадольо* (1871–1956) — итальянский политик, премьер-министр, который принял власть над страной после свержения Муссолини в 1943 году, объявил нейтралитет и вывел Италию из Второй мировой войны.

«Поход на Рим» (итал. *Marcia su Roma*) — марш Национальной фашистской партии 27–30 октября 1922 года во главе с Бенито Муссолини, который позже, вопреки Альбертинскому статуту, был назначен премьер-министром Италии.

(ее) был Факта, а в восемнадцать вдобавок знал, кто ыли Раттацци и Криспи[1], а ведь это уже предыдущий век.

Дело в том, что изменились наши отношения с прошлым, и, по-видимому, это затронуло и школу. Когда-то мы горячо интересовались прошлым, потому что в настоящем новостей было не так уж и много — остаточно вспомнить, что в газете все они помещались на восьми страницах. Благодаря средствам масседиа на нас обрушился вал информации о настоящем, вдобавок через интернет я могу отслеживать миллионы событий, происходящих прямо сейчас (включая самые незначительные). Прошлое, о котором говорят ам массмедиа, — будь то деяния римских императоров ли Ричарда Львиное Сердце, да даже события Первой мировой — доходит до нас (через Голливуд и сопутствующую ему индустрию) вместе с лавиной информации о настоящем, так что очень маловероятно, что потребитель фильма сумеет уловить временную разницу ежду Ричардом Львиное Сердце и Спартаком. Аналогичным образом расползается или по крайней мере еряет осязаемость граница между вымыслом и реальностью: сами посудите, с какой стати подросток, когда мотрит фильм по телевизору, должен держать в голое, что Спартак был на самом деле, а Виниций из *Quo adis?*[2] — нет; графиня ди Кастильоне[3] — историческое

Луиджи Факта (1861–1930) — итальянский политик и государственный деятель, который был последним председателем Совета министров Италии до насильственного захвата государственной власти фашистами под руководством Бенито Муссолини, в результате «Похода на Рим»; *Урбано Раттаццци* (1808–1873) и *Франческо Криспи* (1818–1901) — итальянские политики и государственные деятели.

Quo vadis? — роман польского писателя Генрика Сенкевича (1846–1916), изданный в 1896 году. В русском переводе роман известен под названием «Камо грядеши».

Графиня ди Кастильоне (1837–1899) — знаменитая куртизанка и фотомодель.

лицо, а Элиза ди Ривомброза[1] — нет; что Иван Грозный реален, а Минг, тиран с планеты Монго, — нет, если они так мало чем отличаются друг от друга.

В американской культуре это расплющивание прошлого настоящим переживается на удивление беззаботно: вам даже может попасться профессор философии, уверяющий, будто, дескать, совершенно неважно, что говорил Декарт о нашем образе мышления, поскольку то, что интересует нас сейчас, — это последние открытия в области когнитивистики. При этом люди забывают, что когнитивистика достигла того, чего достигла, отчасти именно потому, что философами XVII века были подняты определенные темы, а главное — люди не желают учиться на опыте прошлого.

Многие считают старинное изречение, что, мол, история — учительница жизни, банальностью в духе наивного морализаторства, но, если бы Гитлер внимательно проштудировал русскую кампанию Наполеона, он бы не попался в ту же ловушку, и, если бы Буш хорошо изучил военные действия англичан в Афганистане в девятнадцатом столетии (да чего там, хотя бы самую последнюю войну советских войск с талибами), он бы иначе повел свою афганскую кампанию.

Может показаться, что между придурком-англичанином, полагающим, что Черчилль — это вымышленное лицо, и Бушем, который отправляется в Ирак в уверенности, что дней за пятнадцать справится, — дистанция огромного размера, но это не так. Перед нами все то же явление исторической близорукости.

2008

Элиза ди Ривомброза — персонаж итальянского исторического телесериала 2003 года.

Как убивать молодежь к обоюдной выгоде

В прошлом номере *L'Espresso* я развлекался, воображая, какие последствия, особенно в сфере дипломатии, может иметь новый курс на прозрачность, провозглашенный *WikiLeaks*. Мои измышления относились скорее к разряду научной фантастики, но исходили из той бесспорной предпосылки, что если самые закрытые и секретные архивы становятся общедоступны, то что-то явно должно измениться — хотя бы методы хранения информации.

Тогда почему бы, опять-таки в преддверии нового года, не попытаться провести еще одну экстраполяцию неоспоримых фактов, доведя ее накал до апокалиптического? В конце концов, Иоанн Богослов стяжал себе этим бессмертную славу, и до сих пор, какая бы беда ни случилась, нас так и подмывает заявить, что это сбываются его предсказания. Так что стану-ка я самовыдвиженцем во вторые провидцы с острова Патмос.

По крайней мере в нашей стране (ею и ограничимся) стариков по сравнению с молодежью становится все больше. Раньше умирали в шестьдесят лет, теперь — в девяносто, стало быть, лишних тридцать лет получают пенсию. Пенсия эта, как известно, платит-

ся из кармана молодых. Но поскольку старики такие настырные и вездесущие, что стоят у руля множества государственных и частных учреждений и не отдают бразды правления по крайней мере до первых признаков старческого маразма (а во многих случаях и после), то молодежь работы не находит, а значит, не в состоянии заработать на оплату пенсий старикам.

В такой ситуации, даже если государство выбросит на рынок облигации под привлекательный процент, у иностранных инвесторов они уже не вызовут доверия, так что денег на пенсии не будет. При этом надо учесть, что если молодые люди не могут найти работу, то выходит, что содержать их должны родители или деды-пенсионеры. Трагедия.

Первое решение — самое простое. Молодежь начнет составлять списки подлежащих ликвидации, внося туда бездетных стариков. Но этого будет недостаточно, и, поскольку инстинкт самосохранения — штука серьезная, молодым придется, скрепя сердце, устранять и стариков, имеющих потомство, — иными словами, свою же родню. Это будет нелегко, но привыкнуть можно. Стукнуло шестьдесят? Никто не вечен, папаша, мы всей семьей придем на вокзал, проводить тебя в последний путь до лагеря смерти, внучата помашут ручкой и скажут: «Пока». Если старики станут сопротивляться, развернется настоящая охота на людей в возрасте, с участием стукачей. С евреями такое уже было, так почему не может случиться с пенсионерами?

Но те из стариков, что еще у власти, что еще не вышли на пенсию, примут ли свою судьбу с легким сердцем? Прежде всего они изначально позаботятся о том, чтобы не рожать детей, дабы не произвести на свет потенциальных своих палачей, в связи с чем количество молодежи еще больше сократится. И в конце кон-

цов эти одряхлевшие акулы (и лисы) большого бизнеса, закаленные в тысячах битв, решатся, хоть и с болью в сердце, избавиться от своих же детей и внуков. Они не станут отправлять их в лагеря смерти, как поступили бы их потомки с ними, ведь для этого поколения традиционные ценности, такие как семья и родина, еще не будут пустым звуком, — вместо этого они развяжут войны, которые, как известно, взимают кровавую дань с самых юных и являются, по словам футуристов, единственной гигиеной мира.

Таким образом у нас получится страна практически без молодежи, но с тьмой тьмущей цветущих и бодрых стариков, которые воздвигают памятники павшим и прославляют доблестно отдавших жизнь за отечество. Но кто же будет зарабатывать им на пенсии? Иммигранты, которые спят и видят, как бы получить итальянское гражданство, всегда готовы вкалывать за гроши и без контракта, а нездоровые пристрастия отправляют их на тот свет еще до пятидесяти, освобождая место для новой, свежей рабочей силы.

Итак, на протяжении пары поколений десятки миллионов «посмуглевших» итальянцев будут обеспечивать благополучие элиты девяностолетних белых господ с ядреными носами и пышными бакенбардами (дам в кружевах под вуалью), которые будут сидеть, прихлебывая *whisky and soda*, на верандах своих колониальных владений на берегу моря или озера, подальше от миазмов больших городов, населенных теперь одними лишь цветными *zombies*, что хлещут рекламируемый по телевизору отбеливатель.

К слову, о моей убежденности в том, что мир теперь пятится назад и прогресс ныне совпадает с регрессом: мы обнаружим, что оказались в ситуации наподобие той, что сложилась во времена колониальной импе-

рии в Индии, Центральной Африке или на Малайском архипелаге; и те, кто благодаря развитию медицины благополучно доживут до ста десяти, будут чувствовать себя кем-то вроде сэра Джеймса Брука[1], белого раджи Саравака, о чьей невероятной судьбе они читали в детстве в романах Сальгари.

2011

Джеймс Брук (1803–1868) – первый раджа Саравака с 1841 по 1868 год из династии Белых раджей.

Бедные берсальеры

Коллеги однажды рассказали мне, как на экзамене на степень бакалавра, неведомо как и почему, зашел разговор о теракте в Болонье и, когда возникло подозрение, что экзаменуемый понятия не имеет, о чем речь, у него спросили, помнит ли он, кого обвинили в организации теракта. И тот ответил: берсальеров[1].

Можно было ожидать какого угодно ответа, от арабских фундаменталистов до «Детей Сатаны»[2], но берсальеры оказались полнейшей неожиданностью. Рискну предположить, что в голове несчастного всплыл смутный образ бреши, высеченной в стене вокзала в память о трагедии, и что эту картинку каким-то образом перемкнуло с другим нечетким, немногим более *flatus vocis*[3], представлением о бреши у ворот Порта Пиа. С другой стороны, 17 марта 2011 года на во-

Берсальеры (итал. *Bersaglieri*, от *berságlio* — «мишень») — стрелки в итальянской армии, особый род войск, элитные высокомобильные пехотные части, созданные в 1836 году.

2 Вероятно, речь идет о сатанинской группе «Звери сатаны» (итал. *Bestie di Satana*), действовавшей в Италии и совершившей ряд жестоких убийств в 1998–2004 годах.

3 Колебание голоса (*лат.*).

прос телевизионных «Гиен»[1] о том, почему именно в этот день отмечается 150-летие объединения Италии, множество парламентариев и даже один глава области дали самые причудливые объяснения, упомянув от Пяти дней Милана до взятия Рима.

История с берсальерами, пожалуй, в полной мере отражает всю сложность отношений многих молодых людей с историческими фактами (и с берсальерами). Не так давно некоторые из юных опрошенных заявили, что Альдо Моро был главой «Красных бригад»[2]. Хотя я уже в десять лет знал, что премьер-министром Италии во времена «Похода на Рим» (то есть еще за десять лет до моего рождения) был «слабодушный Факта». Разумеется, знал я это потому, что в фашистской школе мне это талдычили каждый день, что приводит меня к мысли, что реформа Джентили была в своем роде взвешенней, чем реформа Джельмини[3], однако не думаю, что во всем виновата школа. Полагаю, что причина в другом и виной всему последовательная цензура, с которой сталкивается сейчас не только молодежь, но и люди взрослые. Я не хотел бы, однако, чтобы слово «цензура» ассоциировалось исключительно со злостным замалчиванием: существует и цензура шумовых помех, о чем известно шпионам и преступникам из детективных фильмов — те, если им надо посекретничать, включают радио на полную громкость. Наш студент, вероятно, относился не к тем, кому го-

1 *«Гиены»* (итал. *Le Iene*) — сатирическая развлекательная программа, которая выходит на итальянском телевидении (*Italia 1*) с 1997 года.

2 *Альдо Моро* (1916–1978) — итальянский политик, председатель Совета министров Италии в 1963–1968 и 1974–1976 годах, убитый «Красными бригадами».

3 *Джованни Джентиле* (1875–1944) — итальянский философ, который был председателем совета по образованию в правительстве Б. Муссолини (1926–1928); *Мариастелла Джельмини* (р. 1973) — итальянский юрист и политик, министр образования, университетов и научных исследований в четвертом правительстве С. Берлускони (2008–2011).

ворили слишком мало, а к тем, *кому говорили слишком много*, и оттого был просто не в состоянии вычленить то, что стоило помнить. Прошлое он представлял себе смутно, но не потому, что ему о нем не рассказывали, а потому, что полезные и достоверные сведения оказались перепутаны и погребены под ворохом незначительных. А из-за неконтролируемого доступа к различным источникам существует риск, что не сумеешь отличить нужную информацию от в той или иной степени бредовой.

Сейчас вовсю обсуждают, добро или зло то, что каждый нынче может отпечатать и пустить в обращение книгу, не прибегая к посредничеству издателя. Положительная сторона заключается в том, что в прошлом многие выдающиеся писатели не получили известности из-за препон, несправедливо чинимых им издателями, не говоря о том, что свободный оборот предложений неизбежно приносит с собой ветер свободы. При этом мы прекрасно знаем, что многие книги пишутся довольно эксцентричными персонажами, что справедливо также и для многих интернет-сайтов. Если не верите, зайдите на nonciclopedia.wikia.com*/wiki/Groenlandia*, где сказано: «Гренландия — это остров, расположенный в той точке земного шара, которая, существуй она на самом деле, подтвердила бы гипотезу о том, что Земля квадратная. По части льда это самый многонаселенный остров в мире... Кроме того, это одно из государств Европы, по крайней мере мне так кажется, неохота лезть в атлас, так что поверьте мне на слово. Расположена она в борейском полушарии, в Северной Бореe».

Ну и как может мальчишка заподозрить, что автор этой статьи шутит, решить, что это чересчур экстравагантный персонаж или что в некотором роде он говорит

правду? То же самое касается книг. Маловероятно, что издательство вздумает опубликовать подобные тексты, не пояснив на обложке или на ее клапане, что перед нами сборник веселых парадоксов. А что, если не останется больше никакого посредника, который подсказал бы нам, стоит ли воспринимать книгу всерьез?

2011

Два приятных сюрприза

Безутешные коллеги рассказывают, что на экзамене на степень бакалавра одному из студентов попалось имя Нино Биксио[1] и он прочел его как Нино Биперио, поскольку повальное распространение СМС-сленга убедило его, что *X* всегда читается как *per*. Что наводит на меланхолические раздумья: «Чему их учат в средней школе? А может, и впрямь упразднить государственные школы, оставив одни только частные?» Не считая того, что наряду с образцовыми частными школами найдется немало и таких, что специализируются на проталкивании кретинов из обеспеченных семей, действительно ли наша система образования идет ко дну?

В середине марта мне пришлось съездить в Альбенгу на премию *C'era una svolta*. Премия была учреждена в рамках местного конкурса государственным лицеем имени Джордано Бруно, но за четырнадцать лет превратилась в общенациональную (в этом году в конкурсе участвовали около тысячи двухсот учащихся старших классов тридцати восьми школ из двадцати девя-

Нино Биксио (1821–1873) – военачальник и политик, участник Рисорджименто и сподвижник Дж. Гарибальди.

ти провинций). Каждый год кого-нибудь из писателей просят начать рассказ, который участники должны продолжить (прямо в классе, в очень жестких условиях), затем анонимные работы оценивает сначала внутреннее жюри, затем внешнее, и, наконец, после нескольких этапов отсева приглашенному автору достаются пять финалистов, среди которых он должен выбрать лучшего.

В этом году автором был я и для забавы предложил в качестве затравки рассказ о собрании кружка безумных литераторов, задавшихся целью дописать начало и конец к признанному самым коротким в мире рассказу Аугусто Монтерросо, где говорится: «Когда он проснулся, динозавр все еще был там».

Не исключено, что из тысячи двухсот представленных рассказов некоторые имели сомнительную ценность (хотя члены обоих жюри и признавались, что выбор был очень трудным), но несомненно то, что пять рассказов, представленных мне на суд, поставили меня в тупик, так что мне захотелось решить вопрос жребием, — все пять оказались образчиками отличной прозы. Я хочу сказать, что они были написаны в чрезвычайно зрелой манере, так что многие профессиональные писатели не погнушались бы поставить под этими текстами свою подпись. Желающие убедиться могут прочесть пять рассказов-финалистов в ближайшем номере *Alfabeta*. По-моему, это несомненный триумф. И речь не об одной школе, а о тридцати как минимум — от Гориции до Сицилии с Сардинией.

Второй сюрприз преподнес мне лицей имени Мельхиора Джойи из Пьяченцы — проект, над которым год трудились ученики двух выпускных классов из классического и естественно-научного лицеев. Это экземпляр газеты (сорок четыре превосходно исполненные

цветные страницы), которая верстской напоминает *La Repubblica*, но озаглавлена *Il Tricolore*, стоит пять чентезимо в Милане и семь — за его пределами и датирована понедельником 18 марта 1861 года.

В ней, естественно, сообщается о свершившемся объединении страны, номер открывают статьи Кавура, Каттанео, Мадзини, речь Виктора Эммануила к парламенту, приводится выступление Джозуэ Кардуччи, вспоминают Мамели, говорят о визите Андерсена в Милан, размышляют о законе Казати и предложениях нового министра народного просвещения Де Санктиса, отдают дань тому факту, что Линкольн был избран недавно президентом Соединенных Штатов, а Вильгельм I взошел на трон Пруссии, культурные странички посвящены Кристине Бельджойозо и Айецу, а также свежей полемике по поводу бодлеровских «Цветов зла», упоминается о гибели Ньево, помещена рецензия на «Карбонариев в горах» Верги, не забыты, разумеется, и Верди, мода тех лет и выход третьего издания «Происхождения видов» Дарвина, и под конец — репортаж из Ливерпуля под заголовком «Футбол — игра без будущего». Рекламные вставки прелестны.

Не уверен, что в настоящей газете того времени смогли бы сверстать настолько насыщенный номер, где без прикрас сталкиваются противоречия едва объединившейся Италии. И этот пример — тоже порождение государственной школы. Теперь жду столь же вдохновляющих успехов от какой-нибудь из школ частных.

2011

Поколение чужаков

Я считаю, что Мишель Серр[1] — самый тонкий из ныне живущих французских мыслителей, и, как любой хороший философ, он способен заставить себя поразмышлять на злободневные темы. Без зазрения совести привожу (снабдив парой комментариев от себя) его изумительную статью, напечатанную в газете *Le Monde* за 6–7 марта прошлого года, где он напоминает нам о вещах, которые касаются детей тех моих читателей, что помоложе, а для нас, стариков, речь уже о наших внуках.

Начать с того, что эти дети или внуки никогда не видели корову, свинью или курицу (помнится, кстати, уже лет тридцать назад в Америке проводили исследование, которое показало, что большинство нью-йоркских детишек считает пакетированное молоко из супермаркета промышленным напитком вроде кока-колы). Новые гуманоиды уже непривычны к жизни в природе и ничего, кроме городов, не знают (напомню, что, отправляясь на отдых, они селятся в основном в местах, которые Оже[2] определяет как

1 *Мишель Серр* (р. 1930) — современный французский философ и писатель.
2 *Марк Оже* (р. 1935) — французский этнограф.

«ничейные пространства», в силу чего туристический комплекс совершенно неотличим от аэропорта Сингапура и в любом случае предлагает туристу пасторальную, прилизанную и целиком искусственную природу). Речь об одной из величайших антропологических революций со времен неолита. Эти ребята живут в перенаселенном мире, где ожидаемая продолжительность жизни приблизилась к восьмидесяти годам, а благодаря долголетию отцов и дедов если у них и есть надежда что-то унаследовать, то произойдет это не в тридцать, а в летах уже довольно преклонных.

Европейские дети уже шестьдесят с лишним лет не видели войн, благодаря достижениям медицины страдали куда меньше своих предков, их родители старше, чем были наши (и приличная часть из них разведены), они учатся в школе, где у их соседей по парте другой цвет кожи, другая религия, другие обычаи (и сколько еще, спрашивает себя Серр, смогут они петь «Марсельезу», где говорится о «нечистой крови» иноземцев?). Какие литературные произведения могут прийтись им по вкусу, если учесть, что им незнакомы крестьянская жизнь, осенняя страда, вражеские нашествия, памятники павшим, изрешеченные пулями знамена и насущная необходимость морали?

Они сформировались под влиянием массмедиа, которые придуманы взрослыми, ужавшими время предъявления образа до семи секунд, а время ответа на вопрос — до пятнадцати, и где они тем не менее видят то, с чем в обычной жизни уже не сталкиваются: окровавленные трупы, катастрофы и разрушения — «К двенадцати годам взрослые уже заставили их посмотреть двадцать тысяч убийств». Они воспитаны на рекламе, пестрящей сокращениями и иностранными словами, из-за которых теряется чувство родного языка, не при-

вязаны к метрической системе мер, получая премии за потраченные мили, школа уже не служит для них местом познания мира, и, свыкшись с компьютером, добрую часть своей жизни эти ребята проводят в виртуале. Письмо одним лишь указательным пальцем вместо целой руки «уже не задействует те же нейроны или зоны коры головного мозга, что раньше» (и, наконец, все они повально *multitasking*[1]). Мы жили в чувственно воспринимаемом метрическом мире — они живут в мире нереальном, где между далеким и близким нет больше никакой разницы.

Я не буду останавливаться на размышлениях Серра насчет того, возможно ли удовлетворить новые запросы в сфере образования. В любом случае речь в его обзоре идет о перевороте, по своей радикальности сопоставимом разве что с изобретением письма и затем, через много веков, — печати. Вот только эти нынешние новые техники мутируют с огромной скоростью, и «одновременно тело претерпевает метаморфозы, изменяются рождение и смерть, страдание и исцеление, профессии, пространство, жилая среда и бытие-в-мире». Почему мы оказались не готовы к этим преобразованиям? Серр приходит к выводу, что отчасти, вероятно, виноваты философы, которым полагается предвидеть перемены на уровне знаний и умений, и они с этой задачей не справились, поскольку, «увязнув в политических дрязгах, прозевали приход современности». Не знаю, прав ли Серр во всем, но в чем-то он прав.

2011

[1] Многозадачные (*англ.*).

Где все прочие шестидесятилетние?

Альдо Каццулло в номере *Corriere della Sera* за 25 апреля обратился к Энрико Летте[1] (сорока шести лет) как к пареньку из восьмидесятых, то есть выросшему в то десятилетие, когда тон задавала лихорадка субботнего вечера, а политикой интересовались мало. Каццулло вспоминает, однако, что у восьмидесятых неоднозначная репутация, и если для кого-то это время триумфа яппи, «Милана в бокале»[2], крушения идеологий, то для других это были решающие годы — я и сам в одной из «картонок» за 1997 год утверждал, что это была великая эпоха, принесшая нам конец холодной войны, крах советской империи, рождение таких новых систем, как экология и волонтерство, травматичное, но знаменательное начало великого переселения из стран третьего мира в Европу и то, в чем тогда еще не разглядели истинного начала третьего тысячелетия, — революцию

Энрико Летта (р. 1966) — итальянский политик.

«Милан в бокале» (итал. *Milano da bere*, букв. «Милан пить») — газетное выражение, описывающее жизнь определенного слоя общества, характеризующегося карьеризмом и коррупцией, в Милане в 1980-е годы. Одной из знаковых фигур «Милана в бокале» считается Сильвио Берлускони.

в сфере персональных компьютеров. Действительно ли это было пресное десятилетие, обделенное закваской? Ну что ж, разберемся, когда увидим, что за поколение оно породило: само собой, Летта — это лишь одна ласточка, которая весны не делает, а Ренци, который его на девять лет моложе, повзрослел лишь в девяностые.

Но проблема, как мне кажется, в другом. Как показал недавний кризис, наше младшее поколение рожденных в девяностые произвело на свет «движение», но пока что не имеет заметных лидеров, тогда как все словесные баталии прошедших недель развернулись вокруг харизмы персонажей, которым в районе восьмидесяти, а то и за восемьдесят, — Наполитано, Берлускони, Родота, Марини, самыми молоденькими оказались Амато — семьдесят пять лет, Проди — семьдесят четыре и Загребельски — семьдесят[1]. Откуда такой пробел по части лидеров между поколением восьмидесятых и великими харизматичными старцами? Отсутствует поколение родившихся в пятидесятые — то есть, выражаясь понятнее, те, кому в 1968 году было от восемнадцати до двадцати.

У каждого правила есть исключения, и мы могли бы вспомнить Берсани (1951), Д'Алему (1949), Джулиано Феррару (1952) и даже Грилло (1948)[2], но первые трое прошли через 68-й, состоя в компартии (то же самое произошло с их младшим соратником Вендолой, 1958 года рождения[3]), а четвертый в ту пору был еще актером. Отсутствуют на политической арене и, в любом

Джорджо Наполитано (р. 1925), *Сильвио Берлускони* (р. 1936), *Стефано Родота* (р. 1933), *Франко Марини* (р. 1933), *Джулиано Амато* (р. 1938), *Романо Проди* (р. 1939), *Густаво Загребельски* (р. 1943) — итальянские политики.

Пьер Луиджи Берсани (р. 1951), *Массимо Д'Алема* (р. 1949), *Джулиано Феррара* (р. 1952), *Беппе Грилло* (р. 1948) — итальянские политики.

3 *Никола Вендола* (р. 1958) — итальянский политик.

случае, не смогли воспитать лидеров международного масштаба как раз бывшие участники событий 68-го.

Одних поглотил терроризм или внепарламентская борьба, другие (как Капанна) избрали для себя довольно маргинальные политические функции, а третьи (в доказательство, что их революционный задор был лишь фасадом или голым расчетом) стали чиновниками при Берлускони, кто-то пишет книги или ведет колонку, кто-то со скорбным высокомерием удалился в башню из слоновой кости, персонажи наподобие Страды ударились в волонтерство, и в общем, когда нагрянул кризис, никто из этого возрастного диапазона не выступил в роли спасителя отечества.

Штука в том, что в молодых бунтарях 68-го воплотились стремления и идеалы движения, которое поистине всколыхнуло весь мир, частично изменило обычаи и социальные взаимоотношения, но в конечном итоге не затронуло по-настоящему экономические и политические устои. Эти молодые люди — в самом что ни на есть юном возрасте — стали харизматичными вождями, которых боготворили поклонники обоих полов, они могли говорить лицом к лицу с Великими Старцами той эпохи (а то и плевать им в лицо). Охваченные манией величия (а поглядел бы я на вас, если б вы попали на первые страницы газет в восемнадцать), они либо забыли, либо не успели усвоить, что, чтобы выбиться в генералы, надо начать с капрала, потом стать сержантом, затем лейтенантом и так далее, продвигаясь вперед шаг за шагом. Кто сразу начинает генералом (а такое могло случиться разве что во времена Наполеона или в армии Панчо Вильи, однако чем это заканчивалось, все мы видели), в конце концов возвращается в ротную канцелярию, так и не овладев навыком — труднейшим навыком — командования.

Как знали некогда молодые католики и молодые коммунисты, путь наверх бывает долгим.

Эти же пытались обогнать время и вместе со временем оставили за бортом (в политическом смысле) и свое поколение.

2013

Тупая Тереза

В прошлом номере *L'Espresso* было напечатано мое письмо к внуку, где я призывал его упражнять память, предлагая выучить наизусть «Резвушку Терезу», потому что его поколение рискует утратить как личную память, так и историческую, и уже многие студенты университета (если верить статистике) считают, что Альдо Моро возглавлял «Красные бригады». Я написал это письмо около середины декабря, и как раз в те же дни на *YouTube* появился ролик, тут же собравший восемьсот тысяч просмотров, тогда как сама новость просочилась в ряд газет.

Дело касалось телевикторины *L'eredità*, которую ведет Карло Конти[1] и где участников подбирают, исходя из приятной наружности, безотчетно вызываемой ими симпатии и прочих забавных качеств, но наверняка при отборе учитывается и определенный объем элементарных знаний, чтобы на сцену не попадали субъекты, которые задумчиво застывают с открытым ртом, если спросить их, был ли Гарибальди велосипедистом, исследователем, полководцем или изобретателем го-

Карло Конти (р. 1961) – известный итальянский шоумен.

рячей воды. И вот в одном из выпусков викторины Конти задал четырем участникам вопрос: «Когда Гитлер был назначен канцлером?», предоставив им выбор между 1933, 1948, 1964 и 1979 годами. Отвечали: некая Илария, очень молоденькая и хорошенькая; Маттео, здоровяк с бритой головой и цепью на шее, предположительный возраст — около тридцати; Тициана, привлекательная молодая женщина, на вид тоже лет тридцати; и четвертая участница, имени которой уже не помню, в очках и с видом отличницы.

Поскольку должно быть известно, что Гитлер умер в конце Второй мировой войны, единственным возможным ответом был 1933 год, так как все прочие даты относились к более позднему времени. Тем не менее Илария называет 1948 год, Маттео — 1964-й, Тициана пытает счастья с 1979-м, и лишь четвертая участница вынуждена выбрать 1933-й (с видимой неуверенностью — непонятно, иронизирует она или просто в ступоре).

За этим вопросом следует другой: когда Муссолини встречался с Эзрой Паундом — на выбор даны 1933, 1948, 1964 и 1979 годы. Никто (и даже члены *CasaPound*[1]) не обязан знать, кто такой Эзра Паунд, и я не знал, в каком году Муссолини с ним встречался, но было очевидно, что раз труп Муссолини вывесили на площади Лорето в 1945 году, то единственно возможной датой был 1933 год (хотя я поразился, как пристально следил диктатор за последними событиями в англосаксонской поэзии). Шок: прекрасная Илария с мягкой извиняющейся улыбкой называет 1964 год.

Нетрудно представить себе смятение Конти, да и, сказать по правде, многих других, прокомментировавших ролик на *YouTube*, но проблема остается: для этих

[1] *CasaPound Italia* (*итал.* дом Паунда) — итальянская неофашистская партия возникшая в 2003 году.

четырех субъектов в возрасте от двадцати до тридцати, которых вполне логично счесть типичными представителями определенной категории молодежи, предложенные четыре даты, явно относившиеся ко времени до их рождения, слились в некое обобщенное прошлое, и не исключено, что они попались бы на ту же удочку, даже если б среди вариантов фигурировал 1492 год.

Такое размытие прошлого в некую невнятную туманность наблюдалось и во многие другие эпохи — вспомним хотя бы «Обручение девы Марии» Рафаэля, где все персонажи одеты по моде Возрождения, — но теперь у него не может быть оправданий, учитывая объем информации, которую самый недотепистый пользователь может получить из интернета, кино или достопочтенного канала *RAI Storia*. Может ли такое быть, чтобы наша четверка не имела представления о различии между временем, когда к власти пришел Гитлер, и временем, когда человек полетел на Луну? Согласно Аристотелю, может быть все, что случилось хотя бы единожды, а значит, может быть, что у некоторых (у многих?) память о прошлом ужалась до вечного настоящего, в котором все кошки серы. И значит, мы имеем дело с болезнью поколения.

Какая-то надежда еще есть, поскольку ролик на *YouTube* мне показали, глумясь над ним и потешаясь, мой тринадцатилетний внук и его одноклассники, которые, возможно, еще сумеют выучить «Резвушку Терезу».

2014

ON LINE

Мои двойники в электронной почте

Собравшись написать мейл коллеге из Америки, я обнаружил в одном из поисковиков, что можно найти адрес почты по имени, под которым зарегистрировался ее владелец. Набрав имя коллеги, я получил десяток разных адресов, один из которых в Японии. Как же так? Я решил поискать самого себя и обнаружил двадцать два адреса. Два из них я узнал — я ими больше не пользовался, к тому же мое имя присутствовало не в самом адресе, а среди заполненных при регистрации данных. Другие выглядели вполне нормально — umbertoeco@hotmail.com или umberto_eco@hotmail.com, но больше всего меня поразил (зарегистрированный на мое имя) адрес *agartha2*@hotmail.com.

Агарта[1] — столица царя мира, о ней повествует знаменитая оккультная легенда, упомянутая в «Маятнике Фуко». И тут я понял: все просто, регистрируясь в электронной почте, можно взять любое имя, в том числе имя писателя, которого ты читал, кто-нибудь вполне

Агарта — у оккультистов мистический центр мира. Название обрело популярность в 1924 году, когда вышла книга Фердинанда Оссендовского «И звери, и люди, и боги».

может назваться Данте Алигьери. Охваченный ревностью и подозрением, что Данте обогнал меня по популярности, набираю его имя. Результат: пятьдесят пять адресов, в том числе dante@satanic.org, danteSB@yahoo.com, alighieri@vergil.inferno.it, belzebius@yahoo.it, divinpoeta@yahoo.it, mostromaldido@yahoo.it.

Тогда я стал вспоминать, кто из современных авторов способен вызвать безумие, — разумеется, в голову пришел Салман Рушди. Обнаружились тридцать шесть адресов, среди которых не только банальные salman@netcom.com, salman@grex.com, salman.rushdie@safe.com, но и куда более зловещие satan@durham.ac.uk, love@iraq.com, atheist@wam.umd.edu, blasphem@aol.com, sephiroth@zombieworld.com — таким я бы писать побоялся. Но дело не столько в странных адресах, сколько в тех, которые выглядят вполне нормально. Никто не ожидает, что Данте ответит на электронную почту, но сколько наивных людей попытается связаться с salman.rushdie@safe.com и, возможно, даже получит ответ, бросающий на писателя тень? Выход один: не доверять адресам *e-mail*. А значит, интернет-услуга, которая могла быть чрезвычайно полезной, утрачивает всякий смысл — представьте себе, что кто угодно залезает в телефонную книгу и, шутки ради, переписывает номер Бертинотти на имя Берлускони или закрепляет за знаменитой стриптизершей адрес Витторио Мессори[1].

Принцип недоверия — нечто само собой разумеющееся для всякого, кто решается попробовать чат: сегодня всем известно, что романтичный юноша может

Фаусто Бертинотти (р. 1940) — политик и профсоюзный деятель, член социалистической, а затем — коммунистической партии, депутат Европарламента; *Сильвио Берлускони* (р. 1936) — крупный предприниматель, четырежды занимал пост председателя Совета министров Италии, основатель правоцентристской партии «Вперед, Италия»; *Витторио Мессори* (р. 1941) — журналист и писатель, отстаивающий католические ценности.

состоять в любовной переписке с некой Гретой Гарбо (на самом деле — с сержантом в отставке). Теперь этот принцип официально признан после недавнего случая с вирусом *I Love You*. Нельзя доверять не только всякому письму, точный отправитель которого неизвестен, но и письмам наших обычных корреспондентов, поскольку вирус мог отправить нам от их имени убийственное послание.

Газету, в которой по определению публикуют только ложные новости, вряд ли купят (разве что шутки ради). Мы не станем платить за железнодорожное расписание, из-за которого пропустим поезд на Баттипалью, а вместо этого приедем в Випитено[1]. Газеты и железнодорожные расписания подписывают с пользователями негласный договор о правдивости, который нельзя нарушить, не нарушив все прочие общественные договоры. Что же произойдет, если среди пользователей главного средства коммуникации нового тысячелетия не объявить о заключении подобного договора и не заставить его соблюдать?

2000

Баттипалья — город недалеко от Салерно, на юге Италии; *Випитено* — городок, расположенный в провинции Больцано, на севере страны.

Как выбрать президента

First good news. Как я уже писал в прошлом номере *L'Espresso*, зайдя в интернете на сайт www.poste.it, можно зарегистрироваться и отправлять с компьютера письма и телеграммы. Почта их распечатает и доставит по указанному адресу (стоимость доставки письма – 1700 лир), при этом письмо не будет долго ехать на поезде и томиться на станциях. Молодец, Почта Италии (даже не верится, что я это говорю)!

Now bad news. Разумеется, она связана с историей выборов в Америке, где механизм подсчета голосов уступил по эффективности Почте Италии. А ведь выход был, его подсказал великий Айзек Азимов в рассказе «Выборы»[1], написанном в шестидесятые годы (в Италии рассказ вышел в журнале *Galaxy*[2] в декабре 1962 года под названием «Право голоса»). Кратко перескажу сюжет: в тогда еще далеком 2008 году американцы вдруг осознают, что на самом деле выбирают

Оригинальное название рассказа А. Азимова *Franchise* (1955), русский текст («Выборы») цитируется в переводе Н. Гвоздаревой.

Galaxy – итальянская версия американского журнала *Galaxy Science Fiction*, священного научной фантастике.

одного из двух кандидатов — настолько похожих, что предпочтения электората распределяются почти *fifty-fifty*. К тому же опросы общественного мнения, которые проводят мощные компьютеры, способны учесть все переменные величины и почти с математической точностью предсказать окончательный результат. Чтобы принять научно обоснованное решение, огромному компьютеру Мультивак (по тогдашним представлениям, он достигал полумили в длину и был в три этажа высотой — здесь прогресс научная фантастика не предусмотрела) остается учесть «не поддающееся выведению умонастроение личности».

Но поскольку из рассказа понятно, что в развитой цивилизованной стране один человеческий ум приравнивается к другому, Мультиваку достаточно попросить одного-единственного избирателя пройти несколько испытаний. Таким образом, во время ежегодных выборов ЭВМ определяет один из штатов, а в нем — одного гражданина, который становится Избирателем. Исходя из его взглядов и настроений, выбирают президента США. Даже выборы теперь называются по имени единственного Избирателя: Выборы Маккомбера, Выборы Маллера и так далее.

Азимов ярко описывает напряжение, охватывающее семью гражданина, которому предстоит проголосовать (зато у него есть шанс прославиться, подписать выгодные рекламные контракты и сделать карьеру, подобно участнику реалити-шоу «Большой Брат»). Забавно, что внучка, которой дедушка рассказывает, что раньше голосовали все, страшно удивляется: она не может взять в толк, как же обеспечивают демократию, если в голосовании принимают участие миллионы избирателей, ведь вероятность ошибки каждого из них куда выше, чем у Мультивака.

Еще Жан-Жак Руссо полагал, что прямая демократия возможна лишь в крохотном государстве, где все знакомы друг с другом и могут собраться вместе. Впрочем, представительная демократия, при которой народ избирает своих представителей раз в четыре-пять лет, сегодня также переживает кризис. В массовом обществе, где преобладает электронная коммуникация, мнения настолько нивелируются, что предложения разных кандидатов почти не отличаются друг от друга. Кандидатов избирает не народ, а партийная номенклатура, а народу (в лучшем случае) остается выбор между двумя людьми (которых уже выбрали другие) — похожими как две капли воды. Это напоминает советскую систему, разве что советская номенклатура выбирала единственного кандидата, за которого и голосовали избиратели. Предложи советская власть не одного, а двух кандидатов, Советский Союз уподобился бы американской демократии.

Конечно, мне известно, что в демократическом обществе, несмотря на бессмысленный ритуал выборов, власти находятся под контролем печати, групп давления и общественного мнения. Но ведь все это возможно и в рамках системы, которую предложил Азимов.

2000

Хакер – неотъемлемая часть системы

Не стоит удивляться недавним атакам в интернете, принявшим планетарный масштаб. Известно, что чем совершеннее технология, тем она уязвимее. Справиться с угонщиком в эпоху винтовых самолетов, когда кабина пилота герметично не закрывалась, не составляло труда: открываешь дверцу и выталкиваешь угонщика наружу. На выполняющем межконтинентальный полет реактивном самолете даже сумасшедший с пугачом заставляет всех дрожать от страха.

Скорее, проблема в ускорении технологического развития. Прошли десятилетия с тех пор, как братья Райт впервые поднялись в воздух, прежде чем Блерио, фон Рихтгофен, Баракка, Линдберг и Бальбо[1] приспособились к дальнейшим техническим усовершенствованиям самолетов. Мой нынешний автомобиль

Знаменитые летчики: *Луи Блерио* (1872–1936) – первый пилот, перелетевший Ла-Манш; *Манфред фон Рихтгофен* (1892–1918) – германский летчик-истребитель, прославившийся в Первую мировую войну; *Франческо Баракка* (1888–1918) – итальянский ас, участник Первой мировой войны; *Чарльз Линдберг* (1902–1974) – американский летчик, первым перелетел в одиночку Атлантический океан; *Итало Бальбо* (1896–1940) – соратник Муссолини, единственный маршал авиации в Италии.

способен на такое, о чем старый *Fiat 600*, за рулем которого я получил права, и не мечтал, но, сядь я сразу за руль своей нынешней машины, я бы немедленно во что-нибудь врезался. К счастью, я рос вместе со своими автомобилями, постепенно привыкая к росту их мощности.

С компьютером все иначе: не успеваю я изучить все возможности машины и установленной в ней программы, как на рынке появляются новая машина и более сложная программа. У меня даже нет возможности продолжать работу на старом компьютере, хотя мне его наверняка бы хватило: некоторые необходимые усовершенствования доступны только на новых машинах. Стремительное ускорение объясняется прежде всего коммерческой выгодой (промышленности выгодно, чтобы мы выкинули старую машину и купили новую, хотя у нас нет такой потребности), а также невозможностью запретить изобрести более мощный процессор. То же самое происходит с сотовыми телефонами, звукозаписывающими устройствами, карманными компьютерами и со всей цифровой техникой.

Наше тело со своими рефлексами не успевало бы приспосабливаться к автомобилям, если бы их усовершенствовали раз в два месяца. К счастью, автомобили стоят дорого, а автострады такие, какие есть. Компьютеры стоят все меньше, а автострады, по которым сообщения мчатся от одного компьютера к другому, никак нас не ограничивают. В итоге новый компьютер появляется еще до того, как мы успеваем понять, на что способен его предшественник. Это драма не только обычных пользователей, но и тех, кто должен контролировать потоки информации, включая агентов ФБР, банки и даже Пентагон.

Кто в состоянии тратить круглые сутки на то, чтобы разобраться в новых возможностях своего инструмента? Хакер — своего рода столпник, отец-пустынник, проводящий целый день в (электронных) размышлениях. Вы видели лицо хакера, взломавшего почту Клинтон? Они все такие — толстые, неуклюжие, плохо развитые, выросшие перед экраном. Они единственные, кто следит за разворачивающимися в невыносимом ритме инновациями, они успевают понять, на что способны машина и Сеть, но неспособны предложить им новую философию или полезные применения. Поэтому хакеры заняты единственным делом, которое можно делать сию минуту и которое позволяют их сверхчеловеческие компетенции: изменять курс развития глобальной системы, создавать в ней помехи, дестабилизировать.

Вероятно, при этом многие из них считают, что действуют в «духе Сиэтла»[1], то есть сопротивляются новому Молоху. На самом деле они становятся главными пособниками системы: чтобы обезвредить хакеров, нужны всё новые усовершенствования, предлагаемые всё быстрее. Это дьявольский замкнутый круг, в котором сопротивляющийся лишь усиливает мощь того, что он мечтает разрушить.

2000

[1] В 1999 году в Сиэтле во время саммита ВТО впервые прошли мощные выступления антиглобалистов.

Многовато интернета? Зато в Китае...

За последние десять дней мне довелось участвовать в трех разных культурных форумах. Ладно, первый был посвящен проблемам информации, но остальные — совсем другому. Тем не менее во всех трех случаях задавали вопросы об интернете и начинались яростные споры. С другой стороны, этого не избежать, даже если участвуешь в конференции по Гомеру. Не верите — поищите с помощью любого браузера, сколько всего полезного и бесполезного о Гомере можно найти в Сети. Нынче на конференции о Гомере придется, кроме всего прочего, объявить, которые из посвященных ему сайтов серьезные, а которые нет, иначе студенты и ученые не разберут, каким сайтам доверять.

Перечислю лишь несколько вопросов, которые обсуждали при мне. Одни славили интернет как воплощение тотальной демократии в информационной сфере, другие возражали, что сегодня в Сети подросток рискует нарваться на сотни расистских сайтов, скачать *Mein Kampf* или «Протоколы сионских мудрецов»[1]. Возраже-

Mein Kampf (*нем.* «Моя борьба») — книга А. Гитлера (1925); *«Протоколы сионских мудрецов»* (1903) — поддельные документы якобы участников всемирного еврейского заговора.

ние: выйдя из зала и отправившись в книжный магазин на углу, специализирующийся на оккультной литературе, сразу наткнешься на «Протоколы». Встречное возражение: верно, но ты сам за ними пошел, а в Сети они могут попасться, даже если ищешь что-то другое. Возражение на встречное возражение: одновременно ты обнаружишь кучу антирасистских сайтов, значит, сетевая демократия все же гарантирует равновесие.

Подводим итоги: Гитлер опубликовал и распространил *Mein Kampf*, когда интернета еще не было, и, насколько можно судить, тогда у него все получилось. В эпоху интернета нового Освенцима быть не может: все бы сразу обо всем узнали и никто бы не говорил потом, что он, дескать, ни о чем не ведал.

В подкрепление этого заключительного вывода несколько дней спустя китайский социолог рассказал нам, как обстоят дела с интернетом в Китае. Пользователи не подключаются прямо к Сети, они обязаны делать это через государственные центры, фильтрующие информацию. Значит, введена цензура. Однако, похоже, цензура в интернете невозможна. Первый пример: правда, что государственные фильтры позволяют тебе, скажем, попасть на сайт А, но не на сайт Б, но всякий опытный пользователь интернета прекрасно знает, что, попав на сайт А, он может как-нибудь исхитриться и перейти с А на Б. Кроме того, существует электронная почта: как только ты ее разрешаешь, люди начинают обмениваться новостями. Наконец, существуют *chat lines*. Судя по всему, на Западе в нем по большей части сидят те, кому некуда девать время и нечего сказать, а в Китае все наоборот: там люди в чатах спорят о политике, что в других местах невозможно.

Впрочем, бессилие государства перед Сетью еще больше. Сетевые бюрократы даже не понимают, что

именно нужно блокировать. Якобы некоторое время назад им позвонили из *New York Times*, возмущенные тем, что их частично блокируют, а сайт *Washington Post* нет. Бюрократы пообещали проверить и на следующий день ответили, что беспокоиться не о чем: они заблокировали и сайт *Washington Post*. Но это так, байки. Дело в том, что, например (если я ничего не путаю), попасть на сайт *CBS* нельзя, а на сайт *ABC* можно. Я спросил у приятеля-китайца почему, и он ответил, что разумного объяснения нет, бюрократам надо показать, что они чем-то заняты, жертв они выбирают почти наугад. Вывод: в битве между китайскими властями и интернетом поражение потерпят власти.

Хоть иногда узнаешь хорошие новости.

2000

Чудная игра

Если новоявленный Гумберт Гумберт, знаменитый персонаж «Лолиты», в наши дни увезет из дома девочку, мы будем знать о нем всё. Навигатор его автомобиля сообщит, где он находится и куда направляется; кредитные карты расскажут, в каком мотеле он остановился и сколько номеров оплатил — один или два; видеокамеры в супермаркете зафиксируют, что он покупает не газету, а порножурнал, а если он купит газету — мы узнаем, каковы его политические взгляды; если в супермаркете он купит Барби, мы поймем, что его спутница несовершеннолетняя; если зайдет на педофильский сайт в интернете, мы сделаем соответствующие выводы. Даже если Гумберт Гумберт пока что не совершил преступления, мы решим, что у него опасные склонности и лучше его задержать. Ну а если девочка — его племянница, если фантазии все же не подтолкнут его к преступным деяниям... что поделать: лучше посадить за решетку еще одного невиновного, чем оставить опасную для общества дрейфующую мину.

Все это вполне реально. Фурио Коломбо[1] в книге *Privacy* (*Rizzoli*, 2001) добавляет лишь малую толику фантастики, воображая устройство, следящее не только за поведением, но и за мыслями. На этом изобретении основана идеология предотвращения преступлений — высшее благо, и вот тут-то игра и завершена: по сравнению с тем, с чем мы столкнемся, «1984» Оруэлла — книга со счастливым концом.

Вы можете сами прочитать Коломбо и подумать, насколько мы близки к нарисованному им будущему. Мне же его книга помогает придумать игру, находящуюся посередине между сегодняшней реальностью и будущим у Коломбо.

Игра называется «Братья Италии»[2] (формат можно экспортировать в другие страны) и представляет собой усовершенствованный вариант «Большого Брата»[3]. Разместив установленные в супермаркетах системы слежения по всему городу, на всех улицах и во всех общественных заведениях (а может, и в частных жилищах), мы подарим зрителям возможность, вместо того чтобы сидеть перед телевизором и следить за горсткой людей, оказавшихся в искусственно созданной ситуации, наблюдать каждый час, каждую минуту за повседневной жизнью всех остальных граждан — как они ходят по улице, совершают покупки, занимаются любовью, работают, ругаются с теми, кто поцарапает им автомобиль. Вот было бы здорово, реальность оказалась бы куда увлекательнее вымысла, присущая каждо-

Фурио Коломбо (р. 1931) — итальянский писатель и журналист. См.: Colo mbo F. *Privacy*. Rizzoli, 2001.

«Братья Италии» (итал. *Fratelli d'Italia*) — с 1946 года национальный гимн Италии.

3 *«Большой Брат»* — популярное реалити-шоу, названное в честь романа Джорджа Оруэлла.

му из нас тяга к вуайеризму и сплетням была бы наконец-то окончательно удовлетворена.

Я понимаю, что это создало бы ряд проблем. Кто смотрит, а кто действует? Поначалу смотрел бы тот, у кого много свободного времени, а тот, кто занят, действовал бы и устраивал представление. Далее можно предположить, что кто-нибудь, чтобы не быть увиденным, решит остаться дома и смотреть на других. Однако система позволит следить и за частной жизнью смотрящего: в крайнем случае шестьдесят миллионов телезрителей увидят в реальном времени шестьдесят миллионов телезрителей и будут следить за выражениями их лиц. Вероятно, поскольку возможность быть увиденным будет цениться все выше, каждый будет делать все возможное, чтобы привлечь внимание. Но кто станет на них смотреть? Каждому понадобится маленькое портативное устройство, чтобы, выполняя действия, следить за тем, как другие выполняют свои действия. Но тогда зрелище сведется к тому, что шестьдесят миллионов человек будут судорожно выполнять действия, глядя на остальных, которые тоже судорожно выполняют действия и спотыкаются на ходу, чтобы иметь возможность действовать и одновременно глядеть в переносной телевизор. В общем, то ли еще будет.

2001

Учебник в роли учителя

Предложение властей (пока что в стадии обсуждения) заменить школьные учебники материалом, взятым непосредственно из интернета (чтобы уменьшить вес школьных портфелей и избавиться от расходов на учебники), встретили по-разному. Издатели и книготорговцы усмотрели в этом смертельную угрозу отрасли, в которой заняты тысячи человек. Хотя я и солидарен с издателями и книготорговцами, нельзя не признать, что на том же основании производители карет, кучера и конюхи могли протестовать против парового двигателя, а ткачи (как это и было на самом деле) — против механических ткацких станков. Пойди История в указанном властями направлении, освободившейся рабочей силе пришлось бы найти иное применение (например, занять на производстве платного контента для интернета).

Второе возражение связано с тем, что тогда нужно дать каждому ученику по компьютеру: вряд ли государство потянет такие расходы, а повесить их на родителей означает заставить их платить куда больше, чем за учебники. С другой стороны, выдай на каждый класс

по одному компьютеру, станет невозможным индивидуальный поиск в интернете, составляющий преимущество предлагаемого решения (лучше уж печатать каждое утро в государственной типографии тысячи листовок и раздавать их, как раздают булочки в столовой для бездомных). Зато — могут мне возразить — у каждого был бы доступ к компьютеру.

На самом деле проблема в другом. Дело в том, что интернет не должен заменять книги, он прекрасно их дополняет, подталкивает больше читать. Книга остается главным орудием передачи и распространения знания (что бы стали изучать в школе, случись *black out*?), а школьные учебники предоставляют первую, незаменимую возможность научить ребят пользоваться книгами. Кроме того, интернет предлагает невероятное разнообразие информации, но не снабжает фильтрами для ее отбора, в то время как смысл образования не только в передаче информации, но и в том, чтобы объяснить критерии выбора. Эту задачу выполняет учитель, а еще — школьный учебник, пример того, как в океане информации отобрали нужные сведения. Это верно по отношению к самому никудышному учебнику (пусть учитель критикует его за скудость и дополняет, используя иные критерии отбора). Если ребят не научить этому, не объяснить, что культура — не накопление, а отбор, мы получим не образование, а психическое расстройство.

Некоторые из опрошенных школьников заявили: «Здорово, так я смогу распечатывать только нужные страницы и не таскать все ненужное». Неправильно. Помню, в последнем классе сельской средней школы, которая в конце войны была открыта не каждый день, учителя (единственные учителя в моей карьере школьника и студента, чьи имена я забыл) ничему меня осо-

бенно не научили, зато, перелистывая с досады хрестоматию, я впервые прочел стихи Унгаретти, Квазимодо и Монтале. Это стало для меня открытием и личной победой. Учебник ценен именно тем, что позволяет обнаружить то, что учитель обходит вниманием (из-за лени или нехватки времени) и что, по мнению кого-то другого, чрезвычайно важно.

Кроме того, учебник служит трогательным и полезным напоминанием о школьных годах, в то время как листы, распечатанные на один день, которые мы постоянно роняем на пол и которые, прочитав и подчеркнув нужное, обычно выбрасываем (так поступаем и мы, ученые, а уж школьники — сплошь и рядом), не оставят в памяти следа. Мы их потеряем, и все.

Конечно, откажись мы от цветных иллюстраций, книги стали бы легче и дешевле. Достаточно прочитать в учебнике истории, кто такой Юлий Цезарь, а потом, если есть персональный компьютер, запустить, например, *Google Image* и поискать изображения Юлия Цезаря, реконструкцию облика Рима его эпохи, диаграммы, объясняющие устройство легиона. Не говоря уже о том, что, если перечислить в учебнике надежные сайты, можно зайти на них и поискать дополнительные сведения, для ученика это может стать личным приключением — главное, чтобы учитель объяснил, как понять, который сайт серьезный и надежный, а который — поверхностный и никчемный. Книга и Интернет куда лучше, чем Книга и Винтовка[1].

Ну и последнее: поскольку отменять учебники не стоит, интернет может заменить словари, а они в школьном портфеле тяжелее всего. Бесплатно ска-

[1] *«Книга и винтовка – идеальный фашист»* (итал. *Libro e moschetto – fascista perfetto*) – девиз Университетской милиции (добровольных студенческих военных формирований) в годы фашизма.

чать латинский, греческий или любой другой словарь удобно и не требует много времени.

Но главной должна оставаться книга. Хотя председатель Совета министров[1] как-то раз признался, что последние лет двадцать не читает романов, в школе не должны учить, как стать председателем Совета министров (по крайней мере — таким).

*2004

[1] В то время председателем Совета министров Итальянской Республики был Сильвио Берлускони.

Как копировать из интернета

Интернет-сообщество лихорадит: спорят о Википедии. Не знаю, в какой мере центральная редакция проверяет прибывающие отовсюду тексты, но, когда мне доводилось пользоваться Википедией по вопросам, в которых я разбираюсь (проверить дату или название книги), я всегда убеждался, что составлена она неплохо и содержит немало сведений. То, что ее автором может стать каждый, связано с риском: случалось, что кое-кому приписывали то, чего он не совершал, и даже заслуживающие порицания поступки. Разумеется, после протестов статью исправляли. В статье обо мне содержались неточные биографические сведения, я их исправил, ошибка исчезла. Кроме того, в кратком пересказе одной из моих книг я обнаружил то, что счел ошибочной интерпретацией: я якобы «развивал» одну из мыслей Ницше, в то время как на самом деле я ее оспариваю. Я исправил *develops* на *argues against*, исправление приняли.

Меня это ничуть не успокаивает. Завтра кто угодно может отредактировать статью и приписать мне (в насмешку, из вредности или глупости) нечто противоположное тому, что я сказал или сделал. Кроме того, по-

скольку в интернете до сих пор ходит текст, в котором утверждается, что я — Лютер Блиссет[1], знаменитый фальсификатор (хотя прошло много лет с тех пор, как проказники сделали *coming out* и раскрыли свои имена и фамилии), я бы мог проявить коварство и подпортить статьи о несимпатичных мне авторах, приписав им сочинения, которых они не писали, педофильское прошлое или связь с «Детьми Сатаны»[2].

Некоторые полагают, что, кроме контроля со стороны редакторов, в Википедии действует и нечто вроде статистической компенсации, в силу которой рано или поздно кто-нибудь обнаружит ложность сведений. Будем надеяться, что это так, но, очевидно, у нас нет никаких гарантий существования мудрого синьора Треккани[3], который лично пишет все статьи и отвечает за них.

Впрочем, Википедия вызывает не так много опасений, как другая серьезная проблема, связанная с интернетом. Наряду с надежными сайтами, созданными компетентными людьми, существуют липовые сайты, созданные людьми недалекими, неуравновешенными и даже неонацистами, а ведь далеко не все пользователи Сети способны разобраться, каким именно сайтам стоит доверять, а каким нет.

Лютер Блиссет (Luther Blissett) — коллективный псевдоним, за которым скрывалось около сотни писателей, художников, авторов перформансов в Европе и Америке. «Появился на свет» в 1994 году в Болонье, назван в честь футболиста, игравшего в том числе за клуб «Милан». Самое известное произведение Блиссета — исторический роман *Q* (в 2007 году вышел в русском переводе в издательстве «Иностранка»).

Вероятно, речь идет о сатанинской группе «Звери сатаны» (итал. *Bestie di Satana*), действовавшей в Италии и совершившей ряд жестоких убийств в 1998–2004 годах.

3 *Джованни Треккани* (1877–1961) вместе с Джованни Джентиле основал в 1925 году издательство, выпустившее «Итальянскую энциклопедию наук, литературы и искусства», одну из крупнейших национальных энциклопедий в мире.

Все это имеет трагические последствия для образования: известно, что школьники и студенты порой не открывают учебники и энциклопедии, а черпают сведения прямо из интернета. Происходит это так часто, что я давно призываю ввести в школах новый предмет — методику отбора сведений в интернете. Впрочем, этому искусству научить сложно: зачастую преподаватели столь же беззащитны, как и их ученики.

Кроме того, преподаватели жалуются, что теперь, готовя доклад или курсовую, ребята просто копируют из интернета. Подразумевается, что, если они копируют с ненадежного сайта, преподаватель заметит, что студент несет чепуху, но, когда речь идет об узких темах, доступных лишь специалистам, трудно сразу понять, истинно или ложно то, что пишет студент. Допустим, студент решает написать курсовую о малоизвестном авторе, которого преподаватель знает с чужих слов. Студент приписывает этому автору некое произведение. Как преподаватель сумеет установить, что автор его никогда не писал? Неужели, читая всякую студенческую работу (а преподаватели читают десятки работ), он будет тщательно проверять сведения, обращаясь к разным источникам?

Но дело не только в этом. Студент может представить работу, в которой, на первый взгляд, все в порядке (так оно и есть), но которую он скопировал прямо из интернета, используя технику «вырезать и вставить». Я не считаю это трагедией, хорошо копировать — непростое искусство, освоивший его студент имеет право на положительную оценку. С другой стороны, даже когда интернета не было и студенты могли списывать с книг в библиотеке, это не меняло сути дела (разве что требовало больше ручного труда). Наконец, хороший преподаватель всегда заметит, что текст

скопирован кое-как, и догадается, в чем дело (повторяю: если текст скопирован с умом — снимаю шляпу).

Тем не менее я считаю, что существует весьма действенный способ использовать недостатки интернета в педагогике. Дайте в качестве упражнения в классе, на дом или курсовой следующее задание: «Найти на тему *N* выложенные в интернете недостоверные сведения и объяснить, почему они недостоверны». Подобное задание требует критического взгляда и умения сопоставлять источники — так студенты потренируются в искусстве отбора.

2006

Где бы нам пристроить поэтов?

В прошлую субботу на страницах *Corriere della Sera* завязалась полемика, лишь на первый взгляд носящая расслабленный летний характер. Все началось с напечатанного в *Liberazione* интервью Нанни Балестрини[1]: Балестрини, не обходящийся без провокаций даже в возрасте патриарха и сетующий на то, что издатели перестали печатать поэзию, заявил, что теперь, к счастью, есть интернет, где можно распространять стихи любых поэтов. Видимо, Балестрини имеет в виду как сайты, где собраны стихи знаменитых авторов, так и сайты, где печатаются начинающие. Признавая, что ориентироваться в подобном изобилии отнюдь не просто, он перечисляет несколько надежных сайтов.

При опросе других поэтов и критиков возникли три основных возражения. Первое (на мой взгляд, справедливое): даже если некоторые издательства закрыли поэтические серии, это не означает, что стихи больше не публикуют, книги известных поэтов (я имею в виду современных авторов, а не классиков) расходятся

Нанни Балестрини (р. 1935) — поэт, литературный критик, один из ярких представителей неоавангарда.

тиражом десять тысяч экземпляров. Второе возражение (тоже вполне справедливое) заключается в том, что жаждущей прославиться молодежи открыты альтернативные пути — журналы, фестивали, публичные выступления. Третье возражение — в том, что, как сказал один поэт-лауреат, «если искать в интернете стихи, найдешь кучу хлама, душевные излияния деревенских дурачков; блоги ведут в основном эксгибиционисты. Куча мусора, и ничего дельного»[1].

Последнее возражение справедливо, потому что в интернете действительно можно найти что угодно, но оно требует дальнейших размышлений. Верный заветам Фомы Аквинского, выслушав разные мнения, я пытаюсь составить *respondeo dicendum quod*[2]. Разумеется, поэтические серии и прочие места, где встречаются и слушают друг друга сочинители и читатели стихов, по-прежнему крайне необходимы как для молодых поэтов, так и для молодых читателей.

Для первых — потому что там их могут критиковать, отбирать и, скажем прямо, им могут посоветовать сменить профессию (что и происходит с большей частью девяноста процентов грамотных человеческих существ, которые рано или поздно пытаются писать стихи), если им лучше заняться сельским хозяйством. Для вторых — потому что они находят тех, кто обеспечивает им «фильтр» и гарантию. Влюбленный в поэзию юноша, как правило, принимает за хорошие стихи то, что ими не является, то, что списано с других хороших стихов, в то время как, покупая книгу из пре-

Слова поэта Джузеппе Конте, приведенные в статье «Сегодня Монтале публиковался бы в интернете», которая вышла в *Corriere della Sera* 5 августа 2006 года в ответ на интервью Нанни Балестрини.

Я отвечаю: следует сказать, что... (*лат.*) — центральная часть схоластического рассуждения.

стижной поэтической серии, он знает, что настолько, насколько можно доверять основанным на вкусе суждениям, то, что он читает, одобрено кем-то, кто предположительно обладает натренированным нюхом.

Помню лицейские годы, проведенные в провинциальном городке, где я в лучшем случае добывал книжки из серии *Specchio* издательства *Mondadori*, зато каждую неделю читал *La fiera letteraria*[1]. Там была рубрика, в которой (как в других журналах рубрика писем читателей о делах сердечных) печатали короткие отрывки из присланных поэтических сочинений, сопровождавшиеся словами похвалы, одобрения, исправлениями или беспощадной критикой. Все определялось принятыми в то время критериями суждения о поэзии и вкусами рецензента, но для меня это стало ценным уроком критики, призывом оценивать стиль, а не добрые чувства. Первым результатом (за который отечественная словесность должна быть благодарна *La fiera letteraria*) стало то, что я выбросил собственные вирши в мусорную корзину.

Найдутся ли в интернете сайты, выполняющие сегодня ту же задачу? Можно возразить, что *La fiera letteraria* — единственное еженедельное издание о литературе и искусстве, которое в те годы молодой человек мог купить в газетном киоске, а в интернете можно найти десять тысяч аналогичных сайтов — значит, и в данном случае мы сталкиваемся с драматической невозможностью выбора. Однако я помню, что и в мое время ходили (бесплатные) журнальчики для поэтов, которые печатались в них за деньги. Тем не ме-

Lo specchio (*итал.* «Зеркало») — престижная поэтическая серия, выходившая в издательстве *Mondadori* с 1940 года. *La fiera letteraria* (букв. «литературная ярмарка») — еженедельное издание о культуре, науке и искусстве, выходило с 1925 по 1977 год.

нее я как-то сумел понять (интуитивно или прислушавшись к чужим советам), что *La fiera letteraria* заслуживает доверия, а макулатурные журналы — не очень. То же самое может произойти с поэзией в интернете. Раз правы те, кто указывает на существование фестивалей и журналов, предполагается, что серьезный поэт и серьезный читатель поэзии получат надежные ориентиры, как найти действительно хорошие сайты.

А все остальные? «Деревенские дурачки» и маньяки, живущие в интернете, не отрывающиеся от компьютера и знать не знающие о существовании журналов и фестивалей? Пусть себе сгинут, как всегда бывало и до эры интернета, когда отряды поэтических леммингов, подверженных стадному чувству, попадали в объятия *vanity press*[1] и рекламирующихся в газетенках липовых премий, вливались в ряды подпольной армии литераторов, печатающихся за свой счет и живущих в мире, параллельном миру «официальной» литературы: они не замечают ее, а она не замечает их. С тем преимуществом, что, публикуясь в интернет-самиздате, плохие поэты не кормят шакалов поэзии. А поскольку Господь бесконечно добр, не исключено, что и в этом адском болоте распустится настоящий цветок.

2006

[1] Издания, в которых авторы публикуются за свой счет.

Зачем нужен учитель?

В потоке статей о хамстве в школе я прочитал об одном случае, который бы не отнес к хамству (скорее к проявлению дерзости), тем не менее эта дерзость о многом говорит. В статье рассказывалось об ученике, который, провоцируя учителя, спросил: «Простите, а вы-то зачем нужны в эпоху интернета?»

Ученик сказал полуправду, которую, между прочим, уже лет двадцать повторяют сами учителя, то есть то, что раньше задачей школы было обучать, а главное – передавать знания: от всяких таблиц, которые заучивают в начальной школе, до сведений о столице Мадагаскара в средней школе и дате начала Тридцатилетней войны в лицее. С приходом даже не интернета, а телевидения и радио, а возможно, еще раньше — с приходом кино большинство этих знаний ребята стали получать за пределами школы.

Когда мой отец был маленьким, он не знал, что Хиросима находится в Японии и что существует Гуадалканал[1], у него были весьма смутные представления

[1] Битва за *Гуадалканал* между силами союзников и Японией (1942) – из важнейших сражений Второй мировой войны в Тихоокеанском регионе

о Дрездене, а Индию он знал по книжкам Сальгари[1]. Я с военных времен узнавал все это по радио и по картам, которые печатали в газетах. Мои дети видели по телевизору норвежские фьорды, пустыню Гоби, видели, как пчелы опыляют цветы и каким был тираннозавр рекс. Сегодняшние ребята знают всё про озон, коал, Ирак и Афганистан. Возможно, они не сумеют ясно объяснить, что такое стволовые клетки, но они о них слышали, а в мое время нам о них не рассказывала даже учительница естествознания. Ну и зачем же сегодня учителя?

Как я говорил, ученик сказал полуправду: прежде всего учитель должен не только информировать ученика, но и формировать его личность. Хороший класс является таковым не потому, что в нем заучивают кучу дат, а потому, что в нем ведется постоянный диалог, сопоставляются мнения, обсуждается то, что ученики узнают в школе и что происходит за ее стенами. Конечно, о событиях в Ираке нам расскажут по телевидению, но почему со времен Месопотамии подобные события происходят в Ираке, а не в Гренландии, объяснят только в школе. А если кто-нибудь возразит, что иногда нам это растолковывают умные люди в вечернем ток-шоу Бруно Веспы[2], стоит обсудить в школе это ток-шоу.

Средства массовой информации нам много чего рассказывают, они даже навязывают нам определенные системы ценностей, но нужно уметь обсуждать в школе, как их нам навязывают, оценивать тон беседы, силу аргументации в печати и на телевидении. Кроме того,

Эмилио Сальгари (1862–1911) – знаменитый писатель, автор исторических и приключенческих романов.

[2] *Бруно Веспа* – бессменный ведущий популярного политического ток-шоу *Porta a porta* (букв. «От двери к двери») на первом канале государственного телевидения.

сведения, которые мы получаем из средств массовой информации, неплохо бы проверять: кто, как не учитель, исправит неправильное произношение английских слов, которому каждый может научиться, смотря телевизор?

Ученик, заявивший учителю, что тот ему больше не нужен, потому что теперь радио и телевидение объяснят ему, где находится Томбукту[1] и что известно о холодном ядерном синтезе, не имел в виду, что в наши дни учителя могут подменить, скажем так, непринужденные беседы, которые каждый день без какого-либо порядка ведут в разных средствах массовой информации, — то, что мы много знаем об Ираке и мало о Сирии, зависит от доброй или злой воли Буша. Ученик имел в виду, что сегодня есть интернет, Великая мать всех энциклопедий, где можно прочитать о Сирии, о холодном ядерном синтезе, о Тридцатилетней войне и о бесконечной дискуссии о наибольшем нечетном числе. Он имел в виду, что сведения, которые предоставляет ему интернет, куда обширнее и порой глубже того, чем располагает учитель. При этом он забыл об одной важной вещи: интернет расскажет ему почти все, кроме одного — как искать, отфильтровывать, отбирать, принимать или отбрасывать эти сведения.

Накапливать новую информацию способен каждый: для этого достаточно иметь хорошую память. А вот решить, что стоит запоминать, а что нет, — тонкое искусство. В этом разница между тем, кто получил полное образование (пусть даже учился плохо), и самоучкой (даже самым гениальным).

Беда в том, что и преподаватель оказывается неспособен научить искусству отбора, по крайней мере

Томбукту — столица самопровозглашенного государства Азавад на северо-востоке Мали.

не во всех отраслях знания. Но он хотя бы знает, что должен это уметь. Если он неспособен дать точные указания, как отбирать информацию, он может дать пример, как всякий раз сравнивать и оценивать то, что подбрасывает интернет. Наконец, он может каждый день показывать, как систематизировать то, что интернет выдает в виде списка: интернет сообщает, что есть Тамерлан и однодольные растения, но не объясняет, как связаны эти понятия.

Объяснить это могут только в школе, а если не умеют — пора научиться. Иначе три *I*, с которых начинаются слова *Internet, Inglese, Impresa*[1], так и будут ассоциироваться с «И-а» — ослиным ревом, которому не долететь до небес[2].

2007

[1] «Интернет, английский язык, предпринимательство» (*англ.*) — три слова, выражающие суть предложенной Берлускони школьной реформы.

[2] Имеется в виду поговорка *Il ragio d'asino non sale in cielo* (букв. «Ослиный рев не долетает до небес»), то есть никто не слушает речи глупцов, особенно стоящих у власти. Ср. «Собака лает — ветер носит».

Пятая власть

Мы привыкли к двум принципам: первый сформулирован в колоритной сицилийской поговорке *megghiu cumannari c'a fottiri*, что в переводе на приличный язык означает «лучше властвовать, чем прелюбодействовать»; второй состоит в том, что власть имущие, задумываясь о сексе, обращают взор на графиню Кастильоне[1], Мату Хари, Сару Бернар или Мэрилин Монро.

Поразительно, что многие политики и бизнесмены уступили не столько соблазну заработать на афере с Панамским каналом, сколько соблазну воспользоваться услугами профессионалок — способных, но берущих не более тысячи евро с клиента, что для человека без постоянной работы немало, но куда меньше того, во что обходилась в свое время маркиза де Помпадур. А если у них иные предпочтения, они добиваются не утонченного Алкивиада[2], а много чего повидавшего транссексуала в темных закоулках Пирея.

Графиня ди Кастильоне (Вирджиния Ольдоини, 1837–1899) — знаменитая куртизанка, возлюбленная Наполеона III.

2 *Алкивиад* (450–404 до н. э.) — древнегреческий государственный деятель и полководец, известный распутной жизнью.

Более того: похоже, многие стремятся занять командную позу не потому, что для них это важнее сексуальных поз, а, наоборот, с твердой целью опробовать новые сексуальные позы. Разумеется, и прежде властители не чурались телесных утех. Конечно, Де Гаспери и Берлингуэр приучили нас к невиданной строгости нравов[1], Тольятти осмелился самое большее на развод, а если несовершеннолетняя звала его «папи», так это была его приемная дочь. Зато Юлий Цезарь сношался без разбору с центурионами, римскими патрицианками и египетскими царицами, у короля-солнца была целая вереница фавориток, Виктор Эммануил II ухаживал за своей прекрасной Розочкой[2], о Кеннеди нечего и говорить. Тем не менее создается впечатление, что все эти выдающиеся люди рассматривали женщину (или эфеба) как отдых воина: сперва нужно завоевать Бактрию, унизить Верцингеторига, триумфально пройти от Альп до пирамид[3], создать единую Италию, а секс — приятное дополнение, как мартини *straight up*[4] после трудного дня.

Сегодня же власть имущие прежде всего мечтают о вечеринке с моделями, и к черту великие предприятия и даже Великое Предприятие.

Дело в том, что герои прошлого возбуждались, читая Плутарха, в то время как герои наших дней после полуночи переключаются с центральных телеканалов

Альчиде Де Гаспери (1881–1954) — основатель Христианско-демократической партии Италии; *Энрико Берлингуэр* (1922–1984) многие годы занимал пост секретаря Итальянской коммунистической партии.

Виктор Эммануил II (1820–1878) — первый король объединенной Италии, *Роза Верчеллане* много лет была его любовницей, родила ему двоих детей; в конце жизни король сочетался с ней морганатическим браком.

3 Имеется в виду завоевание Бактрии Александром Македонским в 329–327 годах до н. э., завоевание Галлии Юлием Цезарем в 58–50 годах до н. э. и Египетский поход Наполеона в 1798–1801 годах.

4 Охлажденный мартини, подается без льда.

на те, по которым крутят порно, или в возбуждении плавают в интернете. Я зашел в Сеть и набрал «падре Пио»[1]: 1 400 000 сайтов. Неплохо. Набрал «Иисус»: 4 830 000 сайтов – уроженец Назареи пока еще обгоняет уроженца Пьетрельчины. Затем я набрал «порно» и получил 130 000 000 (я не шучу – сто тридцать миллионов) сайтов. Решив, что слово «порно» имеет куда более широкое значение, чем «Иисус», я решил сравнить «порно» и «религию»: «религия» выдала чуть более девяти миллионов сайтов, в два раза больше, чем «Иисус», – на мой взгляд, это политически корректно, но по сравнению с порно очень мало.

Что же выложено на ста тридцати миллионах порносайтов? Среди различных опций – *Anal*, *Asiatic*, *Latino*, *Feticism*, *Orgy*, *Bisexual*, *Cunnilingus*, *German* (*sic!*), *Lesbian*, *Masturbation*, *Voyeur* (подглядываешь за тем, кто подглядывает за праздником плоти), за ними следуют разнообразные формы инцеста – отец с дочкой, брат с сестрой, мать с сыном, отец, мать, сын и дочка вместе, мачеха и приемный сын и даже внук с бабушкой (*granny*), а также *MILF*, что означает (см. Википедию) «*mother I'd like to fuck*», то бишь мамашу, с которой вам бы хотелось иметь сексуальный контакт, – как правило, приятные дамы между тридцатью и сорока пятью годами (подумать только, Бальзак назвал «Тридцатилетняя женщина» рассказ о женском закате).

Согласен, порнография помогает разрядиться тем, кто по какой-либо причине не может заняться сексом, а также спасает заскучавшие пары, позволяя им оживить отношения (в этом смысле она играет положительную роль), однако она способна возбудить фантазию тех, кто подавляет инстинкты, и подтолкнуть

Падре Пио (1887–1968) – один из самых любимых католических святых XX века.

их к насилию, навязчивому ухаживанию и разным неприглядным поступкам. Кроме того, порнография убеждает, что девушка-эскорт за тысячу евро умеет такое, о чем не мечтала даже гетера Фрина[1].

Но мы не должны ограничиваться тридцатью процентами итальянцев, которые заходят в интернет, остальные семьдесят процентов могут разглядывать на телеэкране куда более заманчивые картинки, чем-то, что за немалые деньги позволяли себе в сороковые годы миланские шишки, да и то раз в год, когда ходили смотреть на Ванду Осирис[2]. Сегодня обычный человек куда чаще сталкивается с сексуальными провокациями, чем его дед. Подумайте, наконец, о бедном приходском священнике: раньше он лицезрел свою немолодую служанку да читал *L'Osservatore Romano*, а теперь каждый вечер наблюдает, как покачивают обнаженными бедрами юные девы. А потом говорят, что вокруг полно педофилов.

Отчего бы не допустить, что постоянно разжигаемое желание влияет и на тех, кто стоит на защите общественных интересов, — вызывает мутацию и изменяет цели их работы на общественном поприще?

2010

Дополнение

Кто-то сказал, что социолог — человек, который в стрип-клубе глядит не на сцену, а в зал. Я не могу увидеть зал, в котором сидят зрители порносайтов, и даже всю сцену. Если верить исследователям интернета, чис-

Фрина (390–330 до н. э.) — знаменитая афинская гетера, натурщица Праксителя и Апеллеса.

Ванда Осирис (Анна Менцио, 1905–1994) — знаменитая итальянская актриса и певица, звезда музыкальной сцены.

ло порносайтов не поддается оценке. Я прочитал в Сети, что по данным на 2003 год порносайтов 260 миллионов — по-моему, цифра завышена, разве что посчитали сайты, где можно увидеть полуголую Кэрролл Бейкер[1] Выбрав наугад сайт — вероятно, самый посещаемый, — я увидел, что его материалы поделены на 71 категорию, в каждой в среднем несколько тысяч видео. Учитывая, что сайт обновляется ежедневно (но старые материалы остаются доступны), мы можем насчитать 170 000 фильмов. Поскольку с этого сайта можно перейти еще на двадцать один сайт, даже учитывая повторы и то, что некоторые сайты по размерам скромнее, в сумме у меня получается порядка 3 570 000 видео. Это не 260 миллионов, может, это чуть больше трех миллионов, но таковы вероятные масштабы явления.

Не в силах посетить три миллиона сайтов, ибо *ars longa, vita brevis*[2], я стал заходить на некоторые, почти наугад, и сделал наблюдение, которое не претендует на научную ценность, но которое лично меня убедило. Останавливаясь только на женских лицах (мужские не настолько важны — снимая мужчин, камера, как правило, замирает на репродуктивных органах), я обнаружил, что, когда большинство вовлеченных в эротические игры дев открывает рот (а они делают это нередко — не только улыбаясь или вопя от наслаждения), оказывается, что зубы у них совсем не ахти. Как правило, резцы в порядке, зато клыки кривые и маленькие, не говоря уже о неровных молярах и заметных невооруженному глазу крупных пломбах.

Первое, что делают в Голливуде, продвигая новую актрису, — приводят ей зубы в порядок. Это стоит беше-

Кэрролл Бейкер — американская актриса, секс-символ пятидесятых — шестидесятых годов.

2 Жизнь коротка, искусство вечно (*лат.*).

ных денег, как известно даже тому, кто ходит к зубному в Бухаресте. Значит, большинство девиц, снимающихся в порнофильмах, а среди них немало красавиц или по крайней мере хорошеньких, принадлежит к бедноте, денег на зубного у них нет. Полагаю, они и не надеются заработать нужную сумму своими услугами, поскольку, как говорит статистика, предложений на этом рынке в избытке, а значит, гонорары отнюдь не астрономические (из того же интернета я узнал, что самые популярные актрисы зарабатывают до десяти тысяч долларов в месяц, однако работают они недолго, а настоящих звезд по пальцам пересчитать). Наверное, они мечтают, что, когда появятся на экране компьютера, какой-нибудь голливудский магнат их заметит и решит отреставрировать им зубки. А может, и нет, может, они понимают, что с такими зубами в Голливуд не берут, и смиряются, что их удел — участвовать в низкопробных эротических играх?

Все это говорит об одном: бессчетная армия людей, сношающихся полный рабочий день, — пролетариат секса, а значит, вся порнопродукция — форма торговли живым товаром, эксплуатация тех, кто отчаялся найти постоянную работу.

Об этом важно помнить, потому что нередко посетители сайтов возбуждаются, думая, что героини порнофильмов занимаются тем, чем они занимаются, от бесстыдства, неосторожности, потому что им это нравится, потому что они ведут себя с вызывающей наглостью, что делает их еще желаннее. На самом деле они занимаются этим от отчаяния, понимая, что с такими зубами у них нет будущего, а есть только настоящее и жалкие заработки.

2015

Между догматизмом и фаллибилизмом

В прошлое воскресенье в *Corriere della Sera* Анджело Панебьянко написал о проявлениях догматизма в науке[1]. Я полностью с ним согласен и хочу лишь привлечь внимание к другой стороне проблемы.

Если кратко, Панебьянко утверждает, что наука по определению антидогматична: ученые осознают, что идут вперед, предпринимая очередные попытки и совершая ошибки. Значит (добавлю я вместе с Пирсом, который вдохновил Поппера[2]), в науке негласно действует принцип «фаллибилизма», в силу которого ученые всегда готовы исправить свои ошибки. Наука становится догматичной в неизбежно упрощенном журналистском изложении, которое выдает за чудесным образом сделанные открытия и окончательно установленную истину то, что на самом деле представляет собой робкие научные гипотезы. Впрочем, наука

Angelo Panebianco. *Neo Dogmatici. Quando gli scienziati commettono gli errori* // Corriere della Sera, 10 giugno 2010.

Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914) – американский философ и математик, основоположник семиотики и прагматизма; *Карл Поппер* (1902–1994) – австрийский и британский философ и эпистемолог, теоретик «открытого общества».

подвергается опасности догматизма, принимая один неизбежный критерий — то, что культура определенной эпохи подчинена некоей «парадигме» (не только парадигме, связанной с именем Дарвина или Эйнштейна, но также и Коперника, которой до сих пор преданы все ученые и которая позволяет разоблачить безумные идеи, проповедуемые теми, кто эту парадигму не признает, включая сумасшедших, которые до сих пор утверждают, будто Солнце движется вокруг Земли). Как же тогда быть с тем, что обновление происходит как раз тогда, когда кому-то удается поставить под сомнение доминирующую парадигму? Если наука цепляется за одну парадигму, хотя бы ради защиты завоеванной власти, изгоняя как безумца или еретика всякого, кто бросает ей вызов, разве она не становится догматичной?

Вопрос болезненный. Парадигмы нужно непременно отстаивать или непременно оспаривать? Культура (понимаемая как система знаний, мнений, верований, обычаев и исторического наследия, принадлежащих особой группе людей) — не только накопление данных, но и результат их отбора. Культура — это еще и возможность выбросить бесполезное и ненужное. История культуры и цивилизации складывается из тонн информации, которая давно похоронена. О культуре можно сказать то же, что говорят о человеческой жизни. Борхес написал рассказ «Фунес памятливый», герой которого помнит все — каждый лист, который он видел на каждом дереве, каждое слово, которое он услышал за свою жизнь, каждый порыв ветра, который он ощутил, каждый вкус, который он почувствовал, каждую прочитанную фразу. Тем не менее (вернее, как раз из-за этого) Фунес — полный идиот, он не может сделать ни шагу, поскольку неспособен отбирать и выбра-

сывать ненужное. Наше бессознательное работает, потому что умеет выбрасывать ненужное. А когда механизм заедает, идут к психоаналитику — восстановить то немногое, что нам действительно нужно и что мы по ошибке выбросили. Но все остальное, к счастью, уничтожено, наша душа — продукт постоянно отбираемых воспоминаний. Будь у нас душа, как у Фунеса, у нас бы ее и вовсе не было.

Так поступает культура, совокупность ее парадигм — результат всеобщей энциклопедии, складывающейся не только из того, что в ней хранится, но и, если можно так сказать, из табу на то, что уничтожено. Опираясь на эту всеобщую энциклопедию, люди дискутируют. Но чтобы дискуссия была понятна всем, нужно отталкиваться от существующих парадигм — прежде всего чтобы доказать, что их уже недостаточно. Без отрицания парадигмы Птолемея, которая служила фоном, никто бы не понял рассуждения Коперника.

Зато интернет подобен Фунесу. Представляя собой массу доступных сведений — неупорядоченных, неотфильтрованных и неорганизованных, — он позволяет каждому выстраивать собственную энциклопедию, то есть свободную систему верований, понятий и ценностей, в которой могут сосуществовать, как и в головах многих людей, представление о том, что вода — это H_2O, и представление о том, что Солнце вращается вокруг Земли. Значит, теоретически одновременно могли бы существовать шесть миллиардов разных энциклопедий, а человеческое общество свелось бы к нарушенному диалогу шести миллиардов людей, каждый из которых говорит на языке, понятном ему одному.

К счастью, это только теоретическая гипотеза, но она остается таковой как раз потому, что научное сообщество дорожит существованием общих языков,

понимая, что для смены парадигмы требуется наличие свергаемой парадигмы. Безусловно, защита парадигм порождает опасность догматизма, но именно на этом противоречии и основано развитие знания. Чтобы не делать поспешных выводов, соглашусь с тем, что говорил безымянный ученый, которого цитирует в завершение своей статьи Панебьянко: «Не знаю, это сложное явление, надо его изучить».

2010

Марина, Марина, Марина...[1]

По электронной почте мне пришло следующее письмо (обратите внимание не только на грамматику, но и на орфографию): «Ты тот, кого я хочу знать хорошо. Привет. Мое прозвание Марина, тридцать лет я. Я увидел твой профиль и решила вам представляться. Какой ты поживаешь? У меня великолепный настрой души. Я ищу человека для серьезное отношение, а ты какой тип связи ищешь? Я очень заинтересован с тобой знакомиться, но лучше если ты и я переписываться по *e-mail.* Если у вас есть стимул достигать со мной понимание, вот мой адрес: abhojiku@nokiamail.com. Или *e-mail* мне ваш *e-mail,* а я напишу тебе циркуляр. Надеюсь, нельзя покидать без внимания и послание ты мне пишешь. Я был бы очень рад заполучить ваше мнение. Я ждать и не дождаться послание через *mail.* Твое Марина».

На прилагаемой фотографии — Мисс Вселенная, готовая принять приглашение на изысканный ужин в Аркоре[2]: возникает вопрос, отчего такая девушка, как

Название отсылает к шлягеру «Марина, Марина» Рокко Гранаты (1959), в котором говорится о любви к прекрасной Марине и о намерении жениться на ней.

Имеется в виду вилла Сильвио Берлускони в Аркоре, знаменитая громкими вечеринками с участием красивых девушек.

прекрасная Марина, опускается до попыток завязать «серьезные» отношения в интернете. Возможно, фотографию взяли с какого-то сайта (как фотографии безымянных актеров в кроссворде на обложке журнала *Settimana enigmistica*) и за Мариной скрывается персонаж, способный заинтересовать Роберто Савьяно[1], как знать? Однако, поскольку глупцов пруд пруди, я привожу ее адрес на случай, если кто-нибудь поспешит завязать с ней нежную дружбу, и снимаю с себя ответственность за последствия. Число клиентов незабвенной Ванны Марки[2], любителей гороскопов и участников прошлых выборов говорит о том, что Марина может рассчитывать на неплохой процент приверженцев виртуального мира.

Что касается виртуального мира, многим известно (интернет — отличный резонатор), что недавно в своем фальшивом Твиттере я якобы объявил о смерти Дэна Брауна, в то время как в другом Твиттере объявили о моей смерти. Поскольку все органы информации удостоверились, что это липа, многие решили (всем известно — я тот еще прохиндей), что я отправил «ложное» сообщение с «настоящего» адреса. В общем, боги ослепляют тех, кто жаждет затеряться в Сети[3], надеюсь, что Казаледжо[4] (похоже, он всерьез принимает

Роберто Савьяно (р. 1979) — итальянский писатель, проводил громкие журналистские расследования. Прославился романом «Гоморра», переведенным на сорок два языка.

Ванна Марки (р. 1942) — итальянская телеведущая, которая продавала через «магазин на диване» всяческие чудодейственные снадобья и прочие якобы эффективные товары. Впоследствии была осуждена за мошенничество.

3 Отсылка к латинской крылатой фразе *Quos vult Iupiter perdere, dementat prius* (букв. «Тех, кого он хочет погубить, Юпитер лишает разума»).

4 *Джанроберто Казаледжо* (1954–2016) — политик и предприниматель, создатель фирмы, оказывающей консалтинговые услуги в сфере информатики и интернета, один из основателей политического движения «5 звезд», редактор блога ее лидера Беппе Грилло.

все, что появляется в интернете) свяжется с Мариной и из них выйдет прекрасная пара.

Учителя, стремящиеся научить ребят не доверять виртуальному миру, могут зайти на страницу *http://piazzadigitale.corriere.it/2013/05/07/storyful-il-social-checking-anti-bufala*, где перечислены разные доступные сервисы, помогающие разоблачить липу и обман (знак того, что, к счастью, Всемирная сеть не только порождает фальшивки, но и предусматривает средства их разоблачения — главное, научиться хорошо плавать в интернете).

Однако культ виртуального мира требует все новых жертв. Вот что, к примеру, случилось на прошлой неделе. В Риме двадцатитрехлетний юноша вскарабкался на подоконник на десятом этаже и, приставив к животу нож, стал угрожать покончить с собой. Родным, полиции, стоящим внизу спасателям с надувным матрасом не удавалось его отговорить. Наконец юноша выкрикнул, что мечтает попасть на реалити-шоу, и пусть его туда доставят на лимузине. Полицейские вспомнили, что неподалеку стоит лимузин, который накануне использовали для рекламы чего-то. Машина подъехала, юноша слез с подоконника.

Мораль: единственная «реальная» вещь, способная убедить отказаться от намерения совершить самоубийство, — обещание виртуальной реальности. Разумеется, у юноши не все дома, но это не слишком утешает: разумно предположить, что все, кто верит реалити-шоу (а также все, кто ответил бы Марине или отнесся бы серьезно к сайтам, на которых написано, что атака на башни Всемирного торгового центра — дело рук Буша и евреев), легко бы прошли психиатрическую экспертизу. Значит, проблема виртуального мира касается (если не рассматривать исключительные случаи) не больных, а здоровых.

2013

Эти суки, космические лучи

Приятель раскритиковал мою предыдущую колонку: он считает, что рассуждать о мартини с джином, который пьет агент 007, в то время как Италия летит в тартарары, означает вести себя, как оркестр на «Титанике», продолжавший играть, пока трансатлантический лайнер шел ко дну. Согласен, но, на мой взгляд (если все так и было на самом деле), музыканты проявили себя как единственные грамотные профессионалы в этой печальной истории — когда все поддались смятению, паническому страху, безумию и эгоизму, оркестранты словно отозвались на призыв Нельсона накануне Трафальгарского сражения: «Англия ожидает, что каждый исполнит свой долг»[1]. И все же, чтобы не создалось впечатления, будто я прячусь в башне из слоновой кости и гляжу на все свысока, охваченный негодованием, изложу две исключительно политические, серьезные идеи.

По легенде, перед началом Трафальгарского сражения вице-адмирал Горацио Нельсон дал со своего флагманского корабля флажной сигнал *England expects that every man will do his duty.*

О неоязыке Похоже, среди политических терминов утвердились «продажная сука», «потаскун» и «пошел в жопу». Прошу прощения за то, что долг автора хроники вынуждает меня использовать выражения, совсем не похожие на те, которые я употреблял прежде, — «пересекающиеся параллельные», «затаившиеся реакционеры», «рабочий класс».

Тем не менее меня удивляет чрезмерный маскулизм, в силу которого все почувствовали себя оскорбленными грубыми нападками на депутатов и сенаторов женского пола, когда Баттиато[1] использовал (разумеется, поступив необдуманно) выражение «продажная сука» в отношении нескольких депутатов парламента. Отчего, услышав «продажная сука», все сразу подумали о женщинах? В наше время это выражение может относиться и к существам мужского пола, его используют для обозначения того, кто продает свои голоса, мгновенно меняет окраску или, выступая в палате депутатов, утверждает, что Руби — племянница президента Мубарака[2]. Полагаю, даже Дзикики[3], раздосадованный неудачным экспериментом, мог заявить: «Эти продажные суки, космические лучи, сведут меня с ума», вовсе не имея в виду, что исследуемые им симпатичные образования того же пола, что и Ева. Увы, мы все — маскулисты и считаем, что, за исключением мамочки, все продажные суки — женщины, а все женщины — продажные суки.

Франко Баттиато — известный композитор и эстрадный певец. Занимал пост асессора по туризму области Сицилия. В 2013 году, выступая в Европарламенте, заявил, говоря об Италии: «В парламенте полно продажных сук», которые «готовы на все».

Имеется в виду громкий секс-скандал, связанный с Сильвио Берлускони и несовершеннолетней марокканской танцовщицей Руби, выдававшей себя за племянницу президента Египта.

3 *Антонино Дзикики* (р. 1929) — известный физик, специалист по элементарным частицам.

О Твиттере В эпоху, когда Твиттер завоевывает мир, его использует даже римский папа и всемирное щебетанье стремится заменить представительную демократию, по-прежнему звучат два противоположных мнения. Первое состоит в том, что Твиттер вынуждает быть краткими и поверхностными, ведь для создания «Критики чистого разума» ста сорока символов явно не хватит. Второе заключается в том, что Твиттер, наоборот, учит выражаться кратко и емко.

Позвольте мне смягчить обе позиции. Про СМС тоже говорили, что из-за них наши дети теперь понимают и используют телеграфный стиль (вроде «Я ТЯ 04 ЛЮ»), забывая, что первую телеграмму отправил в 1844 году Сэмюэл Морзе, но, даже употребляя на протяжении многих лет фразы вроде «БУДУ СРЕДУ ТЧК» или «ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ КАТЕРИНА ВСКЛ», многие продолжали писать, как Пруст. Человечество научилось отправлять сообщения, состоящие из нескольких слов, однако в 1981 году Марко Боато произнес в парламенте речь, длившуюся восемнадцать часов[1].

Что же касается утверждения, что Твиттер учит емкости, на мой взгляд, это преувеличение. Лить воду можно и в сообщении из ста сорока символов. Конечно, за сообщение «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле» надо дать Пулитцеровскую премию:

Марко Боато (р. 1944) – итальянский политик, неоднократно избирался депутатом. Установил рекорд в истории итальянского парламента, выступив с речью, которая началась вечером, а закончилась на следующее утро. Все это время, в соответствии с регламентом, он простоял на ногах, не опираясь о кафедру и не читая заготовленный текст. В своем выступлении Боато выступил против предложения правительства разрешить силам порядка задерживать подозреваемых в совершении правонарушений на длительный срок.

141 символ (119 печатных знаков) сообщает именно то, что нужно читателю. Однако более проницательные («Потерю одного из родителей можно рассматривать как несчастье, но потерять обоих похоже на небрежность», «Поэта цель — стихами поражать... кто удивлять не в силах, брось писать») и глубокие высказывания можно сформулировать намного короче («Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное», «Но да будет слово ваше: да, да, нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого», «Человек — это наделенное разумом смертное животное», «Власть не берут, а подбирают», «Быть или не быть, вот в чем вопрос», «О чем невозможно говорить, о том следует молчать», «Все действительное разумно», *Gallia est omnis divisa in partes tres*[1]), коротко сформулированы афоризмы и понятия, вошедшие в историю человечества: «Повинуюсь», *Veni, vidi, vici*[2], «Мы будем идти вперед», *Non possumus*[3], «Мы будем сражаться в тени», «Мы либо создадим Италию, либо умрем»[4].

Перефразируя Фосколо, призываю вас, о пользователи Твиттера, сочинять краткие истории[5].

2013

1 Вся Галлия разделена на три части (*лат.*).

2 Я пришел, увидел, победил (*лат.*).

3 Мы не можем (*лат.*).

4 Фразы, приведенные У. Эко, принадлежат Оскару Уайльду, Джамбаттисте Марино, Аристотелю, Шарлю де Голлю, Уильяму Шекспиру, Людвигу Витгенштейну, Георгу Гегелю, Юлию Цезарю, Гарибальди, Аматоре Шиезе и другим.

5 В речи «О происхождении и задачах литературы» знаменитый итальянский поэт и писатель Уго Фосколо (1778–1827) призвал соотечественников сочинять «истории», то есть заниматься литературным творчеством.

О СОТОВЫХ

Опять про сотовый

В начале девяностых, когда сотовые были у немногих людей, но эти немногие уже превращали путешествие на поезде в ад, я написал довольно сердитую колонку. Если кратко, я призывал разрешить пользоваться сотовыми одним трансплантологам, сантехникам (в обоих случаях речь идет о людях, которые во имя общественного блага должны быть доступны всегда и везде) и неверным супругам. Между прочим, когда во всех остальных отношениях ничем не приметные господа громко разглагольствовали в поезде или в аэропорту об акциях, металлическом профиле и банковских займах, это прежде всего выдавало их низкое положение на социальной лестнице: настоящие боссы не разговаривают по сотовому, а нанимают двадцать секретарей, которые отфильтровывают сообщения; сотовый нужен менеджеру среднего звена, который должен быть готов в любой момент отчитаться перед директором, или мелкому предпринимателю, которому могут позвонить из банка и сообщить, что у него возникла задолженность.

Начнем с того, что с тех пор ситуация с супружеской изменой дважды менялась. Поначалу неверным супру-

гам пришлось отказаться от столь «личного» инструмента общения: его приобретение уже вызывало у второй стороны законные подозрения. Затем все поменялось еще раз: поскольку теперь сотовый был у всех, он перестал служить надежным доказательством внебрачной связи. Сегодня любовники могут им пользоваться, главное — не крутить роман с публичными личностями: их телефоны точно прослушивают. Сотовый по-прежнему выдает невысокое социальное положение (фотографий Буша с сотовым у уха никто не видел), при этом он стал орудием (чрезмерно тесного) общения между мамочками и детьми, с его помощью можно жульничать на выпускных экзаменах в школе, а также удовлетворять компульсивную фотоманию. Молодое поколение больше не носит наручные часы, теперь время узнают на экране сотового, прибавьте к этому появление СМС-сообщений, журналистской информации, которая обновляется ежеминутно, возможность выйти при помощи сотового в интернет и читать электронную почту, не подключаясь к проводам, а также то, что самый навороченный сотовый превращается в карманный компьютер, — все говорит о том, что мы имеем дело с фундаментальным общественным и технологическим явлением.

Можно ли в наши дни прожить без сотового? Поскольку «жить-ради-сотового» означает существовать исключительно в настоящем и постоянно поддерживать контакт с другими людьми, лишающий возможности уединиться и предаться размышлениям, те, кто дорожит собственной свободой (внутренней или внешней), могут использовать многочисленные функции сотового, но не использовать его как телефон. В крайнем случае можно включить его ненадолго — вызвать такси или предупредить домашних, что поезд опаздыг

вает на три часа, но не отвечать на звонки (достаточно его не включать). Когда меня критикуют за эту привычку, в ответ я рассказываю грустную историю: когда свыше сорока лет назад (до эры сотовых) умер мой отец, я был в пути, со мной связались много часов спустя. Так вот, многочасовое опоздание ни на что не повлияло. Свяжись они со мной в течение первых десяти минут, ничего бы не изменилось. Значит, мгновенное общение, которое обеспечивает сотовый телефон, имеет мало отношения к основополагающим вопросам жизни и смерти, не нужно тому, кто исследует Аристотеля, и даже тому, кто бьется над вопросом существования Бога.

Следовательно, философу сотовый неинтересен (разве что для того, чтобы таскать с собой библиографию о Мальбранше[1] объемом триста источников)? Напротив. Некоторые технические нововведения до такой степени изменили человеческую жизнь, что сами стали предметом философского исследования, — достаточно вспомнить, что писали об изобретении письменности (от Платона до Деррида) или о введении механических ткацких станков (см. у Маркса). Прочие технические изобретения, которые для нас крайне важны, как ни странно, не заинтересовали философов, например автомобиль или аэроплан (хотя философы и пытались осмыслить изменение представления о скорости). Дело в том, что автомобилями и самолетами (если вы не таксист, дальнобойщик или пилот) вы пользуетесь не всегда, а письмо и повальная механизация повседневной деятельности коренным образом изменили каждое мгновение нашей жизни.

Николя Мальбранш (1638–1715) — французский философ-идеалист, последователь Декарта.

Философии сотового телефона посвящена книга Маурицио Феррариса «Ты где? Онтология сотового телефона» (*Bompiani*, 2011)[1]. Название предполагает не слишком серьезное содержание, однако Феррарис, отталкиваясь от обозначенного предмета, делает ряд серьезных выводов, вовлекая нас в захватывающую философскую игру. Сотовый коренным образом меняет наш образ жизни, поэтому он «представляет интерес» для философии. Поскольку сотовый теперь выполняет функции ежедневника и маленького компьютера с доступом к Всемирной сети, он все меньше служит орудием устного общения и все больше орудием письма и чтения. В этом смысле он превратился в универсальный регистрирующий инструмент — посмотрим, как встрепенется приверженец Деррида[2], услышав, что речь идет о письме, регистрации или «записи».

Первые сто страниц «антропологии» сотового представляют собой увлекательное чтение даже для неспециалиста. Между разговором по телефону и разговором по сотовому есть существенная разница. Звоня по городскому телефону, можно спросить, дома ли тот, с кем вы желаете побеседовать; звоня по сотовому (за исключением случаев кражи), мы всегда точно знаем, кто нам ответит и что он готов с нами разговаривать (а это изменяет представление о частной жизни). Зато стационарный телефон позволяет знать, где находится ваш собеседник, с сотовым этого никогда точно не скажешь (между прочим, если он ответит: «Я у тебя за спиной», но номер зарегистрирован за границей, ответ облетит полсвета). Итак, мне неизвестно, где находится тот, кто мне отвечает, зато сотовому

1 Ferraris. M. *Dove sei? Ontologia del telefonino.* Bompiani, 2011.

2 *Жак Деррида* (1930–2004) — французский философ, теоретик литературы, создатель теории деконструкции.

оператору известно местонахождение нас обоих: возможности избавиться от контроля отдельных лиц соответствует полная прозрачность нашего передвижения под надзором оруэлловского Большого Брата.

Можно сформулировать различные пессимистические заключения (парадоксальные, а значит, вызывающие доверие) о новом *homo cellularis*[1]. К примеру, меняется динамика взаимодействия между двумя людьми: теперь это не контакт между ними одними, поскольку в разговор по сотовому в любую секунду может вклиниться третий участник, и тогда беседа между первым и вторым будет развиваться скачками или вообще остановится. Таким образом, основной инструмент связи (позволяющий мне в любое мгновение «предстать» перед другими, а другим — предо мной) одновременно превращается в инструмент нарушения связи (первый участник беседы связан со всеми, кроме второго участника). Среди оптимистических рассуждений мне понравилось упоминание о трагедии Живаго, который видит Лару в трамвае спустя много лет после расставания, не успевает сойти, догнать ее и умирает[2]. Будь у обоих сотовые, как бы окончилась их трагическая история? В своем анализе Феррарис (справедливо) указывает и на возможности, которые дарит сотовый, и на то, чего он нас лишает, — прежде всего, лишает одиночества, возможности молча поразмышлять о самих себе, не дает ни на миг расстаться с настоящим. Преобразование не всегда означает освобождение.

Однако, завершив первую треть книги, Феррарис переходит от сотового к рассуждениям на тему, которые всегда интересовали его в последние годы, в том чис-

1 Человек сотовый (*лат.*).

2 См. гл. 12 «Окончание» романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Указание неточное (в романе герой видит из окна трамвая не Лару, а другую женщину).

ле – к полемике с его учителями, от Хайдеггера до Гадамера и Ваттимо[1]. Он не согласен с философским постмодернизмом, с тем, что существуют только интерпретации, а не факты, и даже отстаивает ценность знания как *adaequatio*[2] или (бедный Рорти[3]) как «Зеркала Природы». Разумеется, в книге много любопытного, жаль, что у нас нет возможности проследить шаг за шагом, как Феррарис создает некое подобие реализма, которое он называет «слабой текстуальностью».

Как от сотового перейти к проблеме Истины? Проведя различие между физическими предметами (вроде стула или горы Монблан), идеальными предметами (вроде теоремы Пифагора) и социальными предметами (вроде итальянской Конституции или обязанности платить за съеденное и выпитое в баре). Первые два рода предметов существуют и вне наших решений, третий, так сказать, обретает силу только после регистрации или записи. Поскольку Феррарис пытается дать «естественное» обоснование подобной социальной регистрации, сотовый телефон оказывается главным инструментом всякого акта регистрации.

Было бы интересно обсудить многие мысли, изложенные в книге. Например, страницы, на которых объясняется различие между регистрацией (к которой относится выписка из банковского счета, закон, любые персональные данные) и коммуникацией. Мысли Феррариса о регистрации представляют большой

Мартин Хайдеггер (1889–1976) – выдающийся немецкий философ, один из основоположников экзистенциализма; Ганс Георг *Гадамер* (1900–2002) – немецкий философ; Джанни *Ваттимо* (р. 1936) – итальянский философ, теоретик постмодернизма.

2 Соразмерность (*лат.*).

3 *Ричард Рорти* (1931–2007) – американский философ, отвергал представление о философии как о науке, обеспечивающей точное представление бытия, как о «зеркале» природы.

интерес, зато мысли о коммуникации всегда носили излишне общий характер (воспользовавшись метафорой, которую сам Феррарис употребил в предыдущем памфлете, скажу, что эти мысли кажутся купленными в *Ikea*). Впрочем, «картонка» — не место для глубоких философских дискуссий.

Читатель может спросить, зачем было отталкиваться от сотового, чтобы сделать выводы, к которым можно прийти, отталкиваясь от понятий письма и «подписи». Разумеется, философ может построить целую метафизику, отталкиваясь от размышлений о передвижении червя, однако самое любопытное в книге не то, что сотовый позволил Феррарису создать онтологию, а то, что его онтология помогла ему понять и объяснить нам, что такое сотовый телефон.

2005

Проглотить сотовый

На прошлой неделе я узнал из газеты невероятную новость: «Римская полиция спасла марокканца, проглотившего сотовый». То есть поздно вечером полицейские ехали мимо, увидели, что на земле, в окружении соотечественников, лежит человек и харкает кровью, подобрали его, отвезли в больницу, а там у него из глотки извлекли «Нокиа».

С трудом верится (если только это не остроумная реклама «Нокиа»), что даже самый неадекватный человек в состоянии проглотить сотовый. Журналист предположил, что наркоторговцы сводили счеты и сотовый, скорее всего, запихнули в глотку силой — не как угощение, а как наказание (видимо, марокканец позвонил кому не следовало).

Заталкивать трупу камень в глотку принято у мафиози, так наказывают тех, кто выбалтывает секреты посторонним (Джузеппе Феррара даже снял фильм «Камень во рту»). Неудивительно, что обычай распространился и на другие этнические группы: феномен мафии достиг в мире таких масштабов, что еще много лет назад в Москве у моей переводчицы спросили, как по-итальянски будет «мафия».

Но на сей раз речь шла не о камне, а о сотовом, что показалось мне весьма символичным. Новая преступность действует не на селе, а в городе и имеет доступ к технологиям: вполне понятно, почему теперь жертву не связывают, как козленка, набросив на горло удавку[1], а, скажем так, выводят из строя, как киборга. К тому же запихнуть в рот сотовый телефон — все равно что запихнуть туда яички, самое дорогое, что у него есть, самую личную вещь, естественное дополнение физического «я», продолжение уха, глаза, а нередко и пениса. Удушить сотовым — все равно, что удушить человека его собственными кишками. Держи, тебе письмо.

2008

[1] Имеется в виду мафиозный обычай наказывать тех, кто нарушил обет молчания: жертве связывают сзади руки и ноги, пропустив веревку под горлом; шевелясь, человек сам себя удушает.

Торт с клубникой и сливками

Не так давно я пытался выступить в Испанской академии в Риме, однако синьора (снимавшая на телекамеру) направила мне в лицо яркий свет, и я не мог разобрать заготовленный текст. Раздосадованный, я заявил (как всегда заявляю не слишком воспитанным фотографам), что, когда я работаю, им нужно остановиться, так мы распределим рабочее время. Синьора камеру выключила, но всем видом показала, что я злоупотребил властью. На прошлой неделе в Сан-Лео, когда мэрия представляла замечательный проект возрождения пейзажей Монтефельтро[1], которые можно увидеть на картинах Пьеро делла Франческа, трое господ упорно слепили меня вспышками, пришлось напомнить им о правилах хорошего тона.

Заметьте: в обоих случаях это были не телеоператоры «Большого Брата», а, насколько можно судить, образованные люди, добровольно пришедшие послушать не самое простое по содержанию выступление. Тем не менее синдром электронного глаза не позволил

1 *Сан-Лео* — городок в Эмилии-Романье, ранее назывался Монтефельтро.

им подняться до уровня человечности, о котором они, возможно, мечтали: не слушая, что я говорю, они пытались просто заснять событие — наверное, чтобы выложить на *YouTube*. Они отказались от попыток понять, о чем идет речь, чтобы записать на телефон все, что и так видели своими глазами.

Похоже, постоянное присутствие механического глаза, из-за которого мозг отходит на второй план, изменило ментальность людей — даже тех, кто во всех прочих отношениях ведет себя вполне цивилизованно. Они покинули зал, унося с собой кадры произошедшего события (что было бы вполне оправданно, занимайся я стриптизом), но не получив ни малейшего представления о том, что именно происходило. Если, как можно предположить, они идут по свету, фотографируя все, что видят, очевидно, им выпала горькая судьба забывать на следующий день все увиденное накануне.

Я неоднократно рассказывал о том, как в 1960 году перестал снимать после поездки по французским монастырям, в ходе которой я фотографировал, как одержимый. Вернувшись домой, я обнаружил, что привез с собой массу посредственных фотографий, но увиденного не помнил. Я выбросил фотоаппарат и в следующих поездках запоминал все в уме. На память (больше для других, чем для себя) я покупал красивые открытки.

Однажды, когда мне было одиннадцать лет, я услышал странные крики на дороге, шедшей вокруг городка, куда я приехал в эвакуацию. Издалека я увидел, что грузовик врезался в повозку, на которой ехали крестьянин с женой. Женщину выбросило на дорогу, она разбила голову и теперь лежала в луже крови, где плавали и мозги (в моем воспоминании, до сих пор вызывающем ужас, это выглядело так, будто на землю уронили

торт с клубникой и сливками), муж крепко обнимал ее и кричал от отчаяния.

Я не стал подходить близко, мне было страшно: я не только в первый (и, к счастью, в последний) раз увидел размазанные по асфальту мозги, но и впервые столкнулся близко со Смертью. А еще с Горем и Отчаянием.

Что бы произошло, будь у меня, как у всех современных ребят, сотовый со встроенной телекамерой? Наверняка я бы заснял сцену — показать приятелям, что я там был, а потом выложить свое визуальное богатство на *YouTube* — повеселить прочих адептов *Schadenfreude*[1], то бишь тех, кто радуется чужому несчастью. А потом, продолжая снимать чужое горе, я бы наверняка стал к нему равнодушен.

Я же все сохранил в памяти, и, хотя с той поры прошло семьдесят лет, эта сцена по-прежнему преследует меня и учит — учит не быть равнодушным к чужому горю. Не знаю, останется ли у сегодняшних ребят такая возможность повзрослеть. Потому что у взрослых, не отрывающих глаз от сотового, ее больше нет.

2012

[1] Злорадство (*нем.*).

Эволюция: всё одной рукой

Позавчера на улице мимо меня поочередно прошли пять человек обоего пола: двое разговаривали по сотовому, двое с бешеной скоростью что-то набирали, рискуя при этом свалиться, одна дама шла, держа интересующий нас предмет в руке, готовая немедленно отозваться на звук, сулящий человеческое общение.

Один мой приятель, человек образованный и утонченный, выбросил часы «Ролекс»: он заявил, что теперь узнает время по своему «БлекБерри». Некогда прогресс техники подарил нам наручные часы, чтобы людям не приходилось таскать на спине маятниковые или ежеминутно доставать из жилета карманные часы, а теперь у моего приятеля, что бы он ни делал, одна рука всегда занята. Человечество атрофирует одну из двух верхних конечностей, хотя нам прекрасно известно, какой вклад внесли руки с расположенными сбоку большими пальцами в эволюцию нашего вида. Мне пришло в голову, что, когда писали гусиными перьями, одной руки хватало, но, чтобы печатать на клавиатуре компьютера, нужны обе руки, значит, телефононосец не может одновременно исполь-

зовать сотовый и компьютер. Однако затем я подумал, что *phone addict*[1] вообще не нуждается в компьютере (теперь этот предмет стал доисторическим), ведь с помощью сотового можно выйти в интернет и послать СМС, отправлять сообщения по электронной почте больше не надо — можно напрямую поговорить с человеком, которого собираешься потревожить или которым мечтаешь быть потревоженным. Конечно, телефономану труднее читать Википедию, а значит, он будет делать это быстрее и поверхностнее, стиль его сообщений будет стремиться к телеграфному (в то время как по электронной почте можно писать хоть последние письма Якопо Ортиса[2]). Но телефономану больше некогда черпать информацию из энциклопедий и пространно выражать свои мысли: он занят беседами, о синтаксической структуре которых нам может многое рассказать столь порицаемая прослушка. Она показывает, что *phone addict*, в принципе отказавшись от секретности, выражает свои мысли многоточием или обходится словами из скудного запаса неандертальца, вроде *cazzo* и *vaffanculo* («блин» и «на фиг»).

Попрошу вас также вспомнить фильм Клаудио Вердоне «Любовь вечна», в котором общительная девица превращает совокупление в кошмар: сидя на партнере, она то и дело отвечает на срочные сообщения и звонки. Мне довелось прочесть интервью, которое взяла у меня испанская журналистка (между прочим, с виду умная и образованная): она с изумлением рассказывает, что я ни разу не прервал беседу, чтобы ответить по сотовому. Журналистка сделала вывод, что я исключи-

1 Человек, страдающий от телефонной зависимости (*англ.*).

2 Имеется в виду роман Уго Фосколо (1778–1827) «Последние письма Якопо Ортиса».

тельно вежливый человек. Ей и в голову не пришло, что у меня нет сотового или он всегда выключен, потому что я пользуюсь им не для того, чтобы получать ненужные сообщения, а исключительно как ежедневником.

2013

Сотовый и королева из Белоснежки

Шагая по тротуару, я увидел, что навстречу мне движется приклеившаяся к сотовому дама, которая вообще не смотрит перед собой. Если я не сверну в сторону, мы столкнемся. Поскольку в душе я вредина, я резко остановился и развернулся, словно желая разглядеть что-то в дальнем конце улицы, — дама врезалась мне в спину. Готовясь к столкновению, я напрягся и неплохо выдержал удар: дама оторопела — она выронила сотовый и сообразила, что налетела на того, кто не мог ее видеть, что ей полагалось меня обойти. Дама принялась извиняться, а я великодушно отвечал: «Не беспокойтесь, в наши дни такое бывает».

Очень надеюсь, что при падении ее сотовый сломался, и советую всем, кто оказывается в похожей ситуации, вести себя так же. Компульсивных телефономанов следует убивать в детстве, но, поскольку Ироды встречаются нечасто, приходится наказывать телефономанов во взрослом возрасте, пусть даже они никогда не поймут, как низко пали, и будут упорствовать.

Мне прекрасно известно, что о синдроме сотового написаны десятки книг, добавить к ним нечего, но ес-

ли на мгновение задуматься — чем все-таки объяснить то, что почти все человечество охватило одинаковое исступление, что люди больше не общаются лично, не любуются пейзажем, не размышляют о жизни и смерти, а, как одержимые, болтают по сотовому, хотя им, как правило, не нужно сообщить ничего срочного, что вся жизнь превращается в диалог слепых?

Дело в том, что мы живем в эпоху, когда человечеству наконец-то удалось выполнить одно из заветных желаний, над которыми на протяжении столетий билась магия. Первое — желание летать, но не в машине, а подниматься в воздух, размахивая руками. Второе — воздействовать на врага или на любимую, произнося слова заклинания или тыкая иголкой в восковую куклу. Третье — общаться на расстоянии, через горы и океаны, при помощи джинна или волшебного предмета, которые моментально перенесут нас из Фрозиноне на Памир, из Иннисфри в Томбукту, из Багдада в Поукипзи, мгновенно общаясь с тем, кто находится в многих милях от нас. Сами, лично, а не как порой бывает на телевидении, где все решает чужая воля и где не всегда устраивают прямой эфир.

Что веками подталкивало людей к занятию магией? Спешка. Магия сулила возможность пройти от причины к следствию кратчайшим путем, опуская промежуточные шаги: произносишь заклинание — и железо превращается в золото, призываешь ангелов — и они передают твое послание. Вера в магию не исчезла с приходом экспериментальной науки: мечта о мгновенном переходе от причины к следствию перекочевала в технологическую сферу. Сегодня технология — то, что дает тебе все и сразу (нажимаешь кнопку сотового и тут же разговариваешь с Сиднеем), наука же движется вперед неспешно, ее осторожная медлительность

раздражает (нам хочется сегодня, а не завтра получить лекарство от рака) — поэтому мы склонны верить целителям, которые обещают сразу выдать волшебное снадобье, не заставляя нас ждать годами.

Между восторженным отношением к технологии и магическим мышлением существует тесная связь: она объясняется религиозной надеждой на то, что чудо свершится в один миг. Богословие рассказывало и продолжает рассказывать о чудесах, однако оно искало и продолжает искать аргументы, чтобы показать постижимость или непостижимость чуда. Вера в чудо позволяет увидеть нуминозное, сакральное, божественное, то, что является и действует без промедления.

Существует ли связь между тем, кто обещает немедленно вылечить от рака, падре Пио, сотовым телефоном и королевой из Белоснежки? В определенном смысле — да. Поэтому дама из рассказанной мной истории жила в волшебном мире, не столько глядя в волшебное зеркало, сколько слушая волшебные звуки.

2015

О ЗАГОВОРАХ

Где же Глубокая Глотка?[1]

Трагедия 11 сентября, как известно, породила многочисленные теории заговоров. Экстремистские версии (с ними можно ознакомиться на сайтах арабских или неонацистских фундаменталистов) все валят на евреев: их, мол, предупредили накануне, и поэтому ни один из работавших в башнях-близнецах иудеев не вышел на службу — а ведь, по официальным данным, среди жертв числятся около четырехсот израильских подданных и американских евреев. Другие обвиняют Буша, поскольку у него была веская причина — подготовить почву для введения войск в Афганистан и Ирак. Кто-то возлагает ответственность за случившееся на американские спецслужбы, которые могли преследовать свои собственные интересы. Согласно еще одной версии, заговорщики — арабские фундаменталисты, причем американские власти с самого начала были в курсе дела, но предпочитали не вмешиваться в естественный ход событий, чтобы в будущем разыграть эту карту и вве-

[1] Во время Уотергейтского скандала под этой кличкой скрывался информатор, передававший данные репортерам. Спустя много лет выяснилось, что им был Марк Фелт, заместитель директора ФБР.

сти войска в Афганистан и Ирак (те же слухи ходили и о Рузвельте: якобы он знал о готовящейся атаке на Перл-Харбор, но даже пальцем не пошевелил, чтобы спасти свой флот, до того ему был нужен повод для развязывания войны с Японией). Само собой, нельзя не упомянуть бен Ладена и его радикальных последователей: приверженцы этой версии обвиняют в бездействии местные органы власти, которые вместо того, чтобы защищать территорию Соединенных Штатов, проявили чудовищную некомпетентность. Впрочем, сторонники любой из теорий сходятся в одном: официальная картина произошедшего не соответствует истине, искажает факты, да и просто смехотворна.

Более подробно об этих конспирологических теориях написано в сборнике «Ноль. Почему официальная версия событий 11 сентября — фальшивка»[1], куда Джульетто Кьеза и Роберто Виньоли включили статьи Франко Кардини, Джанни Ваттимо, Гора Видала, Лидии Раверы[2] и не менее уважаемых иностранных мыслителей.

Кто желает ознакомиться с другой точкой зрения, также со своей стороны должен поблагодарить издательство *Piemme*: оно проявило поразительную беспристрастность (а заодно продемонстрировало, как завоевать две совершенно разные аудитории) и выпустило в том же году книгу «11 сентября. Невозможный заговор»[3], опровергающую все версии о заговорах. Ее со-

Zero. Perché la versione ufficiale sull'11/9 è un falso / a cura di Giulietto Chiesa e Roberto Vignoli. Piemme, 2007. Русский перевод: Кьеза Дж. *Zero*. М.: Трибуна, 2008.

2 *Джульетто Кьеза* (р. 1940) — итальянский журналист, писатель и общественный деятель; *Роберто Виньоли* (р. 1958) — итальянский фотограф и журналист; *Франко Кардини* (р. 1940) — итальянский историк, писатель и блогер; *Джанни Ваттимо* (р. 1936) — итальянский философ и писатель; *Гор Видал* (1925–2012) — американский писатель; *Лидия Равера* (р. 1951) — итальянская писательница и журналистка.

3 *11/9 La cospirazione impossibile* / a cura di Massimo Polidoro. Piemme, 2007.

ставил Массимо Полидоро, авторы здесь тоже подобрались весьма серьезные, взять хотя бы Пьерджорджо Одифредди или Джеймса Рэнди[1]. Не обошлось и без вашего покорного слуги, но этот факт не заслуживает ни порицания, ни похвалы — составитель лишь попросил позволения воспроизвести в сборнике одну из моих «картонок», темой которой был не столько теракт 11 сентября, сколько всемирная теория заговора. Я верю, что происхождение нашего мира — чистая случайность, поэтому причиной большинства событий, сотрясавших его на протяжении тысячелетий, от Троянской войны и до наших дней, я полагаю ту же случайность или противостояние глупцов. В силу своей природы, а также свойственных мне скептицизма и благоразумия, я подвергаю сомнению все заговоры, поскольку придерживаюсь невысокого мнения об умственных способностях себе подобных. Сами посудите, ну какие из них заговорщики? Тем не менее эмоции даже надо мной иногда берут верх, поэтому я склонен думать, что Буш и его администрация способны на все.

Не стану приводить (незачем, да и место надо поберечь) аргументы сторонников обеих версий, все они убедительны, я остановлюсь только на одном из них, который можно назвать «проверка молчанием». С проверкой молчанием сталкиваются, например, те, кто считает высадку американцев на Луну сфабрикованной фальшивкой. Допустим, американский космический корабль не садился на Луну, но ведь существовала заинтересованная сторона, способная это проверить и предать огласке, — Советский Союз; однако совет-

Массимо Полидоро (р. 1969) — итальянский журналист, писатель и популяризатор науки; *Пьерджорджо Одифредди* (р. 1950) — итальянский математик, логик и писатель; *Джеймс Рэнди* (р. 1928) — канадско-американский иллюзионист и научный скептик.

ская власть промолчала, из чего следует, что американцы действительно побывали на Луне. Тема закрыта.

Опыт (в том числе исторический) сообщает нам о заговорах и тайнах следующее: (i) стоит хотя бы одному человеку узнать о существовании некой тайны, рано или поздно он о ней проговорится, например любовнику или любовнице (лишь наивные масоны да последователи псевдотамплиерских культов верят в незыблемую тайну); (ii) если кому-то известна тайна, непременно найдется соответствующая сумма, которая развяжет ему язык (оказалось, достаточно предложить офицеру британской армии несколько сотен тысяч фунтов стерлингов, чтобы тот раскрыл все интимные подробности своих отношений с принцессой Дианой; если бы он состоял в подобных отношениях со свекровью принцессы, стоило лишь удвоить сумму, чтобы этот «джентльмен» поделился всеми деталями). Для организации псевдотеракта, цель которого — башни-близнецы, понадобились бы согласованные действия если не тысячи, то хотя бы сотни человек (чтобы заминировать здания, обеспечить невмешательство BBC, скрыть подозрительные улики и так далее). Замешанные в таких делах личности всегда далеки от джентльменов, поэтому кто-нибудь из них обязательно бы проболтался за щедрое вознаграждение. В общем, всей этой истории недостает одного — Глубокой Глотки.

2007

Заговоры и тайны

Недавно на итальянском языке вышла книга Кейт Такетт «Теория заговора: тайны и сенсации» (*Castelvecchi*, 2007)[1]. Теория заговора стара как мир, ее философию в совершенстве постиг Карл Поппер, и, чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть его эссе о социальной теории заговоров, включенное в книгу «Предположения и опровержения» (*Il Mulino*, 1972). «Эта теория, более примитивная, чем многие формы теизма, близка теории общества Гомера. Гомер представлял себе власть богов таким образом, что все события, происходившие на поле битвы перед Троей, были для него лишь отражением разнообразных сговоров на Олимпе. Заговорщицкая теория общества является как раз одним из вариантов такого теизма, верой в богов, чьи капризы и прихоти управляют всеми событиями. Она устраняет Бога, а затем спрашивает: «Кто занимает Его место?» И его место занимают различные обладающие властью люди и группы — зловещие влиятельные группы, ответ-

[1] Tuckett K. *Cospirazioni. Trame, complotti, depistaggi e altre inquietanti verità nascoste.* Castelvecchi, 2007. Оригинальное издание: Tucket K. *Conspiracy Theories.* Summersdale, 2004.

ственные за угнетение и вообще за все зло, от которого мы страдаем. <...> Лишь в тех случаях, когда ее защитники приходят к власти, она позволяет понять кое-что из того, что реально происходит. Например, когда Гитлер пришел к власти, веря в миф о заговоре сионских мудрецов, он попытался преодолеть их заговор с помощью своего собственного контрзаговора»[1].

В основе психологии заговора лежит наше недовольство наиболее очевидными объяснениями тревожных фактов, и зачастую его причина — неготовность эти факты принять. Возьмем теорию о «Великом старце», которая стала популярной после похищения Альдо Моро[2]: все недоумевали, как в тридцать лет можно разработать столь совершенный план? За исполнителями точно стоял кто-то еще, расчетливый «мозг» операции. Будто другие тридцатилетние не руководили в то же время предприятиями, не управляли аэробусами и не изобретали инновационные электронные устройства. Выходит, важно не то, каким образом тридцатилетние террористы ухитрились похитить Моро на виа Фани, а то, что их родители рассказывали небылицы о Великом старце.

Загадочное толкование неприятного факта отчасти снимает с нас груз ответственности, потому что теперь мы связываем этот факт с некой тайной, а тщательно оберегаемую тайну воспринимаем как направленный против нас заговор. Веру в заговор можно сравнить с верой в чудесное исцеление, с той лишь разницей, что в одном случае надо найти объяснение угрозе, а в другом — неожиданному подарку судьбы (согласно Попперу, причина всегда кроется в происках богов).

Поппер К. Р. *Предположения и опровержения: Рост научного знания* / Пер. с англ. А. Л. Никифорова, Г. А. Новичковой. М.: АСТ, Ермак, 2004. С. 213.

Альдо Моро (1916–1978) — итальянский политический и государственный деятель, похищенный и убитый «Красными бригадами» в 1978 году.

Самое удивительное, что в повседневной жизни и заговор, и тайна лишены какой бы то ни было загадочности. Если заговор успешный, то последствия рано или поздно дадут о себе знать, и сам факт его существования станет очевидным. То же с тайной: обычно она становится достоянием общественности благодаря «Глубоким Глоткам», а если на кону стоит что-то действительно серьезное (например, формула чудодейственного вещества или политическая интрига), разглашение и вовсе неизбежно. Огласки не бывает лишь в том случае, если заговор был неудачным, а тайна — пустышкой. Когда кто-то утверждает, что ему известна тайна, его цель — не утаить что бы то ни было, а убедить, что тайна действительно существует. Тайна и заговор могут оказаться действенным орудием в руках того, кто в них не верит.

В своем знаменитом эссе о тайне Георг Зиммель писал, что она «позволяет своему обладателю занять совершенно особую позицию... Содержание тайны обычно не имеет значения, однако чем обширнее и значительнее эксклюзивное знание, тем лучше результат... Встреча с неведомым заставляет взаимодействовать естественные для человека стремление к идеализации и чувство страха; при помощи воображения он проникает в суть неведомого и исследует его с той особой тщательностью, которая едва ли применима по отношению к рядовым проявлениям действительности»[1].

Парадоксальный вывод: вероятно, за любым псевдозаговором стоит кто-то, кто хочет выдать его за подлинный заговор.

2007

Георг Зиммель (1858–1918) — немецкий философ и социолог. Речь идет о пятой главе фундаментального труда Г. Зиммеля «Социология» (*Das Geheimnis und die geheime Gesellschaft*), см.: Simmel G. *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Leipzig, 1908. S. 337–402.

Хорошая компания

Стоит мне упомянуть в «картонках» теорию заговора, как я тотчас получаю кучу писем от негодующих читателей, где те доказывают, что заговоры действительно существуют. Все верно, никто и не спорит. Кто, как не заговорщики, готовят государственные перевороты, скупают потихоньку акции какой-нибудь компании, чтобы потом ее резко раскрутить, и разрабатывают планы по закладыванию взрывчатки в метро? Заговоры были всегда. Пусть часть из них провалилась и никто этого даже не заметил, а другие оказались успешными, у них все равно есть одна общая черта: их цели и область применения ограниченны. Тем не менее часто термин «теория заговора» используется как синоним идеи о всемирном (а по ряду теологических учений — скорее даже вселенском) заговоре, согласно которой все, или почти все, исторические события спровоцированы одной и той же загадочной силой, остающейся в тени.

Именно об этой теории заговора говорил Поппер. Жаль, что в Италии практически незамеченной осталась книга Даниэля Пайпса[1], которую в 2005 году опуб-

1 *Даниэль Пайпс* (р. 1949) — американский историк и публицист.

ликовало под названием «Скрытая от глаз сторона истории» издательство *Lindau*; впервые она увидела свет в 1997 году и была озаглавлена куда более откровенным образом — *Conspiracy*, или «Заговор» (там еще был подзаголовок: «Откуда берется и как прогрессирует мания преследования»)[1]. Книга начинается со слов, которые якобы произнес Меттерних, узнав о смерти русского посла: «Каковы были его мотивы?»

Получается, что сторонники теории заговора воспринимают историю не как набор происшествий и случайностей, а как некую таинственную схему, таящую в себе угрозу.

Иной раз я осознаю, что мои нападки на конспирологические теории, вероятно, попахивают паранойей, то есть я сам страдаю от синдрома, который мне кажется причиной повсеместного помешательства на заговорах. Лучшее лекарство — краткая инспекция интернет-ресурсов. У заговоров уйма поклонников, имя им легион, и порой, неожиданно для себя, они достигают вершин остроумия. На днях мне подвернулся сайт, где был опубликован длинный текст Жоэля Лабрюйера «Больной мир иезуитов»[2]. Из названия явствует, что это подробный перечень всех мировых событий (не только современных), связанных с заговором иезуитов.

Иезуиты XIX века, начиная с аббата Баррюэля[3] и заканчивая журналом *Civiltà cattolica* и романами падре Брешани[4], стояли у истоков теории иудеомасонского

Оригинальное издание: Pipes D. *Conspiracy: How the Paranoid Style Flourishes and Where It Comes From*. N. Y.: The Free Press, 1997.

http://nsd.007.free.fr/A/Religions/Fortement_manip_et_manich/Catholicisme/monde_malade_jesuites.html

3 *Огюстен Баррюэль* (1741–1820) — французский священник-иезуит, который в своих сочинениях утверждал, что евреи, масоны и иллюминаты преследуют цель свержения европейских монархий и умаления авторитета церкви.

4 *Антонио Брешани* (1798–1862) — итальянский священник-иезуит, один из авторов журнала *Civiltà cattolica* с момента его основания в 1850 году.

заговора, поэтому неудивительно, что либералы, последователи Джузеппе Мадзини[1], масоны и антиклерикалы отплатили им той же монетой — уличили их в создании заговора иезуитов. Однако об этом заговоре стало известно не из памфлетов или программных трактатов (среди которых «Письма к провинциалу» Паскаля, «Современный иезуит» Джоберти или сочинения Мишле и Кинэ[2]), но благодаря Эжену Сю[3] и его романам «Вечный жид» и «Тайны народа».

В общем-то, ничего нового, но весь сайт Лабрюйера пропитан одержимостью иезуитами. Ограничусь кратким списком, поскольку объем «картонки» небольшой, а фантазия Лабрюйера, когда дело доходит до конспирологии, воистину безгранична. Итак, иезуитов всегда подозревали в стремлении к мировому господству и в манипулировании как папой, так и многими европейскими монархами; с помощью печально известных баварских иллюминатов (иезуиты впоследствии обвинили своих ставленников в приверженности коммунизму) они пытались свергнуть монархов, противостоявших Обществу Иисуса; именно иезуиты потопили «Титаник», чтобы потом при посредничестве подчиненных им кавалеров Мальтийского ордена основать Федеральный резервный банк, и неслучайно при крушении «Титаника» погибли самые богатые в мире евреи — Астор, Гуггенхайм и Штраус[4], выступавшие против открытия этого банка. Федеральный резервный

1 *Джузеппе Мадзини* (1805–1872) — известный итальянский политик и писатель.

2 *Винченцо Джоберти* (1801–1852) — итальянский философ, писатель и политический деятель; *Жюль Мишле* (1798–1874) — знаменитый французский историк; *Эдгар Кинэ* (1803–1875) — французский историк.

3 *Эжен Сю* (1804–1857) — французский писатель.

4 *Джон Джекоб Астор IV* (1864–1912) — американский миллионер и писатель; *Бенджамин Гуггенхайм* (1865–1912) — американский бизнесмен; *Исидор Штраус* (1845–1912) — германо-американский бизнесмен.

банк позволил иезуитам профинансировать две мировые войны, которые, само собой, были крайне выгодны для Ватикана. Или возьмем убийство Кеннеди (кстати, Оливер Стоун[1] тоже марионетка иезуитов): если вспомнить, что ЦРУ не что иное, как вдохновленный духовными практиками Игнатия Лойолы[2] проект иезуитов, которым они управляли посредством советского КГБ, становится очевидно, что Кеннеди убили те же люди, что потопили «Титаник».

Само собой, именно иезуиты стали источником вдохновения для всех неонацистских и антисемитских группировок, они же стояли за Никсоном и Клинтоном, были идеологами теракта в Оклахома-сити, служили примером для кардинала Спеллмана[3], призывавшего к войне во Вьетнаме, которая, в свою очередь, принесла подконтрольному иезуитам Федеральному резервному банку двести двадцать миллионов долларов. Естественно, картина была бы неполной без организации *Opus Dei*[4], которой иезуиты управляют посредством рыцарей Мальтийского ордена.

На этом я остановлюсь. Но больше не удивляйтесь, почему все читают Дэна Брауна. Как пить дать, за ним стоят иезуиты.

2008

Оливер Стоун (р. 1946) — американский кинорежиссер, обладатель трех премий «Оскар».

Игнатий де Лойола (1491–1556) — видный деятель контрреформации, основатель ордена иезуитов, католический святой.

3 *Фрэнсис Джозеф Спеллман* (1889–1967) — кардинал католической церкви, архиепископ Нью-Йорка в 1939–1967 годах.

4 *Opus Dei* (*лат.* Дело Божие) — персональная прелатура Римско-католической церкви, основанная в Мадриде 2 октября 1928 года и получившая статус персональной прелатуры (структуры, входящей в пастырское и иерархическое устройство церкви и возглавляемой прелатом) в 1982 году.

Попробуй угадай

Колдуны, прорицатели и астрологи предпочитают туманные изречения на все случаи жизни. Услышав: «Ты мягкий человек, но знаешь, как заставить себя уважать», кто-то действительно может поверить, что обладает обоими этими качествами, хотя на самом деле они взаимоисключающие. Поэтому колдуны и процветают. Но как быть с четко сформулированными пророчествами, которым факты противоречат самым наглым образом (что происходит регулярно)?

Итальянский комитет по контролю за сообщениями о паранормальных явлениях, или *CICAP*[1], ежегодно анализирует астрологические предсказания, появившиеся за прошедший год.

Лучано Сампьетро, толкователь пророчеств Нострадамуса, предрек успешное покушение на папу римского в 2009 году; на страницах ежемесячного журнала *Nero su Bianco* Питер Ван Вуд предсказал, что в 2009 году Грецию, Хорватию, Индонезию и Амстердам ожи-

CICAP (*Comitato Italiano per il Controllo delle Affermazioni sulle Pseudoscienze* – Итальянский комитет по контролю за лженаучными сообщениями) – итальянская общественная организация, основанная в 1989 году.

дают землетрясения (Италии, к счастью, в этом списке не оказалось). Маг Отельма[1] предостерегал Обаму от ожидающей его осенью опасности.

На сайте www.quotidiano.net экстрасенс Теодора Стефанова опубликовала сообщение, что следующим генеральным секретарем НАТО будет Соломон Паси; в *Almanacco di Barbanera* написали, что Китай разрешит тибетский вопрос; Джонни Траферри, извéстный как маг Джонни, на страницах *La Nazione* предупредил Обаму о мартовском покушении, «грядущих массовых самоубийствах, суициде важной шишки с телевидения и глубоком трауре, ожидающем спортивный мир».

Астролог, скрывающаяся под именем Гор, предсказала в *Venerdì di Repubblica*, что к концу года наконец-то воплотятся в жизнь долгожданные реформы; Луиза Де Джули (сайт *TG COM, Mediaset on line*) заверила, что к июню 2009 года увенчаются успехом попытки законников уравновесить социальный дисбаланс; астролог Мауро Перфетти (телепередача «Те, кто... футбол») пообещал, что футбольному клубу «Торино» не угрожает попадание в серию B; астролог Мередит Дюкен (*Le Matin on line*) заверила, что роман Карлы Бруни и Саркози продлится максимум до сентября 2009 года (правда, следом она добавила: «Но не берусь утверждать — все-таки я не ясновидящая». И на том спасибо).

Теперь представьте себе врача, у которого что ни назначенное лечение — то летальный исход. Или адвоката, на чьем счету ни одного выигранного процесса. Разве к таким кто-нибудь обратится? Куда проще с прорицателями: в конце года любой желающий может удостовериться, что практически все предсказания так

[1] Марко Амлето Белелли, известный как «*Божественный Отельма*» (р. 1949), — скандально известный участник телепередач, называющий себя магом и пророком.

и не сбылись, а кто-то останется при своих астрологических прогнозах и продолжит тратиться на магов. Очевидно, что люди отчаянно хотят не знать, а верить, но объекты для своей веры они обычно выбирают неподходящие. Что тут скажешь? Боги ослепляют тех, от кого хотят избавиться. В конце концов, отношение к магам и астрологам отражает и отношение к политикам, мелькающим на телевидении.

Да, порой астрологи попадают в точку, но помилуйте, любой бы справился с их ремеслом, выдавай он предсказания наподобие следующих (между прочим, то и дело где-то публикуемых): произойдет всплеск агрессии фундаменталистов и террористов, усилится напряжение в отношениях израильтян с палестинцами, в Италии прогремят тендерные скандалы, хитрости Рокко Буттильоне не сойдут ему с рук, Вельтрони придется несладко, Леолука Орландо — еще не худший вариант, Умберто Босси по-прежнему будет требоваться присмотр врачей, Джулио Андреотти обведет вокруг пальца только неумолимое время, а вот еще насчет Ламберто Дини — «поживем — увидим» (сей шедевр сочинила астролог Антония Бономи). И на десерт — пророчество мага Отельмы: «Найти место для парковки будет все сложнее».

Свежая новость от Итальянского комитета по контролю за сообщениями о паранормальных явлениях. Экстрасенс Розмари Альтеа, которая давным-давно принимала участие в шоу Маурицио Костанцо и помогла нескольким несчастным войти в контакт с усопшими близкими, стала жертвой обмана со стороны собственной сотрудницы Дениз М. Холл, надувшей ее на двести тысяч долларов. Почему же она это не предвидела? Как в том анекдоте, где человек стучит в дверь, на которой написано «Прорицатель», и слышит: «Кто там?»

2010

Не верьте в совпадения

Кто-то написал, что у Берлускони было (и есть) всего два врага — коммунисты и судьи, — и на прошлых административных выборах победили (бывший) коммунист и (бывший) судья. Еще кто-то отметил, что, когда Кракси[1], будучи председателем Совета министров, в 1991 году предложил итальянцам отправиться на море вместо избирательного участка, явка на референдум по поводу электоральной системы оказалась неожиданно высокой, и с этого начался закат его политической карьеры. Можно привести еще один пример: в марте 1994 года Берлускони становится премьер-министром, а в ноябре реки По, Танаро и их притоки выходят из берегов и затопляют провинции Кунео, Асти и Алессандрия; в мае 2008 года Берлускони снова оказывается у власти, и в апреле 2009 года в Аквиле случается землетрясение.

Занятные совпадения, только ценности в них никакой (кроме параллели Берлускони — Кракси). Игра в совпадения с незапамятных времен притягивает параноиков и конспирологов, однако совпадения,

Беттино Кракси (1934–2000) — итальянский политик, председатель Совета министров Италии в 1983–1987 годах.

и в особенности даты, дают простор для любых манипуляций.

Несметное количество совпадений было выявлено в связи с башнями-близнецами, несколько лет назад Паоло Аттивиссимо даже опубликовал в журнале *Scienza e Paranormale* целую подборку нумерологических спекуляций на тему 11 сентября. Приведу лишь некоторые из них: в названии *New York City* одиннадцать букв, в слове *Afghanistan* одиннадцать букв, в имени террориста Рамзи Юзефа (*Ramsin Yuseb*), угрожавшего уничтожить башни, одиннадцать букв, в имени *George W. Bush* одиннадцать букв, башни-близнецы похожи на цифру 11, Нью-Йорк — одиннадцатый штат, самолет, первым врезавшийся в башню, выполнял рейс номер 11, им летели 92 пассажира, а 9 + 2 = 11, второй самолет, рейс номер 77, перевозил 65 пассажиров, 6 + 5 = 11, дата 9/11 совпадает с телефоном американской службы спасения, 911, если сложить между собой составляющие ее цифры, получится 11. Общее число жертв, летевших в угнанных самолетах, — 254 человека, сумма цифр дает 11, 11 сентября — это 254-й день в году, сумма цифр тоже дает 11.

К сожалению, *New York* насчитывает одиннадцать букв, только если добавить *City*; в *Afghanistan* одиннадцать букв, но угонщики родом не оттуда, а из Саудовской Аравии, Египта, Ливана и Арабских Эмиратов; если имя *Ramsin Yuseb* написать иначе (*Yussef* вместо *Yuseb*), ничего не выходит; в имени Джорджа Буша не будет одиннадцать букв, если не добавить второе имя в форме инициала; башни похожи не только на 11, но и на двойку в римском написании; целью рейса 77 была не одна из башен-близнецов, а Пентагон; им летело не 65 пассажиров, а 59; общее число жертв угонщиков — 265 человек, а не 254, и так далее.

О каких еще совпадениях можно прочитать в интернете? Линкольн был избран в конгресс в 1846 году, Кеннеди — в 1946-м, Линкольн стал президентом в 1860 году, Кеннеди — в 1960-м. Жены обоих, проживая в Белом доме, потеряли ребенка. Обоих убили в пятницу выстрелом в голову, оба убийцы были южанами. Секретаря Линкольна звали Кеннеди, а секретаря Кеннеди — Линкольн. Преемником Линкольна был Джонсон (родился в 1808 году), и Линдон Джонсон, преемник Кеннеди, родился в 1908 году.

Убивший Линкольна Джон Уилкс Бут родился в 1839 году, а Ли Харви Освальд — в 1939-м. Линкольна застрелили в театре Форда, Кеннеди — в кабриолете «Линкольн» фирмы «Форд».

В Линкольна выстрелили в театре, и убийца спрятался на складе. Убийца Кеннеди стрелял из окна склада, после чего укрылся в театре. И Бута, и Освальда убили до начала судебного процесса.

Вишенкой на торте станет каламбур (пошловатый), который удачнее всего звучит на английском: за неделю до убийства Линкольн был «в» городе Монро, штат Мэриленд. А Кеннеди за неделю до убийства был «в» Мэрилин Монро.

2011

Заговор о теории заговора

Массимо Полидоро[1], один из самых активных участников Итальянского комитета по контролю за сообщениями о паранормальных явлениях и автор журнала *Query*[2], опубликовал в издательстве *Piemme* исследование «Разоблачения. Книга о тайнах и заговорах» (2014), посвященное, как и многие другие его сочинения, всевозможным небылицам, наводнившим СМИ и головы людей, которых мы зачастую считаем вменяемыми. Полидоро наверняка рассчитывал, что такое заманчивое название привлечет любителей тайн во всем их многообразии, как раз про них писал Джон Чедвик[3], завершивший дешифровку критского линейного письма Б: «Желание раскрыть тайну является неотъемлемой составляющей человеческой природы: надежда на обладание тайным знанием, недоступным другому, способна взволновать даже наименее пытливые умы».

Массимо Полидоро (р. 1969) – итальянский журналист, писатель и популяризатор науки.

2 Вопрос, сомнение (*англ.*).

3 *Джон Чедвик* (1920–1998) – знаменитый британский филолог-классик, который вместе с архитектором Майклом Вентрисом (1922–1956) расшифровал греческое линейное письмо Б.

Безусловно, расшифровать древнюю письменность, когда-то игравшую значимую роль для целого народа, или вообразить, что американцы не были на Луне, что теракт 11 сентября организовал Буш или вообще евреи, что код да Винчи существует, — это не одно и то же. Полидоро обращается как раз к адептам второй секты, причем им движет не только жажда коммерческой наживы (вполне законная): начальные главки с их добродушным тоном усыпляют бдительность, однако к концу книги становится ясно, что заговор с целью убить Кеннеди, версии о смерти Гитлера, тайна Рен-ле-Шато, брак Иисуса с Магдалиной — не что иное, как досужие выдумки.

Почему небылицы столь популярны? Прежде всего потому, что они предлагают недоступное другим знание, а остальные причины Полидоро приводит, основываясь на знаменитом эссе Поппера о социальной теории заговоров. Цитирует он и Ричарда Хофштадтера[1], согласно которому страсть к заговорам следует интерпретировать через понятия психиатрии, применяемые к общественной мысли. Речь идет о двух проявлениях паранойи. Разница в том, что психический параноик чувствует себя жертвой всемирного заговора, а параноик социальный полагает, что оккультные силы преследуют ему подобных, его собственную нацию или религию. Социальный параноик, на мой взгляд, куда опаснее параноика психического, поскольку убежден, что его мании разделяют миллионы людей, и считает свои действия, направленные на раскрытие заговора, совершенно бескорыстными. Это объясняет многое из того, что происходит в наше время и что происходило ранее.

Ричард Хофштадтер (1916–1970) — американский историк и публицист.

Полидоро цитирует в том числе Пазолини[1], который считал, что заговор лишает нас рассудка, освобождая от тяжкой необходимости соответствовать истине. Казалось бы, раз сегодня развелось столько сторонников конспирологических теорий, мы могли бы перестать обращать на них внимание: если кто-то считает, что американцы не высаживались на Луну, ему же хуже. Согласно последним исследованиям Дэниела Джолли и Карен Дуглас, «предпочтение сведений, поддерживающих конспирологические теории, сведениям, их опровергающим, снижает потенциальную политическую активность»[2]. В самом деле, если кто-то уверен, что миром исторически правят тайные общества и что члены Бильдербергского клуба[3] — иллюминаты, которые устанавливают новый мировой порядок, то он спрашивает себя: а что я могу сделать? Я сдаюсь — и бешусь. Поэтому любая теория заговора подсовывает коллективному воображению несуществующие опасности, тем самым отвлекая его от настоящих угроз. Как предположил однажды Хомский[4], наибольшую выгоду от россказней о пресловутых заговорах получают организации, являющиеся мишенью конспирологических теорий, — а это уже похоже на заговор о теории заговора. Иными словами, соглашаясь, что за падени-

Пьер Паоло Пазолини (1922–1975) — итальянский кинорежиссер, поэт и прозаик.

Имеется в виду статья: Jolley D., Douglas K. *The social consequences of conspiracism: Exposure to conspiracy theories decreases intentions to engage in politics and to reduce one's carbon footprint* // British Journal of Psychology 105 (1). 2014. P. 35–36.

3 *Бильдербергский клуб* — неофициальная ежегодная конференция, состоящая примерно из ста тридцати участников, большая часть которых являются влиятельными людьми в области политики, бизнеса и банковского дела, а также главами ведущих западных СМИ. Вход на конференцию возможен только по личным приглашениям. Некоторые конспирологи считают, что этот клуб управляет всем миром.

4 *Ноам Хомский* (р. 1928) — видный американский лингвист и политический публицист.

ем башен-близнецов стоял Буш, жаждавший оправдать вторжение в Ирак, мы погружаемся в дебри бредовых выдумок и перестаем анализировать настоящие причины и методы вторжения Буша в Ирак, а также влияние неоконсерваторов на него и его политику.

Из чего можно было бы заключить, что слухи о заговоре Буша против башен-близнецов распространяет сам Буш. Но мы не до такой степени конспирологи.

2014

О МАССМЕДИА

Радиовещательный гипноз

В одной из прошлых «картонок» я рассказывал о том, что чувствовал мальчик, который, прильнув вечерами во время войны к радиоприемнику, слушал песни или сообщения, передаваемые «Радио Лондона» партизанам. Все это запечатлелось в моей памяти и остается там ярким и волшебным воспоминанием. Сохранит ли современный подросток столь же глубокие воспоминания о новостях, посвященных войне в Персидском заливе или событиям в Косово?

Я задал себе этот вопрос на прошлой неделе, когда на фестивале *Prix Italia*[1] мы слушали отрывки из радиопередач последних семидесяти лет. Ответ нашелся в знаменитой теории Маршалла Маклюэна[2] (у которой, кстати, есть много предшественников, писавших о радио, от Брехта до Беньямина, от Башляра до Арнхейма[3]) о го-

Prix Italia – один из самых старых и престижных международных фестивалей в области радио, телевидения и интернета.

2 *Герберт Маршалл Маклюэн* (1911–1980) – канадский филолог и философ, исследователь воздействия электронных средств коммуникации на общество.

3 *Бертольд Брехт* (1898–1956) – немецкий драматург, поэт и писатель; *Вальтер Беньямин* (1892–1940) – немецкий философ; *Гастон Башляр* (1884–1962) – французский философ и искусствовед; *Рудольф Арнхейм* (1904–2007) – американский писатель, киновед и кинокритик, эстетик, психолог германского происхождения.

рячих и холодных средствах коммуникации. Горячее средство коммуникации затрагивает одно-единственное чувство и не оставляет пространства для взаимодействия: оно обладает гипнотической силой. Холодное средство коммуникации воздействует на различные каналы восприятия, но фрагментарно, оно вовлекает тебя в работу, заставляет достраивать, соединять, перерабатывать полученное. Так, по Маклюэну горячими являются публичная лекция и кино: ты просто сидишь и пассивно воспринимаешь, а холодными — теледебаты или вечернее телешоу. К горячим относится высококачественная фотография, к холодным — комиксы, схематично представляющие историю.

Когда в эфир стали выходить первые радиоспектакли, публике предлагалось слушать их в темноте. Я хорошо помню те вечера, когда шла еженедельная радиопостановка: свет в комнате был приглушен, отец сидел в кресле, прильнув к радиоприемнику, и слушал его два часа в абсолютной тишине. Я устраивался у него на коленях, и, хоть я мало что понимал в действии пьесы, это составляло определенный ритуал. Вот какова была сила радио.

Адорно[1] одним из первых высказал сожаление, что, слишком широко распространившаяся посредством радио, музыка лишилась своей, можно сказать, литургической функции и стала просто товаром. Но Адорно размышлял над тем, как портится вкус меломана, а не над тем, как музыка может повлиять на подростка. Я помню, с какой страстью я впитывал звуки, когда благодаря радио открыл для себя классическую музыку и, следуя советам журнала *Radiocorriere*, настраивался

Теодор Людвиг Визенгрунд Адорно (1903–1969) — немецкий философ, социолог, композитор и теоретик музыки. Представитель Франкфуртской критической школы.

на те минуты, очень короткие, когда передавали польку Шопена или одну часть симфонии.

Осталось ли радио прежним и будет ли оно таким завтра? Радио все больше становится фоновым шумом, спектакли идут по телевизору, музыка скачивается из интернета. Радио утратило свою гипнотическую функцию для тех, кто слушает его по пути в машине (и хорошо, иначе количество аварий резко бы увеличилось). Скорее, мы управляем им, переключая каналы, как пультом от телевизора, благо каждые десять километров одна радиостанция пропадает, приходится искать другую, и мы слушаем чью-то пустую болтовню с Джессикой из Пьяченцы или Сальваторе из Мессины.

К счастью, радиоприемники все дешевеют и становятся все лучше, напоминают диковинных самураев. Правда, их используют больше для прослушивания дисков или кассет, чем для поиска (как было раньше, на коротких волнах) звуков, доносящихся из городов с таинственными названиями — Таллин, Рига, Хилверсюм. Но, как учит нас история средств массовой коммуникации, здесь сложно что-либо предвидеть. Возможно, благодаря неожиданным техническим новинкам радио вновь окажется в центре нашей жизни, и как знать, не приберегли ли для нас эти очаровательные предметы интерьера новых форм «теплоты», о которых мы пока не имеем ни малейшего представления.

2000

Не купить ли пакетик тишины?

В одной из своих последних рубрик в журнале *Panorama* Адриано Софри[1] прогнозировал, что (про тишину лучше забыть) спецификой будущего станет борьба с шумом: приятные звуки, перекрывающие неприятные. В памяти возникает «Гог» Джованни Папини[2], однако речь не о будущем: это уже происходит. Вспомните, как мелодии в аэропорту, приятные и обволакивающие, смягчают гул двигателей самолетов. Но два плохих децибела плюс один хороший дают в сумме не полтора, а три децибела. Решение из разряда «худшее — враг плохого».

Тишина — это благо, исчезающее даже из избранных мест. Я не знаю, как обстоит дело в тибетских монасты-

Адриано Софри (р. 1942) — итальянский журналист и писатель, бывший одним из лидеров леворадикальной группировки «Борьба продолжается» (итал. *Lotta Continua*).

2 *Джованни Папини* (1881–1956) — итальянский журналист, писатель, поэт, литературовед. В сатирической новелле «Гог» (1931) выводит портреты множества интересных типов, затрагивает широкий круг вопросов науки, искусства, техники. По форме произведение представляет собой сборник отрывков из непоследовательного и недатированного дневника, полученного автором от главного героя — гавайского метиса Гога, приехавшего в континентальную Америку и мечтавшего стать миллиардером, но вместо этого угодившего в сумасшедший дом.

рях, но как-то я оказался в одной большой миланской церкви, куда были приглашены прекрасные исполнители *gospels*, которые, постепенно наращивая ритм, как на дискотеке, вовлекали верующих в процесс, возможно мистический, но, судя по количеству децибелов, из адова круга. В какой-то момент я ушел, бормоча *non in commotione, non in commotione, Dominus*[1] (означает, что Бог может быть где угодно, но вряд ли можно обрести его в таком бедламе).

Наше поколение танцевало под шелестящую музыку Фрэнка Синатры и Перри Комо, новому поколению требуется *ecstasy*, чтобы справиться с уровнем шума субботним вечером. Они слушают музыку в лифтах, носят ее с собой в наушниках, слушают в машине (вместе с гулом мотора), работают, включив ее фоном, а между тем в открытое окно врывается шум дорожного движения. В американских отелях нет номеров, где был бы не слышен гул машин, тревожный и тревожащий. Мы видим вокруг себя людей, которые, страшась тишины, ищут дружественные шумы в мобильном телефоне.

Возможно, новые поколения будут лучше адаптированы к шуму, но, насколько я знаком с теорией эволюции, для таких переналадок требуются, как правило, тысячелетия, и ради того, чтобы какой-то процент индивидуумов приспособился, миллионы погибнут в пути. После замечательного воскресенья 16 января, когда в больших городах люди передвигались на лошадях или на роликах, Джованни Рабони[2] в *Corriere della Sera* заметил, что горожане на улицах наслаждались внезапно обретенной волшебной тишиной. Все верно.

1 Не в смятении, не в смятении Господь (*лат.*). Ср. 3 Царств 19:11 (синод. «но не в землетрясении Господь»). Цитата дана в переводе Елены Костюкович («Имя розы»).

2 *Джованни Рабони* (1932–2004) – итальянский поэт, писатель, переводчик.

Но сколько народу вышло на улицу насладиться тишиной и сколько осталось дома, в печали включив телевизор на полную громкость?

Тишина превращается в дорогостоящее благо. Действительно, она доступна лишь людям состоятельным, которые могут позволить себе виллы, утопающие в зелени, или одиночкам со спальным мешком, которые так упиваются безмолвием девственных горных вершин, что могут потерять контроль и свалиться в расселину, после чего тишину на многие километры разорвет гул спасательных вертолетов.

Придет время, когда те, для кого шум станет невыносимым, смогут купить себе пакетик тишины, час в комнате с полной звукоизоляцией, как у Пруста, по цене билета в партер Ла Скала. В качестве слабой надежды, поскольку уловки Разума безграничны, замечу, что – за исключением тех, кто использует компьютер, чтобы слушать музыку на полную громкость, – все прочие еще могут обрести тишину прямо перед светящимся монитором, денно и нощно, просто выключив звук одной командой.

Ценою этой тишины будет отказ от контакта с себе подобными. Но разве не так поступали отцы-пустынники?

2000

Два Больших Брата

В конце сентября в Венеции проходила международная конференция по вопросам неприкосновенности частной жизни. Несколько раз над обсуждением понятия *privacy* нависала тень *Большого Брата*[1], но Стефано Родота[2], возглавляющий независимых экспертов по защите персональных данных, сразу предупредил, что эта передача не нарушает чьих-либо прав на частную жизнь.

Несомненно, она возбуждает вуайеристический аппетит телезрителя, с удовольствием наблюдающего за персонажами, находящимися в неестественной ситуации, которые вынуждены всячески изображать любезность, в то время как на самом деле готовы перерезать друг другу горло. Но люди по природе злы, они с удовольствием лицезрели христиан, раздираемых

Большой Брат (англ. *Big Brother*) – формат телевизионных реалити-конкурсов, впервые появился в 1999 году на нидерландском телевидении. Шоу в этом формате выходили во многих странах мира.

Стефано Родота (р. 1933) – итальянский юрист и политик. В 2000–2004 годах возглавлял европейскую группу по защите персональных данных, член Европейской группы по этике в науке и новых технологиях (*European group on ethics in science and new technologies*), Совета по рыночной информации (*Board for market information*) Европейской комиссии.

львами, и гладиаторов, которые выходили на арену, понимая, что их жизнь зависит от смерти товарища. Они платили, чтобы посмотреть на уродство женщины-пушки на ярмарке, на карликов, избиваемых ногами Августом в цирке, посетить публичную казнь на городской площади. В таком случае в «Большом Брате» больше нравственности, и не только потому, что там никто не умирает, а участники в худшем случае рискуют заработать лишь небольшое нервное расстройство, не более тяжкое, чем то, которое привело их на эту передачу. Дело в том, что христиане предпочли бы молиться в своих катакомбах, гладиатор был бы счастлив стать римским патрицием, карлик — иметь телосложение Рэмбо, слоноподобная женщина — фигуру Брижит Бардо, а приговоренный к смерти — получить помилование. Конкурсанты же «Большого Брата» участвуют в проекте добровольно и даже готовы за деньги приобрести то, что для них является базовой ценностью, иначе говоря — оказаться на всеобщем обозрении и снискать популярность.

Отрицательный момент «Большого Брата» в другом, а именно — в названии, кем-то придуманном для этой игры. Возможно, многие зрители не знают, что Большой Брат — это аллегория, созданная Оруэллом в романе «1984»: Большим Братом называли диктатора (аналогия с *отцом народов*, то есть Сталиным), который единолично (или, лучше сказать, с помощью узкого круга номенклатуры) мог шпионить за всеми своими подданными, минута за минутой, где бы они ни находились. Ужасная ситуация, что-то вроде *паноптикума* Бентама[1], когда тюремщики могут следить за заклю-

Паноптикумом называется проект идеальной тюрьмы английского философа Джереми Бентама (1748–1832), когда один стражник может наблюдать за всеми заключенными одновременно. Придуманная Бентамом тюрьма

ченными, которые, в свою очередь, не знают, когда именно за ними следят.

В «Большом Брате» у Оруэлла маленькая группа шпионит за всеми. В телевизионном «Большом Брате», наоборот, все следят за небольшой группой. Так мы привыкаем к мысли, что «Большой Брат» — это нечто очень демократичное и в общей сложности приятное. При этом мы забываем, что, пока мы смотрим телевизор, за нашей спиной стоит настоящий Большой Брат, обсуждаемый на конференциях по *privacy*. Он состоит из различных влиятельных групп, контролирующих, когда и на какой интернет-сайт мы заходим, когда расплачиваемся кредиткой в отеле, когда что-нибудь покупаем по почте, когда нам ставят диагноз в больнице и даже когда мы ходим по супермаркету под присмотром внутренних телекамер в ограниченном пространстве. Понятно, что если подобная деятельность не будет под строгим контролем, на каждого из нас накопится внушительная база данных, которая сделает нас совершенно прозрачными, лишит всякой интимности и тайны.

Пока мы смотрим «Большого Брата» по телевизору, мы как один из супругов, который корит себя за невинный флирт на вечеринке, не зная, что драгоценная половина тем временем совершает измену куда более существенную. Название «Большой Брат», таким образом, помогает нам не задумываться или забыть, что в этот самый момент кто-то смеется за нашей спиной.

2000

представляет собой цилиндрическое строение со стеклянными внутренними перегородками. Стражник находится в центре, но невидим для заключенных. Узники не знают, в какой точно момент за ними наблюдают, и у них создается впечатление постоянного контроля.

Роберта

Роберта и классы-гегемоны. Чтобы получить представление о «Большом Брате», мне кажется, достаточно двух-трех субботних вечеров, когда все тайное становится явным. Что до остального, я попробовал подключиться к программе через интернет и увидел мутную картинку, на которой татуированный господин в трусах жарил яичницу-глазунью. Я немного помучился, а потом нашел себе занятие получше. Однако нет-нет да и сталкиваешься с психологией среднего итальянца, представляющей как минимум интерес для социологов. Взять хотя бы историю с пресловутой Робертой, которая, несмотря на свою бойкость и общительность, была единодушно отвергнута Италией, в результате чего эта квартира превратилась в унылое зрелище.

В своих отчаянных попытках получить всеобщее неодобрение Роберта осмелилась утверждать, что на социальной лестнице она стоит на ступень выше своих товарищей, как правило мясников[1], потому что часто

У. Эко иронизирует по поводу высокомерного поведения Роберты, из участниц программы «Большой Брат», по отношению к юноше по имени Лоренцо, мяснику по роду занятий.

ходит на ужин с антикварами. В ответ на это не только ее товарищи по несчастью, но и активные телезрители решительно признали ее принадлежащей к классу-гегемону, а посему наказали. Никому и в голову не пришло, что к господствующему классу принадлежит не тот, кто ужинает с антикварами (за исключением разве что президента аукционного дома *Christie's*), а те, кто приглашает антиквара домой, чтобы провести экспертизу Рафаэля размером метр на восемьдесят сантиметров или русской иконы XI века.

К этому классу гегемонов принадлежат те, кто запер Роберту и ее друзей на два оборота ключа в убогой квартире, обставленной словно по вкусу инспектора Деррика[1].

Почему мы лояльны к художникам, подсевшим на наркотики. На прошлой неделе кто-то задал в рубрике, которую Монтанелли ведет в *Corriere della Sera*, вопрос: почему мы возмущаемся, если велосипедист или футболист употребляют стимулирующие препараты, в то время как всегда мирились с тем, что кто-то из великих художников курит опиум или ищет вдохновение в ЛСД или кокаине? На первый взгляд, вопрос имеет смысл: если мы считаем выигрыш с помощью химических препаратов незаслуженным, с какой стати мы должны восхищаться стихами, которые рождены не гением поэта, а каким-то веществом, возможно вводимым внутривенно?

Однако в разном подходе — суровость в спорте и терпимость в искусстве — скрыта (даже для тех, кто не очень-то разбирается) глубокая истина, и это интуитивное отношение общества сообщает нам гораздо больше любой эстетической теории. В делах спор-

Инспектор Деррик — персонаж немецкого телесериала «Деррик» (1974–1998).

тивных наше восхищение вызывает не то, что мяч влетел в ворота или один велосипед пришел на финиш раньше другого (тут существуют непреложные законы физики). Для нас важно восхищение человеком, который умеет делать это лучше нас. Если бы мячи посылались в ворота из пушки, к футболу пропал бы всякий интерес.

В искусстве же мы восхищаемся прежде всего произведением и лишь затем физическими и психическими характеристиками его автора. Да, мы считаем прекрасными творения, даже если их автор — человек низкой морали; восторгаемся Ахиллом и Одиссеем, хотя не уверены, существовал ли Гомер на самом деле. «Божественная комедия» была бы еще более чудесной, если б нам сказали, что ее случайно напечатала на компьютере обезьяна. Иногда мы считаем произведениями искусства даже то, что сделано природой или появилось по воле случая; на нас производят глубокое впечатление руины, которые не планировались как таковые какой-то выдающейся личностью. Перед магией художественного произведения мы готовы идти на компромисс в вопросе, каким образом художник сделал это.

Так оставим же Бодлеру его искусственный рай, лишь бы он подарил нам «Цветы зла».

2000

Миссия детектива

Бернард Бенсток[1] был американским литературоведом, хорошим специалистом по творчеству Джойса, и после его преждевременной смерти жена передала богатый архив «джойсоведа» Высшей школе переводчиков в Форли. В этом году была подарена другая его коллекция, почти семьсот томов, посвященная детективу. Поскольку на прошлой неделе мы вспоминали ушедшего друга, сам собой возник вопрос, почему многие ученые, критики, мыслители в целом увлекаются детективным жанром. Конечно, можно ответить, что тот, кому приходится читать серьезные книги, любит расслабиться вечерком за немудреным чтивом. Но почему же такое предпочтение криминальному роману? Причин здесь, по-моему, три.

Первая — чисто философская. Сущность детективного романа в высшей степени метафизическая, не случайно в английском языке этот жанр называется *whodunit*, то есть «кто это сделал?», «какова была причина всего этого?». Подобный вопрос поднимался еще

Бернард Бенсток (1930–1994) — литературовед, профессор, преподаватель английского языка в университете Майами.

досократиками[1], и мы продолжаем поднимать его. Даже пять доказательств существования Бога, приводимые Фомой Аквинским, были шедевром детективного расследования: от начал нашего личного опыта мы движемся, уткнувшись носом в землю, как собака, которая ищет трюфель, к первоначалу цепочки причин и следствий, или к первопричине всего движения...

Мы знаем (начиная с Канта), что движение от следствия к причине возможно только во вселенной опыта, однако метод становится ненадежным, когда движение выходит за ее пределы. И тут детективный роман дает нам великое метафизическое утешение, потому что главная причина и скрытый двигатель всех ходов лежит не за пределами вселенной романа, а как раз внутри и является его частью. Таким образом, детектив дает нам каждый вечер утешение, которое метафизика (по крайней мере, у многих) отрицает.

Вторая причина — научная. Известно, что методы расследования, используемые Шерлоком Холмсом и его подражателями, сродни методологии научного исследования, применяемой в науках как естественных, так и гуманитарных, где нужно найти скрытый ключ к тексту, или архетип — ключевой или наиболее древний текст, к которому восходит ряд рукописных памятников. Этот метод построения гипотез Холмс, который был, как известно, дилетантом почти во всем, называл дедукцией, и ошибался, а Пирс[2] называл *абдук-*

Досократики — условное, принятое уже в Новейшее время название древнегреческих философов раннего периода (VII–V века до н. э.), а также их преемников IV века до н. э., живших до Сократа или занимавшихся философией вне связи с аттической сократической и софистической традициями.

Чарльз Сандерс Пирс (1839–1914) — американский философ, логик, математик, основоположник прагматизма и семиотики. Предвосхитил некоторые из основных идей Карла Поппера (1902–1994).

цией[1]. С незначительным отличием такова была и логика идей Поппера.

Наконец, причина литературная. Любой текст в идеале нужно читать два раза: первый — чтобы понять, о чем идет речь, а второй — чтобы оценить, как это написано (и в этом полнота эстетического наслаждения). Детектив — это модель (емкая, но при этом замысловатая) текста, который, как только ты понял, кто убийца, явно или подспудно приглашает тебя оглянуться, чтобы понять, как автор вел тебя по ложному пути, заставляя отрабатывать ошибочную гипотезу, либо чтобы признать, что в итоге он ничего от тебя не скрывал, это ты как детектив не сумел раскрыть дело.

Опыт чтения, развлекательного по сути, но вместе с тем дающего метафизическое утешение, приглашение к исследованию, представляющее рабочую модель для раскрытия тайн, гораздо более непостижимых, — хорошее подспорье в Назначении Ученого[2].

2001

Абдукция (от лат. *ab* — от и *ducere* — водить) — вид умозаключения от частного к общему.

2 Имеется в виду работа И. Г. Фихте «Несколько лекций о назначении ученого» (1806).

Союзники бен Ладена

Дискуссия не то чтобы о цензуре, но о благоразумии средств массовой информации будоражит сегодня весь западный мир. В какой степени, сообщая новость, можно участвовать в пропаганде или напрямую содействовать распространению закодированных сообщений, исходящих от террористов?

Пентагон призывает газеты и телевидение к осторожности, и это понятно, потому что на войне ни одна армия не любит разглашать свои планы или распространять воззвания противника. Массмедиа, уже привыкшие к абсолютной свободе, не могут адаптироваться к логике войны, согласно которой (когда-то) тех, кто распространял информацию, представляющую угрозу для национальной безопасности, расстреливали. Трудно решить это противоречие, потому что в обществе коммуникаций, к которым добавляется и интернет, конфиденциальности больше не существует.

Проблема в любом случае намного сложнее. Любой террористический акт (это старая история) совершается как высказывание, сообщение, которое распространяет террор, или как минимум сеет панику, или

создает дестабилизацию. Так было всегда, даже в случае с терроризмом, который мы теперь называем «кустарным», когда террористы ограничивались одиночными убийствами либо закладывали бомбу на углу улицы. Террористическое послание дестабилизирует ситуацию, даже если удар незначительный, если жертва малоизвестна. И с тем большим основанием дестабилизирует, если жертва известна и является символом чего-то.

Мы видим качественный скачок, совершенный «Красными бригадами», когда от убийства журналистов и политологов, в целом неизвестных широкой публике, они перешли к похищению, пыткам, а затем и убийству Альдо Моро.

Какая же цель преследовалась бен Ладеном при атаке на башни-близнецы? Создать «величайшее шоу в мире», которое не смогли выдумать даже в фильмах-катастрофах, дать визуальное впечатление нападения на символы западной власти и показать, что можно осквернить главные святыни этой власти. Бен Ладен не стремился к огромному количеству жертв (они стали добавочной стоимостью его цели): чтобы атаковать башни (даже лучше, что они рухнули), он был готов принять и половину. Он не развязывал войну, в которой идет подсчет убитых врагов, он просто вбросил террористическое послание, и в этом послании только картинка имела значение.

Но если бен Ладен добивался того, чтобы поразить воображение мирового сообщества этой картинкой, что же произошло? Средства массовой информации были обязаны дать информацию, это очевидно. Равно как должны были сообщить о последствиях, о спасательной операции, о разборе завалов, об изменившемся *skyline* Манхэттена.

Им действительно было необходимо обращаться к этой новости каждый день, на протяжении по меньшей мере месяца, публикуя фото, видео, бесконечные и повторяющиеся рассказы очевидцев, вновь и вновь оживляя в глазах каждого из нас образ этой трагедии? Вопрос, на который трудно ответить. Благодаря этим фотографиям газеты увеличили продажи, телевидение повторением этих сюжетов нарастило просмотры, сами зрители хотели вновь и вновь пересматривать те ужасные сцены — либо желая дать волю своему негодованию, либо иной раз из какого-то безотчетного садизма. Возможно, по-другому было нельзя, и эмоции, нахлынувшие вслед за событиями 11 сентября, помешали телевидению и прессе по всему миру заключить своего рода соглашение о соблюдении конфиденциальности, поскольку тот, кто в одиночку решил бы хранить молчание, обязательно проиграл бы конкурентам.

Таким образом, массмедиа фактически подарили бен Ладену миллиарды долларов бесплатной рекламы, в том смысле, что каждый день показывали созданные им образы как раз для того, чтобы все могли их увидеть: Запад пришел в смятение, а последователи бен Ладена — фундаменталисты получили повод для гордости.

Между прочим, процесс продолжается, и бен Ладен за небольшие деньги по-прежнему набирает очки. Письма со спорами сибирской язвы фактически приводят к меньшему числу жертв по сравнению с атакой на башни-близнецы, но пугают гораздо сильнее, потому что создают угрозу для жизни любого из нас, включая тех, кто не летает на самолетах и не живет рядом с символами власти.

В общем, нужно сказать, что массмедиа, осуждая, тем не менее стали лучшими союзниками бен Ладена, которому таким образом была обеспечена легкая победа.

В качестве утешения в этой тревожной ситуации можно вспомнить, что когда «Красные бригады» перешли все границы, похитив и убив Моро, послание стало настолько шокирующим, что обратилось против его авторов: вместо разобщения оно привело к союзу различных политических сил, народному отторжению, и с этого момента начался закат террористов.

Будущее покажет, породит ли спектакль, представленный бен Ладеном, — именно потому, что вышел за рамки, за пределы допустимого, — процесс, который станет началом его конца. И в этом случае выиграют медиа.

2001

Поехать туда, не знаю куда

Мы нередко говорим, что живем в виртуальной реальности. Мы знаем мир через телевидение, которое часто изображает его не таким, какой он есть, а реконструирует (реконструировало фрагментами кадры войны в Персидском заливе) или даже выстраивает *ex novo* («Большой Брат»). Нам все чаще и чаще показывают симулякры реальности[1].

Однако никогда еще человек не путешествовал так много, как в наше время. Все больше людей, чьи отцы ездили максимум в соседний город, говорят мне, что посетили места, о которых я, путешественник импульсивный и, можно сказать, профессиональный, только мечтаю. Не осталось ни одного экзотического пляжа, ни одного захолустного городка, который не был бы теперь известен тому множеству, что проводит Рождество в Калькутте, а в августе отправляется в Полинезию. Не должны ли мы в таком случае рассматривать страсть к путешествиям как возможность избежать

Жан Бодрийяр (1929–2007) в своей знаменитой работе «Войны в Заливе не было» назвал симулякром войну 1991 года в Персидском заливе.

виртуальной реальности, чтобы увидеть настоящее, *the Real Thing*[1]?

При всей своей легковесности, для многих туризм представляет собой способ познания мира. Однако если раньше опыт путешествий был переломным, человек возвращался из поездки иным, то сейчас сплошь и рядом встречаются путешественники, которых Иные берега не коснулись ни в малейшей степени. Они возвращаются и думают только о следующем отпуске, ни слова не говоря об изменивших их потрясениях.

Возможно, это происходит потому, что места реального паломничества делают, увы, все возможное, чтобы походить на места паломничества виртуального. Один знающий человек рассказывал мне, что в конном цирке целый день уходит на чистку и гримировку слона (как правило, непричесанного и грязного), чтобы на вечернем представлении он был в точности похож на тех слонов, которых зрители видели в кино или на фотографиях. Таким образом, туристическое место изо всех сил стремится соответствовать глянцевому образу, созданному для него массмедиа. Естественно, что турист выбирает места, подогнанные под виртуальные, и не замечает других, а именно: посещает храмы и рынки вместо лепрозориев, отреставрированные руины вместо разоренных расхитителями гробниц. Порой место паломничества выстраивается *ex novo*, таким, как его показали массмедиа: все мы узнали о воскресных экскурсиях на мельницу «Мулино Бьянко», точно такую, как в рекламе по телевизору, не говоря о Диснейленде или Венеции, построенной в Лас-Вегасе.

The Real Thing («Настоящее») — название пьесы современного британского драматурга Тома Стоппарда (р. 1937).

Но бывает и так, что все достопримечательности становятся похожими друг на друга, и в этом, действительно, влияние глобализации. Мне вспоминаются волшебные местечки Парижа, такие как Сен-Жермен, где постепенно исчезают старые ресторанчики, укромные книжные, небольшие ремесленные лавки, а на смену им открываются магазины известных международных брендов. Их можно найти и на Пятой авеню в Нью-Йорке, и в Лондоне, и в Милане. Главные улицы больших городов тоже становятся похожими друг на друга, как раз там и открываются эти одинаковые магазины.

Можно возразить, что, несмотря на тенденцию к унификации, большие города сохраняют свою физиономию, потому что в одном есть Эйфелева башня, в другом – Тауэр, в одном – Миланский собор, а в другом – собор Святого Петра. Это правда, однако сейчас набирает силу порочная мода нарядно подсвечивать башни, церкви и замки всеми цветами радуги так, что архитектурный ландшафт исчезает под этим электрическим ликованием, и в итоге все великие памятники тоже рискуют быть похожими друг на друга (по крайней мере, в глазах туриста), потому что все они становятся лишь конструкцией для иллюминации в международном стиле.

Когда все станет равным всему, больше не будет туризма, позволяющего открывать настоящий мир, но везде, куда бы мы ни поехали, мы будем лишь отыскивать то, что нам уже известно и что мы вполне могли бы увидеть, сидя дома перед телевизором.

2001

Мэдрейк-волшебник — итальянский герой?

Арт Шпигельман[1] приехал в Милан представить свою коллекцию прекрасных обложек американского еженедельника *New Yorker*. Шпигельман прославился графическим романом «Маус», в котором он показал нам, что комиксы могут рассказать о Холокосте не хуже эпической саги. Как художник он остается актуальным, комментируя события современности в рассказах, способных соединить настоящее с жаркой полемикой переосмысления истории, в том числе и истории совсем далекой от *комиксов*. В общем, я считаю его гением.

Я пригласил его на аперитив к себе домой и показал коллекцию комиксов минувших лет, где были и потрепанные оригиналы, и репринты в хорошем состоянии, и он пришел в изумление, увидев обложки старых альбомов издательства Нербини: «Человек в маске», «Мэдрейк-волшебник», «Чино и Франко» и «Гордон»[2]. Удив-

Арт Шпигельман (р. 1948) — американский художник и писатель, автор и издатель романов-комиксов. Наиболее известен по комиксу «Маус», получившему Пулитцеровскую премию (комикс о Холокосте и нацистских концлагерях).

Мэдрейк-волшебник (Волшебник Мандрагора, Чародей Мандрагора) — популярный американский персонаж комиксов, созданный Ли Фальком (создателем легендарного Фантома, или Человека в маске). Публикация ко-

ление его вызвал не столько Флэш Гордон, который стал мифом даже за океаном, сколько другие три. Если вы возьмете в руки добротную историю комиксов, написанную в Америке, вы, естественно, найдете в ней упоминание Человека в маске (Фантома) сотоварищи, но – достаточно просто побродить по интернету – становится понятно, что фигура Супермена и компания супергероев, таких как Человек-паук, подвергается значительному переосмыслению, фигура Бэтмена обновляется там в постмодернистском ключе, или заново раскрывается (как это сделал Шпигельман в изумительной книжечке) происхождение более древнего супергероя, Пластикмена. Попробуйте поискать «Чино и Франко» (между прочим, в оригинале комикс называется *Tim Tyler's Luck*): вы найдете множество ссылок на его экранизацию, весьма посредственный фильм или сериал (точно так же экранизирован Гордон, эта тягомотина стала культовым фильмом категории *trash*), но об оригинальных рисунках говорится очень мало. Шпигельман заметил, что, кажется, Фантом, Мэдрейк и иже с ними популярнее в Италии, чем у них. Он спросил меня почему, и я дал свое объяснение, а это, между прочим, объяснение исторического свидетеля, который видел их зарождение и переход в неточные и безграмотные итальянские переводы практически сразу после их появления в Америке (кстати, на обложках первых альбомов, выпущенных Нербини, писали «Мандраке», возможно для пущей итальянизации). Дело в том,

миксов началась в 1934 году. В центре сюжета – авантюрные и экзотические приключения иллюзиониста и кудесника в синем смокинге и красном плаще. *«Чино и Франко»* (в русском переводе «Удача Тима Тайлера») – приключенческий газетный комикс, созданный американским художником Лайманом У. Янгом, выходил с 1928 по 1996 год. *Флэш Гордон* – вымышленный персонаж одноименного научно-фантастического комикса, автор Алекс Рэймонд, публикация началась в 1934 году.

что в отличие от комиксов фашистского режима (достаточно вспомнить Дика Фульмине, Романо Легионера, юных героев *Corriere dei Piccoli*, которые несли цивилизацию в Эфиопию или вместе с испанскими франкистами храбро сражались против жестоких красных ополченцев) Гордон открыл итальянским мальчишкам, что можно бороться за свободу планеты Монго с жестоким и кровожадным диктатором Мином; что Человек в Маске выступал не против чернокожих, а вместе с ними, за победу над белыми авантюристами; что была огромная Африка, по которой бродил «Радио Патруль», отлавливающий браконьеров, промышляющих слоновой костью; что были герои, которые носили не черную рубашку, а фрак, а на голове то, что Стараче[1] называл «печными трубами», и многое другое. Мы открыли свободу печати через истории Тополино-репортера[2] еще до того, как (в послевоенное время) на наших экранах появился Хамфри Богарт, который воскликнул: «Это печать, дорогой мой!» (в оригинале *This is power of the press, baby, and there is nothing you can do about it*)[3]. Слезы наворачиваются на глаза при воспоминании об этом времени, когда же вернется Тополино-репортер?

Так что в ту мрачную пору американские комиксы кое-чему нас научили, оставили след в нашей жизни, взрослой в том числе. И поскольку мы об этом заговорили, позвольте мне, предвосхищая события, дать один совет газетам, еженедельникам и телепрограммам. Каж-

Акилле Стараче (1889–1945) – итальянский фашистский политик, секретарь фашистской партии. С 1939 по 1941 год был начальником штаба фашистской милиции («чернорубашечников»).

2 *Тополино* (*итал.* мышонок) – так в Италии называют Микки-Мауса.

3 *«Это печать, малышка, это сила, и с этим ничего не поделаешь»* – из фильма «Крайний предел» (1952) с Хамфри Богартом. Излюбленная цитата Умберто Эко, приводившаяся им в разных текстах, в частности в книге «Таинственное пламя царицы Лоаны», «Пять эссе на темы этики» и в сборнике эссе «Полный назад!».

дый год мы отмечаем юбилей какого-то автора, книги, выдающегося события. В таком случае будем готовиться (у нас есть в запасе шесть месяцев) отпраздновать семидесятую годовщину знаменательного 1934 года.

В январе в Америке появился первый цикл приключений Флэша Гордона, а приложением к нему — «Джим из джунглей», нарисованные Алексом Рэймондом[1]. Две недели спустя тот же автор создает секретного агента Х-9 (с текстом Дэшила Хэммета![2]). В октябре в Италии выходит журнальчик *L'Avventuroso* с первым циклом про Гордона, только главный герой представлен не игроком в поло (слишком буржуазно), а полицейским.

Можно пропустить появление в марте комиксов, которые у нас называются «Боб Стар» и «Радио Патруль», но вот в июне выходит на сцену «Мэдрейк» Ли Фалька и Фила Дэвиса, а в августе — «Лил Эбнер» Эла Кэппа (к нам он придет только в послевоенный период). В сентябре дебютирует «Дональд Дак» Уолта Диснея: представьте себе, утке исполняется семьдесят лет! В октябре — «Терри и пираты» Милтона Каниффа (у нас он появится позже и будет выходить частями в приложении к журнальчикам «Ювентус» под названием «На морях Китая»). В том же году во Франции вышел *Le Journal de Mickey* с историями про Тополино на французском.

По-моему, очень подходящий для ностальгических воспоминаний год!

2002

Алекс Рэймонд (1909–1956) — американский художник комиксов, наиболее известен как создатель персонажа Флэша Гордона в 1934 году. К числу самых популярных созданных им в 1930-е годы персонажей комиксов, помимо Флэша Гордона, относятся также *Джим из джунглей* (Jungle Jim) и секретный агент Х-9.

Сэмюэл Дэшил Хэммет (1894–1961) — американский писатель и критик, автор ставших классикой детективных романов, повестей и рассказов.

Усыновить истину

Когда я был маленьким, мой отец мне говорил: чтобы знать, как произносится то или иное слово на иностранном языке, нужно слушать диктора «Радиожурнала», новостной информационной программы (самым известным, мне кажется, был Крамер). Благодаря ему усваивалось, например, произношение фамилии Черчилль как «чёрчиль», а не так, как говорили в то время, когда единственным мало-мальски известным языком был французский — «шюршиль», с ударением на последнем слоге. Для того же, чтобы знать, как писать то или иное имя собственное, надо было читать газеты, в частности третью страницу.

Сегодняшние отцы уже не могут преподать этот полезный урок своим детям, потому что и ведущие музыкальных программ, и тележурналисты ужасно коверкают иностранные имена (не слышал, чтобы Булеза[1] объявили как «пьер булез», исключительно «пьерре буле»). Не говоря уже о газетах, где часто встретишь «Беуделайр» и «Симоне де Бевоире».

Пьер Булез (1925–2016) — французский композитор и дирижер.

Этот упадок нравов усугубляется тем, что иностранные выражения используются даже там, где нет необходимости. Показательный пример — *pole position*, термин, который вполне можно перевести как стартовая позиция или выгодная позиция, также нередко употребляют как *pool position*, выражение, которое — если б существовало в английском языке — означало бы местоположение бассейна.

Настоящая беда, если использовать иностранное выражение просто необходимо, и порой мы имеем дело с очень странной итальянизацией. У нас есть итальянизированные иностранные термины, мы говорим *Сорбонна*, а не *Сорбон*, но почему-то стесняемся сказать *Французский колледж* и говорим правильно — *Коллеж де Франс*. Просто катастрофа с американскими университетами. В наших газетах говорится обыкновенно о Гарвардском и Йельском университетах, а между тем Гарвард и Йель — это фамилии, как в случае с университетом имени Луиджи Боккони. Забавно было бы услышать от иностранцев о Бокконском университете (где этот милый городок?), об Ульмском университете (это, конечно, в Баден-Вюртемберге)[1] и университете Каттолики (очевидно, сопернике высшей школы в Габиччe-Маре)[2].

Совсем недавно одна крупная газета писала об университете *SUNY* в Америке. Но *SUNY* — это аббревиатура

Обыгрываются названия университета *IULM* (*Istituto Universitario di Lingue Moderne*, сейчас *Libera università di lingue e comunicazione* — частный университет в Милане, дающий образование в области современных языков, маркетинга и коммуникации) и города Ульм (нем. *Ulm*) в Германии, в земле Баден-Вюртемберг.

Игра слов с именами собственными: Католический университет Святого Сердца (итал. *Università Cattolica del Sacro Cuore, UCSC*) — негосударственный католический университет, крупнейший частный университет Европы; Каттолика (итал. *Cattolica*) — город в области Эмилия-Романья. Габичче-Маре (итал. *Gabicce Mare*) — город в области Марке.

State University of New York (как *CUNY* означает *City University of New York*), следовательно, или мы пишем только *SUNY* (но итальянцы могут не понять), или пишем полностью, *State University of New York*, то есть имя и фамилию, или же государственный университет штата Нью-Йорк. Однако Нью-Йоркский университет — не совсем правильное название для *New York University* (*NYU*), потому что это частный университет, который выбрал для своего имени имя города. Похожая история с Колумбийским университетом, и если кто-то решит, что это университет в Колумбии, я нисколько не удивлюсь.

Боимся использовать аббревиатуры? Но ведь мы пишем *KGB* и спокойно произносим «кэгэбэ» или «каппаджиби» на итальянский манер, потому что, если написать *Komitet Gosudarstvennoi Bezopasnosti*, при произношении можно сломать язык. Мы не решаемся перевести это как *Комитет государственной безопасности*, потому что в Италии никто не поймет, о чем речь. Тогда почему не университет имени Йеля, или *Yale University*, понятное и последнему невеже?

Совсем недавно я в очередной раз посетовал главному редактору одной крупной газеты на то, что в редакции больше нет такой замечательной фигуры, каким был начальник наборного цеха — он наизусть знал «Новейший энциклопедический словарь» Мельци и не пропускал ни единой ошибки. Простой и неутешительный ответ заключался в том, что, во-первых, сегодня статья идет в печать прямо из компьютера журналиста, а во-вторых, в газете с приложениями может быть более ста страниц, так что ни один человек не в состоянии до полуночи проверить такое количество материала, строка за строкой.

Поэтому мы обречены на чтение газет, содержащих многочисленные «очепятки», как легендарная стра-

ница первого номера *L'eco del mondo* в диснеевском комиксе о смелом Тополино-репортере с такими перлами (в итальянском переводе), как «усыновить истину» и «кража с обломом».

Естественно, правильно писать иностранные имена всегда трудно. Знаменитый немецкий коллега, с которым мы давно знакомы, как-то раз написал приглашение, адресованное «Умберто Экко». У меня учащается сердцебиение всякий раз, когда я должен процитировать Люсьена Гольдмана или Эрвинга Гоффмана[1], и я спрашиваю себя, где писать одну, а где удвоенную согласную (к слову, это мои друзья, с которыми я часто переписывался). Но если такое случается, я смотрю в интернете или в словаре *Гардзанти.*

Почему к подобному ритуалу не прибегают журналисты, а иногда и редакторы издательств, остается загадкой.

2003

Люсьен Гольдман (1913–1970) – французский философ и социолог, теоретик марксизма; *Эрвинг Гоффман*, иногда Ирвин Гофман (1922–1982) – американский социолог канадского происхождения.

Минкульпоп и пупок

Сомневаюсь, что, когда выйдет эта «картонка», будут продолжаться споры о школе для «велин»[1] в Неаполе, но это повод задуматься над темой, актуальной и в будущем. В целом в ремесле теледивы нет ничего постыдного, и некоторые велины становятся телеведущими или актрисами среднего калибра. В обществе спектакля[2] нормально, что красивая девушка хочет начать подобную карьеру.

Тем не менее государственная школа для велин все равно что государственная школа для поэтов. Принять на курс сто человек, и, если провидение приложит руку, не исключено, что один из них действительно станет поэтом, а остальные девяносто девять, естественно, всю жизнь будут чувствовать себя неудачниками, проклиная службу в банке и наводняя издательства ре-

Велины — это красивые девушки, которые работают ассистентками в популярных развлекательных телепередачах, в основном на ток-шоу: подносят участникам воду или требуемый реквизит и периодически, когда ведущий объявляет перерыв в дебатах, выходят на сцену и танцуют. Профессия велины считается одной из самых престижных у итальянских девушек.

«Общество спектакля» — политико-философский трактат, написанный Ги Дебором (1931–1994) в 1967 году. См.: Дебор Г. *Общество спектакля* / Пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М.: Логос, 1999.

гулярно отклоняемыми рукописями. Неудачное сравнение? Предположим, что на телеканале каждый вечер выходят в эфир две передачи, в которых задействованы по две велины в каждой, в общей сложности десять каналов за вечер (исключая те, где продают пылесосы, поскольку велинам там трудно достичь успеха), можно подсчитать, что сорок велин каждый вечер будут при деле. Однако двести восемьдесят велин в неделю — неверный расчет, поскольку по крайней мере одна из двух передач идет днем (те же велины), следовательно, умножаем двадцать на семь, плюс двадцать работают на постоянной основе, и получаем сто шестьдесят велин, которые, скорее всего, будут обеспечены работой минимум в течение одного календарного года. Выпускницы этой школы в более выгодном положении по сравнению с поэтами, я не имею в виду тех, кто добьется серьезного успеха, но тех, кого по крайней мере опубликуют в уважаемых литературных журналах и чьими строчками заинтересуются литературоведы?

Однако состоявшийся поэт может работать всю жизнь, в то время как у состоявшейся велины срок плодотворной деятельности сильно ограничен. Наконец, поскольку не всех выпускниц этой школы примут в популярную телепередачу «Лента новостей»[1], есть большой риск, что большинство из них станет мелкими сошками на региональных каналах и не реализует свои мечты о славе.

В 2003 году вышел перевод французской сатиры «Основы теории молодых девиц» (издательство *Bollati*

«Лента новостей» (итал. *Striscia la notizia*) — сатирическая программа, название которой можно перевести как *«Ползучие слухи»*, была задумана продюсером Антонио Риччи (р. 1950) в качестве пародии на новостные передачи. Впервые вышла в эфир в 1988 году и до сих пор занимает ведущие места в рейтинге телепередач.

Boringhieri), где не только велины, но и обычные девочки, которые подчиняются диктату моды (голые пупки и прочее), представлены как жертвы общества, принуждающего их продавать свое обольщение за рабочее место, новый опиум для народа. Журнал *Panorama* опубликовал рецензию Джампьеро Мугини[1], полную беззаботного скептицизма, поскольку, как утверждает автор рецензии, в итоге эти образы возбуждают мечты о красоте, «без которой нет жизни», и заключает он так: «Спасибо за то, что вы есть, милые прелестницы». Я тоже неравнодушен к очарованию женской красоты и могу понять, какое наслаждение находит Мугини в созерцании этих прелестей. Многие, однако, получают удовольствие и от просмотра корриды, но кто же при этом думает о быке? Проблема не в Мугини, а в девушках.

Некоторые телепередачи не выживут без полуголых красавиц, вертящих задом, другие же, телевикторины к примеру, которые я смотрю с удовольствием («Амадей и Скотти»[2]), могут прекрасно обойтись и без красотки, улыбающейся в конце передачи рядом с несчастным проигравшим, как правило уступающим ей в совершенстве. В любом случае даже самый заядлый антифеминист должен признать, что речь идет об использовании женщины-объекта. В двух словах: если бы женщины были субъектом, они бы задавали вопросы, а Амадей ходил бы в плавках. Однако Амадей является гигантом мысли («Нет, синьора, ипекакуана — это не рептилия в Центральной Америке!»), тогда как девушка нужна там для того, чтобы Мугини, как он честно признался, просто радовался ее существованию.

[1] *Джампьеро Мугини* (р. 1941) — журналист, писатель, спортивный комментатор.

[2] *Амадей* или *Амедео Умберто Себастьяни* (р. 1962) — известный радио- и телеведущий; *Джерри*, или *Вирджинио, Скотти* (р. 1956) — известный актер, диджей и телеведущий.

Если не в этом объективация женщины, то единственной женщиной-объектом оказывается проститутка, и то лишь тогда, когда ее заставляют торговать собой, а в остальном можно спать спокойно. В противном случае идея открытия школы с государственным финансированием для воспитания девочек в качестве сексуального объекта не кажется мне хорошей.

И последнее соображение. Кто-то задавался вопросом, почему Антонио Риччи в своей передаче «Лента новостей» назвал «велинами» девушек (которые, по крайней мере, умеют танцевать и остроумно шутят)? Велиной назывался официальный циркуляр на тонкой папиросной бумаге, который Минкульпоп[1], орган пропаганды фашистского режима, рассылал в газеты с разъяснениями, о чем им можно писать, а о чем лучше умолчать. Поскольку программа Риччи родилась как пародия на выпуск новостей (а потом стала заслуживать больше доверия, чем то, что она пародировала, но это другой вопрос), очевидно, Риччи придумал это ироничное название для муз, которые подносили двум телеведущим листочки с новостями. Название прижилось, и теперь оно используется с семантикой типа «глянец», бумага высокого качества, белая и гладкая. В любом случае мы уже не помним, как возник этот эпизод с цензурой.

«Глянцевые штучки» в качестве циркуляров Минкульпопа были нужны для того, чтобы итальянцы не слишком много думали. Я не хочу сказать, что «глянцевые штучки» с голым пупком осознанно исполняют ту же функцию, но в целом есть над чем задуматься.

2003

Минкульпоп (от итал. *Ministero della cultura popolare*) — сокращенное название Министерства народной культуры, созданного в 1937 году, имеющее иронический оттенок.

Вреден ли зритель телевизору?

Звонит из Мадрида мой друг и коллега Хорхе Лосано, преподаватель семиотики и теории коммуникаций в университете Комплутенсе, и говорит: «Ты в курсе, что здесь у нас происходит? Это подтверждает все, что вы писали в шестидесятые годы. Поэтому я даю моим студентам перечитать то, что ты, Паоло Фаббри, Пьер Паоло Джильоли и другие делали в Перудже в 1965 году, твой семинар в Нью-Йорке в 1957 году о семиологической *герилье* и твое эссе 1973 года *"Вреден ли зритель телевизору?"*. Там все написано».

Приятно, когда тебя считают пророком, но я заметил Лосано, что мы тогда ничего не предрекали: мы описывали тенденции, которые уже существовали. «Ну хорошо, — говорит Хорхе, — но как раз политики этого и не читали». Возможно. В том-то и дело. Тогда, в шестидесятые и в начале семидесятых, много говорилось о том, что, безусловно, телевидение (и СМИ в целом) — это мощнейший инструмент, способный контролировать то, что называлось *messaggi*, и, если проанализировать эти сообщения (*messaggi*), можно увидеть, как они могут влиять на мнение аудитории и даже форми-

ровать сознание. Также было отмечено, что публикой не обязательно прочитывалось именно то, что сознательно закладывалось в эти сообщения. Самые простые примеры: кадр с вереницей коров будет по-разному «прочитан» европейским мясником и индийским брахманом; реклама машины *Jaguar* пробуждает желание в богатом зрителе и вызывает фрустрацию у человека менее обеспеченного. Иначе говоря, сообщение нацелено на определенный результат, но может конфликтовать с локальными ситуациями, иными психологическими установками, желаниями, страхами и вызвать эффект бумеранга.

Именно это случилось в Испании. Посыл в правительственных сообщениях был следующий: «Верьте нам, теракт совершила группировка ЭТА[1]", но именно потому, что сообщения были такими настойчивыми и безапелляционными, большинство трактовало их как «Я боюсь сказать, что это дело рук Аль-Каиды». И здесь проявился еще один феномен, который я назвал когда-то «семиологической *герильей*». В двух словах: тот, кто контролирует вещание, никогда не усядется прямо перед телекамерами, но будет, образно говоря, сидеть перед телевизором в каждом доме.

Э́ТА (баск. *ETA, Euskadi Ta Askatasuna* – «Страна басков и свобода») – баскская леворадикальная националистическая организация сепаратистов, выступающая за независимость Страны басков – региона, расположенного на севере Испании и юго-западе Франции. Теракты в Мадриде 11 марта 2004 года (3/11) были проведены за три дня до парламентских выборов в Испании и стали крупнейшими террористическими акциями в истории страны. В результате взрывов четырех пригородных электропоездов погиб 191 и было ранено 2050 человек. Первоначально ответственность за теракты была возложена на организацию баскских сепаратистов ЭТА. Впоследствии была установлена причастность подпольной исламистской организации. По данным расследования, дата организации терактов была выбрана с символическим значением – взрывы произошли через 911 дней (и ровно через два с половиной года) после терактов в США 11 сентября 2001 года (9/11).

Иными словами, семиологическая *герилья* — это действия не там, откуда посыл отправлен, а там, куда он направлен, с целью заставить адресатов реагировать на это сообщение: обсуждать, критиковать, не воспринимать его пассивно. В шестидесятые годы эта *герилья* использовала архаичные методы — раздачу листовок, организацию «телефорума» по принципу кинофорума, набеги в бар, где в те времена люди собирались вокруг единственного в районе телевизора. Но в Испании все произошло гораздо быстрее и эффективнее, ведь мы живем в эпоху интернета и мобильных телефонов. Так что эта *герилья* не была организована какими-либо группами активистов, представителями элиты, «выдающимися людьми», но развилась стихийно, катилась как снежный ком, передавалась гражданами «из уст в уста».

По словам Лосано, правительство Аснара[1] ввергнуто в кризис вихрем, безостановочным потоком личных сообщений, который принял размеры явления общественного; люди смотрели телевизор и читали газеты, но при этом создалось некое движение — люди общались между собой и спрашивали, а было ли правдой то, что им говорилось. Интернет позволяет читать зарубежную прессу, новости можно сопоставлять между собой, обсуждать. В течение нескольких часов сформировалось общественное мнение, которое думало не так, как хотел бы заставить думать аудиторию телевизор, и говорило не то. «Это эпохальное явление, — повторял мне Лосано, — зритель действительно может навредить телевизору». Возможно, он подразумевал: *No pasaran!*

Хосе Мария Аснар Лопес (р. 1953) — испанский политик, член Народной партии. Премьер-министр Испании с 1996 по 2004 год. По мнению аналитиков, поражение Народной партии было связано в первую очередь с терактом 11 марта 2004 года в Мадриде.

Не так давно в одной дискуссии я высказал предположение, что, если у телевидения один хозяин, любая избирательная кампания может проводиться человеком-сэндвичем — он будет просто ходить по улицам, рассказывая людям то, о чем умалчивает телевидение. В этом шутливом предположении есть доля правды. Я действительно размышлял о бесконечных альтернативных каналах, которые предоставляет нам мир коммуникации: контролируемую информацию можно опровергнуть даже сообщениями мобильного телефона, если мы пишем не только «я тебя люблю».

В ответ на воодушевление моего друга я сказал, что у нас, должно быть, средства альтернативной коммуникации еще не так развиты, учитывая, что наша политика (а такая политика трагична) выходит на стадионы, прерывая футбольный матч. И что у нас потенциальные авторы «семиологической герильи» заняты скорее тем, чтобы навредить друг другу, а не телевизору. Однако испанский урок дает тему для размышления.

2004

Сам себе свидетель

Когда реклама сообщает нам, что такой-то продукт лучше остальных, она не претендует на то, чтобы все этому поверили. Важно, чтобы человек запомнил продукт и идентифицировал его в магазине. Если реклама не рассчитывает на доверие, зачем в таком случае нужен *testimonial*[1], то есть известный персонаж, задача которого — дать товару хвалебную характеристику? Видимо, его участие требуется, чтобы уверять потребителей, что даже такой привлекательный и/или авторитетный человек рекомендует данный продукт. Особенно веско это должно прозвучать, если *testimonial* принадлежит к той же технико-маркетинговой области, что и продукт (знаменитый футболист выглядит более убедительно, если он рекомендует футбольные бутсы, а не минеральную воду).

Testimonial (*англ.* свидетельство) — маркетинговый прием при продвижении товара и (или) услуги, основанный на активном использовании чужого положительного мнения об объекте маркетинга. Уважаемый персонаж или обычный потребитель рассказывает о своем личном положительном опыте использования товара. *Testimonial* часто представляет собой использование оплаченных позитивных мнений и заявлений лидеров мнения, авторитетных для определенных целевых аудиторий, популярных лиц, звезд эстрады и спорта, политиков и других знаменитостей.

Но часто бывает так, что именно футболист рекламирует минеральную воду. С другой стороны, всем прекрасно известно (не беря в расчет призывы к благотворительности), что он получает за это хорошие деньги, поэтому его свидетельство не обязательно продиктовано восторгом от данного продукта. Правда в том, что не важно, доверяют ли люди добросовестности свидетеля. Достаточно, чтобы их привлекала его фигура, и тогда посыл достигает цели.

В американской рекламе раньше, чем у нас, появился «внутренний» свидетель — за качество товара ручается не кто-то посторонний (актер, ученый, спортсмен), а сам производитель. Он будто говорит: «Верьте мне, ведь это делаю я, обычный человек, такой же, как вы». Однако здесь кроется опасность: не хочу, чтобы на меня завели дело, и не буду называть имен, но как-то я видел рекламный ролик, где у производителя было такое противное лицо, что я невольно задумался, а купил ли бы я у него подержанный автомобиль.

Чтобы этого избежать, нужно помнить, что зрителей привлекают обольстительные персонажи, взятые не из реальной жизни, а созданные самой рекламой (вспомним Меган Гейл[1]). Следовательно, можно показать «виртуального» производителя, то есть актера, который ручается, что он и есть производитель, который, в свою очередь, ручается за себя и за свой продукт. Откровенно пародийную версию на подобную практику (обыгрывается удачная омонимия) делает Джерри Скотти[2], который реклами-

Меган Кейт Гейл (р. 1975) — австралийская фотомодель, актриса и модельер. С 1999 по 2006 год снималась в Италии в рекламных роликах компании *Omnitel/Vodafone*.

2 *Джерри Скотти* (настоящее имя Вирджинио Скотти, р. 1956) — известный итальянский актер, диджей и телеведущий. Рекламирует на телевидении рис Скотти, обыгрывая омонимию своей фамилии.

рует рис марки «Скотти» и, разговаривая с мифическим доктором Скотти, внушает нам, что рис имеет все положительные качества видимого, а не скрытого Скотти.

Теперь поговорим о синьоре Джованни Рана[1]. Кто такой синьор Джованни Рана? Производитель тортеллини стал известным потому, что лично рекламирует на телевидении свой продукт. Синьор Рана предстaвляет собой типичный случай «засвидетельствованного свидетеля» (*testimone testimoniato*), или свидетеля, свидетельствующего в пользу себя самого, потому что, появляясь на экране, с одной стороны, он гарантирует, что он синьор Рана, с другой — как таковой, гарантирует качество продуктов марки «Рана». Гарант продукции «Рана» — настоящий синьор Рана или актер, который его играет? Не думаю, что зрители задаются подобным вопросом: синьор Рана в телевизоре — это уже не реальный человек из жизни, а персонаж рекламного ролика.

Сейчас по телевизору идет реклама (не макаронные изделия, мне кажется, что-то про телефоны), и в ней в качестве *testimonial* также появляется синьор Рана. Я думаю, это абсолютно новый ход. Вводя в рекламный миф *A* персонажа из другого рекламного мифа *B*, то есть используя в качестве эксперта для рекламы *A* персонажа, который в рекламе *B* был свидетелем себя самого, можно сказать, что (перефразируя Сраффа[2]) мы имеем дело с производством рекламы посредством рекламы. Предположим, что перед

Джованни Рана (р. 1937) — предприниматель, основатель макаронной фабрики *Pastificio Rana* в Вероне, один из ведущих лидеров рынка.

2 *Пьеро Сраффа* (1898–1983) — итальянский и английский экономист, профессор Кембриджского университета. Основной труд: *Производство товаров посредством товаров: прелюдия к критике экономической теории*. М.: ЮНИТИ-Дана, 1999.

нами возник бы Тополино, гарантирующий, что волк Альберто[1] действительно существует, или наоборот.

Здесь ясно одно: завороженный появлением сомнительного синьора Раны и этим прорывом одной картинки в другую (как в фильме «Все кувырком»[2], где в разгар вечеринки врываются индейцы на лошадях явно из другого фильма), ты в итоге (как в моем случае) уже не помнишь, что же, черт возьми, в этом ролике рекламируется. С другой стороны, не такое уж это уникальное явление: все чаще случается, что, если *sketch* в рекламе яркий, более того — запоминающийся (помните знаменитое «Добрый ве-е-ечер!»?[3]), в памяти остается забавная ситуация, а не рекламируемый продукт.

Чтобы марка запомнилась, нужно, чтобы ее упоминание вошло в финальную реплику, убедительную и эффектную. Вспомните *No Martini, no party*, ребенка, который неправильно произносит название тушенки *Simmenthal*, или ставшие классикой мини-детективы — рекламные скетчи в телепрограмме «Карусель», героем которых был инспектор Рок («Я тоже совершил ошибку, я никогда не пользовался бриолином *Linetti*!»)[4].

Волк Альберто (итал. *Lupo Alberto*) — персонаж популярных в Италии комиксо Гвидо Сильвестри.

«Все кувырком» (в оригинале: *Hellzapoppin'* (*англ.*); вариант русского перевода: «Ад раскрылся») — музыкальная комедия, снятая в 1941 году по мотивам успешного бродвейского мюзикла.

3 Эко имеет в виду известный в Италии рекламный ролик, в котором в качестве финальной фразы мужчина обольстительно приветствует девушку. Этот сюжет стал основой для многочисленных пародий, и, действительно, никто не помнит, что так рекламировалась продукция марки «Фиат». https://www.youtube.com/watch?v=goaQXmozjXE (дата обращения: февраль 2017 года).

4 *«Нет мартини – нет вечеринки»* — лозунг рекламной кампании итальянского вермута «Мартини». Тушенка *Simmenthal*: рекламный ролик 1987 года, где ребенок вместо «Симменталь» произносит «Тинсеммаль» и заключительный слоган: «Мясо Симменталь: неповторимый вкус, безошибочный выбор». См.: https://www.youtube.com/watch?v=DJ43Jau4ciM (дата обращения: февраль 2017 года). *«Карусель»* — программа, выходившая на итальянском теле-

Почему некоторые рекламщики (и особенно некоторые заказчики) ведут себя как самоубийцы, предпочитая удачную шутку возможности увековечить логотип? Признаюсь, это загадка, которую мне пока не удалось разгадать.

2005

видении с 1957 по 1977 год. Юмористические театрализованные сценки и музыкальные интермедии завершались рекламными слоганами. Одним из героев «детективных» скетчей был инспектор Рок в исполнении Чезаре Полакко (1900–1986), который в ответ на восклицание своего помощника «Инспектор, вы уникальны! Вы никогда не ошибаетесь» снимал шляпу, обнажая лысину, и говорил: «Это не так! Я тоже совершил ошибку, я никогда не пользовался бриолином Линетти». Эта фраза вошла в «золотой фонд» итальянской рекламы. См.: https://www.youtube.com/watch?v=F5G85Xb9e_8 (дата обращения: февраль 2017 года).

Грех наш насущный даждь нам днесь

Я считаю, что если б урагану, который разрушил Новый Орлеан[1], не предшествовали такие проблемы, как эрозия почв, уничтожение естественных барьеров, вырубка леса, слабость и разрушение дамб, его последствия были бы не столь катастрофическими. Полагаю, с этим согласны все. Споры возникают, служит ли глобальное потепление причиной урагана здесь и цунами там. Сразу скажу, что, даже не обладая научными знаниями в этой области, я убежден, что наше воздействие на окружающую среду вызывает явления, которые не возникли бы, если б нас больше заботила судьба планеты, поэтому я за Киотский протокол[2]. Но я также считаю, что торнадо, циклоны и тайфуны были всегда, иначе не было бы у нас прекрасных страниц

Ураган «Катрина» – самый разрушительный ураган в истории США, прошел в конце августа 2005 года. Наиболее тяжелый ущерб был причинен Новому Орлеану в Луизиане, где под водой оказалось около восьмидесяти процентов площади города.

Киотский протокол – международный договор, принятый в Киото (Япония) в декабре 1997 года. Согласно этому договору развитые страны и страны с переходной экономикой обязуются сократить или стабилизировать выбросы парниковых газов.

Джозефа Конрада[1] или знаменитых фильмов, посвященных этим катастрофам.

Рискну заметить, что в прошлом тоже случались ужасные катаклизмы, погубившие десятки тысяч людей, и, бывало, они происходили в таком же временном промежутке (очень узком), какой был между азиатским цунами и американским ураганом «Катрина». Об одних мы что-то слышали — некоторые легли в основу литературных произведений: гибель Помпей, например, или землетрясение в Лиссабоне[2]. О других же, таких как извержение вулкана Кракатау[3], сохранились лишь туманные и наводящие ужас известия, но в целом, я думаю, можно предположить, что десятки и сотни разных катаклизмов сеяли смерть на далеких берегах, в то время как мы занимались своими делами. То есть в глобальном обществе быстрота распространения информации приводит к тому, что мы узнаем (мгновенно) о любом трагическом событии, случившемся даже в самом отдаленном уголке земного шара, и создается впечатление, что в наши дни происходит больше природных катаклизмов, чем раньше.

Я думаю, к примеру, любой средний телезритель задается вопросом, что за таинственный вирус поражает сегодня мам, убивающих собственных детей. В этом трудно винить озоновую дыру. Здесь кроется нечто другое. Действительно, это другое есть, но оно совершенно не скрыто. Детоубийство было всегда, ни для кого

Джозеф Конрад (Теодор Юзеф Конрад Коженёвский, 1857–1924) — английский писатель-романист польского происхождения.

2 *Великое лиссабонское землетрясение* произошло утром 1 ноября 1755 года. Оно превратило в руины столицу Португалии и было одним из наиболее разрушительных и смертоносных землетрясений в истории.

3 *Извержение вулкана Кракатау* (Индонезия) 1883 года — извержение вулкана, начавшееся в мае 1883 года и завершившееся серией мощных взрывов 26 и 27 августа 1883 года, в результате которых большая часть острова Кракатау была уничтожена.

не секрет, в истории это довольно распространенный вид спорта, и еще греки ходили в театр, чтобы поплакать над Медеей, которая, как известно, убила своих детей тысячу лет назад, и только для того, чтобы досадить мужу. Утешает, однако, что из шести миллиардов жителей планеты матери-убийцы всегда составляли процент со многими нулями впереди, поэтому не стоит подозрительно оглядывать всех женщин с колясками.

Тем не менее, если посмотреть наши выпуски новостей, создается впечатление, что мы живем в каком-то круге ада, где не только мамы убивают по ребенку в день, но четырнадцатилетние палят из винтовок, иммигранты то и дело грабят, пастухи режут уши[1], отцы пускают в расход все семейство, садисты добавляют отбеливатель в бутылки с минеральной водой, ласковые внуки расчленяют бабушек. Конечно, все так и есть, но это статистически нормально, и никто при этом не вспоминает счастливые и спокойные послевоенные годы, когда мыловарщица варила соседок, Рина Форт разбивала молотком головы деток своего любовника, графиня Беллентани тревожила ужины аристократов выстрелами из револьвера[2].

Если сегодня «как бы» нормально то, что время от времени некая мать убивает своего ребенка, менее нормально то, что множество американцев и иракцев взлетает каждый день на воздух. Тем не менее про уби-

Вероятно, У. Эко имеет в виду историю похищения в 1973 году Джона Пола Гетти III (1956–2011) пастухами с Сардинии, ухо которого похитители отправили в газету *Il Messagero* с запиской: «Это первое ухо Пола. Если в течение десяти дней семья по-прежнему будет считать, что это организованный им розыгрыш, то вы получите второе ухо. Другими словами, он вернется к вам по кусочкам».

Мыловарщица из Корреджо, Леонарда Чанчулли (1894–1970) – серийная убийца, жертвой которой стали три немолодые женщины; *Катерина* или *Рина Форт* (1915–1988) – преступница, убившая в Милане в 1946 году жену и трех малолетних детей своего любовника; *Пия Беллентани* – графиня, была арестована в 1948 году за убийство любовника на Вилле д'Эсте, озеро Комо.

тых детей мы знаем всё, а про количество взрослых смертей крайне мало. Сегодня серьезные газеты прежде всего освещают на своих страницах вопросы политики, экономики, культуры, затем отводят место биржевым сводкам, объявлениям и некрологам, пристрастием к чтению которых отличались наши бабушки, и, за исключением действительно особых случаев, посвящают криминальной хронике лишь несколько колонок. Могу сказать, что раньше она не занимала суммарно больше места, чем сегодня, и читатели, жаждущие крови, должны были покупать специальный выпуск, вроде журнала *Crimen*, — так же как, вспомним, телевизионные сплетни оставались в иллюстрированных журналах, которые можно было найти в парикмахерской.

А теперь наши выпуски новостей после обязательных сообщений о войнах, массовых убийствах, терактах и прочем, после ряда осторожных высказываний об актуальной политике — таких, чтобы не слишком пугали телезрителей, — переходят к хронике преступлений: матере-сестро-жено-брато-отце-детоубийства, ограбления, похищения, перестрелки. В довершение, чтобы зритель не чувствовал себя обделенным, — кажется, что хляби небесные разверзлись как раз над нашим регионом, и такой дождь, какого отродясь не бывало, по сравнению с ним Всемирный потоп — ерунда, немного кран потек.

Есть в этом что-то тайное, вернее — явное. А именно: не желая компрометировать себя новостями политически и экономически опасными, руководители наших телеканалов сделали свой выбор — журнал *Crimen*. Прекрасный видеоряд проломленных топором черепов сдерживает народ, чтобы никакие дурные мысли не лезли ему в голову.

2005

Был ли Агамемнон хуже, чем Буш

Я сидел в поезде, листая газету, когда синьор по соседству со мной завел разговор: «Читали, в какое время мы живем? Один убил беременную жену, другие недавно зверски расправились с семьей соседей, и только потому, что те слишком громко включили радио. А румынская проститутка, которая ткнула зонтиком девушке в глаз из-за пустячной ссоры? А сколько матерей сейчас убивают своих детей? А этот, который застрелил дочь (разумеется, иммигрант, к тому же мусульманин), хотел помешать ей выйти замуж за христианина? А еще раньше, помните, девушка из Нови расправилась с матерью и младшим братом? А те, которые украли ребенка у соседа и потом убили его, потому что он плакал? Что же такое, что происходит?»

Я осторожно замечаю, что, очевидно, это далеко не все. Если б он внимательно читал то, что читал я (возможно, в интернете), он бы понял: список на этом не заканчивается. Вы слышали про эту историю в Пьяченце? Добиваясь благосклонности одного типа, от которого зависел успех предприятия, некто Менини отдает ему свою дочь, прекрасно зная, что тот, человек без

принципов, ее погубит, после чего совершенно спокойно уезжает в командировку. Тем временем, пользуясь отсутствием мужа, подающий надежды юноша по имени Эгиди решает утешить госпожу Менини. Этот ловкач становится ее любовником, а когда Менини возвращается из поездки, убивает его при содействии госпожи. Убийцу не находят, все рыдают на похоронах, однако сын Менини начинает что-то подозревать. Он возвращается из-за границы, где был по программе *Erasmus*, убивает Эгиди, а потом и мать (кстати, его пытается спасти сестра, запутывая следствие). «Что творится, что творится», — вздыхает сосед.

А синьора Меди из Мольфетты? Муж ее бросил, а она в отместку, зная, как он привязан к детям, их убивает. «Воистину, ничего святого не осталось, как говорят, отрежь себе пенис, чтобы насолить жене, а эта убивает свою плоть и кровь, чтоб разозлить мужа, — сетует мой попутчик, — разве ж она мать? Я вот что скажу: все беды от телевизора и тех диких программ, которые делают коммунисты».

«Кстати, — сгущаю я краски, — наверное, господин не читал о некоем Крони из Сатурнии, который сначала, не помню из-за чего, наследство там или что-то еще, оскопляет отца, а затем — поскольку не хочет детей, и это понятно, учитывая его личный опыт, — заставляет жену делать аборт и поедает несчастные зародыши». Синьор в ответ: «Может, он состоял в сатанинской секте, может, он подростком бросал камни с моста на автостраду, а все считали его хорошим человеком. Еще бы, вот и в вашей газете приветствуются аборты и браки трансвеститов...»

«А знаете, — говорю я ему, — что большинство преступлений на сексуальной почве происходит сегодня в рамках семьи? Вероятно, вы слышали про Лая из Бат-

типальи, который был убит собственным сыном, а сын потом сожительствовал с матерью, пока она, осознав ситуацию, не покончила с собой. А в городке неподалеку некие братья Тиести сначала из корыстных соображений убивают сводного брата, затем один из двух становится любовником жены другого, и другой в отместку убивает его детей, зажаривает их и подает на ужин, а тот съедает, даже не подозревая, что ест».

«Боже, боже, — восклицает мой собеседник, — но это итальянцы или иммигранты?» «Нет, — говорю, — я немного переиначил имена и места действия. Все они были греки, и истории эти я прочитал не в газете, а в мифологическом словаре. Синьор Менини — Агамемнон, который принес в жертву богам свою дочь, чтобы заручиться успехом в Троянской кампании; молодой Эгиди — это Эгисф, убивший Агамемнона, а жена-изменница — Клитемнестра, которую затем убил ее сын Орест. Синьора Меди — это Медея; синьор Крони — Кронос, он же Сатурн у римлян; синьор Лай — отец убившего его Эдипа, а жена, совершившая инцест, — Иокаста; наконец, братья Тиести — это Фиест, который съел своих детей, и его брат Атрей. На этих мифах построена наша цивилизация, не только на сюжете о браке Кадма и Гармонии».

Тогда на основе этих историй время от времени возникали трагедии или поэмы, а сегодня газеты весьма внимательны к кровавым событиям, посвящая им каждый день две-три страницы. Если учитывать, что сегодня нас шесть миллиардов, а в прежние времена все население в мире ограничивалось несколькими десятками миллионов, пропорционально тогда убивали больше, чем сейчас. По крайней мере в повседневной жизни, войны не в счет. И возможно, Агамемнон был даже хуже, чем Буш.

2007

Где эта улица...

Хорошо, что в самый разгар лета не слишком много новостей для обсуждения, за исключением военного конфликта в Грузии, однако сообщений о нем гораздо меньше по сравнению с Олимпиадой. Но меня поразило в эти дни возобновление темы, которую я рискнул бы назвать вечной. Вновь разгорелись споры, потому что кто-то где-то хочет посвятить улицу какой-то личности, скомпрометировавшей себя в годы фашизма, или неоднозначной фигуре вроде Беттино Кракси[1], или переименовать проспект, может быть, в Романье, где, проезжая через небольшие города, удивляешься обилию улиц Карла Маркса и Ленина. Откровенно говоря, это уже невыносимо, и тут есть только один выход: закон, запрещающий называть улицы в честь того, кто умер менее ста лет назад.

Естественно, по закону ста лет Карл Маркс уже получил амнистию, но в 2045 году кто-нибудь таки решит назвать улицу в честь Бенито Муссолини, однако наши внуки, которым исполнится сорок (а возможно, и правнуки), будут иметь весьма смутное представление об этой

Бенедетто (Беттино) Кракси (1934–2000) – итальянский политик, замешанный в ряде коррупционных скандалов.

фигуре. Ведь гуляют же сегодня благочестивые католики по улице Колы ди Риенцо[1], не подозревая не только о том, что и у него была своя площадь Лорето[2], но и о том, что так назвали одну из главных улиц Рима масоны эпохи Рисорджименто, чтобы досадить папе.

Нужно также учитывать, как минимум из уважения к умершим, что назвать в честь кого-то улицу — это наиболее легкий путь приговорить его к общественному забвению и оглушительной анонимности. За редким исключением, типа Гарибальди или Кавура, люди не знают, что это за личности, имя которых носит площадь или бульвар, а если когда-то и знали, в конечном итоге эти личности становятся в коллективной памяти просто улицами. В моем родном городе я тысячу раз проходил по улице Скьявина, не задаваясь вопросом, кто это (теперь я знаю, это был хронист XIX века); по улице Кенна (я знаю, кто это, потому что у меня дома есть его работа по истории епископата в Александрии 1785 года); не говоря о Лоренцо Бургонцио (недавно нашел в интернете, что это автор «Исторических сведений в честь Пресвятой девы Марии Спасительницы», издательство *Vimercati*, 1738 год).

Готов поспорить, что не многие миланцы, живущие на улицах Андегари, Кузани, Бильи или Мельци

Кола ди Риенцо (настоящее имя Никола ди Лоренцо Габрини, 1313–1354) — итальянский политический деятель эпохи раннего Возрождения, близкий с Ф. Петраркой, ставший в 1347 году «народным трибуном» Рима и лишивший папу светской власти. Объявленный папой еретиком и потерявший доверие народа к концу этого же года, он был вынужден бежать из Рима, а затем стал пленником в Авиньоне. В 1354 году как посланник папы Иннокентия VI он вновь объявляется в Риме и провозглашает его республикой, однако народ, недовольный повышением налогов, устраивает восстание, а Кола ди Риенцо погибает. Его тело висело два дня на виа Лата перед домом семьи Колонна, а потом было сожжено неподалеку от Мавзолея Августа.

Пьяццале Лорето — главная площадь Милана, на которой 29 апреля 1945 года было выставлено тело Бенито Муссолини, убитого партизанами.

д'Эрил, скажут мне, кто эти люди, заслужившие такой чести. Если вы хорошо учились, возможно, вы вспомните, что Франческо Мельци д'Эрил был вице-президентом Итальянской Республики в период наполеоновского владычества, но я считаю, что обычный прохожий, не историк по профессии, знает крайне мало о Кузани, Бильи или Андегари (некоторые, кстати, утверждают, что последнее происходит от келтского слова *andeghee*, означающего боярышник).

Не только топонимика приговаривает к *damnatio memoriae*[1], но может случиться, что фамилией вполне добропорядочного человека будет названа улица с весьма сомнительной репутацией, так что имя этого несчастного на веки веков свяжется с чем-то непристойным. Я помню, что в Турине моих университетских дней улица Каландра, имеющая дурную (а для людей старой закалки и печальную) славу, ассоциировалась сразу с двумя домами терпимости, хотя вообще-то названа в честь Эдоардо Каландра, уважаемого писателя XIX века. И площадь Бодони, названная в честь известного типографа, на которой стоит знаменитая консерватория, была тогда местом ночных встреч гомосексуалов (можете себе представить, что это означало в пятидесятые годы). В итоге топоним по метонимии (связь содержимого с содержащим) применялся ко всем, кто предавался различного вида удовольствиям, включая книгопечатание и классическую музыку. Не говоря уж о том, что в Милане бордель, куда часто наведывалась солдатня, находился на улице Кьяравалле, так что

Проклятие памяти (лат.) – особая форма посмертного наказания, применявшаяся в Древнем Риме к государственным преступникам – узурпаторам власти, участникам заговоров, к запятнавшим себя императорам. Любые материальные свидетельства о существовании преступника – статуи, настенные и надгробные надписи, упоминания в законах и летописях – подлежали уничтожению.

никто без усмешки не мог произносить имя этого благородного и знаменитого аббатства[1].

Как же нам в таком случае называть улицы? Государственные мужи должны дать волю воображению, поскольку они не смогут использовать имена вроде Боттаи или Итало Бальбо, им придется вспомнить о таких личностях, как, к примеру, Сальвино Армати — предполагаемый изобретатель очков, или Беттизия Гоццадини (первая женщина, ставшая преподавателем в университете в средневековой Болонье), или даже Угуччоне делла Фаджола и Фачино Кане, которые не были святыми, но и Бальбо им не был[2]. С другой стороны, Нью-Йорк прекрасно обходится улицами, обозначенными лишь цифрами, и, кстати, когда-то в Милане называли улицы по их ширине — виа Ларга тому пример. В сотнях итальянских городов есть Сверчковый проезд, Медвежий переулок, Пшеничный проспект, Зеленое шоссе, к этому можно добавить Липовую аллею (одна такая есть даже в Берлине), Ольховую улицу — ботанизировать можно до бесконечности.

2008

Аббатство Клерво — основано в 1115 году Бернардом Клервоским, один из пяти старейших и важнейших монастырей цистерцианского ордена.
Джузеппе Боттаи (1895–1959) — государственный деятель, один из основателей и руководителей фашистского движения в Италии; *Итало Бальбо* (1896–1940) — итальянский военный и политический деятель, соратник Бенито Муссолини; *Сальвино дельи Армати* (? — 1317) — флорентиец, предполагаемый изобретатель очков, возможно, личность, никогда не существовавшая; *Беттизия Гоццадини* (1209–1261) — юрист, профессор права в Болонском университете; *Угуччоне делла Фаджола*, или *Фаджуола* (1250–1319) — итальянский кондотьер (предводитель наемного военного отряда) и политик, в разное время был правителем (подеста) таких городов, как Ареццо, Пиза, Лукка, Витербо; *Бонифачио*, или *Фачино Кане* (1360–1412) — итальянский кондотьер, был наемником на службе у веронских герцогов делла Скала, у синьоров да Каррара, правителей Падуи, и у миланских Висконти.

Корабли поднимают корму

Размышление номер один. Я в Париже ужинаю с французскими друзьями, и один из них говорит, что итальянское телевидение — это весело, достаточно включить любую программу, не обязательно развлекательную, и вы увидите прекрасных полуобнаженных девушек, даже если это журналистское расследование или телевикторина. У всех вытаращенные глаза (неужели где-то есть такое телевидение?), и кто-то уже собирается приобрести пакет итальянских спутниковых каналов. Другой говорит: тогда понятно, почему итальянцы все прощают политикам, которые ходят по девочкам. Они так воспитаны. Я слегка уязвлен. Далеко не все мы сексоголики.

Два дня спустя я на вокзале Термини в Риме, где доминируют огромные рекламные щиты пароходной компании *TTTLines*, маршрут Неаполь — Катания. На них изображены кое-какие паромы, но в основном девушки, стоящие спиной и достаточно раздетые, чтобы обратить внимание на их прекраснобедрые изгибы. Крупная надпись, возможно из опасения, что девичьи попы недостаточно привлекают внимание, гласит:

«Самая лучшая корма в Италии». Тем, кто не понимает юмора, придется объяснить остроумную игру слов, связывающую корму корабля и женские ягодицы. Выходит, правы мои друзья французы?

Вопрос: «Отдали бы вы своих детей на воспитание главе пресс-службы компании *TTTLines*?» Боюсь, что многие итальянцы ответят «да», надеясь, что из их сыночка выйдет этакий плейбой с самым красивым бушпритом Италии.

Размышление номер два. «Лига Севера»[1] представила в сенат законопроект, который предусматривает обязательное изучение местных диалектов в программе средней школы. Против выступил Национальный альянс[2], и это понятно, на то он и национальный, а не региональный альянс. В *Corriere della Sera* от 31 мая есть прекрасная статья Дарио Фо, где он использует своеобразный *граммелот*[3], который при желании можно принять за официальный язык Падании (жаль, таковой никогда не существовало), однако ниже дается перевод на хороший тосканский, из чего становится понятно, что Фо высмеивает подобные притязания.

«Северная лига за независимость Падании» (итал. *Lega Nord per l'Indipendenza della Padania*) или просто *«Лига Севера»* — правая политическая партия, выступающая за предоставление северным итальянским провинциям независимости и образование самостоятельного государства Падания со столицей в Милане.

Национальный альянс (итал. *Alleanza Nazionale*) — националистическая правоконсервативная партия в Италии.

3 *Граммелот* (варианты: грамло, громмелот, грамелот) — звукоподражательный язык, когда понятными бывают лишь редкие слова, но общий смысл становится ясен при помощи мимики и жестов. Термин, возможно, происходит от французского *grommeler* (бормотать). *Дарио Фо* (1926–2016) — итальянский драматург, режиссер, теоретик сценического мастерства, живописец. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1997 года. Дарио Фо часто использует своеобразный язык, построенный на смешении современных звуков и архаичных фонем североитальянских диалектов.

Я считаю, нужно что-то делать, чтобы и завтрашние дети смогли наслаждаться «Мистерией-буфф»[1]. Но так как мать дураков всегда беременна, оказывается, есть даже проект, по которому Рисорджименто должно изучаться на региональной основе, то есть туринцам расскажут про Кавура и Гарибальди, а неаполитанцы услышат о Франциске II, Фра-Дьяволо и кардинале Руффо[2]. Справедливости ради придется сказать туринцам и генуэзцам, что Нино Биксио в Бронте[3] повел себя не очень хорошо, но воспитывать ребят с юга в духе бандитизма, пусть и национально-освободительного, означает скрыть от них целостную картину исторического процесса. Как и преподавать ребятам из городка Джемоньо в Ломбардии только на диалекте — значит лишить их в будущем возможности эмигрировать в другие регионы страны или даже за границу. Большая ошибка по отношению к безвинным жертвам, которые не должны отвечать за дремучесть своих отцов.

Туллио Де Мауро[4] многократно повторял, что заслугой телевидения пятидесятых годов было распространение на всей территории полуострова стандартов итальянского языка, так что те, кто отстал от прогрес-

«Мистерия-буфф» — известный моноспектакль Дарио Фо 1969 года, сатирическая комедия на евангельские сюжеты.

Франциск II (1836–1894) — представитель династии Бурбонов, последний король Обеих Сицилий. Вступил на престол в разгар борьбы за воссоединение Италии; *Фра-Дьяволо*, наст. имя Микеле Пецца (1771–1806) — разбойник, глава банды, участник освободительного движения на юге Италии, направленного против французской оккупации в конце XVIII — начале XIX века; кардинал *Фабрицио Руффо* (1744–1827) — неаполитанский кардинал и государственный деятель. В 1799 году в союзе с разбойничьими шайками организовал восстание калабрийцев, повлекшее за собой падение Партенопейской республики.

3 *Нино Джероламо Биксио* (1821–1873) — уроженец Генуи, военный и политик. Участник Рисорджименто, сподвижник Джузеппе Гарибальди. Подавил волнения бедноты в городе Бронте (Сицилия), приказав расстрелять пятерых участников беспорядков.

4 *Туллио Де Мауро* (1932–2017) — итальянский языковед, академик Академии делла Круска. В 2000–2001 годах министр образования Италии.

са, потому что знал только диалект, смогли вписаться в фазу, которая была названа итальянским экономическим чудом. И вместе с тем он сожалел о потере корней в этом процессе лингвистической стандартизации. В моем родном городе каждый год разыгрывают комедию о *Джелиндо*[1], это добрая и очень смешная рождественская сказка на диалекте, но я вижу, что спектакль вот уже несколько лет испытывает кризис по двум причинам: из-за иммиграции трудно найти молодежь, которая говорила бы на диалекте, и еще труднее привлечь компетентных зрителей. Очень жаль, если умрет такая красивая традиция.

Поэтому я считаю, что не будет вреда, если, обеспечив ученикам хорошее знание государственного языка, час в неделю отдать на изучение местного диалекта. Это будет полезно там, где дети все еще говорят на диалекте (смогут сравнивать лексику и синтаксис диалекта и итальянского языка), но, естественно, не исключены проблемы в какой-нибудь миланской школе, где большинство учащихся — китайцы или румыны. Сделайте это (факультативно) после школы, и, как знать, возможно, китайцам тоже понравится.

В Милане одно время продавал зажигалки чернокожий, такой черный, что чернее не бывает; он подходил к прохожим и на чистейшем миланском диалекте проклинал «понаехавших» с юга. Сукин сын, конечно, но дело свое знал.

Пролетарии всех стран, изучение языков сделает вас свободными!

2009

«Джелиндо» — популярная народная комедия на пьемонтском диалекте, дящая корнями в далекое прошлое. Джелиндо — простой пастух, ворчливый и упрямый, но с добрым сердцем.

Высокий средний низкий

В приложении к газете *La Repubblica* в минувшую субботу Анжело Акуаро и Марк Оже[1] по случаю выхода книги Фредерика Мартеля *Mainstream* (издательство *Feltrinelli*, 2010) обратились (учитывая новые формы глобализации культуры) к вопросу, к которому мы то и дело возвращаемся, но всегда с новых точек зрения: как определить, где проходит водораздел между Высокой и Низкой культурой?

Если молодому человеку, которому все равно, слушать Моцарта или этническую музыку, это деление может показаться странным, напомню, что тема будоражила умы в середине прошлого века и что Дуайт Макдональд[2] в прекрасном и очень элитарном эссе 1960 года («Масскульт и Мидкульт») выделил не два, а три уровня. Высокую культуру представляли, к приме-

Анжело Акуаро (р. 1965) – итальянский журналист, работал в разных периодических изданиях, был специальным корреспондентом *La Repubblica* в США, в настоящее время заместитель главного редактора *La Repubblica*; *Марк Оже* (р. 1935) – французский этнограф и антрополог.

Дуайт Макдональд (1906–1982) – американский публицист, культуролог и социолог, литературный критик. Активный участник политической жизни в 1920–30-е годы. См.: Макдональд Д. *Масскульт и Мидкульт* // Российский ежегодник. М., 1990. Вып. 2. С. 243–275.

ру, Джойс, Пруст, Пикассо, а то, что называлось масскультом, включало в себя всякое голливудское барахло, от обложек *Saturday Evening Post* до рок-музыки (Макдональд был из тех интеллектуалов, которые не держат в доме телевизора, тогда как у людей, открытых новому, телевизор стоял на кухне).

Но именно Макдональд выделил третий уровень – *миджульт*, культура среднего уровня, представленная развлекательной продукцией, которая заимствовала и стилемы авангарда в том числе, но по существу оставалась *китчем*. К продукции *миджульта* Макдональд относил Альма-Тадему[1] и Ростана, а из современников причислял Сомерсета Моэма, позднего Хемингуэя, Торнтона Уайлдера и с большой вероятностью причислил бы множество книг, с успехом опубликованных издательством *Adelphi*, которое в один ряд с примерами культуры настолько высокой, что выше просто не бывает, ставит таких авторов, как Моэм, Шандор Мараи и несравненный Сименон (вероятно, Макдональд назвал бы *миджультом* Сименона-не-Мегрэ и *масскультом* Сименона-Мегрэ).

Однако разделение культуры на массовую и элитарную не столь древнее, как можно подумать. Оже упоминает о церемонии похорон Гюго, в которой участвовали сотни тысяч людей (Гюго был *миджульт* или высокая культура?), на трагедии Софокла приходили даже торговцы рыбой из Пирея, роман «Обрученные» Мандзони, едва появившись, разошелся во множестве пиратских изданий – несомненный знак популярности. И вспомним кузнеца, который коверкал стихи Данте

Сэр *Лоуренс Альма-Тадема* (1836–1912) – британский художник нидерландского происхождения, писавший картины преимущественно на исторические сюжеты. Один из наиболее известных и высокооплачиваемых художников Викторианской эпохи.

и разозлил поэта, но вместе с тем показал, что его поэзия известна даже неграмотным[1].

Случалось, правда, что римляне уходили с комедий Теренция, чтобы посмотреть медведей, но и сегодня многие утонченные интеллектуалы предпочтут концерту футбольный матч. Дело в том, что различие между двумя (или тремя) культурами четко проявляется только тогда, когда исторический авангард ставит своей целью эпатаж мещанства и, следовательно, высоко ставит не-читаемость, сознательно не желает быть понятым.

Сохраняется ли разрыв в наши дни? Нет, потому что такие музыканты, как Берио или Пуссёр[2], весьма серьезно относятся к рок-музыке, а многие рок-певцы разбираются в классической музыке больше, чем нам кажется. Поп-арт смешал все уровни, нечитаемость в большей степени грозит сегодня изысканным комиксам, а музыка из спагетти-вестернов исполняется на концертах. Достаточно посмотреть программу ночного телеаукциона, где обычные, неутонченные

У. Эко имеет в виду эпизод из новелл Франко Саккетти (Новелла CXIV): «Когда он проходил через ворота Сан-Пьетро, он увидел кузнеца, который, ударяя по наковальне во время работы, распевал стихи Данте, как распевают обыкновенно народные песни, коверкал его стихи, то удлиняя, то укорачивая их, и, как показалось Данте, ему было нанесено величайшее оскорбление. Не сказав ни слова, Данте подошел к кузнице туда, где лежали инструменты кузнеца, схватил молот и выбросил его на улицу, схватил клещи и сделал то же самое, схватил весы и выбросил их на улицу, и так выкинул остальные инструменты. Кузнеца охватила ярость, подобная той, что охватывает дикого зверя, и он сказал:

– Какого черта вы сделали это? Вы обезумели?

Данте ответил:

– А ты что сделал?

– Я занимаюсь своим делом, – сказал кузнец, – а вы выкидываете мое добро, разбрасываете его на улице.

– Если ты не хочешь, чтобы я портил твои вещи, не порть мои» (пер. Ю. С. Шугриной).

[2] *Лучано Берио* (1925–2003) – итальянский композитор, экспериментатор. *Анри Пуссёр* (1929–2009) – бельгийский композитор-авангардист.

телезрители (те, кто покупает картины по телевизору, явно не относятся к культурной элите) приобретают абстрактные полотна, про которые их родители сказали бы, что они написаны ослиным хвостом. Как говорит Оже: «Между культурой высокой и культурой массовой всегда есть скрытый обмен, и очень часто вторая подпитывается богатством первой» (а я бы добавил: «И наоборот»).

Возможно, сегодня различие уровней сместилось с их содержимого или с их художественной формы на способ употребления. Я хочу сказать, что водораздел уже не проходит между Бетховеном и *Jingle bells*. Бетховен в качестве рингтона в мобильном телефоне или мелодии в аэропорту (или в лифте) воспринимается *рассеянно*, как сказал бы Вальтер Беньямин[1], и, следовательно, становится (для тех, кто использует его так) очень похожим на рекламный мотивчик. И наоборот, какой-то *джингл*, написанный для рекламы моющего средства, может оказаться в центре внимания и получить высокую оценку за ритмические, мелодические или гармонические находки. Не предмет меняет восприятие — есть восприятие сосредоточенное и восприятие небрежное, и рассеянному взору (или слуху) вы можете предложить хоть Вагнера в качестве саундтрека для реалити-шоу «Последний герой». В то время как гурманы удалятся слушать «Не забывай моих слов» на старом виниле.

2010

[1] В эссе «Произведение искусства в век его технической воспроизводимости» (1936) Вальтер Беньямин описывает современные средства воспроизведения — фотографию и кино. Кино как парадигма нового искусства, характеризующегося стремительной сменой образов, обусловливает новый тип рецепции. Это коллективная рецепция рассеянности (в противовес сосредоточенному созерцанию), благодаря которой зритель привыкает к новым задачам восприятия.

«Интеллектуально выражаясь»

На прошлой неделе вечером в Иерусалиме один итальянский журналист сказал мне, что на лентах информагентств в Италии появилось сообщение о том, что на утренней пресс-конференции я сравнил Берлускони с Гитлером, и уже некоторые авторитетные представители большинства выступили по поводу этого моего «бредового» заявления, которое, по их мнению, оскорбляет все еврейское сообщество (*sic*). Сообщество, очевидно, совсем к другим делам привыкло[1], потому что на следующее утро почти все израильские газеты написали о той пресс-конференции (*Jerusalem Post*, благодетель, посвятил ей даже разворот на первой и почти всю третью страницу), но Гитлера не упоминали, а говорили о тех вопросах, которые действительно обсуждались.

Ни одному благоразумному человеку, как бы критично он ни относился к Берлускони, не придет в голову сравнивать его с Гитлером, поскольку Берлускони не развязывал мировых конфликтов ценой в пятьде-

Ваш мозг совсем к другим делам привык... — цитата из стихотворения Джузеппе Джусти «Сант-Амброджо» (пер. Е. Солоновича). См.: Джузеппе Джусти. *Шутки*. М., 1991. С. 191.

сят миллионов человеческих жизней, не убивал шесть миллионов евреев, не распускал парламент Веймарской республики, не создавал отряды чернорубашечников и отделы СС и так далее. Так что же случилось в то утро?

Многие итальянцы все еще не понимают, насколько наш председатель Совета министров дискредитировал себя за рубежом. Отвечая на вопросы иностранцев, из патриотических соображений порой ты просто вынужден защищать премьера. Один назойливый тип хотел от меня услышать, что, поскольку Берлускони, Мубарак и Каддафи ушли или были вынуждены уйти в отставку, Берлускони был итальянским Каддафи. Я, естественно, ответил, что Каддафи был кровавый тиран, он стрелял в своих соотечественников и пришел к власти в результате переворота, в то время как Берлускони был легитимно избран большинством итальянцев (и добавил, «к сожалению»). Значит, сказал я шутя, если мы хотим любой ценой провести аналогии, мы могли бы сравнить Берлускони и с Гитлером только потому, что оба были легитимно избраны. Сведя *ad absurdum* необоснованную гипотезу, мы вернулись к разговору о вещах серьезных.

Итальянский коллега, рассказывая мне про сообщение информагентств, прокомментировал: «Понимаешь, журналист должен выудить новость, даже если она не очевидна». Я не согласен, журналист должен сообщать новости тогда, когда они действительно есть, а не придумывать их. Это еще и признак провинциальности, характерный для нашей страны, когда не важно, что в Калькутте спорят о судьбах планеты, важно, что в Калькутте кто-то сказал что-то за или против Берлускони.

Любопытный аспект этой истории я отметил, вернувшись домой: в каждой газете, которая об этом сооб-

щала, приписываемые мне заявления в кавычках ссылались на источник информагентства, из которого следовало, что я назвал свое беглое упоминание Гитлера «интеллектуальным парадоксом» или что я провел параллель, «интеллектуально выражаясь». Я бы мог, пожалуй, в состоянии сильного алкогольного опьянения сравнить Берлускони с Гитлером, но даже при максимальной концентрации алкоголя в крови я бы никогда не употребил таких бессмысленных выражений, как «интеллектуальный парадокс» или «интеллектуально выражаясь». Чему противопоставляется интеллектуальный парадокс? Мануальному, либеральному, ортодоксальному? Невозможно требовать, чтоб все знали назубок терминологию риторики или логики, но «интеллектуальный парадокс» — это совершенно безграмотное определение, и тот, кто утверждает, что другие выражаются «интеллектуально», сам изъясняется безграмотно. Это означает, что закавыченная фраза подверглась грубой посторонней манипуляции.

Столь низкопробный материал лег в основу виртуозной кампании возмущения, как обычно, чтобы скомпрометировать тех, кто не любит нашего премьер-министра и носит бирюзовые носки[1]. И никому в голову не пришло, что нельзя сравнивать Берлускони с Гитлером еще и потому, что Гитлер был заведомо моногамен.

2011

Раймондо Мезиано — «судья в бирюзовых носках», который в 2009 году приговорил Берлускони к выплате компенсации в 750 миллионов евро за нарушения в ходе приватизации книжного издательства *Mondadori*. На 5-м канале принадлежащего Берлускони холдинга *Mediaset* была сделана попытка дискредитировать судью. В сюжете, снятом скрытой камерой, крупным планом показывались его носки бирюзового цвета, которые были названы автором сюжета «экстравагантными», а несколько подряд выкуренных Мезиано сигарет — «странностью». Умберто Эко упоминает «судью в бирюзовых носках» в своей книге «Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю» (М.: CORPUS, 2014).

Подследственные и посредственные

Помнится, в какой-то старой «картонке» я сетовал на плохую привычку телефильмов и телесериалов показывать нам пары в постели, которые, прежде чем заснуть, (i) совокупляются, (ii) ссорятся, (iii) она говорит, что у нее болит голова, (iv) они вяло поворачиваются в разные стороны и засыпают. Никогда, я подчеркиваю, никогда, ни один из них не читает книг. А потом мы жалуемся, что люди, которые ведут себя в соответствии с телевизионными моделями, ничего не читают.

Но это еще не самое плохое. Что будет, если к вам придет инспектор полиции или карабинер и начнет задавать вопросы, порой щекотливые? Если вы разоблаченный опасный рецидивист, мафиозо на полицейском учете, серийный убийца-психопат, может быть, вы ответите оскорблениями и насмешкой или бросите на землю, симулируя эпилептический припадок. Если же вы нормальный человек с чистой биографией, вы пригласите инспектора сесть, вежливо ответите на его вопросы, возможно немного волнуясь, но проявите воспитанность и внимательно выслушаете сотрудника правопорядка. Ну а если вы все-таки что-то

нарушили, вы будете еще более учтивы, чтобы не нервировать его.

Что происходит в криминальных сериалах (которые я, скажу сразу, чтоб не сойти за эстетствующего моралиста, всегда смотрю с интересом, особенно французские и немецкие, где, за исключением «Кобры 11»[1], нет чрезмерного насилия и взрывов с применением тетранитратоксикарбона[2])? А происходит всегда (обратите внимание, всегда!) следующее: когда полицейский приходит и начинает задавать вопросы, гражданин продолжает заниматься своими делами. Он смотрит в окно, готовит яичницу с беконом, убирается в комнате, чистит зубы, и хорошо еще, если не мочится в туалете, идет к столу подписать бумаги, бежит к телефону — в общем, мельтешит, как белка, делая все возможное, чтобы повернуться к следователю спиной, и спустя какое-то время достаточно бесцеремонно говорит, чтобы тот уходил, потому что у него (или у нее) полно дел.

Что это за поведение? Почему режиссеры сериалов настойчиво внедряют в умы своих зрителей, что к полицейским нужно относиться, как к докучливым рекламным агентам? Вы скажете, что подозреваемый, который ведет себя бесцеремонно, вызывает у зрителя желание поквитаться, то есть зритель будет наслаждаться победой униженного детектива, и это правда. Но как быть, если многие слаборазвитые зрители при первой же возможности плюют карабинерам в лицо, полагая, что это мода? Вероятно, тех, кто покупает сериалы, это мало волнует, потому что сегодня персонажи гораздо более важные, чем те мел-

Спецотряд «Кобра 11» (нем. *Alarm für Cobra 11 – Die Autobahnpolizei*) — немецкий криминальный сериал о буднях дорожной криминальной полиции (1996–2018).
Тетранитратоксикарбон — гипотетически возможное химическое соединение, открытое в 2011 году. Предполагается, что оно может хранить энергию подобно нитроглицерину и быть взрывчатым веществом.

кие преступники, которых допрашивает инспектор Зиска[1], показали нам, что можно запросто не явиться в суд?

Проблема в том, что допрос длится какое-то время, и режиссер сериала расписывается в неспособности удержать двух актеров лицом к лицу, ему нужно каким-то образом оживить сцену. И для этого режиссер заставляет подозреваемого двигаться. А почему режиссер не может удержать или позволить зрителю удержать на несколько минут двух человек, которые смотрят друг на друга, особенно если они обсуждают серьезные, драматически интересные вопросы? А потому, что для этого режиссер должен быть как минимум Орсон Уэллс[2], а актеры — Анна Маньяни[3], Эмиль Яннингс[4] в фильме «Голубой ангел»[5] и Джек Николсон в «Сиянии», такие, которые умеют держать и крупный, и очень крупный план и выразить свое настроение одним взглядом, складкой рта. Ингрид Бергман и Хамфри Богарт в «Касабланке» могли говорить достаточно долго, и Майкл Кёртис[6] (который далеко не Эйзенштейн) спокойно обошелся без американского плана. Однако если вы должны снимать по эпизоду (иногда и два) в неделю, продюсер не может дать волю даже Кёртису, а что касается актеров, они, как бывает в немецких криминальных сериалах, лучше всего играют, когда едят сосиски в перерывах между партиями в покер на компьютере.

2012

1 *Питер Зиска* — инспектор полиции в немецком детективном сериале «Следствие ведет Зиска».

2 *Джордж Орсон Уэллс* (1915–1985) — американский кинорежиссер, актер, сценарист.

3 *Анна Маньяни* (1908–1973) — знаменитая итальянская актриса.

4 *Эмиль Яннингс* (1884–1950) — немецкий актер и продюсер.

5 *«Голубой ангел»* — драматический фильм режиссера Йозефа фон Штернберга, снятый по мотивам романа Генриха Манна «Учитель Гнус».

6 *Майкл Кёртис* (1888–1962) — американский кинорежиссер венгерского происхождения, снял более ста шестидесяти фильмов, в том числе такие успешные, как «Касабланка» (1942) и «Милдред Пирс» (1945).

Дай мне сказать, лахудра!

Надеюсь, главный редактор *L'Espresso* на меня не обидится, если я признаюсь, что каждую неделю с большим интересом и уважением читаю журнал *Settimana enigmistica*[1], поскольку он не просто предлагает мне свое содержимое, но приглашает к сотрудничеству на всех своих сорока восьми страницах.

Словарные определения в кроссвордах дают массу информации для размышления. Итальянская традиция отличается от французской, где определение дается как загадка. Известен пример, который привел Греймас[2], где «другом низших» назывался «целитель» (предполагалось, что отгадывающий знает, что низшими традиционно считались растения с лечебными свойствами, используемые врачами того времени)[3]. В основе определений наших кроссвордов лежат обы-

1 Популярный в Италии журнал кроссвордов и судоку.

2 *Альгирдас Жюльен Греймас* (1917–1992) – литовский и французский лингвист, фольклорист и литературовед.

3 *Низшие растения* – устаревшее понятие, подразумевающее сборную группу живых организмов, которым не свойственна дифференциация тканей. Употреблялось в ботанике до второй половины XX века и включало бактерии, водоросли, лишайники и грибы.

денные и общепринятые взгляды, поэтому, например, «включает макароны и овощи» означает «средиземноморская диета», а «американская змея» — это удав.

Как-то в кроссворде я нашел определение «оживляет ток-шоу», и первой моей мыслью было, что имеется в виду участие знаменитостей или животрепещущая тема. Ничего подобного, ответ был «грызня». Составитель определения прибег, таким образом, к распространенному мнению, согласно которому ток-шоу интересно не потому, что его ведет известный персонаж вроде Бруно Веспы, и не потому, что в нем участвуют Владимир Луксурия или какой-то экзорцист, и не потому, что оно посвящено педофилии или авиакатастрофе над Устикой[1]. Все это, безусловно, важные дополнения, и скучной была бы передача, где в роли ведущего выступал бы филолог-византинист, в качестве гостя пригласили бы монашку-затворницу, давшую обет молчания, а темой для обсуждения был бы папирус Артемидора Эфесского[2]. Однако зритель действительно желает увидеть грызню.

Мне довелось присутствовать на одном ток-шоу, где я сидел рядом с пожилой синьорой, которая каждый раз, когда участники начинали бурно спорить, реагировала так: «Но зачем же они перебивают друг друга? Совершенно непонятно, что они говорят! Почему они

Бруно Паоло Веспа (р. 1944) — известный итальянский журналист, писатель и телеведущий; *Владимир Луксурия* (р. 1965) — итальянская актриса-трансгендер, ЛГБТ-активистка, бывший депутат итальянского парламента от Партии коммунистического возрождения; *трагедия над Устикой* — авиакатастрофа, случившаяся в 1980 году в Тирренском море неподалеку от острова Устика. Причины трагедии до сих пор не выяснены.

Артемидор Эфесский — греческий географ I века до н. э. Его труды сохранились лишь в виде небольших фрагментов, два из которых были обнаружены в конце XX века. Публикация текста в 2008 году вызвала оживленную научную дискуссию (ряд ученых объявил папирус подделкой XIX века), не завершенную.

не могут говорить по очереди?» Словно итальянское ток-шоу — это одна из тех памятных передач Бернара Пиво[1], в которых ведущий едва уловимым движением мизинца предупреждал говорящего, что нужно передать слово соседу.

На самом деле зрители ток-шоу наслаждаются тем, как люди ругаются, и не так важно, что при этом говорится (суть обычно не воспринимается). Важно, что участники с перекошенным от гнева лицом кричат: «Дайте мне закончить, я вас не перебивал» (и эта реакция, естественно, тоже часть игры) — или оскорбляют друг друга старомодными словечками вроде «лахудра»[2], которые с этого момента включаются в последние издания словарей как новоиспеченные диалектизмы. Ток-шоу — такое же постановочное действие, как петушиные бои или реслинг, где не имеет значения, притворяются ли соперники, как не имеет значения в комедиях Ридолини[3], что за торт летит в лицо. Важно, чтобы все выглядело по-настоящему.

Все было бы отлично, если бы ток-шоу оставались в сфере чисто развлекательных передач типа *Большого Брата*. Однако кто-то уже назвал программу *Porta a porta*[4] третьей палатой или приемной суда. Вопросы, обсуждаемые в парламенте, или приговор, кто задушил

Бернар Пиво (р. 1935) — французский журналист и писатель, телеведущий, создатель популярных телепередач «Апострофы» и «Бульон культуры».

Лахудра (итал. *vaiassa*) — грубое жаргонное слово из неаполитанского диалекта, означающее «проститутка, грязная женщина». В 2010 году в Италии разгорелся скандал после того, как Мара Карфанья, министр по вопросам равных возможностей в правительстве Берлускони, назвала так Алессандру Муссолини, парламентария от правящей партии. В тексте Эко аллюзия на эти события. См.: http://expert.ru/2010/11/23/durnaya-komediya.

3 *Ларри Симон* (1889–1928), известный в Италии как *Ридолини*, — американский комический актер и продюсер.

4 «*От двери к двери*» (итал. *Porta a porta*) — передача популярного итальянского телеведущего Бруно Веспы об актуальных событиях современности. Выходит на главном государственном телеканале *RAI* 1 с 1996 года.

такую-то девушку, выносятся сегодня на ток-шоу, принижая значение темы и в любом случае предваряя парламентскую сессию или решение суда.

В итоге значение имеет не содержание, а форма, как если бы университетской лекции о *consecutio temporum*[1] предшествовало бы, сводя ее на нет, выступление на *граммелоте* Дарио Фо или бормотание Массимо Троизи[2].

А потом мы жалуемся, что народ все меньше интересуется происходящим в Монтечиторио или в палаццо Мадама или тем, что скажет Кассационный суд о девушках с улицы Ольджеттина[3], и не ходит голосовать.

2013

Consecutio temporum — правило последовательности времен сослагательного наклонения в придаточных предложениях в латинском языке.

Массимо Троизи (1953–1994) — итальянский актер, сценарист, режиссер. Его роли отличаются характерной манерой игры и своеобразными интонациями.

3 *Монтечиторио* — дворец, в котором проходят заседания палаты депутатов, нижней палаты итальянского парламента; *палаццо Мадама* — резиденция итальянского сената, верхней палаты итальянского парламента; *девушки с улицы Ольджеттина* — так называют в Италии девушек, живших на улице Ольджеттина в Милане на содержании Сильвио Берлускони. Топоним *Via Olgettina* стал нарицательным.

Встряхнуть или смешать?

В письме, направленном в *Sette* (приложение к газете *Corriere della Sera*) и адресованном Антонио Д'Оррико[1], я читаю, что — как, впрочем, Д'Оррико уже отметил — в недавнем переводе «Живи и дай умереть» Джеймс Бонд заказывает коктейль «Мартини» с красным «Мартини Россо». Неправильно говорить о «Мартини» со сладким вермутом, и в старом итальянском переводе речь шла о джине и *Martini & Rossi*, что совсем не одно и то же. Действительно, согласно ряду источников первые коктейли «Мартини», придуманные в Америке в XIX веке, состояли из двух унций итальянского вермута *Martini and Rosso*, унции джина *Old Tom*, ликера мараскино и еще какого-то ингредиента, вызывающего ужас у любого хорошо воспитанного человека. Но если «Мартини Россо» впервые выпустили в 1863 году, коктейль «Мартини», по мнению ряда экспертов, изначально содержал не вермут «Мартини», а сухой французский вермут *Noilly Prat*, а название оригинального коктейля

Антонио Д'Оррико (р. 1954) — итальянский журналист, литературовед и писатель; *Sette* (Семь) — еженедельное приложение к газете *Corriere della Sera*, посвященное актуальным событиям политики, общественной жизни и культуры.

«Мартини» произошло либо от местечка в Калифорнии (*Martinez*), либо от имени бармена. Короче говоря, обо всей этой замысловатой истории есть фундаментальный труд Лоуэлла Эдмундса *Martini straight up*, переведенный в 2000 году в Италии издательством *Archinto* под названием «Мартини как он есть»[1].

Итак, что же пьет Джеймс Бонд? Вообще-то он пьет все. Взять, например, знаменитое начало романа «Голдфингер», где в неудачном итальянском переводе 1964 года говорится: «Джеймс Бонд сидел в зале ожидания аэропорта Майами. Он уже выпил два двойных бурбона и теперь размышлял о жизни и смерти» — как будто Бонд ждет самолет в качестве обычного туриста. Флеминг же (мастер стиля!) писал: *James Bond, with two double bourbon inside him, sat in the final departure lounge of Miami Airport and thought about life and death*[2]. Но первый «Мартини», который пьет агент 007 в «Казино Руаяль» (а не *Казино «Рояль»*, как в итальянском варианте[3]) – это вошедший в историю «Мартини Веспер»[4]: «Три части джина "Гордон", одна часть водки, полчасти "Кина Лилле" Положите все в шейкер, хорошенько встряхните со льдом, а потом добавьте тонкую спираль ли-

Книга Лоуэлла Эдмундса *Martini straight up* издана в Италии с предисловием Умберто Эко.

В оригинале это одно предложение. На русский его можно перевести примерно так: «Джеймс Бонд, приняв два двойных бурбона, сидел в зале отлета аэропорта Майами и думал о жизни и смерти». Эко подробно пишет об этом в своей книге «Роль читателя. Исследования по семиотике текста» (М.: CORPUS, 2016).

3 В русском переводе тоже распространено название «Казино "Рояль"». Однако наиболее адекватный перевод *Casino Royale*, первого романа «бондианы», был бы «Казино Руаяль» или «Казино в Руаяль». Руаяль (*Royale-les-Eaux* — Руаяль-на-Водах) — вымышленный курортный город во Франции, в котором происходят основные события романа.

4 Бонд называет свой коктейль «Веспер» в честь Веспер Линд, двойного агента и своей пассии в первом романе. В фильме «Квант милосердия» (2008) Бонд стремится отомстить за смерть Веспер Линд.

монной кожуры». «Кина Лилле» — это более редкий тип сухого вермута, Бонд будет пить «Веспер» также и в фильме «Квант милосердия».

На самом деле Бонд обычно пьет «Мартини» таким, каким его знаем мы, но при заказе уточняет: *shaken, not stirred*, это означает, что надо положить компоненты в шейкер и встряхнуть их со льдом (как любые коктейли), а не смешивать в миксере. Проблема скорее в том, что, начиная с Хемингуэя, для приготовления хорошего «Мартини» наливали в миксер, наполненный льдом, порцию сухого мартини, добавляли джин, перемешивали, или «миксовали», затем переливали, фильтруя, в классический треугольный бокал, куда в конце добавляли оливку. Однако настоящие гурманы хотят, чтоб сначала был налит и хорошо перемешан со льдом мартини, затем вермут нужно слить через сито, чтобы он оставил легкий вкусовой оттенок на кубиках льда, и только после этого налить джин и, наконец, отфильтровать хорошо охлажденный джин с ароматом сухого вермута. Соотношение джина и вермута варьируется от знатока к знатоку, включая версию, по которой нужно пропустить через бутылку вермута луч солнца, чтобы он коснулся льда[1], и все. В версии, называемой американцами «Джин Мартини в старомодном стакане» (*Gin Martini on the rocks*), в низкий широкий стакан добавляется и лед, но тонких ценителей это приводит в ужас.

Почему же такой знаток, как Бонд, просит, чтобы «Мартини» встряхнули, но не смешивали? Некоторые утверждают, что если «Мартини» встряхнуть, это насытит коктейль кислородом (есть такой термин, *bruising*

[1] О том, что для приготовления правильного коктейля «Драй мартини» достаточно пропустить через бутылку вермута луч солнца, писал испанский кинорежиссер Луис Бунюэль (1900–1983). См.: Бунюэль Л. *Бунюэль о Бунюэле*. М.: Радуга, 1989.

the drink), улучшая вкус. Но лично я не считаю, что такой джентльмен, как Бонд, предпочитает встряхивать[1]. Действительно, в интернете есть сайты, которые утверждают, что известная фраза из фильмов не встречается в романах (как Конан Дойл никогда не употреблял выражения «Элементарно, Ватсон»), разве что в применении к «Мартини» с водкой. Но признаюсь, что если бы мне пришлось проверить *opera omnia* Флеминга, я никогда бы не дописал эту «картонку».

2013

[1] По традиционному рецепту водку с мартини именно размешивают в бокале, а Бонд настаивал на использовании шейкера.

Что мы знаем про Ниро Вульфа

Два предрождественских месяца исключительно под настроение я перечитывал (или читал *ex novo*) восемьдесят историй про Ниро Вульфа[1] и, погруженный в эту прекрасную вселенную, задался вопросами, которые давно будоражат поклонников Рекса Стаута. Первый вопрос: под каким номером был или есть знаменитый особняк из песчаника на Западной 35-й улице? *Wolfe Pack* (сообщество любителей историй про Ниро Вульфа) в 1966 году убедило власти Нью-Йорка повесить мемориальную табличку на дом под номером 454, но Стаут в своих романах упоминал разные номера домов: 506 в «Только через мой труп», 618 в «Слишком много клиентов», 902 в «Убийстве по правилам», 914 в «Игре в пятнашки», 918 в «Красной шкатулке», 922 в «Умолкнувшем ораторе», 939 в «Смерти содержанки» и так далее.

Увы, это не единственное несоответствие в саге: нам сообщается, например, что Вульф — черногорец, одна-

Ниро Вульф — частный детектив, вымышленный персонаж цикла детективных романов американского писателя Рекса Стаута (1886–1975), один из популярнейших персонажей американской массовой культуры. Работает в паре со своим помощником Арчи Гудвином.

ко родился в Трентоне, а в Черногории жил в детстве, но несколько раз Вульф упоминает, что он довольно поздно получил американское гражданство, и, следовательно, не может быть уроженцем Нью-Джерси. Вероятно, он родился в 1892 или 1893 году. Но если бы это было так, в последнем романе 1975 года ему должно быть восемьдесят три года, а он выглядит так же молодо, как и в первом, вышедшем в 1934 году. Не говоря уж о том, что Арчи Гудвин, который по косвенным указаниям родился году в 1910-м или 1912-м и в историях, происходящих во времена Вьетнамской войны и даже после, должен быть шестидесятилетним, выглядит всегда на тридцать, как плейбой, очаровывает двадцатилетних красоток и расправляется с героями куда более крепкими, чем он.

Итак, автору, который безошибочно описывал из книги в книгу план дома Вульфа, его вкусовые пристрастия, десять тысяч орхидей, которые он выращивал, вид за видом, не пришло в голову завести картотеку (с биографическими данными) на своих персонажей? Что-то здесь не так.

Во многих популярных сагах герои не имеют возраста и никогда не стареют. Нет возраста у Супермена, не было его у сиротки Энни[1] (на тему ее вечного детства существует множество пародий), без возраста и Фантом, почти пятидесяти лет бывший женихом Дианы Палмер. Это дало возможность авторам описывать действия героев в вечном настоящем. Как раз то, что происходит с нестареющими Вульфом и Гудвином. Одновременно с этим в историях Стаута множество точных деталей, прописан исторический фон (Вульф

Сиротка Энни (англ. *Little Orphan Annie*) — персонаж комиксов Харольда Грея (1894–1968) и радиопостановок, любимая героиня американских детей 20-30-х годов XX века.

и Арчи работают по заданию правительства во время Второй мировой войны, связаны с эпохой маккартизма). Читателя неотступно преследуют подробности об улицах, магазинах, маршрутах такси и так далее. Как сохранить в неподвижной вечности события, которым необходима постоянная привязка ко времени и точному месту? Запутывая читателя.

Стаут, поднимая перед читательской памятью вихрь противоречивых данных и хронологических погрешностей, мучительных для тех, кто будет читать его с калькулятором в руках, создавал некое подобие гиперреализма и вместе с тем хотел, чтобы читатель жил в ситуации сюрреальной. Можно сказать, у него были своеобразные представления о литературном вымысле, неслучайно он начал свою писательскую карьеру, пусть не слишком успешную, с экспериментальной прозы в романе «Убить зло»[1]. Ему известны механизмы восприятия: он ведь не предполагал, что его читатели, как я, прочтут все собрание сочинений одним махом, он знал, что они будут брать в руки по книге в год, то есть читательская память не сможет удержать всю хронологию событий. Игра строилась на запоминании (и ожидании) повторяющихся ситуаций (привычки Вульфа, механизм окончательных выводов, «кулинарные загулы») и забывании крупных событий. Действительно, мы можем снова и снова перечитывать эти истории, с удовольствием находя неизменные детали, но не помнить главное — кто же был убийцей.

2014

«Убить зло» (англ. *How Like a God*; варианты перевода: «Подобный богу», «Подобно божеству») — психологический роман, написанный Стаутом в 1929 году.

Типа того

Разумеется, людей, достигших более чем зрелого возраста, иногда коробит развитие языка, и причина — в их неспособности принять новые словечки подростков. Они только и надеются, что эти словечки будут в употреблении недолго, как случилось с выражениями типа *старпер* (пятидесятые-шестидесятые годы, и тот, кто его до сих пор употребляет, сам относится к «старперам») или *зверский* (я услышал его из уст женщины неопределенного возраста и понял, что детство ее пришлось на далекие пятидесятые). Пока новые обороты циркулируют в молодежной среде, я бы сказал, это ее дело, порой это даже забавно. Они раздражают, если мы все используем их.

Мне лично совершенно не нравилось, когда, начиная годов этак с восьмидесятых, ко мне стали обращаться «проф». Разве инженера называют «инж», а адвоката «адв»? Случалось, «док» обращались к доктору, но это было в Америке, и, как правило, «док» заканчивал свои дни чахоточным алкоголиком.

Я никогда открыто не возмущался, поскольку есть в этом обращении некое доверие и симпатия, но оно меня раздражало и раздражает до сих пор. Мне боль-

ше нравилось, когда в шестьдесят восьмом студенты и служители учебного заведения называли меня Умберто и обращались ко мне на «ты».

Другая традиция, к которой я привык, — это деление женщин на блондинок и брюнеток. А сейчас слово *брюнетка*, кажется, вышло из моды; конечно, есть в нем что-то, что воскрешает в моей памяти мелодии сороковых годов и прически с челкой. Дело в том, что́ в какой-то момент не только молодежь, но и взрослые стали называть брюнеток «морами» (вчера я встретил это определение в статье о балетном танцовщике). Это ужасное выражение, потому что в прошлые времена «морами» называли одалисок-мусульманок, которые танцевали на трупах последних защитников Фамагусты[1], а сегодня мое воображение рисует потного детину в майке, кричащего проходящей мимо девушке: «Эй, красотка, бэлла мора!», и в памяти неизбежно всплывают пышные формы с иллюстраций Боккасиле[2] или победительницы первого в Италии конкурса красоты «Пять тысяч лир за улыбку», благоухающие национал-народными духами, с зарослями под мышками. Так или иначе, но блондинки остались блондинками (платиновыми, пепельными или соломенными), а темноволосые превратились в «мор», даже если у них лицо Одри Хепберн. В общем, я предпочитаю англичан, которые говорят «темноволосые» или «брюнетки».

Однако сказанное не означает, что я ревнитель древности, постепенно и я обогатил свою лексику, если не активную, то пассивную множеством новых слове-

Фамагуста — город-порт на юго-восточном побережье острова Кипр, с 1373 года находился под властью Генуэзской республики, в XV веке перешел к венецианцам. Прославился в 1570–1571 годах героической обороной венецианцев против войск турецкого султана Селима II.

Луиджи (Джино) Боккасиле (1901–1952) — итальянский художник и иллюстратор, автор пропагандистских плакатов в период фашизма.

чек: *под газом, доставать, грузить, просечь фишку, тусовка, гламур, культовый, прикольно, до фига, бомжара, продвинутый, брутально, новодел, тупить, обкуренный, динамить, башню сорвало, жесть, нищеброд, макаронить уши, оторваться, кранты, угарно, раздолбай, вынести мозг, крутейший, выпендрежничать.* Совсем недавно один четырнадцатилетний подросток сообщил мне, что в Риме, хотя и понимают еще выражение *свалить с уроков*, уже не употребляют слово *слинять*, а говорят *забить на школу.*

Сказать по правде, я предпочитаю неологизмы молодежи дурной привычке взрослых повторять на каждом шагу «типа того». Разве нельзя сказать «своего рода» или «похоже на то»? К счастью, такие модные словечки, как «секундочку» или «вот именно», используются у нас все реже, но вот именно, что «типа того» слышится в речах серьезных людей. Это сравнимо с часто употребляемым во Франции выражением *incontournable*, когда речь идет (внимание!) о чем-то важном (более того, неминуемом). Когда ты сталкиваешься с *incontournable*, как ни верти, никуда не деться: это может быть человек, проблема, истечение срока уплаты налогов, обязанность надеть намордник на собаку или существование Бога.

Но лучше уж слова-паразиты, чем неуместное использование слов. Не так давно один наш депутат хотел сказать, что не будет затягивать речь, и заявил в парламенте, что себя «обрежет». Лучше бы он сказал «буду краток, типа того». Однако он, по крайней мере, не был антисемитом.

2014

Несчастна та страна...

Печать и телевидение с удовлетворением отметили завершение спасательной операции на пароме *Norman Atlantic*[1]. Есть погибшие и пропавшие без вести, но в целом операция прошла успешно. В частности, средства массовой информации подчеркивали, что капитан Арджилио Джакомацци, завершив руководство эвакуацией, последним покинул корабль. Это произвело на всех яркое впечатление, учитывая предыдущий эпизод отвратительного поведения другого капитана[2], и в некоторых сообщениях стало появляться слово «герой».

Невозможно сдержать восторженность средств массовой информации, которая, если кто-то с чем-то не согласен, говорит, что он гремит, словно Зевс Громовержец. Люди больше не говорят, а «гремят», не попадают в затруднительное положение, а оказываются в эпицентре циклона (что, кстати, ошибка, потому что

Norman Atlantic — пассажирский морской паром, на котором 28 декабря 2014 года в Адриатическом море вспыхнул пожар.

Имеется в виду крушение круизного лайнера «Коста Конкордия» в январе 2012 года и поведение капитана Франческо Скеттино, который покинул судно до того, как с него были спасены все уцелевшие пассажиры и члены экипажа.

в эпицентре циклона царит полный штиль, но на публику это производит впечатление).

Вернемся к капитану Джакомацци. Я прекрасно понимаю, что говорю все это с опозданием, потому что часть мыслей, с которыми я согласен, уже высказал, например, Лучано Канфора[1] в интернет-газете *Lettera 43* от 2 января. Но неплохо бы еще раз обратиться к этой теме. Капитан Джакомацци, безусловно, достойный человек (даже если потом будет доказано, что он в какой-то степени несет ответственность за причину трагедии), и надеемся, что любой капитан в подобном случае поведет себя так же. Он не герой, он человек, который честно, не струсив, выполнил свой долг. Морская традиция и профессиональная этика предписывают, что капитан должен покинуть корабль последним, и этот долг подразумевает, конечно же, опасность, как и долг десантника, который может погибнуть в перестрелке.

Кого считать героем? Если мы будем придерживаться теории Томаса Карлейля[2], герой — это любой великий человек с яркой харизмой, который оставил след в истории, и в этом смысле героями являются как Шекспир, так и Наполеон, независимо от того, что, возможно, они были (*absit iniuria*[3]) из робкого десятка. Но идеи Карлейля осудили сначала Толстой, а позднее историки-материалисты, которые придавали меньше значения великим событиям прошлого, а изучали прежде всего экономические и социальные явления, или общественные силы. Если же мы заглянем в сло-

Лучано Канфора (р. 1942) — итальянский филолог-классик и историк, профессор университета в Бари.

Томас Карлейль (1795–1881) — английский публицист, историк и философ. Выдвинул концепцию «культа героев», единственных творцов истории.

3 *Absit iniuria* (Absit iniuria verbis / Absit invidia verbo) *лат.*: «Пусть не вызовет неприязни сказанное», да не осудят меня за эти слова, не взыщите за эти слова.

вари и энциклопедии, мы узнаем, что герой — это мужественный, бесстрашный человек, который, рискуя своей жизнью, совершает смелые, необычные по своей храбрости поступки, помогая другим. Героем был Сальво д'Аквисто[1]: никто не требовал от него брать на себя вину и выходить вперед перед расстрельной командой, чтобы спасти жителей городка; однако он сделал это сверх своего долга и погиб. Чтобы стать героем, не нужно быть солдатом или полководцем: герой тот, кто ценой своей жизни спасает тонущего ребенка или товарища в шахте или бросает спокойную работу в больнице у себя на родине и, рискуя собой, едет в Африку лечить больных лихорадкой Эбола. С другой стороны, кажется, тот же Джакомацци в своем интервью после возвращения сказал: «Не называйте меня героем, надо вспомнить о тех, кого больше нет с нами». Разумный способ избежать медийной канонизации.

Почему же человека, безусловно обладающего мужеством и хладнокровием, который просто выполняет свой долг, мы называем героем? Брехт говорил нам (в «Жизни Галилея») о том, что несчастна та страна, которая нуждается в героях[2]. Почему несчастна? Значит, ей не хватает нормальных людей, которые делали бы свое дело честно, без воровства или уклонения от своих прямых обязанностей, и делали бы его (пусть это звучит тривиально) «с профессионализмом». Когда нет нормальных граждан, страна отчаянно начинает искать героев и раздавать золотые медали направо и налево.

Сальво д'Аквисто (1920–1943) — итальянский карабинер, национальный герой Италии. Ценой своей жизни спас от расстрела двадцать два мирных жителя, взятых немцами в заложники.

Фраза из пьесы «Жизнь Галилея» (написана 1938–1939, издана 1955) немецкого писателя, режиссера и общественного деятеля Бертольда Брехта (1898–1956).

Выходит, несчастная страна — та, где люди, не понимая, в чем состоит их долг, отчаянно ищут себе вождя, которого можно наделить харизмой и который будет отдавать им приказы, что делать. А это, если я правильно помню, идея, выраженная Гитлером в *Mein Kampf*.

2015

Время и история

Если вы не любите телевизионный *trash*, необязательно проводить вечера за игрой в рамс. Можно посмотреть канал *RAI Storia*, лучший телеканал *RAI*, рекомендуемый в первую очередь молодежи, чтобы не забывать, кем мы были. Передача, которую я смотрю почти каждый вечер, — это «Время и история» с ведущим Массимо Бернардини[1]. Было бы неплохо сократить заставку (от ее начала до начала передачи есть время, чтобы заварить чай), тем не менее горячо рекомендую.

Недавний выпуск был посвящен воспитанию детей и молодежи в годы фашизма (*GIL*, дети волка, маленькие итальянки, ликторские состязания, школьные учебники и так далее)[2]. В какой-то момент возник во-

Массимо Бернардини (р. 1955) — итальянский журналист и телеведущий, с 2013 по 2016 год был автором и ведущим телевизионной программы «Время и история» на канале *RAI 3* и *RAI Storia*.

GIL (*Gioventù Italiana del Littorio* – итальянская ликторская молодежь) — молодежная фашистская организация в Италии в 1937–1943 годы; включала в себя все детские и юношеские организации Италии, в которых состояли мальчики и девочки в возрасте от шести лет до двадцать одного года. *«Дети волка»* (итал. *figli della lupa*) — детская организация для младших школьников в фашистской Италии. *«Маленькая итальянка»* (итал. *piccola Italiana*) — детская организация в период фашизма, куда входили девочки в возрасте от восьми

прос: насколько тоталитарное воспитание целого поколения повлияло на характер итальянцев? Естественно, вспомнилось замечание Пазолини о том, что национальный характер в большей степени претерпел изменения в послевоенный период, в эпоху экономического чуда, чем в годы диктатуры. Затем состоялась беседа Бернардини с историком Алессандрой Таркви-ни[1], но они в основном вели речь о влиянии фашизма, а не эпохи неокапитализма.

Конечно (не считая неофашистских экстремистов), что-то от фашистского наследия осталось в национальном характере и может проявляться когда угодно: например, расизм, гомофобия, скрытый сексизм, антикоммунизм и предпочтение правых, — но в целом эти взгляды были и в дофашистской Италии. Я считаю тем не менее, что прав Пазолини: национальный характер испытал сильное влияние идеологии потребления, стремления к экономической либерализации, телевидения, в конце концов. И не стоит пенять на Берлускони, он в любом случае был сыном, а не отцом этой идеологии, которая началась, по-видимому, с жевательной резинки освободителей, с плана Маршалла, с экономического бума пятидесятых.

Чего хотел (и требовал) фашизм от итальянцев? Верить, подчиняться и сражаться, исповедовать культ войны или же — идеал красивой смерти — смело прыгнуть в огонь, рожать как можно больше детей, рассматривать политику как главную цель существования, считать итальянцев избранным народом. Оста-

до четырнадцати лет. Ликторские состязания по спорту, труду, культуре и искусству проводились среди университетской молодежи в фашистской Италии в период с 1932 по 1940 год.

Алессандра Таркви-ни (р. 1970) — итальянский историк, специалист по истории XX века.

лись ли эти черты в итальянском характере? Ничего подобного. Наоборот, любопытно, что они обнаруживаются в мусульманском фундаментализме, как отмечал на прошлой неделе в *L'Espresso* Хамед Абдель-Самад[1]. Там мы находим фанатичное поклонение традиции, восхваление героя и *viva la muerte*, угнетение женщин, ощущение перманентной войны, идеал книги и винтовки[2]. Все эти идеи итальянцы восприняли слабо (кроме террористов разных мастей, но и они скорее позволят умереть другим, чем пожертвуют собой), и доказательством тому история Второй мировой войны. Парадоксальным образом добровольная встреча со смертью случилась только в один момент, финальный и трагический, я имею в виду последние выстрелы в Сало и партизан. Меньшинство.

Что вместо этого предложил неокапитализм в его различных формах, вплоть до берлусконианства? Приобретать (вернее, право приобретать), пусть даже в рассрочку, автомобили, холодильники, стиральные машины и телевизоры; считать уклонение от уплаты налогов насущной человеческой потребностью; проводить вечера за развлечениями, включая любование полуголыми танцовщицами (а сегодня порнография *hard* доступна одним щелчком мыши); не слишком беспокоиться о политике, все меньше участвуя в выборах (по сути, это американская модель); ограничивать количество детей, тем самым избегая экономических

Хамед Абдель-Самад (р. 1972) – политолог, писатель и публицист, родился и вырос в Египте, в настоящее время проживает в Германии.

«Книга и винтовка – идеальный фашист» (итал. *Libro e moschetto – fascista perfetto*) – фашистский лозунг. *«Да здравствует смерть и да погибнет разум!»* (*Viva la muerte, y muera la inteligencia!*) – вошедшая в историю фраза, которую произнес Хосе Мильян-Астрай-и-Терперос (1879–1954), создатель Испанского легиона, войскового подразделения, входящего в состав сухопутных войск Испании. Первая ее часть – *«Да здравствует смерть!»* – была боевым кличем легиона.

проблем, — в общем, стараться жить красиво и желательно ничем при этом не жертвовать. Большинство итальянского общества с воодушевлением приспособилось к этой модели. И те, кто жертвует собой, отправляясь помогать отчаявшимся гражданам третьего мира, остаются меньшинством. Эти люди — по мнению многих — ищут приключений на свою голову, вместо того чтобы сидеть дома перед телевизором.

2015

РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ РАСИЗМА

Философствовать по-женски

Старую философскую сентенцию, согласно которой мужчина способен помыслить бесконечность, тогда как женщина придает смысл конечному, можно воспринимать очень по-разному: например, в том смысле, что раз мужчина не умеет рожать детей, он утешается апориями Зенона. Но на базе подобных утверждений получила распространение идея, что история (по крайней мере, вплоть до XX века) знает великих поэтесс, несравненных писательниц и женщин-ученых, подвизавшихся в различных дисциплинах, но не женщин-философов и не женщин-математиков.

На подобных извращенных представлениях долгое время держалось убеждение, что женщины, если не считать пресловутых Розальбы Каррьеры и Артемизии Джентилески[1], не способны к живописи. Вполне естественно, что пока живопись заключалась в росписи церквей, лазить по лесам в юбке было для жен-

Розальба Каррьера (1675–1757) – итальянская художница и миниатюристка Венецианской школы, один из главных представителей стиля рококо в искусстве Италии и Франции; *Артемизия Джентилески* (1593–1653) – итальянская художница.

щины не слишком прилично, равно как не женским делом было руководить мастерской с тремя десятками учеников, но едва стала возможной станковая живопись, как тут же появились и женщины-художницы. Это сродни утверждению, что хотя евреи достигли высот в различных искусствах, но живописцев у них не было вплоть до Шагала. Да, правда, что их культура в куда большей степени аудиальна, нежели визуальна, и что божественное неизобразимо, но многие еврейские рукописи имеют визуальное оформление, представляющее несомненный интерес. Проблема в том, что веками изобразительные искусства находились в ведении церкви, и маловероятно, чтобы она поощряла изображение евреями распятий или мадонн — это все равно что удивляться, отчего среди пап не было ни одного еврея.

В хрониках Болонского университета фигурируют женщины-профессора, такие как Беттизия Гоццадини и Новелла д'Андреа[1], столь прекрасные собой, что, дабы не смущать студентов, читали лекции из-за занавеса, но предметом их была не философия. В учебниках философии мы не встретим женщин, которые преподавали бы диалектику или теологию. Блестящей и злосчастной ученице Абеляра Элоизе пришлось удовольствоваться должностью аббатисы.

Но роль аббатис не следует недооценивать, и Мария Тереза Фумагалли[2], женщина-философ наших дней, посвятила этому вопросу немало страниц. Аббатисы обладали духовной, административной и по-

Беттизия Гоццадини (1209–1261) — итальянский юрист, профессор права в Болонском университете, первая женщина — профессор университета. *Новелла д'Андреа* (? — 1333) — итальянский правовед и профессор права в Болонском университете.

Мария Тереза Фумагалли — профессор истории средневековой философии в *Università degli Studi di Milano* в 1980–2008 годах.

литической властью и занимали важное место в интеллектуальной жизни средневекового общества. В хорошем учебнике философии в ряду выдающихся мыслителей должно найтись место и для таких великих мистиков, как Екатерина Сиенская[1], не говоря уж о Хильдегарде Бингенской[2], которая, если уж говорить о метафизических видениях и прозрениях бесконечности, дает нам по сей день нескончаемую пищу для размышлений.

Возражение, что мистика — это не философия, не выдерживает критики, поскольку в истории философии великие мистики, такие как Сузо, Таулер или Экхарт, занимают видное место. И говорить, что женская мистика делала упор скорее на телесное, нежели на абстрактные идеи, — все равно что заявлять, что из учебников философии следует вычеркнуть, скажем, Мерло-Понти.

Феминистки давно уже подняли на щит Гипатию[3], в V веке преподававшую в Александрии платоновскую философию и высшую математику. Гипатия стала символом, но о ее работах, увы, нет никаких сведений, кроме легенд, — они сгинули, как сгинула сама Гипатия, буквально растерзанная толпой разъяренных христиан, подстрекаемых, по мнению части историков, Кириллом Александрийским, которого позднее признали святым, хотя и не за это. Но была ли Гипатия единственной?

Екатерина Сиенская (1347–1380) — монахиня в миру доминиканского ордена, итальянская религиозная деятельница и писательница позднего Средневековья, оставившая множество писем и мистическое сочинение «Диалоги о Провидении Божьем».

Хильдегарда Бингенская (1098–1179) — настоятельница-аббатиса возведенного под ее руководством бенедиктинского монастыря Рупертсберг, автор мистических книг.

3 *Гипатия Александрийская* (350–415) — греческий философ, математик, астроном.

Меньше месяца назад во Франции (в издательстве *Arléa*) вышла книжечка *Histoire des femmes philosophes*. Если поинтересоваться личностью автора, выясняется, что Жиль Менаж жил в XVII веке и был наставником в латыни мадам де Севинье и мадам де Лафайет, а его книга, опубликованная в 1690 году, называлась *Historia mulierum philosopharum*[1]. Гипатия оказалась далеко не единственной — книга Менажа, хотя и посвящена главным образом античности, предлагает нашему вниманию целый ряд вдохновляющих фигур: учительница Сократа Диотима, Арета из киренской школы, Никарета — из мегарской, киник Гиппархия, перипатетик (в философском смысле слова) Феодора, эпикурейка Леонтия, пифагорейка Фемистоклея — копаясь в античных текстах и трудах отцов церкви, Менаж находит упоминания о шестидесяти пяти женщинах-философах, даже если он и понимает философию довольно расширенно. Если при этом учесть, что в древнегреческом обществе женщина обязана была сидеть дома, что философы предпочитали беседовать не с девами, а с юношами и что женщине, чтобы добиться известности, надо было быть куртизанкой, становится понятно, чего стоило этим мыслительницам завоевать признание. С другой стороны, Аспасию[2] до сих пор вспоминают как куртизанку, хотя и высшего разряда, забывая, что она была сведуща в риторике и философии и что Сократ (по свидетельству Платона) слушал ее с интересом.

Я просмотрел не менее трех современных философских энциклопедий и не обнаружил там ни одного

Жиль Менаж (1613–1692) — французский филолог. *Mulierum philosopharum historia* вышла в свет в 1690 году и посвящена филологу Анне Дасье (1645–1720).

Аспасия (ок. 470–400 до н. э.) — подруга афинского политика Перикла. Политические противники Перикла обвиняли ее в безнравственности. Согласно распространенному мнению, она была гетерой.

из этих имен (не считая Гипатии). И не в том дело, что не было женщин, занимавшихся философией. Просто философы предпочли о них забыть — возможно, предварительно присвоив их идеи.

2003

Где живет антисемитизм?

Благодаря целому ряду недавних событий (я имею в виду не только теракты, но и настораживающие результаты соцопросов) на первый план снова вышла проблема антисемитизма. Не так легко отличить неприятие политики Шарона[1] (разделяемое многими евреями) от антиизраилизма, а последний — от антисемитизма, но у общественного мнения и массмедиа существует тенденция вязать каждое лыко в строку. Кроме того, создается впечатление, что общественное мнение Запада покоится на двух утешительных убеждениях: антисемитизм — это проблема арабов, а в Европе он присущ лишь узкому кругу скинхедов.

У европейцев никогда не получалось толком разграничить религиозный, народный и «научный» антисемитизм. Ответственность за народный антисемитизм лежит, однозначно, на антисемитизме рели-

Ариэль Шарон (1928–2014) — премьер-министр Израиля в 2001–2006 годах. Он разработал план «одностороннего размежевания» с палестинцами, эвакуировал поселенцев и вывел войска из сектора Газа в августе — сентябре 2005 года. Именно это лишило его поддержки части членов кабинета министров и привело к расколу партии «Ликуд».

гиозном: слова о том, что евреи — народ-богоубийца, послужили оправданием многочисленным погромам — в том числе и потому, что народам Европы было сложно ассимилировать диаспоры, решительно настроенные сохранить свои традиции. Последователи культа Книги, а стало быть, чтения в мире неучей выглядели опасными интеллектуалами, говорящими на незнакомом языке. Что касается «научного» антисемитизма, то под ним я подразумеваю обоснование идеи о превосходстве арийской расы над еврейской историко-антропологическими аргументами, а также политическое учение о существовании еврейского заговора, цель которого — захватить христианский мир (апогеем тут стали «Протоколы сионских мудрецов»). И возник он не без участия европейской светской интеллигенции.

В арабском мире теологический антисемитизм отсутствует, поскольку Коран тоже признает библейских патриархов, от Авраама до Иисуса. В период своей экспансии мусульмане были достаточно толерантны по отношению к евреям и христианам: этим второсортным гражданам дозволялось отправлять религиозные обряды и заниматься торговлей постольку, поскольку они платили налоги. Нынешний исламский антисемитизм, не являясь религиозным, имеет исключительно этнополитическую природу (религиозные мотивы выступают как вспомогательные, а не основополагающие). Если бы сионисты XIX века учредили новое Государство Израиль в штате Юта, арабы не ударились бы в антисемитизм. Не хочу быть понятым превратно: в силу исторических и религиозных причин евреи имели полное право стремиться в Палестину, в течение века их экспансия носила мирный характер, и они совершенно вправе оставаться там, где

есть, поскольку добились этого упорным трудом. Однако арабский антисемитизм носит не теологический, а территориальный характер.

Куда более тяжкий груз ответственности лежит на европейцах. Народный антисемитизм, подогреваемый антисемитизмом религиозным, хоть и приводил к кровопролитиям, но локальным и спонтанным. Настоящий же «научный» антисемитизм зародился в конце XVIII–XIX веке, причем не в Германии, а почему-то в Италии и в легитимистской Франции. Именно во Франции завоевывают популярность расистские теории об этнических корнях цивилизаций, и во Франции и Италии совместными усилиями разрабатывается теория еврейского заговора, повинного сначала в ужасах Французской революции, а затем и в кознях с целью захвата всего христианского мира. Исторически установлено, что «Протоколы» были сфабрикованы иезуитами-легитимистами при участии французских и российских секретных служб, и лишь через какое-то время сперва реакционеры царской России, а потом и нацисты приняли их как бесспорную истину. Даже в интернете в основе большинства арабских антисемитских сайтов лежит все тот же «научный» европейский антисемитизм.

Надо отдать должное господину Фини[1], который изо всех сил пытается отмежевать давнее прошлое своей политической партии от антисемитизма. Но зайдите в любой специализированный книжный магазин, и рядом с оккультными книгами о Граале вы обнаружите речи Муссолини и «Протоколы». Любопытная смесь, на которой вырос идеолог наших пра-

Джанфранко Фини (р. 1952) – итальянский политик, министр иностранных дел в правительстве Сильвио Берлускони в 2004–2006 годах, спикер палат депутатов Италии в 2008–2013 годах.

вых, чьи книги непременно найдутся в тех же магазинах, — Эвола[1].

Разумеется, существуют еще террористические организации, члены которых, не спросясь у Фассино и Д'Алемы[2], провозглашают себя «коммунистами». Но итальянские левые кровью своей завоевали себе право не отождествляться с этими экстремистскими группировками, встав на защиту Государства от террористического разгула. Это Берлускони валит всех в одну кучу, но, при всей своей политической эффективности, в области культуры он тем не менее авторитетом не считается. Правые уважаемого господина Фини поступили точно так же? Они готовы признать, что Эвола был не просто довольно обаятельным безумцем, небезупречным в научном смысле, но с приятным стилем изложения, а оголтелым антисемитом, не отказавшимся от своих взглядов даже после войны? Кому придется разбирать — и в школах, и в сознании людей взрослых — завалы бреда «научного» антисемитизма, поддержанного достопочтенным Альмиранте[3] в безумных номерах *La difesa della razza*[4]?

Юлиус Эвола (1898–1974) — итальянский философ-эзотерик. Работы Эволы оказали влияние на многих представителей ультраправой идеологии в Европе и других частях мира, а также вдохновили ряд террористических организаций, действовавших в Италии в 1970-х годах.

Пьеро Франко Родольфо Фассино (р. 1949) — итальянский политик, министр внешней торговли в первом и втором правительствах Массимо Д'Алемы (1998–2000), министр юстиции во втором правительстве Джулиано Амато (2000–2001), мэр Турина (2011–2016); Массимо *д'Алема* (р. 1949) — итальянский политик, известный журналист, возглавлял национальный секретариат Демократической партии левых сил, был главой партии «Левые демократы», является первым главой правительства Италии, состоявшим в Итальянской коммунистической партии.

3 *Джорджио Альмиранте* (1914–1988) — итальянский фашистский активист и неофашистский политик, национальный секретарь партии «Итальянское социальное движение» в 1969–1987 годах. В годы Второй мировой войны состоял в редакции журнала *La difesa della razza*.

4 *La difesa della razza* (*итал.* «Защита расы») — фашистский итальянский журнал, издававшийся с 1938 по 1943 год.

Противостоять арабскому терроризму — долг и необходимость. Но при этом надо бороться, хотя бы посредством неустанной разъяснительной работы, с врагами, сидящими у нас дома, — с теми, от кого и пошел арабский антисемитизм.

2003

Кто велел носить паранджу?

По поводу паранджи чего только не было сказано. Проди[1] озвучил позицию, которая мне кажется весьма обоснованной: если понимать под паранджой своего рода платок, оставляющий лицо открытым, то носите на здоровье все, кто хочет (помимо всего прочего, да простят мне беспристрастное эстетическое суждение, платок облагораживает лицо, и все женщины в нем похожи на мадонн Антонелло да Мессины). Совсем другое дело — все прочие виды паранджи, препятствующие опознанию личности, поскольку это противоречит закону. Конечно, запрет этот сам по себе может вызвать новые споры, ведь тогда следовало бы запретить и карнавальные маски (а как показывает «Заводной апельсин», в смешной маске можно совершать ужасные преступления). Но предположим, что это все к делу не относится.

Если мы встречаемся со знаком каждый раз, когда что-то в определенной мере или отношении подменя-

Романо Проди (р. 1939) — итальянский левоцентристский политик, премьер-министр (1996–1998, 2006–2008). Между двумя премьерствами был президентом Еврокомиссии (1999–2004).

ет собой нечто другое, то мусульманская паранджа – такое же семиотическое явление, как и униформа, чья изначальная функция состоит не в том, чтобы защищать тело от непогоды, или покрывала монахинь (зачастую тоже весьма изящные). Вот почему паранджа вызывает так много споров, хотя никто и не думал обсуждать платки, которыми в былые времена повязывали голову наши крестьянки, поскольку они лишены какого-либо символизма.

Паранджу критикуют за то, что ее носят, чтобы подчеркнуть свою идентичность. Но подчеркивать идентичность или принадлежность к какой-либо общности не запрещено: этой же цели служат партийный значок, ряса капуцина или оранжевый балахон в сочетании с бритой головой. Интересно, впрочем, обязаны ли мусульманки носить паранджу потому, что так предписывает Коран. Совсем недавно вышел *Islam* (*Electa*, 2006) Габриэля Манделя[1], главы итальянского отделения суфийского братства Халватия, представляющий собой, на мой взгляд, прекрасное введение в историю, теологию, обычаи и нравы мусульманского мира. Там поясняется, что ношение закрывающей лицо и волосы паранджи – это еще доисламский обычай, обусловленный в ряде мест особенностями климата, но не предписанный сурой 24 Корана, которую всегда цитируют в таких случаях, но которая всего лишь призывает прикрывать грудь.

Опасаясь, что перевод Манделя немного, скажем так, модернистски-умеренный, я поискал в интернете Коран в переводе на итальянский Хамзы Пиккардо, изданный под духовным патронажем Союза исламских общин и организаций Италии, и нашел там весь

1 Mandel G. *Islam*. Mondadori Electa, 2006.

кусок целиком: «Скажи верующим женщинам, чтобы они опускали свои взоры и оберегали свои половые органы. Пусть они не выставляют напоказ своих прикрас, за исключением тех, которые видны, и пусть прикрывают своими покрывалами вырез на груди и не показывают своей красы никому, кроме своих мужей, или своих отцов, или своих свекров, или своих сыновей, или сыновей своих мужей, или своих братьев, или сыновей своих братьев, или сыновей своих сестер, или своих женщин, или невольников, которыми овладели их десницы, или слуг из числа мужчин, лишенных вожделения, или детей, которые не постигли наготы женщин»[1]. Для очистки совести я сверился даже с Кораном в классическом переводе выдающегося ираниста Алессандро Баузани[2] (издательство *BUR*) и там тоже, с небольшими лексическими вариациями, обнаружил предписание: «пусть набрасывают свои покрывала на разрезы на груди»[3].

Для меня, как человека, не знающего арабский, трех свидетельств столь различного происхождения вполне достаточно. Коран призывает всего-навсего к целомудрию, и будь он написан на Западе в наши дни, то призывал бы и прикрывать пупок, потому что на Западе теперь принято танцевать танец живота прямо на улице.

Кто же тогда велел женщинам покрываться? Мандель не без злорадства сообщает, что это был святой

1 Здесь цит. в переводе на русский Эльмира Кулиева.

2 *Алессандро Баузани* (1921–1988) — выдающийся итальянский востоковед, религиовед и переводчик. Перевел на итальянский язык Коран (1955), сборник зороастрийских религиозных текстов (1962), поэму Низами «Семь принцесс» (1982), стихи Руми, Омара Хайяма, Мухаммада Икбала. Баузани был приверженцем бахаизма и завещал личную библиотеку Всемирному центру бахаи.

3 Здесь цит. в переводе на русский Абу Аделя.

Павел (Первое послание к Коринфянам), но Павел адресует свой наказ лишь тем женщинам, что молятся и пророчествуют. Но вот что, опять-таки задолго до Корана, пишет Тертуллиан (еретик-монтанист, но, как ни крути, христианин) в своем трактате «О женском убранстве»: "...вы должны стараться нравиться не кому иному, как своим мужьям; нравиться же им можете вы только по мере того, как перестанете заботиться о том, чтобы нравиться другим. Не бойтесь, жена не может казаться мужу противною. <...> Муж, какой бы ни был, требует от жены своей паче всего ненарушенного целомудрия. Христианин не должен обращать внимание на красоту... <...>

Все то, что мною досель сказано, не к тому клонится, чтобы обратить вас к образу жизни, так сказать, мужицкому и отвратительному, или посоветовать вам не соблюдать опрятности в своей особе. Намерение мое состоит только в том, чтобы показать вам, до какой степени и до каких пределов может простираться заботливость ваша о своем теле... <...> Наиболее оскорбляет Его [Господа] безмерная склонность многих женщин употреблять всякого рода снадобья, чтобы сделать кожу белой и гладкой, чтобы красить лицо и щеки свои румянами, чтобы чернить брови сажею. <...>...Бог хочет, чтобы вы были под покрывалом. А зачем? Вероятно, затем, чтобы никто не видал головы жен...»[1]. Вот почему на протяжении всей истории живописи что Мадонна, что праведницы изображаются под покрывалом, будто сонм прелестных мусульманок.

2006

1 Тертуллиан «О женском убранстве» (пер. Н. Щеглова).

Евреи, масоны и radical chic

Сейчас, когда я пишу эти строки, еще не утихли пересуды в газетах по поводу дона Джельмини[1], и хотелось бы сразу сказать, что меня не особо интересует, справедливы предъявленные ему обвинения или ошибочны, поскольку человеку, будь то хоть священник, хоть прокурор, свойственно ошибаться, и, в конце концов, это сугубо личное дело. С другой стороны, надо признать, что истцы не только сидели или имеют судимости, но и попадались на наркотиках, и если под действием наркотика может пригрезиться, что на тебя напало чудище с фасеточными глазами, то вполне может и примерещиться, что тебя целует восьмидесятилетний священнослужитель, ведь ужасам (о чем знал еще Лавкрафт[2]) не бывает конца.

Однако интересней всего в этой истории заявление (взятое назад уже через два дня), что обвинения

Пьетро Джельмини (1925–2014) — бывший католический священник, основавший реабилитационный центр для больных наркоманией *Comunità Incontro*. В 2010 году был обвинен в сексуальных домогательствах.

Говард Филлипс Лавкрафт (1890–1937) — американский писатель и журналист, работавший в жанрах ужасов, мистики, фэнтези и научной фантастики.

спровоцированы еврейской кликой и представителями *radical chic*[1]. Позже, столкнувшись с реакцией евреев, дон Джельмини пошел на попятный, сказав, что имел в виду масонов, а так как масоны — вроде *Opus Dei* или иезуитов, чем меньше шума вокруг них поднимают, тем лучше, они и спустили сказанное на тормозах. В конце концов, никто не убивал шесть миллионов масонов (разве что в эпоху Рисорджименто расстреляли пару карбонариев), поэтому масоны в этом плане не так обидчивы, как евреи.

Тут же появилось несколько статей (припоминаю написанные Серрой и Батистой), где обратили внимание, как в словах дона Джельмини прозвучали (сознательно или бессознательно) отголоски давней церковной полемики, и это во всей истории самое грустное. И действительно, более чем хорошо известно, что идея жидомасонского заговора, из которой позднее выросли «Протоколы сионских мудрецов», была выношена иезуитами и красной нитью проходит через всю полемику, обращенную сначала против Французской революции, а затем — против Рисорджименто.

Но поскольку от идеи жидомасонского заговора с тех пор отрекся сам Ватикан, казалось, что этот образ погребен теперь в недрах пыльных семинарских библиотек, а право авторства отошло к Адольфу Гитлеру и бен Ладену. И вот пожалуйста — мы видим, как у ныне живущего священника, учившегося в семинарии предположительно в тридцатые годы (после Латеранских соглашений[2]), где-то в тайниках души сохранились вос-

Radical chic — термин, предложенный Томом Вульфом (1930–2018) в 1970 году для описания моды среди молодежи состоятельных классов к показному выражению левых убеждений, сочетающейся с соответствующей манерой одеваться и поведения на людях.

2 *Латеранские соглашения* (1929) — система договоров, урегулировавшая разногласия между итальянским государством и Святым престолом.

поминания — хотя бы по рассказам — о чудище, нагонявшем страх на поколение его преподавателей.

В 1992 году один злополучный кардинал, вовсе не думая о евреях, а выступая против мафии, назвал последнюю «синагогой Сатаны». И пошло-поехало. Тут же разгорелась полемика, в которой даже я поучаствовал двумя «картонками». Те, кто оправдывал использование этого выражения, напоминали, что, если верить словарю, «синагога» означает также «собрание», «заседание», «сборище» и что сам термин употребляется еще в «Апокалипсисе». Но дело в том, что не только в «Апокалипсисе» это выражение встречается в антииудейском контексте, — его современным употреблением мы обязаны книге «Синагога Сатаны», изданной в 1893 году монсеньором Мёреном[1], где он доказывает, что масонство, эта секта почитателей Люцифера, насквозь пропитано еврейской культурой (в ту же компанию Мёрен, впрочем, щедрой рукой добавляет гностиков, змеепоклонников, манихеев, тамплиеров, рыцарей Мальтийского ордена и сочинения Гермеса Трисмегиста) и с его помощью евреи стремятся захватить мир.

После такой осатаневшей книги Мёрена (имевшей в свое время большой успех) уже нельзя безнаказанно пользоваться выражением «синагога Сатаны», как нельзя больше размахивать флагом со свастикой, утверждая, что это всего лишь невинный и почтенный астральный символ доисторических времен.

Несколько «картонок» назад я отмечал, что в последнее время наблюдается, с одной стороны, ожесточенная антиклерикальная и антирелигиозная полемика,

Иоганн Габриель Лео Мёрен (1825–1895) — немецкий иезуит, миссионер, ординарий апостольского викариата Бомбея, архиепископ Порт-Луи. Книга, о которой идет речь: MEURIN L. *La franc-maçonnerie, synagogue de Satan*. Paris, 1893.

а с другой — возрождение клерикальной и обскурантистской полемики против современного мира, а также (у нас в Италии) против мифологии Рисорджименто и идеологии единого государства. Это даже шагом назад не назовешь... Но может быть, я ошибался, и перед нами не парадоксальное возвращение к уже отгремевшим спорам, а, наоборот, совершенно естественным образом всплывает вытесненное в подсознание — то, что всегда оставалось при нас, но о чем не позволяло говорить воспитание. Тот, кто воспитан в страхе перед жидовским заговором, никогда этого не забудет — пусть даже на уровне шаблонных фраз, и пусть даже некий налет знакомства с современной культурой позволяет добавлять выражения вроде *radical chic*. В общем, похоже, что кое-кто так и не перестал читать (пускай и по ночам) романы падре Брешани[1].

Единственное, что меня удивило во всей этой истории, — это что в своих путаных отсылках дон Джельмини приплел сюда еще и масонов. Хороша благодарность — если учесть, что (по его же словам) весьма щедрую финансовую поддержку ему оказал Сильвио Берлускони — бывший член П2, удостоверение 1816, код Е.19.78, группа 17, дело 0625.

2007

Антонио Брешани (1798–1862) — итальянский священник-иезуит, один из авторов журнала *Civiltà cattolica* с момента его основания в 1850 году.

Противоречия антисемита

Даниэль Баренбойм[1] обратился к большому числу представителей мировой интеллигенции с просьбой подписать обращение по поводу затянувшейся трагической ситуации в Палестине. В обращении, с совершенно очевидным на первый взгляд посылом, по сути призывают всеми силами поспособствовать миротворческому процессу. Но показательно, что инициатива исходит от великого израильского артиста — как знак того, что даже в Израиле самые светлые и разумные головы требуют прекратить выяснять, кто прав и кто виноват, и положить начало мирному сосуществованию двух народов. И если так, то можно было бы понять демонстрации протеста против политики правительства Израиля, если бы не то обстоятельство, что, как правило, они проходят под знаком антисемитизма. Если даже участники и не высказывают в открытую антисемитские взгляды, это делают за них газеты, где ничтоже сумняшеся пишут про «антисемитскую демонстрацию в Амстердаме» и тому подобное. Все это

Даниэль Баренбойм (р. 1942) — израильский дирижер и пианист.

кажется теперь настолько нормальным, что вроде бы даже ненормально считать это ненормальным. Но давайте спросим себя, назовем ли мы антиарийской демонстрацию протеста против правительства Меркель или антилатинской — демонстрацию против правительства Берлускони.

Формат «картонки» слишком мал, чтобы поднимать в ней проблему антисемитизма с ее многовековой историей, почти сезонными обострениями и многообразными корнями. В системе взглядов, которой удалось продержаться две тысячи лет, есть что-то от религиозной веры, от фундаменталистского кредо, можно сказать, что это одна из многочисленных форм фанатизма, веками отравлявших нашу планету. Если столько людей верит, что дьявол строит козни, чтобы погубить нашу душу, то почему бы не верить в то, что евреи строят козни, чтобы захватить мир?

Хотелось бы подчеркнуть тот факт, что антисемитизм, как все иррациональные убеждения, основанные на слепой вере, живет, сам того не замечая, противоречиями и питается ими без зазрения совести. Например, в классических антисемитских опусах XIX века существовало два расхожих штампа, и в зависимости от контекста применялся то один, то другой: во-первых, евреи, из-за того что живут в тесноте и темноте, более христиан подвержены инфекциям и прочим болезням (а значит, опасны), во-вторых, по непонятной причине они более устойчивы к чуме и прочим эпидемиям, а еще жутко сластолюбивы и плодовиты и потому угрожают заполонить христианский мир.

Был и еще один расхожий штамп, широко применявшийся как правыми, так и левыми, — возьмем для примера хоть классика социалистического антисеми-

тизма (*Toussenel, «Les Juifs rois de l'époque»*, 1847)[1], хоть классика легитимистски-католического антисемитизма (*Gougenot de Mousseaux, «Le Juif, le judaïsme et la judaïsation des peuples chrétiens»*, 1869)[2]. В обеих книгах отмечается, что евреи никогда не занимались сельским хозяйством, оставаясь таким образом за бортом производительной жизни государства, где проживали; взамен они целиком и полностью сосредоточились на финансах, а конкретно на обладании золотом, поскольку, будучи по природе кочевниками, ведомыми мессианскими чаяниями, они должны быть готовы в любой момент покинуть приютившее их государство, без труда унеся с собой все добро. Но в других антисемитских текстах тех лет, вплоть до пресловутых «Протоколов», евреев обвиняют в посягательстве на земельную собственность с целью присвоения полей.

Мы уже говорили, что антисемитизм не боится противоречий. Но, как известно, отличительная черта израильских евреев состоит именно в том, что свои земли в Палестине они возделали с применением самых современных методов, построив там образцовые фермы, и что если они сражаются, то как раз ради того, чтобы отстоять землю, на которой живут оседло. И именно это в первую очередь ставят им в вину арабские антисемиты — вплоть до того, что считают своей основной задачей уничтожение Государства Израиль.

Альфонс Туссенель (1803–1885) – французский натуралист, журналист и писатель, горячий сторонник идей Шарля Фурье. Благодаря книге, на которую ссылается У. Эко, Туссенель считается «отцом» современного антисемитизма.

Анри Роже Гужено де Муссо, известный как *шевалье Гужено де Муссо* (1805–1876) – французский журналист и писатель; автор книг по развенчанию магии и эзотерики, занимался разоблачением тайных обществ и развивал в своих публикациях темы жидомасонского заговора и антисемитизма, за что был удостоен ордена папы Пия IX.

В общем, антисемита раздражает, если еврей гостит у него дома, и точно так же раздражает, если тот сидит у себя дома. Я прекрасно знаю, что мне на это возразят: что территория, на которой находится Израиль, раньше была палестинской. Но ее не захватывали силой, истребляя местных жителей, как это было в Северной Америке, или стирая с лица земли целые государства вместе с их законными монархами, как это было в Америке Южной, а освоили в процессе медленного заселения и застраивания, против которых никто не возражал.

В любом случае, если раздражает еврей, который при любой критике в адрес политики Израиля обвиняет тебя в антисемитизме, то куда больше напрягают те, кто любую критику израильской политики мгновенно переводят на почву антисемитизма.

2009

Проклятые румыны

Виминал попытался было выпустить несколько смущенных коммюнике, из которых явствует, что по части изнасилований, например, в 60,9 процента случаев вина лежит на гражданах Италии (впрочем, социологи давно в курсе, что подавляющее большинство изнасилований происходит внутри семьи, так что молодцы Берлускони, Казини, Фини и все остальные, что развелись, не доводя дело до крайностей). Что касается прочих национальностей, то, поскольку в моде нынче румыны, заметим, что они виноваты лишь в 7,8 процента случаев, тогда как добрые 6,3 процента оттягали марокканцы (впрочем, если верить Моравиа и Софи Лорен, они и шестьдесят с лишним лет назад занимались тем же самым).

От нас что-то утаивают. А как же быть с патрулированием улиц? Станем защищать свои дома от жителей Бергамо? Тут уместно будет припомнить печально известное участие румын в жестоком убийстве в Виллар-бассе, случившемся сразу после войны, — правда, тогда еще, к счастью, была смертная казнь, так что Ла Барберу, Йоана Пулеу, Йоана Л'Иньотулу и Франциску Сапуритулу расстреляли, и поделом им. Явно румынкой

была мыловарщица Леонарда Чанчулли, и, как видно уже по иностранному имени, румынкой наверняка была Рина Форт, убившая четверых на улице Сан Грегорио в 1946 году. Не говоря уж о румынских корнях графини Беллентани (в девичестве Эминеску), стрелявшей в 1948 году в любовника на вилле Д'Эсте.

И пусть Мария Мартирано не была румынкой, зато киллер Рауль Гъяну, убивший ее в 1958 году по заказу Джованни Фенаролу, — стопроцентный румын (все ведь помнят убийство на улице Моначи?), как и учитель Арнальду Грациозу, убивший, говорят, в 1945 году во Фьюджи свою жену. Румыном был Петру Кавалеру, совершивший со своей бандой дерзкое и кровавое ограбление в Милане, да и члены злополучной банды с улицы Озоппо тоже сплошь румыны. Румынами были оставшиеся неизвестными злоумышленники, посягнувшие на Сельскохозяйственный банк (и уж точно румынами были Фреду и Вентуру), и те, кто устроил теракт в Болонье. Подозреваемые в подкупе судей Превитулу и Берлушеску — тоже румыны, румын и мальчик Мазу, убивший в 1991 году своих родителей, и двое подростков Эрика (типичное иммигрантское имя) и Омар (мало того, что румын, так еще и мусульманин!), убившие мать и брата девушки в Нови-Лигуре.

Румынкой, вне всякого сомнения, была синьора Францонеску из Конье, румыны — супружеская пара из Эрбы, Олинду и Роза, румынами были как Синдоара с Кальвули, так и их убийцы, румыны — банкиры, обанкротившие недавно столько вкладчиков, румыны — «Дети Сатаны», румыны — те подонки, что бросали камни с мостов на автостраде, румыны — священники-педофилы, румын убил комиссара Калабрези, румыны похитили и убили Моро, Казаленьо, Башле, Тобаджи, Бьяджи и остальных, Пекорелли прикон-

чили румыны, и банда «Белый Фиат» — тоже румыны, и, наконец, румыны убили Маттеи, бандита Джулиано, Пишотту, Мауро Де Мауро, братьев Росселли и Маттеотти.

Румынами были Джулиану и те, кто устроил пальбу в Портелла-делле-Джинестре, и виновные в смерти Вильмы Монтези (помните нелюдима Пиччоулу?), и стрелявшие в Реджо-Эмилии, и путчисты из *Piano Solo*[1]; румынами были закадычные дружки Флорентийского монстра, и те, кто покушался на Фальконе и Борселлино, и те, кто устроил теракт на Пьяцца делла Лоджа, и взрыв в поезде *Italicus*, и авиакатастрофу над Устикой, и убийца Пазолини (возможно, даже цыган); румыны стреляли по ногам Монтанелли, румынами были коммандос с улицы Фани, румыны убили Коко, Оккорсио, Алессандрини, Гвидо Россу, Пеппино Импастато, Пиппо Фаву, Пьерсанти Маттареллу, Джорджо Амброзоли, Эцио Тарантелли, Сальво Лиму, дона Пино Пульизи, Иларию Альпи, Массимо Д'Антону, Карло Джулиани; не иначе как румыны покушались на папу (агент ассоциации «Серыу волку») и расстреляли Далла Кьезу с женой; румын похитил Эмануэлу Орланди. Наконец, из румын состоят кланы Тимишоара, Бадаламенту, Провенцанул, Лиджу, Бонтадеу, Рийнара, румыны душители-неофашисты Туту и Конкутеллулуи, определенно, члены «Железной Гвардии» Кодряну[2].

Эти румыны подорвали имидж страны честных, богобоязненных людей, чуждых насилию и уважающих

Piano Solo — попытка государственного переворота в Италии в 1964 году, в котором были замешаны президент Итальянской республики Антонио Сеньи (1891–1972), командир карабинеров Джованни де Лоренцо в тесном сотрудничестве с итальянской секретной службой *SIFAR* и ЦРУ.

«Железная гвардия» (рум. *Garda de Fier*) — румынское движение и одноименная ультраправая политическая партия, действовавшая в Румынии в период между двумя мировыми войнами (в 1927–1941 годах).

этнические, религиозные и политические различия. Хорошо хоть мы наконец заметили, что виною всему они. Теперь с помощью прекрасно организованных патрулей лигистов мы наконец-то восстановим закон и порядок в нашей несчастной стране.

2009

Какой позор, у нас нет врагов!

Мне уже случалось рассказывать в одной из «картонок» про свои приключения с таксистами. В Нью-Йорке они гораздо интересней, чем где-либо еще, — по трем причинам. Во-первых, там попадаются таксисты всех цветов кожи, со всех концов света и говорящие на всех языках: на бейджике написано имя, и каждый раз с увлечением гадаешь — турок это, малаец, грек, русский еврей или еще кто-нибудь. У многих постоянно включено их национальное радио, которое вещает на их языке и передает их песни, так что порой проехаться из Гринвич-Виллидж в Центральный парк — все равно что съездить в Катманду.

Во-вторых, в Нью-Йорке таксистами не работают всю жизнь, а лишь временно подрабатывают; вот почему за рулем тебе может попасться то студент, то безработный банковский служащий, то свежеприбывший иммигрант. В-третьих, таксисты идут волнами: какое-то время большинство составляют греки, потом сплошь пакистанцы, потом — пуэрториканцы и так далее. Это позволяет делать выводы о волнах миграции и преуспевании различных этносов: когда некая на-

родность перестает встречаться в такси, это значит, что они поднакопили жирок, договорились с нужными людьми и теперь всем скопом входят в бизнес табачных лавок или овощных магазинчиков, перебираются в другой район города, поднялись на ступеньку в социальной иерархии.

Так что, если не брать в расчет индивидуальных психологических различий (встречаются истерики, рубахи-парни, зацикленные на политике, противники чего-то-там), такси — прекрасная среда для социологических наблюдений.

На прошлой неделе мне довелось столкнуться с одним цветным таксистом. По его имени было трудно понять, откуда он родом, но он сказал, что пакистанец. Потом спросил, откуда я приехал (в Нью-Йорк всегда приезжают откуда-то), я ответил, что из Италии, и он накинулся на меня с расспросами. Похоже, его не на шутку интересовала Италия, но я вскоре понял, что это оттого, что он ничего о ней не знал: ни где именно она находится, ни на каком языке там говорят (обычно, если сказать таксисту, что в Италии говорят по-итальянски, он очень удивляется — он-то думал, что теперь везде говорят по-английски).

Я вкратце обрисовал ему полуостров с горами по центру и длиннющей береговой линией вокруг и множеством прекрасных городов. Он спросил, сколько нас, и был поражен, узнав, что нас так мало. Потом спросил, все ли мы белые или разных рас, и я постарался объяснить, что изначально у нас в стране жили только белые, но теперь есть и чернокожие — правда, все равно меньше, чем в Америке. Разумеется, его интересовало, сколько у нас пакистанцев, и он был неприятно удивлен, узнав, что они, пожалуй, встречаются, но реже, чем филиппинцы или африканцы, и, вероятно, за-

думался, почему эта страна не пользуется популярностью у его народа.

Я совершил непростительную оплошность, сказав, что индийцев тоже мало, и он смерил меня оскорбленным взглядом: как я мог упомянуть при нем этих презренных людишек и вообще сравнивать два таких разных народа.

Наконец он спросил, сколько у нас врагов. И на мое «Простите?!» спокойно пояснил: его интересует, со сколькими народами мы столетиями находимся в состоянии войны из-за спорных территорий, межнациональной розни, бесконечных приграничных стычек и так далее. Я ответил, что мы ни с кем не воюем. Тогда он уточнил, что интересуется нашими историческими противниками, теми, кто убивает нас и кого убиваем мы. Я повторил: у нас нет таких, последняя война закончилась полвека назад, причем никто толком не понимал, кто у нас противники, а кто — союзники. Но его все это не устраивало, и он без обиняков обвинил меня во лжи. Как это возможно, чтобы у какого-то народа не было врагов?

Тем дело и кончилось: выходя из такси, я дал ему два доллара на чай в качестве компенсации за наш раздражающий пацифизм, а потом меня настигло то, что французы называют *esprit d'escalier*[1], — это когда, закончив разговор, спускаешься по лестнице и тут вдруг тебя с опозданием осеняет, как следовало ответить.

Это неправда, надо было мне сказать, что у итальянцев нет врагов. У итальянцев нет внешних врагов,

[1] Лестничный ум, остроумие на лестнице (*фр.*) — фраза, эквивалентная русской поговорке «задним умом крепок», означающая, что человек находит правильный ответ, когда время для него уже упущено. В буквальном переводе: «достойный ответ приходит, когда человек уже вышел из помещения на лестницу или лестничную площадку».

и в любом случае они не в состоянии толком определить их, потому что беспрестанно ведут гражданские войны. Они воюют между собой: когда-то город с городом, еретики с правоверными, потом один класс с другим, партия с партией, внутрипартийное течение с другим течением той же партии, потом регион с регионом и, наконец, правительство с судебным ведомством, судебное ведомство с большим бизнесом, государственное телевидение с частным, сторонники коалиции со сторонниками той же самой коалиции, ведомство с ведомством, газета с газетой.

Не знаю, понял бы он или нет, но по крайней мере я не выглядел бы отщепенцем, живущим в стране, у которой нет врагов[1].

2009

В тексте использованы отрывки из эссе «Сотвори себе врага» (пер. М. Визеля).

Бойкот израильским латинистам?

В одной из «картонок» за январь 2003 года я сетовал, что английский журнал *The Translator*, редактором которого является Мона Бейкер[1], многоуважаемый куратор *Encyclopedia of Translation Studies*, в знак протеста против политики Шарона решил объявить бойкот университетским структурам Израиля и даже попросил двух израильских ученых, входивших в совет директоров журнала, подать в отставку. Заметим попутно, что оба ученых находились в неприкрытой оппозиции к политике своего правительства, но Моне Бейкер это было глубоко до фонаря.

Я отмечал, что следует проводить различие между политикой правительства (или даже конституцией государства) и интеллектуальной закваской, образующей культурную жизнь страны. Категорически заявлял, что возлагать на всех граждан страны ответственность за политику их правительства есть одна из форм расизма. И между теми, кто так поступает, и теми, кто считает, что раз некоторые палестинцы совершают тер-

Мона Бейкер (р. 1953) – британский лингвист, профессор университета Манчестера.

лишь потому, что синедрион в ту Страстную пятницу был не в духе.

Неправда, что все румыны — насильники, все священники — педофилы, а все, кто изучает Хайдеггера, — нацисты. А значит, никакая политическая позиция, никакая полемика с правительством не должны распространяться на весь народ и на всю культуру в целом. И особенно это касается республики знаний, где именно солидарность ученых, художников и писателей всего мира всегда служила гарантом защиты прав, невзирая на любые границы.

2010

Грамматические тонкости и побоища

Пару недель назад я протестовал против призыва бойкотировать израильские научные структуры и израильскую интеллигенцию, подписанного, в частности, моим другом Джанни Ваттимо. Никоим образом не отрицая, что можно выказывать несогласие с политикой правительства Израиля, я говорил лишь, что нельзя утверждать, как утверждается в этом обращении, будто «израильские ученые и академики практически единодушно поддерживали и продолжают поддерживать стоящих у власти». Мы все знаем, сколько израильских деятелей культуры ведут со своим правительством полемику.

После чего я получаю любезное послание от Ваттимо вместе с ворохом писем от читателей, разделяющих его позицию. Ваттимо пишет: «Я чувствую себя человеком, которого попрекнули, что он погрешил против тонкостей грамматики, — я понимаю, что для тебя, как для семиотика, слова и синтаксис чрезвычайно важны, — обсуждая побоище в школе Диас...[1] Но главный

Речь идет о так называемой спецоперации в школе «Армандо Диас» во время саммита «Большой восьмерки» в Генуе в 2001 году. В здании школы разместились активисты антиглобалистского движения, которых в ночь 21 июля

вопрос в следующем: сколько итальянских ученых твоего или, прости, немногим меньшего масштаба публично выразили свою позицию по поводу кровопролития в секторе Газа? И сколько сейчас протестуют по поводу задержания Хомского на границе? [1]"

Но я упрекал Ваттимо, если уж проводить аналогию с побоищем в школе Диас, не за грамматические погрешности, а скорее за желание отметелить в отместку всех итальянских полицейских. С чем, полагаю, не может согласиться ни один здравомыслящий человек. Когда за чьи-то ошибки осуждают махом целую категорию людей или даже целый народ, то, может, это и не будет антисемитизмом, но расизмом — несомненно. Главный вопрос, к которому он апеллирует, состоит не в том, что мало говорят о происходящем в секторе Газа (ужасная трагедия) или о возмутительном отказе в транзитном въезде Хомскому (который, кстати, выступал против бойкота). Главный вопрос касается самого бойкота.

Во всех письмах, что я получил, мне с пеной у рта перечисляют все аргументы против политики израильского правительства, забывая мои собственные слова, что я отнюдь ее не разделяю. Вопрос, который я задал в своей статье, звучит так: можно ли, отвергая политику какого-либо правительства, изолировать от международного научного сообщества всех ученых, исследователей и писателей той страны, где это правительство правит?

Такое впечатление, что мои оппоненты не видят между этими двумя вопросами никакой разницы. Напри-

атаковала полиция. В результате были арестованы 93 протестующих, 61 человек — серьезно ранен и отправлен в больницу, трое в критическом состоянии и один в коме.

В мае 2010 года израильские власти запретили Ноаму Хомскому, известному американскому лингвисту и политическому публицисту, въезд на территорию Западного берега реки Иордан через Израиль.

мер, Ваттимо, чтобы подчеркнуть, что идею бойкота можно назвать антисионистской, но не антисемитской, пишет: «Неужели считать антисемитами всех тех евреев-антисионистов, которые чувствуют, что эта политика силы ущемляет их религиозные чувства?» Так в том-то и дело. Если признать (а это трудно не признать), что многие евреи, в том числе (внимание!) и в Израиле, не поддерживают политику силы собственного правительства, зачем тогда объявлять всемирный бойкот, распространяющийся и на них?

Буквально на днях пришли две плохие новости. Первая — в школах иудейских фундаменталистов в Израиле запретили трагедии Софокла, «Анну Каренину», книги Башевиса-Зингера[1] и последний роман Амоса Оза[2]. Правительство здесь ни при чем, это инициатива местных талибов, а талибов, как мы знаем, везде хватает (были даже католические талибы, внесшие Макиавелли в список запретных книг). Но зачем тогда (вторая плохая новость) туринские сторонники бойкота повели себя, как талибы, когда протестовали против присуждения тому же Озу премии Туринской книжной ярмарки (в итоге ему ее все-таки дали)? Получается, Амос Оз не к месту ни в Меа Шеарим (районе фундаменталистов в Иерусалиме), ни в Турине (священном городе плащаницы). И куда же податься этому вечному жиду?

Ваттимо настаивает, что быть антисионистом — не значит быть антисемитом. Верю. И прекрасно знаю, что когда он два года назад заявил, что готов, пожалуй, поверить в «Протоколы сионских мудрецов», это была всего лишь провокация, на которые он мастер, поскольку ни один здравомыслящий человек с приличным об-

Исаак Башевис-Зингер (1904–1991) — американский еврейский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1978 год.
Амос Оз (р. 1939) — израильский писатель и журналист.

разованием не может читать «Протоколы» и думать, что это нагромождение противоречащих друг другу самообвинений не подделка (и что мудрые старейшины Сиона и впрямь были такими козлами). Но видимо, Ваттимо обратил внимание, что наряду с сайтами в интернете, заклеймившими его выходку, есть и множество других, которые ей упиваются. Любая экстремистская фраза способна сплотить полоумных.

Но Ваттимо не в силах отказаться от броской фразы (как я его понимаю!) и завершает письмо вопросом: «Ахмадинежад как смертельная угроза Израилю? Кто-нибудь вообще в это верит?» Ну, может, я чересчур мягкотел, но лично меня тип, мечтающий стереть некую нацию с лица Земли, как-то слегка пугает. По тем же причинам, по которым меня беспокоит будущее палестинцев.

2010

Молчи, интеллигент поганый

Эти мои «картонки» выходят лишь дважды в месяц, поэтому если меня что-то зацепило, то, чтобы высказаться, приходится ждать две недели. Но тема при этом не теряет актуальности. Итак, в начале марта в *Corriere della Sera* Эрнесто Галли делла Лоджа[1] (не бог весть какой опасный коммунист) написал нечто, воспринятое как критика в адрес «Народа свободы»[2], и тут же координаторы этой партии Сандро Бонди, Иньяцио Ла Русса и Денис Вердини[3] 4 марта публикуют в той же газете письмо с изъявлением своего несогласия. Не буду углубляться в суть дела: как колумнист волен критиковать политическую партию, так и отдельные политики вольны ответить на критику. Интересует меня здесь выбор лек-

Эрнесто Галли делла Лоджа (р. 1942) – итальянский историк и журналист, издатель *Corriere della Sera*.

«Народ свободы» (итал. *Il Popolo della Libertà*) – итальянская политическая партия правоцентристской ориентации, существовавшая в 2007–2013 годах. Президентом партии был Сильвио Берлускони.

3 *Сандро Бонди* (р. 1959) – итальянский политик, министр культурного наследия и культурной деятельности в четвертом правительстве Берлускони (2008–2011); *Иньяцио Ла Русса* (р. 1947) – итальянский политик, министр обороны в правительстве Сильвио Берлускони (2008–2011); *Денис Вердини* (р. 1951) – итальянский политик.

сики, использованной тремя представителями «Народа свободы».

Они пишут: «Бывает такая критика... что, к прискорбию, оказывается бесцельной, поскольку вытекает не из объективной оценки реальности, а, скорее, из самореферентных размышлений, как сказали бы интеллигенты». То, что критика Галли делла Лоджа является типично «интеллигентской», явствует и из дальнейшего текста письма, где говорится, что выступающий с подобной критикой ведет себя так, «будто фактов не существует, живя в практически выхолощенной атмосфере, наедине со своими любимыми книжками и глубоко личными измышлениями».

Забавно то, что если под интеллигенцией понимать тех, кто работает в основном головой, а не руками, тогда работниками умственного труда окажутся не только философы и журналисты, но в том числе и банкиры, страховые агенты и, разумеется, политики — такие как Бонди (который, кстати, пишет стихи), Ла Русса и Вердини, которые зарабатывают на жизнь, как ни крути, не ковырянием в земле. Если же считать интеллигентом того, кто не только работает головой, но и использует ее для критического осмысления происходящего (что бы он при этом ни критиковал), то опять-таки подписантов письма надо признать типичными представителями интеллигенции.

Дело в том, что у слова «интеллигент» своеобразные исторические коннотации. И хотя кто-то обнаружил, что впервые оно встречается в 1864 году в *Chevalier des Touches* Барбе д'Оревильи, в 1879-м — у Мопассана, а в 1886-м — у Леона Блуа, систематически его начали употреблять в ходе печально известного дела Дрейфуса — по крайней мере с 1898 года, когда группа писателей, художников и ученых, таких как Пруст, Анатоль

Франс, Сорель, Моне, Ренар, Дюркгейм, не говоря уже о Золя, который позднее напишет свое убийственное «Я обвиняю», выразила уверенность, что Дрейфуса обвинили ложно, в основном из антисемитизма, и потребовала пересмотреть его дело. Клемансо называет их интеллигентами, и это словечко тут же подхватывают, придав ему уничижительную окраску, представители реакционных кругов мысли, такие как Баррес и Брюнетьер, называя им тех, кто вместо того, чтобы заниматься наукой, поэзией или прочими занятиями для посвященных (короче говоря, своими делами), сует нос в вопросы, в которых не разбирается, — вроде международного шпионажа или военной юстиции (которую, естественно, следует отдать на откуп военным).

Иными словами, интеллигент для антидрейфусаров — это человек, живущий в своих книгах и расплывчатых абстракциях, лишенный связи с действительностью (а значит, молчал бы уж лучше). Эта пренебрежительная оценка обусловлена полемикой того времени, но удивительным образом соответствует выражениям, которые Бонди, Ла Русса и Вердини употребили в своем письме.

Я не смею предположить, что трое подписантов письма — несомненно, тоже интеллигенты (вплоть до козыряния знанием термина «самореферентный») — зашли в этом так далеко, что знакомы с полемикой стодвадцатилетней давности. Просто у них в генах живет память о старинных ораторских трюках — назвать, например, интеллигентом (поганым) любого, кто думает не так, как ты, — и, стало быть, думает.

2010

Мужья безвестных жен

В «Энциклопедии женщин» (www.enciclopedia-delledonne.it) перечисляется великое множество женщин, от Екатерины Сиенской до Тины Пики, многие из которых незаслуженно забыты; с другой стороны, Жиль Менаж еще в 1690 году в своей истории женщин-философов повествовал об учительнице Сократа Диотиме, Арете из киренской школы, Никарете — из мегарской, кинике Гиппархии, перипатетике (в философском смысле слова) Феодоре, эпикурейке Леонтии, пифагорейке Фемистоклее, о которых нам известно ничтожно мало. Только справедливо, что эти имена теперь вернулись из небытия.

Чего нам не хватает, так это энциклопедии жен. Утверждается, что за каждым великим мужчиной стоит великая женщина — начиная с Юстиниана и Феодоры и заканчивая, если хотите, Обамой и Мишель (любопытно, что обратное неверно, как доказывает пример двух Елизавет), но в целом о женах почему-то не говорят. Еще со времен античности куда больше жен ценились любовницы. Клара Шуман или Альма Малер прославились своими внебрачными или послебрачными отношениями. По сути, единственная жена, не-

изменно упоминаемая в этом качестве, — это Ксантиппа, и то поминают ее недобрым словом.

Мне как-то попался в руки текст Питигрилли[1], любителя пересыпать свои истории учеными цитатами, нередко перевирая имена (Юнг у него регулярно становится Йунгом), а еще чаще — анекдотами, откопанными им бог весть в какой периодике. В данном случае он вспоминает предостережение святого Павла *melius nubere quam uri* — уж лучше женитесь, коли вам так невтерпеж (вот отличный совет для священников-педофилов), но отмечает при этом, что подавляющее большинство великих, вроде Платона, Лукреция, Вергилия, Горация и прочих, были холостыми. Но это неверно — или, по крайней мере, не совсем верно.

Платон еще ладно — от Диогена Лаэртского мы знаем, что он писал эпиграммы исключительно юным красавчикам, хотя в учениках у него и числились две женщины, Ластения и Аксиофея, и хотя сам он говорил, что человеку добродетельному следует жениться. Очевидно, над ним тяготел пример неудавшегося брака Сократа. Однако Аристотель был женат: сначала на Пифиаде, а после ее смерти сошелся с Герпеллидой — не совсем понятно, взял ли он ее в жены или сожительствовал, но жил с ней *more uxorio*[2], вплоть до того, что с большим теплом упоминает о ней в завещании, — не говоря уж о том, что с ней он прижил Никомаха, давшего впоследствии имя одной из его «Этик»[3].

У Горация не было ни жены, ни детей, но, судя по написанному им, подозреваю, кое-какие интрижки он се-

Питигрилли (настоящее имя Дино Сэгре, 1893–1975) — итальянский писатель.

Букв. «супружеским образом» (*лат.*). Выражение употребляется либо относительно законных мужа и жены, либо о лицах, не состоящих в официальном браке, но живущих вместе как муж и жена.

3 Речь идет о «Никомаховой этике».

бе позволял, а Вергилий хотя и был, по слухам, слишком робок, чтобы решиться объясниться, однако поговаривают, что у него была связь с женой Вария Руфа. Зато Овидий был женат трижды. О Лукреции античные источники почти ничего нам не сообщают: если верить намекам святого Иеронима, он покончил с собой оттого, что любовное зелье довело его до безумия (впрочем, в интересах святого было объявить опасного атеиста безумцем). Отсюда пошла средневековая и возрожденческая традиция перемывать косточки некоей таинственной Луцилии, то ли жене его, то ли любовнице, которая то ли была волшебницей, то ли попросила зелье у волшебницы. Есть даже версия, что Лукреций угостился зельем по своей инициативе, но в любом случае роль Луцилии во всем этом довольно неприглядна. Впрочем, не исключено, что прав Помпоний Лет[1], по сведениям которого Лукреций покончил с собой из-за несчастной любви к некоему Астериску (*sic!*).

Во времена чуть менее отдаленные Данте хоть и носился со своей Беатриче, однако женат был на Джемме Донати, правда, о ней не упоминает ни словом. Все думают, что Декарт был холостяком (поскольку вел очень бурную жизнь и скончался безвременно), но на самом деле у него была дочь Франсина (умершая, когда ей было всего пять лет) от служанки Хелены Янс ван дер Стром, с которой он познакомился в Голландии и прожил вместе несколько лет, пускай и не признавал ее чем-то большим, нежели домработница. Зато признал дочь, хотя отдельные злые языки утверждают обратное, и были у него, по некоторым данным, и другие романы.

1 *Юлий Помпоний Лет* (1428–1498) – итальянский гуманист и историк.

В общем, за вычетом священников, соблюдающих целибат, и персонажей более или менее явной гомосексуальной ориентации, таких как Сирано де Бержерак (прошу прощения у поклонников Ростана за столь жестокий удар) или Витгенштейн, из всех великих лишь о Канте доподлинно известно, что он чуждался женщин. В это трудно поверить, но даже Гегель был женат — более того, говорят, он был заядлый ловелас, отец внебрачного ребенка и большой любитель покушать. Не говоря уж о Марксе, преданном муже Женни фон Вестфален.

Но по-прежнему остается открытым вопрос: какое влияние оказала Джемма на Данте, а Хелена на Декарта, не говоря уж о всех прочих многочисленных женах, о которых история умалчивает? А вдруг все книги Аристотеля на самом деле написала Герпеллида? Мы никогда этого не узнаем. В истории, написанной мужьями, жены обречены на забвение.

2010

Возвращение дяди Тома

Читатель, которому однажды серым утром дождливого мая этого года попадется забытая в поезде книжка (роман?) Фурио Коломбо[1] без обложки и первых страниц, наверняка спросит себя, с чего бы это автору вздумалось строить из себя Диккенса с его живописаниями нещадной порки мальчишек-заморышей или вспоминать злоключения несчастного Реми из «Без семьи» в логове синьора Гарафоли, зачем он передрал из давно уже нечитабельной «Хижины дяди Тома» истории про несчастья «бедных негров» или, еще того хуже, пытается выдать старые байки южноамериканской глубинки про то, как «бедных негров, масса» выкидывали из общественного транспорта, за современные. Ну нет уж, дорогой Коломбо, с тех пор времена изменились — к счастью!

Наш читатель, однако, немало удивился бы, если бы позднее, встретив ту же книгу уже с обложкой и предисловием, обнаружил, что называется она «Против Лиги» (издательство *Laterza*, всего за девять евро ужа-

Фурио Коломбо (р. 1931) — итальянский журналист, писатель, эссеист. тик, политический обозреватель и преподаватель школы журналистики при Колумбийском университете.

сы похлеще, чем у Стивена Кинга), и там нет ни одной выдуманной истории — лишь педантичное изложение случаев проявления расизма и нетерпимости, имевших место в различных муниципальных образованиях, где у власти стоит известная партия. Случаев, о которых Коломбо, когда был депутатом, неоднократно пытался заявить в парламенте, на что услышал однажды от депутата-лигиста Бриганди следующее взвешенное возражение: «Рожа кирпича просит!» (*sic*).

В этом, увы, не-романе показана «итальянская действительность, где карабинеры и местная полиция между двумя и тремя ночи сносят бульдозерами палаточные городки, нагоняя страху на детей» и где в школах детишек-цыган, хоть они и итальянские граждане, определяют в отдельные классы, а обед в школьной столовой им, как иностранцам, не полагается. Открывает книгу история семейства Карис: отец, итальянский гражданин уже в нескольких поколениях, жил в Кьяри, работая старьевщиком, и прежняя левоцентристская администрация неосмотрительно предоставила ему трехкомнатный сборный домик, однако сменившая ее паданская администрация (мэр — сенатор Маццаторта) забрала земельный участок назад «в связи с изменением генплана города», дом Карисов снесли, прописку по месту жительства аннулировали, дети не могли больше ходить в школу, а всей семье пришлось ютиться в трейлере — так что уличные постовые, столкнувшись со столь возмутительным случаем бродяжничества, по ночам били по трейлеру ломиком, стоило отцу остановиться, чтобы передохнуть или отлить.

Но в книге рассказывается и о разных других иммигрантах. В Термоли местные полицейские поймали торговца-разносчика из Бангладеш, избили его и заперли в багажнике служебной машины. В Парме поли-

цейские в штатском схватили Эмануэля Бонсу, молодого негра, направлявшегося в вечернюю школу, хорошенько его отметелили и лишь потом заметили, что он вовсе не торговал наркотиками, как они было подумали. В Варезе в автобусе четырнадцатилетний подросток требует от своей сверстницы в хиджабе уступить ему место — девочка отказывается, и тот с дружками лупит ее и бьет ногами. В автобусе в Бергамо пассажирка кричит, что у нее украли мобильник, — контролер тут же решает, что это дело рук цветного парня, автобус останавливают, парня раздевают догола, никакого мобильника не находят (очевидно, стащил его кто-то другой), зато обнаруживают при нем семьдесят евро — контролер их конфискует, и благодарная дама принимает эти деньги в качестве возмещения ущерба.

Мы лишь на одиннадцатой странице этого не-романа — последующие главы повествуют о том, каково пришлось тем несчастным из Ливии, кого итальянские военные перехватили в море и сдали на руки приспешникам Каддафи, и как Гада Лернера[1] обвинили в том, что он «носатый», и далее крещендо эффектных и щекочущих нервы зверств.

Любопытно, что итальянцы поднимают столько шума из-за четырех бриллиантов и двух-трех купленных дипломов (и, кстати, не является ли получение диплома в Албании показателем повышенной межэтнической терпимости?) и при этом годами допускают, чтобы случались вещи, о которых сухо повествует эта книга.

2012

Гад Лернер (р. 1954) — итальянский писатель, журналист и телеведущий, который ведет блог, посвященный политическим и социальным вопросам, главным образом связанным с меньшинствами и маргинальными группами.

Пруст и боши

Плохие настали времена для тех, кто верит в Евросоюз: то Кэмерон[1] призывает соотечественников определиться, хотят ли они еще там быть (и хотели ли вообще), то Берлускони нынче провозглашает себя поборником Евросоюза, а назавтра со всем жаром взывает либо к старой фашистской гвардии, либо к тем, кто считает, что лучше бы вернуться к лире, к Лиге с ее изоляционистским провинциализмом, — в общем, можно сказать, что отцы-основатели Европы вертятся в гробу.

И однако всем, вероятно, известно, что в ходе Второй мировой войны сорок один миллион европейцев (одних только европейцев, без учета американцев и азиатов) погибли, истребляя друг друга, и что с тех пор, если не считать трагического балканского эпизода, Европа шестьдесят восемь (повторяю: 68) лет живет в мире, так что если сказать нынешней молодежи, что французы сейчас могли бы окопаться против нем-

Дэвид Уильям Дональд Кэмерон (р. 1966) — британский политик, лидер Консервативной партии (2005–2016), 75-й премьер-министр Соединенного Королевства (2010–2016), выступил за проведение референдума о членстве Великобритании в составе Евросоюза.

цев на линии Мажино, итальянцы — попытаться сломить хребет Греции, что в Бельгию могут вторгнуться войска, а английские самолеты станут бомбить Милан, то эти молодые люди (которые, возможно, готовятся поехать на год в другую страну по программе *Erasmus*, а там, глядишь, и встретят родственную душу, говорящую на другом языке, и дети у них вырастут билингвами) решат, что мы сочиняем фантастический роман. Даже взрослые уже привыкли не задумываясь пересекать без паспорта границы, которые их отцы или деды переходили с оружием в руках.

Но верно ли то, что идея Европы больше не привлекает европейцев? Бернар-Анри Леви[1] выступил недавно с пламенным манифестом *Europe ou chaos*, где призывает вновь обрести европейскую идентичность, и начинается он со зловещей угрозы: «Европа не в кризисе — она умирает. Разумеется, не Европа как территория. А Европа как Идея. Европа как проект и мечта». Манифест подписали Антониу Лобу Антунеш, Василис Алексакис, Хуан Луис Себриан, Фернандо Саватер, Петер Шнайдер, Ганс Кристоф Бух, Юлия Кристева, Клаудио Магрис, Дьёрдь Конрад и Салман Рушди (хоть он и не европеец, но, когда гонения на него только начались, именно Европа его приютила)[2]. И поскольку я тоже

Бернар-Анри Леви (р. 1948) — французский политический журналист, философ, писатель.

Антониу Лобу Антунеш (р. 1942) — португальский писатель и журналист; *Василис Алексакис* (р. 1943) — современный греческий и французский писатель; *Хуан Луис Себриан* (р. 1944) — испанский писатель, журналист и блогер; *Фернандо Саватер* (р. 1947) — испанский философ, писатель, журналист, общественный деятель; *Петер Шнайдер* (р. 1940) — немецкий писатель; *Ганс Кристоф Бух* (р. 1944) — немецкий писатель и журналист; *Юлия Кристева* (р. 1941) — французская исследовательница литературы и языка, психоаналитик, писательница, семиотик, философ; *Клаудио Магрис* (р. 1939) — итальянский писатель, журналист, эссеист, исследователь австрийской и немецкой культуры; *Дьёрдь Конрад* (р. 1933) — венгерский писатель; *Салман Рушди* (р. 1947) — британский писатель индийского происхождения.

его подписал, то дней десять назад я вместе с другими подписавшими оказался в парижском театре «Рон-Пуан Елисейских Полей» на дебатах, посвященных этой теме. Один из сразу же прозвучавших тезисов, который я целиком и полностью разделяю, гласил, что существует ощущение европейской идентичности (самосознание себя как европейца), и по такому случаю мне довелось процитировать несколько страниц из прустовского «Обретенного времени». Мы в Париже во времена Первой мировой, город живет в страхе перед ночными налетами цеппелинов, а молва утверждает, что ненавистные *боши* способны на любые зверства. Несмотря на это, страницы Пруста проникнуты германофилией, она сквозит в разговорах персонажей. Вот германофил де Шарлю, пускай его восхищение немцами обусловлено скорей сексуальными предпочтениями, нежели культурной идентичностью: «Но, восхищаясь французами, мы не должны принижать наших врагов, иначе мы умалились бы сами. Вы не знаете, что такое немецкий солдат, вы не видели, как они маршируют нога в ногу, гуськом!..» Вспомнив об идеале мужественности, эскиз которого был набросан им еще в Бальбеке... он продолжил: «Понимаете, бравый молодец, бошевский солдат – это существо сильное, здоровое, он думает только о величии своей страны, *Deutschland über alles*».

Но бог с ним, с де Шарлю, хотя в его тевтонофильских монологах встречаются порой и литературные реминисценции. Поговорим лучше о Сен-Лу – храбром солдате, который погибнет на поле боя. «Чтобы я лучше мог представить контраст света и сумрака, когда "рассвет был исполнен очарования", он (Сен-Лу) не боялся сослаться на страницу Ромена Роллана и даже Ницше – с вольностью фронтовика, который, в отличие от тыловиков, лишен страха перед немецким

именем... Если Сен-Лу писал о мелодии Шумана, то он упоминал лишь ее немецкое название, и он без обиняков говорил, что на заре, когда он услышал на этой опушке птичий щебет, он испытал опьянение, "словно бы ему пела птица из этого возвышенного *Siegfried*" что он надеется послушать оперу после войны».

И далее: «Дело в том, что я узнал о смерти Робера де Сен-Лу, который погиб через два дня после возвращения на фронт, прикрывая отступление своих солдат. Я не знал еще человека, которому столь же мало была присуща ненависть к тому или иному народу... Последнее, что я услышал от него, за шесть дней до его смерти, были начальные слова одной *Lied* Шумана, — он напел их на лестнице по-немецки, и так громко, что, испугавшись соседей, я попросил его замолчать».

И Пруст поспешно добавляет, что даже в те дни французская культура в целом отнюдь не чуралась изучения немецкой, хотя и с соблюдением ряда предосторожностей. «Профессор написал замечательную книгу о Шиллере, ее заметили газеты. Первым делом об авторе сообщалось, словно то было цензорским разрешением, что он сражался на Марне и у Вердена, пять раз упоминался в приказе, что оба его сына погибли. После этого расхваливали ясность и глубину его работы о Шиллере, которого разрешалось считать великим при условии, что он не "великий немец", а "великий бош"».

Вот что лежит в основе европейской культурной идентичности — долгий диалог между литературой, философией, музыкой и драматургией разных стран. То, чего не перечеркнет никакая война, и на этой идентичности основано сообщество, которому нипочем самый серьезный из барьеров — языковой.

Это чувство европейской идентичности, разумеется, необычайно сильно у интеллектуальной элиты —

но присуще ли оно в той же степени обычным людям? Тут я задумался над тем фактом, что и по сей день в каждой европейской стране, в школах и на массовых торжествах, чтят своих героев, и все они — люди, доблестно убивавшие других европейцев, начиная с Арминия, разгромившего легионы Вара, и так далее: Жанна д'Арк, Сид Кампеадор (ибо мусульмане, с которыми он сражался, много веков уже были европейцами), различные герои венгерской революции и итальянского Рисорджименто, наши павшие в борьбе с австрийцами. И никто ни разу не слышал об общеевропейском герое? Не было их, что ли? А как же Байрон или Санторре ди Сантароза[1], ушедшие сражаться за свободу Греции, и многочисленные Шиндлеры, спасшие жизнь тысячам евреев без оглядки на их национальность, и, наконец, если говорить о героях невоенных, то кем считать Де Гаспери, Монне, Шумана, Аденауэра, Спинелли?[2] И если покопаться в тайниках истории, то найдется и еще о ком поведать детям (и взрослым). Неужели нельзя сыскать европейского Астерикса, о котором мы будем рассказывать завтрашним европейцам?

2013

Санторре ди Сантароза (1783–1825) — итальянский революционер, один из лидеров движения за объединение Италии, участник национально-освободительной революции в Греции.

2 *Альчиде Де Гаспери* (1881–1954) — христианско-демократический политик, премьер-министр Италии в 1945–1953 годах; *Жан Омер Мари Габриель Монне* (1888–1979) — французский предприниматель и государственный деятель, один из отцов-основателей Европейского союза, его называют «отцом Европы»; *Жан-Батист Никола Робер Шуман* (1886–1963) — французский и европейский политик, премьер-министр и министр иностранных дел Франции, один из основателей Европейского союза, Совета Европы и НАТО; *Конрад Герман Иозеф Аденауэр* (1876–1967) — первый федеральный канцлер ФРГ (1949–1963); *Альтиеро Спинелли* (1907–1986) — итальянский государственный деятель, один из отцов-основателей Европейского союза, европейский комиссар (1970–1976).

Классики наших дней

Классический областной суд. В статье Джованни Белардели[1], опубликованной в *Corriere della Sera* за 30 июня, приводится вопиющий факт. Возмущенные тем, что сына исключили из классического лицея, поскольку он получил три по математике, четыре по физике и три по истории искусств, мама с папой вместо того, чтобы задать наследнику хорошую взбучку, как поступили бы родители-реакционеры прежних дней, обратились в административный суд области Лацио. И суд, с высоты своего авторитета, повелел парня восстановить. Ну что ж, возможно, три впечатляющих неуда[2] еще не повод для исключения, но такие вещи должен решать педсовет или какой-нибудь высший образовательный орган. Вмешательство в высшей степени некомпетентного областного суда лишь поощряет тех родителей, которые, когда дети приносят плохие оценки, вместо того чтобы ругать их, идут разбирать-

Джованни Белардели (р. 1951) — итальянский политолог и журналист, профессор университета Перуджи.

2 В итальянской школе десятибалльная система оценивания, проходным баллом считается шесть.

ся с преподавателями. Мужланы, и дети их вырастут тоже мужланами.

Но это еще не все. В судебном постановлении говорится, что четверка по физике и тройка по математике не имеют большого значения, потому что речь идет о классическом лицее. Выходит, отдельные умники из Великой Греции[1] (как сказал бы Аньелли[2]) не в курсе, что после классического лицея можно поступать на медицинский, политехнический, математический и на прочие негуманитарные факультеты, да и для хорошего гуманитарного образования второй закон термодинамики важен не менее, чем тайны аориста. *Quis custodiet custodes*?[3] Кто выгонит судей из областного суда Лацио? Или тогда их родители явятся разбираться?

Резвый Терезио. Прочел в *Pagine ebraiche* комментированный перечень выдающихся фашистов, расистов и антисемитов, чьим именем названы улицы в различных городах: так, в Риме и Неаполе увековечили память Гаэтано Адзарити, бывшего председателя трибунала по делам расы, есть также улицы, носящие имя Николы Пенде (в Модуньо под Бари, в самом Бари и в Модене), Сабато Виско (в Салерно) и Артуро Донаджио (в Риме и в Фальконаре) — а ведь эти трое, пусть и про-

Великая Греция — историческая область с древнегреческими колониями, основанными в античной древности, включавшая часть территории современной Южной Италии (Апеннинского полуострова и Сицилии).

2 *Джованни Аньелли* (1866–1945) — итальянский промышленник первой половины XX века, основатель автомобильного концерна *Fiat*, один из богатейших и влиятельнейших людей планеты в первой половине XX века. «Умником из Великой Греции» (*un intellettuale della Magna Grecia*) Аньелли назвал в 1984 году председателя Христианско-демократической партии Чириако Луиджи де Мита (р. 1928), который родился в Кампании.

3 «Кто будет сторожить стражников?» (*лат.*) Фраза принадлежит римскому поэту Ювеналу (Sat. VI. 347–348).

славились в иных областях, все-таки в 1938 году первыми подписали пресловутый «Расовый манифест»[1].

Ну ладно, все знают, что во многих муниципальных образованиях к власти пришли фашисты, и, вероятно, члены других партий даже не подозревали, память каких людей им предложили почтить. Вдобавок можно сказать, что все эти деятели добились большого успеха в разных областях, так что можно простить им этот нечаянный грешок, совершенный, скорее всего, по расчету, из трусости или от излишнего рвения. Разве не простили мы (ну или почти простили) Хайдеггера, хотя он-то был убежденным нацистом? И разве не оказались в той или иной степени связаны с Социальной республикой, по малолетству или в силу суровой необходимости (поскольку жили на севере), такие достойные и заслуженно всеми любимые люди, как Оскар Карбони, Вальтер Кьяри, Джильберто Гови, Горни Крамер или Уго Тоньяцци[2]? Правда, никто из них никогда не утверждал — ни устно, ни письменно, — что надо истребить шесть миллионов евреев.

Но что самое поразительное — в Кастелламмаре-дель-Гольфо (в провинции Трапани) назвали улицу в честь Терезио Интерланди[3], хотя он даже не их земляк. Терезио Интерланди не был ни заслуженным уче-

Никола Пенде (1880–1970) — итальянский эндокринолог, поддерживавший фашистский режим в Италии; *Сабато Виско* (1888–1971) — итальянский физиолог, академик и политик; *Артуро Донаджио* (1868–1942) — итальянский медик-психиатр, поддерживавший расовые законы. *«Расовый манифест»* — декларация в поддержку расовых законов Б. Муссолини, подписанная десятью известными итальянскими учеными летом 1938 года.

Оскар Карбони (1914–1993) — итальянский певец; *Вальтер Кьяри* (1924–1991) — итальянский актер; *Джильберто Гови* (1885–1966) — итальянский актер; *Горни Крамер* (1913–1995) — итальянский музыкант; *Уго Тоньяцци* (1922–1990) — итальянский актер.

3 *Терезио Интерланди* (1894–1965) — итальянский журналист, распространявший идеи антисемитизма и фашизма.

ным, как Пенде, ни уважаемым в послевоенной Италии юристом, как Адзарити, — это был гнусный подлец, главред журнала *La difesa della razza*, посвятивший всю свою жизнь насаждению расовой ненависти и антисемитизма. Когда листаешь подшивки этого омерзительного журнала или читаешь антологию, подготовленную Валентиной Пизанти (*Bompiani*, 2006)[1], то понимаешь, что лишь абсолютно и раболепно лживый человек мог публиковать настолько абсурдное вранье. Чуть не забыл — в те же самые годы Интерланди издал книгу *Contra judaeos*, и даже не знающие латыни могут догадаться, в чем состоял ее посыл.

С другой стороны, в Риме сейчас обсуждается вопрос, не назвать ли улицу в честь Джорджо Альмиранте, который в *La difesa della razza* был ответственным секретарем — под тем неоспоримым предлогом, что впоследствии он принял демократические правила игры (хотел бы я посмотреть на альтернативу) и воздал последние почести Берлингуэру[2]. Но Берлингуэр никогда не писал пасквилей, вдохновляющих на истребление кулаков.

2014

1 Pisanty V. *La difesa della razza*. Bompiani, 2006.

2 *Энрико Берлингуэр* (1922–1984, Падуя) — итальянский политик, секретарь Итальянской коммунистической партии с 1972 года вплоть до своей кончины. При нем произошел постепенный переход ИКП с позиций марксизма-ленинизма на позиции еврокоммунизма и мирного сосуществования с представителями иных политических взглядов.

От «Мауса» к Charlie

Своего друга Арта Шпигельмана[1] я считаю гением. Его «Маус», пускай это и комикс, остается одним из важнейших литературных текстов о Холокосте. Но на сей раз я с ним не согласен. Его попросили сделать обложку к номеру *New Statesman*, посвященному свободе мысли, и обложка (ее опубликовали в других газетах) вышла замечательная — женщина с кляпом во рту. Но при этом Шпигельман попросил напечатать его карикатуру на Мухаммеда, и журнал на это не пошел. Тогда Шпигельман отозвал и обложку.

То, что произошло в *Charlie Hebdo*, наделало много шума: я не посвятил этому событию «картонку», потому что непосредственно после трагедии дал два интервью, а «картонка» вышла бы лишь через две недели, но оно стало для меня страшным ударом — у меня до сих пор хранится дружеский шарж, который нарисовал на меня ставший жертвой теракта Волински, еще в те времена, когда мы тусили в баре с редакцией *Linus*.

Арт Шпигельман (р. 1948) — американский художник и писатель, автор и издатель романов-комиксов. Наиболее известен по комиксу «Маус», получившему Пулитцеровскую премию (комикс о Холокосте и нацистских концлагерях).

Вернусь к первоначальной теме. Думаю, здесь были затронуты два права и две обязанности. Если вспомнить слова папы Франциска, заявившего (к смятению многих), что если бы кто-то оскорбил его мать, он бы его ударил, то хочу заметить, что папа не сказал, что он бы его убил. В самом деле, он знал, что заповедь запрещает убийство, и, значит, не мог не осудить содеянное террористами, которые вместе со своими союзниками-головорезами из ИГИЛ являют нам новую форму нацизма (расизм, истребление людей других национальностей, планы по захвату мира). Надо было осудить теракт и встать на защиту свободы слова, что и было сделано.

Надо бороться за свободу мысли даже для тех, кто думает не так, как мы (учит нас Вольтер). Но если бы журналисты из *Charlie* не пали жертвами ужасной расправы, если бы не было теракта, то кто угодно мог бы с полным на то правом критиковать их карикатуры — не только на Мухаммеда, но и на Иисуса с Девой Марией, очень в духе работ Лео Таксиля, изображавшего в XIX веке беременную голубком Мадонну с рогоносцем Иосифом.

Существует этический принцип, согласно которому нехорошо оскорблять религиозные чувства других — именно поэтому даже тот, кто богохульствует у себя дома, не пойдет богохульствовать в церковь. От карикатур на Мухаммеда следует воздержаться не из страха перед последствиями, а потому, что это (приношу извинения за слишком мягкое выражение) «невежливо». И не надо рисовать карикатуры на Богородицу, даже если католики (по крайней мере, сейчас) и не склонны стрелять за это в художника. Между прочим, порывшись в интернете, я обратил внимание, что ни один из сайтов, протестующих против цензуры

New Statesman, не опубликовал рисунок Шпигельмана. Почему? Из уважения к чужим чувствам или из страха?

В случае с *Charlie* были задействованы два фундаментальных принципа, но в свете ужасов, совершенных неправой стороной, оказалось трудно отделить один от другого. Получилось так, что допустимо защищать свободу слова, сколь угодно невежливого, заявляя *Je suis Charlie*, но, если бы я был *Charlie*, я бы не стал шутить ни с чувствами мусульман, ни с чувствами христиан (и даже буддистов, если на то пошло).

Если католики возмущаются, когда оскорбляют Богородицу, уважай их убеждения — в крайнем случае напиши взвешенное историческое эссе, ставящее Боговоплощение под вопрос. Если католики вдруг станут стрелять в оскорбляющих Богородицу — борись с ними всеми средствами.

Нацисты и антисемиты всякого разбора распространяли отвратительные карикатуры на «подлых евреев», но в целом западная культура им этого не возбраняла, уважая их свободное мнение. Но когда от карикатур перешли к массовым убийствам, общество восстало. Иными словами, к праву Дрюмона[1] (в XIX веке) быть оголтелым антисемитом проявили уважение, а палачей-нацистов в Нюрнберге повесили.

2015

Эдуард Адольф Дрюмон (1844–1917) — французский политический деятель и публицист, автор широко известной в свое время антисемитской книги «Еврейская Франция» (фр. *La France juive*, 1886).

О НЕНАВИСТИ И СМЕРТИ

О смерти и любви

В последнее время я писал о расизме, о том, как мы создаем себе врагов, о том, какую роль играет в политике ненависть к Другому или к Непохожему на нас. Я полагал, что все высказал, однако в недавней дискуссии с моим другом Томасом Штаудером[1] обнаружилось (один из тех случаев, когда забываешь, кто что сказал, но наши выводы совпали) нечто новое (по крайней мере, новое для меня).

С легкостью, отчасти напоминающей досократиков, мы обычно понимаем ненависть и любовь как противоположности, как нечто, расположенное симметрично, напротив друг друга, словно мы обязаны ненавидеть то, что не любим, и наоборот. На самом деле между двумя полюсами находится бесконечное множество оттенков чувств. Даже если использовать эти два слова метафорически, то, что я люблю пиццу, но равнодушен к суши, вовсе не означает, что суши я ненавижу. Суши мне нравится меньше, чем пицца. А если употребить эти слова в прямом смысле, тот факт, что я люблю одного человека, вовсе не означает, что я не-

Томас Штаудер — филолог-романист, преподаватель Аугсбургского университета.

навижу всех остальных. С равным успехом любви можно противопоставить равнодушие (я люблю своих детей, а к таксисту, в машину которого сел два часа назад, равнодушен).

На самом деле важно то, что любовь избирательна. Если я безумно люблю женщину, я претендую на то, чтобы и она любила меня, а не других (по крайней мере, любила не в том же смысле). Мать беззаветно любит своих детей и желает, чтобы они испытывали особую любовь к ней одной (мама у нас одна), ей никогда не полюбить столь же сильно чужих детей. Значит, любовь по-своему эгоистична, избирательна, связана с чувством собственности.

Разумеется, христианская заповедь велит нам возлюбить ближнего, как самого себя (всех, шесть миллиардов ближних). Впрочем, в действительности эта заповедь предписывает ни к кому не испытывать ненависти, от нас не требуют любить незнакомого эскимоса так же, как мы любим собственного отца или внука. Любовь всегда будет отдавать предпочтение родному внуку, а не охотнику за тюленями. И хотя я никогда не соглашусь с тем, что способен остаться равнодушным (как гласит известная легенда), если в Китае умрет какой-нибудь мандарин (пусть даже его смерть сулит мне выгоду), и всегда буду помнить, что колокол звонит и по мне, смерть моей бабушки всегда огорчит меня куда сильнее, чем смерть мандарина[1].

Зато ненависть может быть коллективной, в тоталитарных режимах иначе и не бывает: когда я был маленьким, в фашистской школе меня учили ненавидеть «всех» сынов Альбиона, а Марио Аппелиус[2] каждый

1 См. диалог Ростиньяка и Бланшона из романа Бальзака «Отец Горио».

2 *Марио Аппелиус* (1982–1946) — итальянский журналист, радиоведущий, один из символов фашистской пропаганды.

вечер призывал по радио: «Боже, безжалостно прокляни англичан!» К этому стремятся диктатуры и популистские режимы, а нередко и фундаменталистские течения религий, ведь ненависть к врагу объединяет народы, заставляя их пылать единым огнем. Любовь согревает мне сердце в отношении немногих людей, ненависть согревает сердца (мое и тех, кто со мной на одной стороне) в отношении миллионов людей, нации, этноса, людей другого цвета кожи или говорящих на другом языке. Итальянский расист ненавидит всех албанцев, румын или цыган. Босси[1] ненавидит всех южан (а если ему платят зарплату в том числе из налогов, которые платят южане, мы имеем дело с высшим проявлением недоброжелательности, поскольку к ненависти примешивается радость от осознания того, что ты причиняешь людям ущерб, да еще и издеваешься над ними), Берлускони ненавидит всех судей и призывает нас поступать так же, равно как призывает ненавидеть всех коммунистов, даже когда коммунисты видятся ему там, где их давно нет.

Следовательно, ненависть — не индивидуалистическое, а великодушное, филантропическое чувство, направленное не на кого-то одного, а на бесчисленное множество. Только в романах нам рассказывают, насколько прекрасно умереть из-за любви. В газетах (по крайней мере, в годы моей юности) писали о том, насколько прекрасно умереть героем, бросающим бомбу в ненавистного врага.

Еще и поэтому история нашего биологического вида всегда была в большей степени окрашена ненавистью, войнами, убийствами, а не проявлениями любви (это требует от нас куда большего и создает немалые труд-

Умберто Босси (р. 1941) — итальянский политик, сторонник отделения севера страны от юга.

ности, если любви нужно вырваться за рамки эгоизма). Тяга к радостям ненависти настолько естественна, что правителям народов легко ее насаждать, в то время как к любви нас призывают только малоприятные люди, у которых есть отвратительная привычка целовать прокаженных.

2011

Куда пропала смерть?

Французский журнал *Le Magazine Littéraire* назвал свой ноябрьской номер «Что известно литературе о смерти». Я с интересом прочел разные статьи, но остался разочарован тем, что, наряду со множеством ранее неизвестных сведений, мне постоянно повторяли широко известную вещь: литература всегда занималась смертью (как, разумеется, и любовью). В статьях из французского журнала тонко анализируется присутствие смерти как в прозе ушедшего столетия, так и в готической предромантической литературе. А ведь можно было порассуждать о смерти Гектора и о горе Андромеды или об описанных во многих средневековых текстах страданиях мучеников. Не говоря уже о том, что история философии начинается с самого распространенного примера большей посылки силлогизма — «все люди смертны».

На мой взгляд, проблема в другом (хотя, возможно, все дело в том, что сегодня стали меньше читать): мы, современные люди, разучились договариваться со смертью. Религии, мифы, древние ритуалы, не отменяя страха смерти, превращали ее в нечто знакомое.

Они учили нас принимать смерть благодаря пышным похоронным церемониям, воплям плакальщиц, величественным реквиемам. К смерти нас готовили проповеди, в которых говорилось об аде, в детстве мне велели прочитать посвященные смерти страницы из «Предусмотрительного юноши» дона Боско[1], который не только был веселым священником и играл с ребятишками, но и обладал пылким воображением и склонностью к визионерству. Дон Боско напоминает: нам не дано знать, где застигнет нас смерть — в постели, на работе, на улице, послужит ли ее причиной разрыв сосуда, катар, внезапное кровоизлияние, лихорадка, рана, землетрясение, удар молнии, «возможно, это произойдет, как только ты дочитаешь эти размышления». Мы почувствуем туман в голове, резь в глазах, сухость языка, ком в горле, тяжесть в груди, холод в жилах, телесную слабость, удар в сердце. Значит, нужно готовить себя к приходу Милосердной Смерти: «Когда неподвижные ступни предупредят меня о том, что мой путь в этом мире близится к завершению... Когда дрожащие онемелые пальцы больше не смогут сжать Тебя, о благое Распятие, и вопреки моей воле уронят Тебя на скорбное ложе... Когда мои утратившие ясность и потрясенные ужасом неминуемой смерти глаза... Когда мои холодные дрожащие уста... Когда мои бледные, посиневшие щеки будут вызывать у собравшихся сочувствие и ужас, а покрытые смертным потом волосы, поднявшись на голове, объявят о скорой моей кончине... Когда мой ум, терзаемый жуткими пугающими призраками, охватит предсмертная печаль... милосердный Иисусе, сжалься надо мной».

Иоанн Боско (дон Боско, 1815–1888) — католический святой, основатель ордена салезианцев, уделял большое внимание воспитанию детей и подростков. Среди его сочинений — «Предусмотрительный юноша» (1847).

Скажете, садизм в чистом виде? А чему мы учим своих современников? Тому, что теперь умирают вдали от посторонних глаз, в больнице, что больше не принято провожать гроб на кладбище, что мертвых мы больше не видим. Мы на самом деле их больше не видим? Да нет же, мы видим их постоянно: у одного мозги взрываются и покрывают брызгами окошко такси, другие взлетают на воздух, третьи разлетаются на куски прямо на тротуаре, четвертые отправляются на морское дно с замурованными в цемент ногами, у пятых голова катится по мостовой — но все это не мы и не наши близкие, все это Актеры. Смерть превратилась в зрелище, даже когда средства массовой информации рассказывают о девушке, которая на самом деле стала жертвой изнасилования или серийного убийцы. Нам показывают не изуродованный труп (он напомнил бы о смерти), а рыдающих друзей, которые возлагают цветы на месте преступления, или, проявляя куда худший садизм, журналисты звонят в дверь маме жертвы и спрашивают: «Что вы почувствовали, когда вашу дочь убили?» Теперь на сцене разыгрывается не зрелище смерти, а зрелище дружбы и материнского горя, но они трогают не так сильно.

Исчезновение смерти из сферы непосредственного опыта приведет к тому, что, когда приблизится наш час, мы испытаем куда больший страх перед тем, с чем на самом деле знакомы с рождения и с чем мудрый человек всю жизнь как-то договаривается.

2012

Право на счастье

Порой меня охватывает подозрение, что многие из проблем, которые усложняют нашу жизнь, — кризис ценностей, капитуляция перед соблазнами рекламы, потребность видеть себя по телевизору, потеря исторической и личной памяти — одним словом, все, что нередко ругают в похожих рубриках, связано с неудачной формулировкой Декларации независимости США, которую подписали 4 июля 1776 года и авторы которой, с масонской верой в «грядущее светлое, прогрессивное»[1], признали за всеми людьми право «на жизнь, свободу и стремление к счастью»[2].

Нередко говорят, что это первое в истории основных государственных законов закрепление права на счастье, а не обязанности повиновения и прочих строгих ограничений. На первый взгляд подобное заявление действительно выглядит революционным. Однако по причинам, которые я осмелюсь назвать семиотическими, оно породило целый ряд недоразумений.

1 Из стихотворения Джакомо Леопарди «Дрок» (пер. А. Наймана).
2 Декларация независимости США (пер. О. Жидкова).

Литература о счастье огромна, она ведет отсчет с Эпикура, если не раньше, однако, руководствуясь здравым смыслом, нужно признать, что никто из нас не способен дать определение счастью. Если счастье — постоянное состояние, человек, который счастлив всю жизнь и который не знает сомнений, бед, кризисов, живет жизнью идиота или, в лучшем случае, жизнью того, кто находится в изоляции от мира и лелеет надежду, что в его существовании не будет резких перемен, — на ум приходят Филемон и Бавкида[1]. Впрочем, и они, если оставить в стороне поэзию, тоже должны были пережить несколько тревожных мгновений, по крайней мере вызванных простудой или больными зубами.

Дело в том, что счастье как абсолютная полнота, почти опьянение, ощущение, что до неба можно достать рукой, — преходящее, эпизодическое и весьма недолговечное состояние: радость из-за рождения ребенка, из-за того, что любимый или любимая ответили на наши чувства, восторг, вызванный выигрышем в лотерею, достижением важного рубежа (премия «Оскар», победа в чемпионате), и даже счастливое мгновение во время поездки за город — все это преходяще, подобные мгновения сменяются страхом, трепетом, тревогой, горем или как минимум беспокойством.

Кроме того, мысль о счастье непременно связана с представлением о нашем личном счастье, редко — о счастье человечества. Скажу больше: стремясь

Филемон и Бавкида — герои древнегреческой легенды, пожилые бедные супруги, оказавшие радушный прием Зевсу и Гермесу, когда те под видом обычных путников посетили Фригию. Больше никто из жителей не захотел их пустить, и разгневанные боги наслали на местность потоп, а дом Филемона и Бавкиды превратили в храм. Как попросили у Зевса супруги, они остались при храме жрецом и жрицей и после долгой жизни умерли в один день: превратились в дуб и липу, растущие из одного корня.

к собственному счастью, мы редко заботимся о счастье других. Даже счастье в любви зачастую совпадает с несчастьем другого, отвергнутого человека, о котором мы почти не думаем, наслаждаясь собственным завоеванием.

Подобное представление о счастье распространено в мире рекламы и потребления, где всякое предложение подается как призыв к счастливой жизни: разглаживающий морщины крем; жидкость, которая наконец-то выведет все пятна; диван за полцены; настойка, которую приятно выпить в непогоду; мясные консервы, вокруг которых объединяется счастливое семейство; красивый и экономичный автомобиль; гигиеническая прокладка, с которой вы сможете зайти в лифт, не опасаясь за обоняние соседа.

Мы редко вспоминаем о счастье, когда голосуем или отправляем ребенка в школу, зато помним о нем, покупая ненужные вещи и думая, что таким образом реализуем свое право на достижение счастья.

Когда же, не будучи бессердечными животными, мы все-таки беспокоимся о чужом счастье? Когда средства массовой коммуникации показывают нам чужое несчастье, когда мы видим умирающих от голода, облепленных мухами чернокожих детишек, видим безнадежно больных или народы, пострадавшие от цунами. Тогда мы готовы дать подаяние, перечислив деньги на счет, в лучшем случае — направить на благое дело часть налогов, которые платим[1].

В Декларации независимости должны были написать, что за всеми людьми признается право и обязанность снижать долю несчастья в мире, включая соб-

[1] По закону у итальянцев есть право перечислить часть подоходного налога общественным или благотворительным организациям, а также на научные исследования.

ственное несчастье. Тогда бы многие американцы поняли, что не стоит выступать против бесплатного медицинского обслуживания, а они выступают против: им кажется, будто это дикое предложение ущемляет их личное право на личное налоговое счастье.

2014

Наш Париж

В ночь парижской трагедии я, как и многие другие, прилип к телевизору. Я хорошо знал карту Парижа и пытался понять, где разворачиваются события, прикидывал, не живет ли поблизости кто-нибудь из друзей, насколько это далеко от моего издательства и от ресторана, где я обычно обедаю. Я успокаивал себя, думая, что это далеко, на правом берегу, в то время как мой собственный парижский мир расположен на левом.

Ужас и смятение не ослабевали, я чувствовал себя как человек, который случайно не сел на самолет, а самолет этот только что упал. Еще той ночью никто не задумался, что подобное может произойти и в наших городах. Это была трагедия, не надо было нас спрашивать, по ком звонит колокол, но все-таки чужая трагедия.

Тем не менее мне стало дурно, когда я осознал, что название «Батаклан»[1] мне знакомо. Наконец я вспо-

Батаклан (фр. *Bataclan*) — театр в Париже, расположенный на бульваре Вольтера, 50 в XI округе. 13 ноября 2015 года параллельно с рядом других террористических атак в Париже в «Батаклане» произошла стрельба во время выступления американской рок-группы *Eagles of Death Metal*. Три

мнил: именно там лет десять тому назад представляли один из моих романов, устроив по случаю чудесный концерт Джанни Коши и Ренато Селлани[1]. Значит, это одно из мест, где я бывал и где мог вновь оказаться. Потом (точнее, не потом, а почти сразу) я узнал адрес «бульвар Ришар-Ленуар» — там жил комиссар Мегрэ!

Вы скажете, что перед лицом пугающе «реа́льных» событий у нас нет права выпускать на сцену воображаемого персонажа. А вот и нет, и это объясняет, почему парижская трагедия поразила всех в самое сердце, хотя страшные трагедии происходят и в других городах мира. Дело в том, что Париж стал родиной для многих из нас, поскольку в нашей памяти слились реальный и воображаемый города, словно оба они принадлежат нам, словно мы жили в обоих.

Существует Париж столь же реальный, как реально кафе де Флор[2], — к примеру, Париж Генриха IV или Равальяка, город, где обезглавили Людовика XVI, где Орсини покушался на жизнь Наполеона III, куда в 1944 году вошли войска генерала Леклерка. Но, признайтесь честно, даже говоря о подобных фактах, мы лучше помним событие (в котором мы не принимали участия) или его изображение в романе или в кино?

Мы увидели освобожденный Париж на экране, когда смотрели «Горит ли Париж?»[3], с Парижем постарше мы познакомились, когда смотрели *Les enfants du*

террориста проникли в здание и расстреливали зрителей. В ходе спецоперации террористы либо были убиты, либо привели в действие пояса смертников. При нападении погибло 89 зрителей концерта, ранения получили более 200 человек.

Джанни Коши и *Ренато Селлани* — Джазовые музыканты, аккордеонист и пианист.

2 *Кафе де Флор* — знаменитое парижское кафе, где любят собираться интеллектуалы.

3 *«Горит ли Париж?»* — фильм Рене Клемана о годах войны (1966).

Paradis[1]. Когда мы (на самом деле) выходим ночью на площадь Вогезов, нас охватывает трепет, который мы много раз испытывали, глядя на экран. Точно так же мы заново погружаемся в мир Эдит Пиаф, хотя никогда не были с ней знакомы, а благодаря Иву Монтану прекрасно знаем рю Лепик[2].

Мы на самом деле гуляем вдоль Сены, останавливаясь перед лавками букинистов, и одновременно заново проживаем бесчисленные романтические прогулки, о которых читали. Глядя издалека на собор Парижской Богоматери, мы невольно вспоминаем Квазимодо и Эсмеральду[3]. В нашей памяти жив Париж, где мушкетеры дерутся на дуэли с гвардейцами у монастыря босых кармелитов, Париж бальзаковских куртизанок, Париж Люсьена де Рюбампре и де Растиньяка, Милого друга, Фредерика Моро и мадам Арну, Гавроша на баррикадах, Свана и Одетты де Креси[4].

Наш «настоящий» Париж — Париж (существующий теперь лишь в воображении) Монмартра эпохи Пикассо и Модильяни или Мориса Шевалье. Прибавим к ним мюзикл Гершвина «Американец в Париже» и его слащавый, но запоминающийся ремейк с Джином Келли и Лесли Карон. Наш Париж — это город Фантомаса, который уходит от погони по канализации, или комиссара Мегрэ, вместе с которым мы шагали сквозь туман, заходили в бистро и проводили ночи на набережной Орфевр.

Нужно признать, что многому из того, что мы знаем о жизни и обществе, о любви и смерти, научил нас

Les enfants du Paradis (*фр.* «Дети райка») — фильм Марселя Карне (1945). В репертуаре Ива Монтана была песня П. Жакоба и М. Эмера «Улица Лепик».

3 Персонажи романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери».

4 Герои книг Бальзака, Мопассана, Флобера, Гюго и Пруста.

воображаемый Париж — ненастоящий и в то же время в высшей степени реальный. Поэтому удар нанесли по нашему дому — дому, в котором мы прожили дольше, чем по официальным адресам. Впрочем, воспоминания вселяют надежду, ведь до сих пор *La Seine roule roule...*[1]

2015

«Сена течет, течет...» (*фр.*) — знаменитая песня, написанная в сороковые годы Ги Лафаргом на слова Флавьен Моно, которую исполняла Жаклин Франсуа.

МЕЖДУ РЕЛИГИЕЙ И ФИЛОСОФИЕЙ

Пророки видят то, что знают

Читая на днях третье пророчество Фатимы в изложении сестры Лусии, я не мог избавиться от ощущения дежавю. Наконец я понял, в чем дело: этот текст 1944 года, написанный уже не прежней безграмотной девочкой, а взрослой монахиней, пронизан явными цитатами из Откровения Иоанна Богослова[1].

Лусия видит ангела с огненным мечом, которому под силу сжечь весь мир. Несущие огонь ангелы появляются и в Откровении Иоанна Богослова, взять хотя бы Второго Ангела с трубой (8:8). У него нет пылающего меча, но позже мы рассмотрим, откуда мог взяться этот образ (не говоря уже о том, что в иконографии существует богатая традиция изображения архангелов с подобным орудием).

Речь идет о тексте «Трех тайн Фатимы», в которых излагаются три пророчества, записанные со слов свидетелей «Фатимских явлений Девы Марии». *«Фатимские явления»* — это серия событий в португальском городе Фатима в 1917 году. По уверениям трех детей, среди которых была Лусия Сантуш (1907–2005), им многократно являлась «дама» (впоследствии ассоциированная с Девой Марией) и передавала откровения и пророчества (касающиеся судеб мира, и прежде всего России). Признаны Католической церковью подлинным чудом.

Затем Лусия видит божественный свет, будто бы отражающийся в зеркале: это отсылка уже не к Откровению, а к Первому посланию к Коринфянам святого апостола Павла (пока мы видим вещи небесные *per speculum*[1] и лишь потом узрим их лицом к лицу).

Появляется одинокий епископ в белых одеждах: в Апокалипсисе многочисленные одетые в белое слуги Господни, обреченные на мученичество, упоминаются несколько раз (6:11, 7:9, 7:14). Но всему свое время.

Далее другие епископы и священники поднимаются на крутую гору, тогда как в Апокалипсисе (6:15) великие мира сего скрылись в пещерах и горных ущельях. Святейший отец входит в город, лежащий «наполовину в руинах», и встречает по дороге души умерших: город вместе с трупами упоминается в Откровении Иоанна Богослова (11:8), части его суждено пасть во время землетрясения (11:13), и далее он же предстанет в образе опустошенного Вавилона (18:19).

Продолжим: стрелами и пулями солдаты убивают епископа и верующих, и если огнестрельное оружие – это нововведение Лусии, то заостренными орудиями была наделена саранча в железной броне (9:9), налетевшая, когда вострубил Пятый Ангел.

Наконец, два ангела собирают кровь в хрустальную лейку (*regador* по-португальски). В Апокалипсисе ангелы нередко имеют дело с кровью: ею полна кадильница (8:5), она течет из точила (14:20) и льется из чаши (16:3).

Почему же именно лейка? Допускаю, что сказалась близость Фатимы к Астурии[2], где в Средние века были

1 Через зеркало (*лат.*).

2 *Астурия*, или Астурийское княжество, – автономное сообщество и провинция на севере Испании.

созданы бесподобные мосарабские[1] миниатюры на тему Апокалипсиса, пользовавшиеся большой популярностью. На них в том числе изображены ангелы, которые держат похожие на кубки сосуды, откуда струйкой льется кровь, и будто бы поливают ею мир. Еще один намек на возможную связь воспоминаний Лусии с иконографической традицией — тот самый ангел с пылающим мечом: ангелы с миниатюр держат не трубы, но алые клинки.

Любопытное наблюдение (к нему можно прийти, только прочитав теологический комментарий кардинала Ратцингера[2] целиком, а не в виде тезисов в газете): пока достопочтенный кардинал напоминает, что видения не являются объектами веры, а аллегорию нельзя приравнивать к пророчеству и воспринимать ее буквально, он открыто обращается к аналогиям с Откровением Иоанна Богослова.

Ратцингер поясняет, что свидетель откровения видит происходящее «в доступной ему форме, зависящей от его представлений и познаний», посему «видение сообразно ему и его возможностям». Если перевести это на более светский язык (впрочем, в названии главки кардинал упоминает «антропологическую структуру» откровения) и не принимать в расчет юнгианские архетипы, выходит, что каждый пророк видит то, чему его научила собственная культура.

2000

Мосарабы — христиане Пиренейского полуострова, жившие на территории, захваченной в VIII веке арабами, и воспринявшие арабский язык и культуру.

[2] *Йозеф Алоиз Ратцингер* (р. 1927) — епископ Римско-католической церкви, 265-й папа римский Бенедикт XVI (с 19 апреля 2005 по 28 февраля 2013 года).

Корни Европы

Летом все СМИ наперебой обсуждали животрепещущий вопрос: включать или не включать в Конституцию Европейского союза фразу о христианских корнях нашего континента? Сторонники этой формулировки исходят из очевидного факта, что Европа сформировалась на основе христианской культуры, причем гораздо раньше, чем пала Римская империя, — как минимум во времена Миланского эдикта[1]. Если восточная культура неотделима от буддизма, то Европа немыслима без влияния церкви, христианнейших королей, схоластики и великих святых, чьи деяния служат примером для подражания.

Противники инициативы упирают на светский характер современной демократии. Приверженцы напоминают, что антиклерикализм — это наследие Французской революции, не так давно прижившееся в Европе, тогда как пресловутые корни уходят в монашество и францисканство. Противников волнует судьба Европы будущего, которой суждено стать мультиэтническим

Миланский эдикт (лат. *Edictum Mediolanense*) — датируемое 313 годом письмо императоров Константина и Лициния, провозглашавшее религиозную терпимость на территории Римской империи.

континентом, и открытое обращение к христианским корням может помешать ассимиляции новых европейцев. Вдобавок оно плохо скажется на чужеродных традициях и вероисповеданиях (коих в будущем наверняка станет несметное множество), и тем придется довольствоваться шатким положением миноритарных культур и культов.

Совершенно очевидно, что этот конфликт не ограничивается религиозными разногласиями и в нем также замешаны политические мотивы, антропологические идеи и стремление распознать лицо европейских народов — только пока неясно, зависят его черты от прошлого или будущего.

Разберемся с прошлым. На одном ли христианстве зиждется Европа? Я сейчас говорю не о заимствованиях, которые обогатили европейскую культуру и обусловили ее развитие на протяжении веков: от индийской математики и арабской медицины до связей с самыми экзотическими странами Востока, которые наладил не Марко Поло, а его предшественники еще во времена Александра Великого. Любое общество впитывает те или иные элементы культуры соседей или других народов, но куда важнее, как оно их усваивает. Европейцы не просто переняли «ноль» у индийцев или арабов: благодаря этому заимствованию они сформулировали гипотезу, что природа подчиняется математическим законам. Мы забываем о греко-римской культуре, вот в чем наша ошибка.

Греко-римская культура дала Европе не только правовую систему и философскую мысль, но и народные верования. Христианство, не поморщившись, поглотило множество языческих ритуалов и мифов, и политеизм проник во все слои общества. Не только Ренессанс привечал Венер и Аполлонов и вновь открывал

для себя античное искусство с его руинами и рукописями. Богословие христианского Средневековья было построено на идеях Аристотеля, интерес к которому возродился благодаря арабским мыслителям. Учение Платона не пользовалось популярностью, зато были распространены идеи неоплатонизма, и они оказали огромное влияние на Отцов Церкви. Без неоплатоников не было бы Августина, величайшего из христианских мыслителей. Само понятие империи, породившее многовековую борьбу между европейскими государствами, борьбу между Государством и Церковью, тоже римского происхождения. Римскую латынь христианская Европа сделала языком священных ритуалов, религиозной мысли, права и университетских диспутов.

С другой стороны, христианская традиция немыслима без иудейского монотеизма. Текст, на котором зиждется европейская культура и который лег в основу первой печатной книги, текст, при переводе которого Лютер практически создал немецкий язык, основополагающий текст протестантского мира — это Библия. Христианская Европа зародилась и окрепла, распевая псалмы, твердя пророчества, размышляя об Иове и Аврааме. Диалог между единобожиями христиан и мусульман был бы невозможен, не скрепи их прочнее клея еврейский монотеизм.

Это еще не все. Греческая культура, по меньшей мере начиная с Пифагора, немыслима без египетской, мастерство тех же египтян и халдеев стало источником вдохновения для самого характерного культурного феномена Европы — Ренессанса. Весь европейский изобразительный ряд, от первых расшифрованных обелисков до Шампольона[1], от имперского стиля до фанта-

Жан Франсуа Шампольон (1790–1832) — французский востоковед, основатель египтологии.

зий в ультрасовременном и ультразападном стиле *New Age*, порожден Нефертити, тайнами пирамид, проклятиями фараонов и золотыми скарабеями.

На мой взгляд, нет ничего зазорного в упоминании на страницах Конституции греко-римских и иудеохристианских корней нашего континента. Когда-то Рим впустил в свой Пантеон всех богов и посадил на императорский трон темнокожих правителей (напомню, что и Блаженный Августин был родом из Африки). Так что следом стоит добавить, что именно благодаря своим корням континент снова открыт всем культурам и этносам и эта открытость является одной из ключевых особенностей его культуры.

2003

Лотос и крест

Я с интересом следил за начатой кардиналом Ратцингером дискуссией о возможности (или невозможности) применения восточных телесных практик в католической традиции созерцания и аскезы. Если оставить за скобками дыхательные упражнения первых исихастов, то даже в молитве любого верующего можно проследить связь между ритмом, положением тела и готовностью разума к созерцанию. Восточные техники медитации, воздействуя через тело, «упраздняют» чувства и волю, и в результате само тело, а с ним все горести и лишения нашей материальной природы перестают иметь какое-либо значение. Сразу вспоминается характерное для классической и языческой атараксии стремление к избавлению от тревог и страданий.

Здесь нельзя не согласиться с кардиналом Ратцингером. В основе христианства лежит представление о Сыне Божьем, который принял человеческое обличье и показал на своем примере, что путь к избавлению от зла лежит через распятие. Христианству чужда идея освобождения от страданий, наоборот, только страдания способствуют духовному совершенствованию.

Поймите меня правильно. Мои размышления никоим образом не связаны с разразившейся недавно полемикой, обязан христианин заботиться о сокращении доли страданий в мире или нет. Достаточно прочесть несколько страниц из Евангелия, чтобы убедиться, что долг христианина — утолять чужую боль. Но и со своей собственной болью ему тоже надо как-то управляться. Христианину положено жертвовать собой во имя избавления ближнего от страданий и всеми силами стремиться к благополучию во всем мире. Следовательно, личные горести тоже надлежит побороть, но так, чтобы никому при этом не навредить, и лекарство для облегчения наших страданий остается неизменным (не будем забывать, что самоубийство и мазохизм — это грех). Но раз уж искоренить страдания невозможно (по причине первородного греха и, как ни крути, несовершенства подлунного мира), из выпавших на его долю мучений христианину надлежит извлекать максимальную выгоду для нравственности и аскезы.

По-хорошему, мы не должны становиться причиной чьих-либо страданий, но одной нашей доброй воли недостаточно, чтобы одолеть все мировое зло, поэтому надо уметь принимать и использовать в своих целях те испытания, что заготовила для нас жизнь. На ум приходит замечательная брошюра Луиджи Парейсона «Философия свободы» (*Melangolo*, 2000)[1], где после нескольких страниц глубоко метафизического содержания (они посвящены мрачным размышлениям, не происходит ли Зло из того же источника, что и Добро, как бы парадоксально это ни звучало) превозносится добровольно принятое и прожитое стра-

[1] Pareyson L. *Filosofia della libertà*. Melangolo, 2000.

дание, понимаемое как доступное нам средство преодоления Зла.

Необязательно исповедовать христианство, чтобы разделять эту точку зрения, она пронизывает всю западную систему воззрений. Самые возвышенные строки далеких от религии поэтов и философов (возьмем хотя бы Леопарди) — проявления этого *ethos*[1], несовместимого со многими восточными доктринами. Я не согласился бы с кардиналом Ратцингером, пожелай он, основываясь на подобных умозаключениях, запретить мирянам или нехристианам практиковать какие бы то ни было виды аскезы. И по той же причине я ни слова не скажу о тех праведных католиках, которые уверяют, что еще никто не забывал о тайне креста, сев в позу лотоса. Это внутренние дела церкви. Но раз уж, как писал Кроче, мы не можем отрицать, что мы христиане, дискуссия затрагивает всех нас.

На днях в передаче «Шоу Маурицио Костанцо»[2] выступал философ и утверждал, что для выхода из кризиса западный мир должен обратиться к мусульманской духовности (он уповал на «меч ислама», если вспомнить не самую удачную метафору Муссолини). Не исключено, что для многих людей решение всех их проблем кроется в тотемизме индейских племен. Однако по своей сути и философским воззрениям мы — часть иудеохристианской культуры. Сдавшийся на милость властей террорист при первой же необходимости охотно примет новое обличье, тогда как философы, переживая обращение, сохраняют обличье, данное им от рождения.

2005

1 Обычай, характер нравов, моральное убеждение (*греч.* ἦθος).

2 *Maurizio Costanzo Show* — ток-шоу, самое продолжительное шоу в истории итальянского телевидения.

Так что же такое «релятивизм»?

В последнее время многие дискуссии (даже если их участники кажутся не чуждыми философии) похожи скорее на потасовку: в них нет ни капли изящества, а понятиями из области тонких материй швыряются, как булыжниками. Винить в этом надо не столько присущую СМИ грубость, сколько самих ораторов, которых заботит только собственный образ в массмедиа. Типичный пример из итальянской действительности — дискуссия, в которой участвуют так называемые теоконсерваторы[1], обвиняющие светскую систему воззрений в «релятивизме», и представители той самой светской системы, упрекающие своих оппонентов в «фундаментализме».

Как объясняет релятивизм философия? Наши представления о мире не исчерпывают его многообразия, поскольку субъективны, пусть в каждом из них и есть доля истины? И прежде были, и до сих пор существуют христианские философы, согласные с таким подходом.

Или же к представлениям о мире вообще не стоит применять критерий истинности, поскольку значение

Теоконсерваторы (теократия + консерватизм) — сторонники консервативных взглядов в политике, обусловленных религиозным мировоззрением.

имеет лишь их соответствие историко-культурным потребностям? С этим тезисом соглашается, например, Ричард Рорти[1] в своей теории «прагматизма».

Или наши знания отображают способ постижения мира? Мы вернулись к старому доброму кантианству. Любое суждение верно лишь в рамках заданной парадигмы? Это уже холизм. Этические ценности соотносятся с конкретными культурами? Так рассуждали еще в XVII веке. Фактов нет, есть только интерпретации? Об этом говорил Ницше. Если Бога нет, то все дозволено? Нигилизм Достоевского. Теория относительности? Не смешите!

Однако очевидно, что релятивист по Канту не является релятивистом в понимании Достоевского (старик Кант верил в Бога и долг); релятивизм Ницше далек от релятивизма культурной антропологии, поскольку первый не верит в факты, а второй не подвергает их сомнению; холизм по Куайну[2] неотделим от здорового эмпиризма, опирающегося на импульсы, которые мы получаем из окружающей среды, и так далее.

Похоже, что понятие «релятивизма» применимо к самым разным, зачастую противоречащим друг другу проявлениям современной мысли. Даже верные сторонники философского реализма называют себя релятивистами, и это слово они произносят с тем же жаром, с которым иезуиты XIX века вещали о «кантовой отраве».

Если все перечисленное — проявления релятивизма, то остаются лишь две философские доктрины, которые и в голову не придет с ним ассоциировать: радикальный неотомизм и ленинская теория познания из «Материализма и эмпириокритицизма». Ну и парочка!

2005

Ричард Рорти (1931–2007) — американский философ.
Уиллард Куайн (1908–2000) — американский философ, логик и математик.

Случай и Разумный замысел

На той неделе Эудженио Скальфари[1] сообщил о возвращении из небытия, казалось бы, давно похороненной темы (или же она волновала только обитателей американского *Bible belt*[2] — области, которая состоит из нескольких наиболее ретроградных штатов, изолированных от окружающего мира и фанатично преданных своему варварскому фундаментализму; всерьез их воспринимает только Буш, не иначе как рассчитывая на потенциальный электорат). Снова разгорелась полемика вокруг дарвинизма, и по ходу дела зашла речь о реформе нашей школьной системы, или, если быть точнее, итальянских католических школ.

Я не случайно добавил слово «католические»: христианский фундаментализм зародился в протестантской среде, и его отличительной чертой является

Эудженио Скальфари (р. 1924) — итальянский журналист, писатель и политик, один из основателей газеты *La Repubblica*.

2 *Библейский пояс* (*англ.*) — регион в США, в котором одним из основных аспектов культуры является евангельский протестантизм. Ядром *Библейского пояса* традиционно выступают южные штаты. Связано это в том числе с тем, что здесь наиболее сильны позиции Южно-баптистской конвенции, одного из крупнейших религиозных объединений США.

буквалистская интерпретация Писания. Однако она возможна лишь тогда, когда верующие имеют право на свободу трактовки, что как раз характерно для протестантизма. Само понятие католического фундаментализма кажется абсурдным, поскольку у католиков толкование Писания немыслимо без участия церкви.

Во времена Отцов Церкви и даже ранее, еще при Филоне Александрийском[1], распространилась более мягкая версия герменевтики, близкая к учению Блаженного Августина с его готовностью признать, что Библия написана на языке метафор и аллегорий, а значит, семь дней творения вполне могут обернуться и семью тысячелетиями. Церковь по большому счету поддерживала эту герменевтическую позицию.

Стоит признать семь дней творения поэтической вольностью, как Книга Бытия оказывается созвучна идеям Дарвина: сначала происходит что-то вроде Большого взрыва и высвобождается Свет, потом планеты обретают свою форму, Землю сотрясают масштабные геологические сдвиги (суша отделяется от моря), появляются растения, плоды и семена, вскипают воды, порождая живых существ (жизнь зарождается в воде), в небо поднимаются птицы, и только после этого приходит время млекопитающих (неясно, на какой генеалогической ступени находятся рептилии, но нельзя требовать слишком многого от Книги Бытия). В самом финале этого процесса наступает кульминационный миг — появляется человек (полагаю, что следом за большими антропоморфными обезьянами). Как мы помним, возник он не из пустоты, а был создан из глины, то есть из уже существую-

Филон Александрийский (ок. 25 до н. э. — ок. 50 н. э.) — представитель еврейского эллинизма, центром которого была Александрия, богослов, апологет иудаизма и религиозный мыслитель.

щей материи. Эволюционизм чистой воды (только при участии Творца).

Какие же доводы всегда приводили католические теологи, открещиваясь от материалистического эволюционизма? Во-первых, весь мир является творением Божьим, а во-вторых, на эволюционной лестнице произошел качественный рывок, когда Бог наделил живой организм бессмертной разумной душой. На этом и основывается борьба материализма со спиритуализмом.

Вопрос о месте дарвиновской «гипотезы» в американской школьной программе (напомню, что судьба Галилея сложилась бы иначе, используй он на инквизиционном процессе слово «гипотеза» вместо «открытия») спровоцировал полемику, у которой есть интересная особенность: чтобы избежать обвинений в противопоставлении религиозного верования научной теории, все говорят не о божественном творении, а в первую очередь о Разумном замысле. Читаем между строк: мы не хотим вас смущать и настаивать на существовании бородатого антропоморфного Яхве, мы лишь стараемся убедить вас, что если эволюционное развитие имело место, то это результат не случайности, а четкого плана и без участия некоего высшего Разума такой план неосуществим (иными словами, теория Разумного замысла вполне может допустить замену трансцендентного Бога на Бога пантеистического).

Любопытное наблюдение: во внимание не принимается тот факт, что Разумный замысел не исключает случайный процесс (как у Дарвина), происходящий за счет проб и ошибок, в результате которого остаются лишь те индивидуумы, что в борьбе за выживание лучше всего сумели приспособиться к окружающей среде. Обратимся к более возвышенной идее «разумного замысла», а именно к творчеству. В своем знаменитом

сонете Микеланджело говорит о художнике, который, стоя перед мраморной глыбой, еще не знает, какой получится скульптура, и начинает пробовать, изучает прочность материала, пытается сбросить «покров» и постепенно высвободить статую из кокона пустой породы, в котором она заключена. Но скрывалась ли внутри скульптура, был это Моисей или один из Рабов[1], художник узнаёт, только когда процесс, состоящий из череды проб, завершится.

Иными словами, Разумный замысел также может выражаться через принятие или отклонение случайностей. Разумеется, надо определиться, что первично: Автор замысла, способный выбирать и отвергать, или же Случай, который, принимая и отвергая, является собой единственную форму Разума (получается, что Случай фактически играет роль Бога). Не самый простой вопрос. И куда более философский, чем полагают фундаменталисты.

2005

Скульптура «Моисей» (1515 год, находится в Риме, в Сан-Пьетро ин Винколи) и цикл скульптур для гробницы папы Юлия II «Рабы» (хранятся в разных музеях) – работы Микеланджело.

Олень и верблюд

В предпраздничные недели разразилась дискуссия о рождественских вертепах. Во-первых, несколько крупных торговых сетей прекратили продавать товары для вертепа, поскольку (по их словам) те больше не пользуются спросом. Благочестивые обыватели возмутились, но вместо того, чтобы предъявлять претензии себе подобным за пренебрежение традициями, они ополчились на коммерсантов (для сведения: одна из попавших в немилость торговых сетей вообще никогда не продавала фигурки для вертепов). Во-вторых, прозвучало предположение, что в потере интереса к рождественским вертепам виновата чрезмерная политкорректность: во многих школах, например, их перестали устанавливать, дабы не оскорбить чувства детей, исповедующих другие религии.

Это тревожный знак, даже если не все учебные заведения придерживаются подобной точки зрения, ведь задача любой школы — уважать и поддерживать традиции, а не упразднять их. Если мы хотим, чтобы дети разных национальностей мирно уживались друг с другом, надо дать им возможность познакомиться с чу-

жими обычаями. Соответственно, на Рождество следует выставлять вертеп, а в праздники, значимые для других религий или этнических групп, обращаться к их символике и ритуалам. Тогда дети откроют для себя многообразие традиций и вероисповеданий, хотя бы опосредованно примут участие в чужих празднествах, и юный христианин узнает, что такое Рамадан, а малыш-мусульманин — историю рождения Иисуса.

Что до продажи статуэток, по-моему, журналисты раздули скандал на пустом месте. В неаполитанской церкви Сан-Грегорио-Армено можно купить самые невероятные фигурки; пару лет назад я заходил в миланский универмаг *Rinascente*, и на этаже с товарами для вертепа было не протолкнуться; еженедельная газета провела опрос среди политиков, и выяснилось, что приверженцы наиболее левых взглядов и ярые антиклерикалы питают особую слабость к вертепам. Закрадывается мысль, что этот символ дорог в первую очередь мирянам, а прилежные прихожане давно предпочли ему елку и заменили младенца Иисуса и волхвов на Санта-Клауса. Во времена моего детства именно волхвы приносили подарки, поэтому дети с такой радостью прославляли Сына Божьего, спускавшегося с небес, чтобы обеспечить их игрушками.

На деле же все куда запутаннее. Елка и Санта-Клаус считаются наследием протестантской традиции, но почему-то все забывают, что Санта-Клаус был католическим святым (святой Николай из Бари, его имя — искаженная версия *Nicholas* или *Nikolaus*). В то же время вечнозеленое дерево является языческим наследием и напоминает о Йоле, дохристианском праздновании зимнего солнцестояния, и церковь нарочно выбрала для Рождества ту же дату, чтобы поглотить и подчинить себе существовавшие ранее традиции и празд-

нества. Напоследок еще одно противоречие: потребительское неоязычество окончательно лишило ель ее сакрального смысла, и она превратилась в сезонное интерьерное украшение, вроде праздничной иллюминации на городских улицах. Сейчас дети и их родители радостно цепляют на елку разноцветные шары, но им далеко до того счастья, которое я испытывал в начале декабря, помогая отцу устанавливать вертеп. До сих пор помню, какой восторг вызывали фонтанчики и миниатюрные водопады, из которых лилась вода, благодаря спрятанному механизму с клизмой.

Вертеп уходит в прошлое, потому что его оформление требует усилий и фантазии (все рождественские елки похожи друг на друга, тогда как вертепы индивидуальны), да и если каждый вечер посвящать обустройству вертепа, рискуешь пропустить все телепередачи, необходимые для сплочения семьи, — это те, где показывают полуголых девиц и клинических идиотов и всегда требуют, чтобы к детям у экранов присоединились их родители.

Если учесть, что мой отец, столь преданный рождественскому вертепу, был социалистом, последователем Сарагата[1], отчасти деистом и в чем-то антиклерикалом, смею предположить, что пренебрежение вертепом — грех и для неверующих тоже, а может, для них в первую очередь. Придумать вертеп мог только такой персонаж, как святой Франциск, чья религиозность проявлялась прежде всего в беседах с волками и птицами: вертеп — самое человечное и наименее трансцендентное изобретение, которое напоминало бы нам о рождении Иисуса. Ничто в этой сакральной дио-

Джузеппе Сарагат (1898–1988) — итальянский политик, создатель и многолетний лидер Итальянской демократической социалистической партии, президент Италии с 1964 по 1971 год.

раме, не считая падающей звезды и двух парящих над хлевом ангелочков, не напоминает о теологии, и чем вертеп населеннее, тем понятнее для малышей повседневная жизнь прошлого, а для кого-то, быть может, та первозданная природа даже обретает особую притягательность.

Если светско-потребительская елочная традиция связана с предрассудками, которые немного отдают нацизмом и уходят корнями в далекое прошлое, то религиозная традиция установки вертепа воспевает мирскую жизнь и естественность: хижины на холмах, овечки, курицы, кузнецы, плотники, женщины с кувшинами, бык, ослик и верблюд (который, кстати, легко пройдет сквозь игольное ушко) ... Зато тому, кто оставляет под елкой слишком дорогие подарки, Царствие Небесное точно не светит.

2006

Рот на замок

Лет пятнадцать назад я предсказывал, что за несколько десятилетий расовый состав Европы станет необычайно пестрым и процесс этот будет болезненным и кровавым. Я не пророк, а всего лишь здравомыслящий человек, который часто обращается к историческому опыту, поскольку уверен, что события прошлого таят подсказку о потенциальном будущем. Достаточно посмотреть, что сейчас занимает людские умы (опустим теракты). Во Франции лицейский преподаватель публикует статью, критикующую ислам, и ему начинают угрожать физической расправой. С репертуара берлинского театра снимают оперу Моцарта «Идоменей», поскольку в постановке фигурируют отрубленные головы не только Иисуса и Будды (ну и пусть), но и пророка Магомета. Что уж говорить о папе, который в его-то возрасте должен понимать, что лекция никому не известного профессора в университете и транслируемая по всем каналам речь понтифика — не одно и то же и стоит быть осмотрительнее (в любом случае оказаться за одним столом с теми, кто попытался раздуть из исторической цитаты новую религиозную войну, мне бы не хотелось).

Хорошую статью о происшествии с французским преподавателем написал Бернар-Анри Леви[1] (см. *Corriere della Sera* от 4 октября): с его позицией можно не соглашаться, однако не вызывает сомнений, что необходимо отстаивать право на свободное выражение своих взглядов на религиозные темы и нельзя поддаваться на шантаж. В том же номере Серджо Романо опубликовал статью об «Идоменее», и я приведу ее в своем вольном пересказе, к которому автор не имеет никакого отношения: если возомнивший себя новатором режиссер ставит оперу Моцарта и выносит на сцену отрубленные головы основоположников нескольких религий (Моцарт до такого точно бы не додумался), ему стоит всыпать по первое число — по эстетическим и филологическим соображениям; хорошей взбучки также заслуживают режиссеры, которые одевают героев «Царя Эдипа» в полосатые двубортные пиджаки. В тот же день на страницах *La Repubblica* знаменитый музыкант Даниэль Баренбойм[2] задал мудрый вопрос: соответствовала ли эта выходка моцартовскому духу? Впрочем, он также сослался и на права художника.

Думаю, что мой друг Даниэль разделил бы всеобщую печаль, вызванную несколько лет назад яростной критикой (или запретом) постановок «Венецианского купца» Шекспира за ярый антисемитизм пьесы, свойственный той эпохе (а также предыдущей, начиная с Чосера), хотя на самом деле Шейлок изображен человечным и даже в чем-то трогательным. Вот с чем мы столкнулись: стало страшно высказывать свои мысли. Не будем забывать, что мусульманские фундаменталисты (до того мнительные, что с ними шутки пло-

1 *Бернар-Анри Леви* (р. 1948) — французский политический журналист, философ, писатель.

2 *Даниэль Баренбойм* (р. 1942) — израильский дирижер и пианист.

хи) — причина далеко не всех табу. До них процветала идеология политкорректности, основанная на уважении ко всем окружающим, однако она привела к тому, что по крайней мере в Америке распространился запрет на анекдоты не только о евреях, мусульманах и инвалидах, но и о шотландцах, генуэзцах, бельгийцах, карабинерах, пожарных, дворниках и эскимосах (это слово тоже табуированное, но если я буду называть их так, как они того хотят, никто вообще не поймет, о ком я говорю).

Лет двадцать назад я преподавал в Нью-Йорке и, желая привести пример анализа текста, совершенно случайно остановил свой выбор на рассказе, где есть строчка, в которой моряк, жуткий сквернослов, описывает влагалище проститутки: «бескрайнее как милость ...», многоточием я заменил имя божества. После лекции ко мне подошел студент, по виду мусульманин, и мягко упрекнул, что я проявил неуважение к его религии. Естественно, в ответ я напомнил, что это была чужая цитата, но тем не менее принес ему свои извинения. На следующий день я употребил не слишком почтительную (хотя и шутливую) аллюзию на одного из знаменитых персонажей христианского пантеона. Все засмеялись, и вчерашний студент тоже присоединился к всеобщему веселью. По окончании лекции я взял его под руку и спросил, почему он проявил неуважение к *моей* религии. А затем попытался объяснить разницу между шутливым намеком, упоминанием всуе имени Божьего и богохульством и призвал его к большей терпимости. Он извинился и, надеюсь, что-то понял. Недоступной его восприятию, скорее всего, осталась удивительная толерантность католического мира: при наличии целой «культуры» богохульства, где верующий испытывает страх перед Богом и при этом на-

деляет высшее существо непристойными эпитетами, кого и чем можно шокировать?

Увы, не все случаи в преподавательской практике разрешаются столь же мирно и цивилизованно, как у меня с моим студентом. В других ситуациях лучше держать рот на замке. Но что станет с культурой, если на встрече, положим, с арабским философом даже студенты будут помалкивать, боясь допустить оплошность? Все кончится *damnatio memoriae*[1] – преданием чуждой культуры забвению через молчание. И это точно не пойдет на пользу взаимному познанию и пониманию.

2006

[1] Проклятие памяти (*лат.*) – особая форма посмертного наказания в Древнем Риме, заключавшаяся в уничтожении любых свидетельств о существовании преступника.

Идолопоклонство и ненавязчивое иконоборчество

Мы живем в эпоху образов, поскольку словесная культура канула в небытие, или же слово празднует триумфальное возвращение, которому поспособствовал интернет? Как тогда быть с телевидением, *DVD*, видеоиграми? Взаимоотношения человечества с изображениями всегда были непростыми, о чем нам напоминает книга Марии Беттетини «Против образов. Корни иконоборчества» (*Laterza*, 2006)[1]. За этим должно было бы последовать краткое изложение бойко написанной книжки толщиной в сто шестьдесят страниц, но не хочу никого обманывать: книга серьезная и рассчитана на тех, кто хоть немного разбирается в философии и богословии. Ее серьезность делает невозможным пересказ содержания, так что ограничусь вольными рассуждениями о присущем человеку умении (животные его лишены) порождать «симулякры».

Согласно Платону, предметы являются несовершенными копиями идеальных моделей, а значит, изображения — это несовершенные копии предметов, жалкие

[1] Bettetini M. *Contro le immagini. Le radici dell'iconoclastia.* Laterza, 2006.

второсортные имитации; для неоплатоников изображения становятся непосредственным воспроизведением идеальных моделей, их термин *agalma*[1] обозначает одновременно и статую, и образ, а вместе с тем великолепие, украшение и красоту.

В иудейском мире двойственность сохраняется: изображать Бога категорически запрещено (возбраняется даже произносить вслух его настоящее имя), хотя он создал человека по своему образу и подобию, к тому же благодаря Библии мы знаем, что в храме Соломона были изображены не только всевозможные растения и животные, но и херувимы. Поскольку тот же запрет на божественные сюжеты существовал и в мусульманском мире, в местах культа ограничивались каллиграфическими и абстрактными изображениями, однако при этом мусульманская культура породила великолепные, невероятно образные миниатюры.

Христианский Бог не только обрел «видимое» тело, но его тело и лицо еще и оставили отпечатки на покровах и окровавленных плащаницах. Христианству (особенно хорошо это объяснил впоследствии Гегель) образы были необходимы, они не только провозглашали небесное величие, но и являли искаженный от страданий лик Христа, а с ним страшную жестокость его гонителей.

Чем дальше, тем запутаннее: с одной стороны, неоплатоники, как и псевдо Дионисий Ареопагит, полагают, что помыслить небесные сущности можно только через отрицания (что уж говорить о допустимости изображения!), если же никак нельзя обойтись без отсылки к Богу, лучше прибегнуть к максимально удаленным образам, например медведю или пантере; с другой сто-

1 *Греч.* ἄγαλμα.

роны, те, кто был знаком с трудами Псевдо-Дионисия, позднее развили мысль, что всё на земле — лишь образ небесных сущностей, любое земное создание — своеобразная «зарисовка» явления, которое иначе ускользнуло бы от нас, следовательно, зарисовки таких зарисовок дозволялись и поощрялись.

Однако простолюдины зачастую очаровывались образом и отождествляли его с объектом изображения, в результате чего происходил переход от культа символа к идолопоклонству (вспомним золотого тельца). Отсюда иконоборчество и знаменитая византийская кампания против священных изображений.

Римская церковь, в свою очередь, не отказывалась от визуальных образов, ибо, как не раз повторялось в дальнейшем, *pictura est laicorum literatura*[1], и безграмотные простолюдины могут чему-либо научиться, только рассматривая картинки. Тем не менее вопрос о том, какой властью обладает сонм населяющих аббатства и соборы фигур, не давал покоя, и во времена Карла Великого зародилась дипломатичная теория, которая не воспрещала образы, но трактовала их исключительно как стимулы для памяти; в результате, глядя на изображение женщины, было бы сложно понять, кто это — почитаемая Дева Мария или порицаемая языческая Венера, — не будь рядом *titulus*[2]. Кажется, что Каролинги читали Барта[3], были знакомы с его идеей вербальной привязки образов (хотя речь шла не о восхвалении Господа, а о продаже новых коммерческих идолов) и предвосхитили теорию вербально-визуальной культуры, той самой, что сегодня заменила храм телевиде-

1 Живопись — это литература для мирян (*лат.*).

2 Надпись (*лат.*).

3 *Ролан Барт* (1915–1980) — французский философ и литературовед, представитель структурализма и постструктурализма, семиотик.

нием (образ плюс слово), поэтому папу теперь чествуют, уставившись в экран, и поклоняются ему, словно идолу, не переступая порог церкви.

Книга Марии Беттетини (бойко написанная, но пугающая) завершается следующими размышлениями: всегда есть опасность, что красота образа, пусть даже сакрального, заставит забыть о Боге (еще Бернард Клервоский[1] тревожился на этот счет); также не прекращаются наивные жалобы на «исчезновение ауры» в новых изображениях; что до современного искусства, оно сначала разрушает или уродует традиционные образы (Пикассо, абстракционизм), потом обыгрывает через тиражирование (Уорхол), после чего заменяет их другими, отметает, перерабатывает, воссоздает в непрерывном процессе «ненавязчивого иконоборчества».

Выходит, что мы оказались в куда более трудном положении, чем обеспокоенный Платон, и дискуссию стоит начать с самого начала.

2007

Бернард Клервоский (1091–1153) – французский средневековый богослов, мистик, общественный деятель, цистерцианский монах, аббат монастыря Клерво.

Скальфари и факты (его и мои)

На прошлой неделе Эудженио Скальфари посвятил колонку моему недавно вышедшему сборнику исторических эссе (благодарю его за проявленный интерес) и после многочисленных обвинений в некомпетентности поднял в своем отзыве философскую тему, способную повергнуть в трепет кого угодно. Боюсь представить, что бы меня ожидало, окажись я компетентным.

Он отмечает, что в последней статье сборника я полемизирую с распространенной идеей Ницше, согласно которой фактов нет, есть только интерпретации. Далее Скальфари развивает эту мысль: факты ничего не выражают и лишь дают импульс для интерпретации, или, если совсем упростить, все, что нам известно, определяется нашим восприятием и интерпретационной перспективой. Он вменяет мне в вину, что я не объясняю, «каким образом факты способны повлиять на интерпретацию».

Я мог бы возразить, что уже попытался осветить эту тему в своих предыдущих книгах «Пределы интерпретации» и «Кант и утконос» и одной несчастной «картонки» для такой задачи точно недостаточно. Но ее

хватит, чтобы выявить потенциальные противоречия, которые способны порождать ложные толкования. Полагаю, даже Скальфари не станет отрицать, что в небе действительно что-то есть, раз мы видим звезды, однако наши знания об этом явлении зависят от того, как мы его интерпретируем (древние видели небесные фигуры, астрономы из Паломарской обсерватории[1] — что-то другое, но даже они будут готовы пересмотреть свою интерпретацию, когда появятся еще более точные приборы и откроют им то, что прежде было недоступно).

Итак, мы можем сделать три очень разных вывода: (i) фактов нет, есть только интерпретации; (ii) все факты мы познаем через свою интерпретацию; (iii) доказательством существования фактов служит тот факт, что некоторые интерпретации оказываются нежизнеспособными, и непременно должна быть некая причина, чтобы мы от них отказались. Блуждание в этих трех выводах вынуждает Ратцингера и многих других воспринимать современную мысль как проявление радикального релятивизма. Однако радикальный релятивизм проявляется исключительно при согласии с выводом (i), к которому, как ни крути, неумолимо склонялся Ницше. Согласие с выводом (ii) провозглашает очевидное. Если глубокой ночью я вижу в поле огонек, мне надо предпринять ряд интерпретационных усилий, чтобы определить, светлячок это, освещенное окно где-то вдалеке, курильщик с зажженной сигаретой, блуждающий огонь или еще что-нибудь. Допустим, я решаю, что это светлячок на расстоянии десяти метров, и хочу его поймать, но когда погоня приводит

Паломарская обсерватория — частная обсерватория в округе Сан-Диего, Калифорния, в 145 километрах к юго-востоку от Маунт-Вилсоновской обсерватории, на горе Паломар.

меня на середину поля, а огонек все так же маячит вдалеке, остается только признать мою интерпретацию ошибочной и отказаться от нее (надо смотреть по ситуации, но я бы, скорее, выбрал версию с лампой в окне). В любом случае я сталкиваюсь с неким явлением, которое независимо от моей интерпретации доказывает ее несостоятельность. То, что бросает ей вызов, я называю «фактом». Факты — это то, что сопротивляется моим интерпретациям.

Моя теория применима не только к природе, но и к текстам. Я уже однажды упоминал увлекательнейший спор, разразившийся среди поклонников «Поминок по Финнегану» (эта книга Джойса прямо-таки напрашивается на интерпретации): вслед за аллюзией на Советский Союз один из читателей обнаружил игру слов — *berial* вместо *burial* (погребение, похороны) — и заключил, что это прямая отсылка к Лаврентию Берии, расстрелянному сталинскому министру. Другие читатели тотчас возразили, что Берия стал широко известен уже после написания Джойсом романа, поэтому никакой связи здесь быть не может. Другие же читатели (на грани безумия) парировали, что нельзя исключать наличие у Джойса пророческого дара. Тут в полемику вступил еще один читатель и привлек внимание к предыдущим страницам, где разворачивалась религиозная аллегория, отсылающая к Иосифу, которого дважды хоронили и в связи с которым в Библии дважды упоминается имя Берия: так звали внука Иосифа и сына его брата Ефрема. Существование такого мощного контекста является для меня фактом, и этот факт придает достоверность библейской гипотезе (которая не лишена логики), а не советской (она ничего не объясняет). Порой факты (контекстуальные) опровергают интерпретации.

Факты можно охарактеризовать через их способность сообщать при неверной интерпретации, что выбранный путь – тупиковый. Уверен, подобное определение фактов многим не понравится, но его придерживаются как философы, так и ученые. Если надо отправиться на Луну, от интерпретации Галилея будет больше толку, нежели от теорий Птолемея.

2007

Кокаин для народа

В о время недавней дискуссии, посвященной семиотике сакрального, разговор зашел о понятии, встречающемся у Макиавелли, Руссо и других мыслителей, а именно о древнеримской «гражданской религии», которая представляет собой сплачивающую общество совокупность верований и обязанностей. Кто-то обратил внимание, что подобная концепция, при всей ее добродетельности, подводит нас к идее восприятия религии как *instrumentum regni*[1] — любимому приему власть имущих (и атеизм тут не помеха) для удерживания подданных в узде.

Это понятие встречается у авторов, близко знакомых с гражданской религией, например у Полибия («Всеобщая история», книга VI), который писал о принятых в Древнем Риме обрядах: «...будь возможность образовать государство из мудрецов, конечно, не было бы нужды в подобном образе действий; но так как всякая толпа легкомысленна и преисполнена нечестивых вожделений, неразумных стремлений, духа насилия, то только и остается обуздывать ее таин-

[1] Орудие царской власти (*лат.*).

ственными ужасами и грозными зрелищами. Поэтому, мне кажется, древние намеренно и с расчетом внушали толпе такого рода понятия о богах, о преисподней, напротив, нынешнее поколение, отвергая эти понятия, действует слепо и безрассудно... Напротив, у римлян обязательство достаточно обеспечивается верностью клятве, хотя бы должностные лица или послы имели в своем распоряжении большие суммы. Потом, если у прочих народов редки честные люди, для которых общественное достояние неприкосновенно, то у римлян, наоборот, редки случаи изобличения в хищении»[1].

Даже если римляне и вели себя столь добродетельно в республиканский период, потом им это наскучило. Неудивительно, что несколько веков спустя Спиноза пересмотрел понятие *instrumentum regni* и присущий ему яркий, подкупающий церемониал: «Но ведь если высшая тайна монархического правления и величайший его интерес заключаются в том, чтобы держать людей в обмане, а страх, которым они должны быть сдерживаемы, прикрывать громким именем религии, дабы люди сражались за свое порабощение, как за свое благополучие... в свободной республике, напротив, ничего [такого] не может быть мыслимо и попытки [такого рода] могут меньше всего иметь успех...» (*Богословско-политический трактат*)[2].

А отсюда уже рукой подать до хрестоматийного утверждения Маркса о том, что религия — это опиум для народа.

Правда ли, что все религии обладают подобной *virtus dormitiva*?[3] Прямо противоположной точки зре-

1 Пер. Ф. Г. Мищенко.

2 Пер. А. Рубина, Н. Иванцова.

3 Усыпляющая сила (*лат.*).

ния придерживается, к примеру, Жозе Сарамаго[1], который не раз обрушивался с критикой на религию за ее умение сеять раздор: «Ни одна, без исключения, вера никогда не сблизит и не примирит людей; наоборот, религии всегда были и остаются причиной неописуемых страданий, кровопролитий, чудовищного физического и духовного насилия, которые составляют самые мрачные страницы истории многострадального человечества» (*La Repubblica*, 20 сентября 2001 года).

Сарамаго пришел еще к одному выводу: «Будь мы все атеистами, общество стало бы куда миролюбивее». Не уверен, что он прав, но на его высказывание косвенно ответил папа Ратцингер в своей недавней энциклике *Spe Salvi*[2]: хотя атеизм XIX–XX веков и провозглашает борьбу с несправедливостью мира и всемирной истории, в результате «он привел к проявлениям небывалой жестокости и попранию правосудия».

Не удивлюсь, если Ратцингер подразумевал безбожников Ленина и Сталина, но он забыл о нацистских флагах с лозунгом *Gott mit uns* («Бог с нами»), о многочисленных военных капелланах, благословлявших фашистские вымпелы, о Франсиско Франко[3] — убийце, который руководствовался самыми что ни на есть религиозными мотивами и пользовался поддержкой группировки «Партизаны Короля Христа» (в части преступлений виноват неприятель, но началось все именно с Франко), об истово верующих вандейцах, поднявших мятеж против республиканцев и даже придумавших «Богиню Разума» (*instrumentum regni*), о като-

Жозе де Соза Сарамаго (1922–2010) — португальский писатель и поэт, драматург и переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе (1998).

2 Спасенные надеждой (*лат.*).

3 *Франсиско Франко* (1892–1975) — испанский военный и государственный деятель, каудильо Испании в 1939–1975 годах.

ликах и протестантах, год за годом вдохновенно резавших друг друга, о крестоносцах и их врагах, подчинявшихся зову веры, о скармливании христиан львам для защиты римского вероисповедания, о сжигании на костре во имя религии, о чрезвычайно набожных мусульманских фундаменталистах, уничтоживших башни-близнецы, об Усаме и талибанах, сбрасывавших бомбы на статуи Будды, о религиозном противостоянии Индии и Пакистана, а также о призыве *God bless America* («Боже, благослови Америку»), с которым Буш вторгся в Ирак.

Так вот, после долгих размышлений я решил, что религия (если она когда-то была или бывает для народа опиумом) чаще похожа на кокаин.

2007

Американские боги

Одно из главных развлечений путешествующего по Штатам европейца — воскресным утром включить телевизор и найти религиозную передачу. Кто никогда не видел эти сборища бьющихся в экстазе верующих, изрыгающих анафемы священников, похожих на Вупи Голдберг[1] женщин, которые ритмично пританцовывают и распевают *Oh Jesus*, теперь имеет о них представление благодаря фильму «Борат»[2], хотя можно было подумать, что это плод воображения, сродни сатирическому изображению Казахстана. Ничего подобного. Саша Барон Коэн работал по принципу *candid camera*, скрытой камеры, и снял то, что действительно происходило на его глазах. В общем, на фоне священнодействий американских фундаменталистов чудесное разжижение крови Святого Януария выглядит

Вупи Голдберг (р. 1955) — американская актриса театра и кино, продюсер, сценарист, телеведущая, посол доброй воли ЮНИСЕФ.

«*Борат: изучение американской культуры на благо славного народа Казахстана*» — кинофильм режиссера Ларри Чарльза (2006). Псевдодокументальный фильм-комедия, главной фигурой которого является Борат Сагдиев — казахстанский журналист, путешествующий по США и встречающийся с разными людьми.

как ученое собрание специалистов по эпохе Просвещения.

В конце шестидесятых годов я оказался в Оклахоме, в Университете Орала Робертса (Орал Робертс[1] – один из тех самых телепроповедников-харизматиков), на территории которого возвышалась башня с вращающейся платформой. В зависимости от суммы пожертвования башня транслировала в небо молитвы благотворителей. Соискатели на должность преподавателя должны были заполнить анкету, где в том числе фигурировал вопрос: *Do you speak in tongues?* – «Говорите ли вы языками?», как апостолы. Поговаривают, что юный профессор, очень рассчитывающий на это место, ответил *not yet* – «пока нет», и его тотчас взяли на испытательный срок.

Фундаменталистские церкви не признавали теорию Дарвина и аборты, требовали обязать школьников молиться, по мере необходимости выступали то против евреев, то против католиков, поддерживали сегрегацию во многих Штатах, однако еще несколько десятилетий назад они считались маргинальным явлением, характерным для американской глубинки и ограниченным *Bible belt*. Правительство создавало имидж страны, где политика, религия, университеты, художники, писатели и Голливуд существовали независимо друг от друга.

В 1980 году вышла посвященная фундаменталистским движениям книга Фурио Коломбо «Американский Бог»[2], однако ее восприняли скорее как песси-

Орал Робертс (1918–2009) – телеевангелист, харизматический проповедник, один из пионеров «телевизионного евангелизма».

На самом деле книга вышла в 1983 году. См.: Colombo F. *Il Dio d'America. Religione, ribellione e nuova destra*. Mondadori, 1983. Второе издание: Colombo F. *Il Dio d'America. Religione e politica in USA*. Mondadori, 1987.

мистичное пророчество, а не описание реального явления, с пугающей скоростью набирающего силу. Недавно Коломбо переиздал книгу (несколько недель назад она была приложена к газете *Unità*) с новым предисловием, и теперь никому в голову не придет назвать ее пророчеством. По мнению Коломбо, религия проникла в американскую политику в 1979 го́ду, во время предвыборной борьбы Картера против Рейгана. Картер был убежденным либералом и при этом ярым христианином, из тех, кого называют новообращенными, *born again*. Рейган — консерватор, бывший актер, жизнерадостный, светский человек, его набожность проявлялась только в посещении воскресной службы. Когда фундаменталистские секты объединились и поддержали кандидатуру Рейгана, он стал отчетливее обозначать свою религиозную позицию — например, назначил судьями в Верховный суд противников абортов.

Но и фундаменталисты в долгу не остались и поддержали все инициативы правых и оружейное лобби, выступили против системы медицинской помощи, при содействии самых фанатичных проповедников занялись пропагандой милитаристской политики, оправдывая даже перспективу атомного Холокоста ради свержения царства зла. Вот еще одно доказательство: судя по соцопросам, недавнее решение Маккейна назначить вице-президентом женщину, известную своим догматизмом, было принято на ура, по крайней мере поначалу.

Однако если раньше фундаменталисты противостояли католикам, теперь, замечает Коломбо, католики, причем не только американские, сближаются с позицией фундаменталистов (возьмем прелюбопытное возвращение к отрицанию учения Дарвина, хотя

церковь уже давно «заключила перемирие» с теорией эволюции, назовем это так). Действительно, раз уж итальянская церковь сплотилась и поддержала не набожного католика Проди[1], а разведенного и наслаждающегося жизнью мирянина, начинаешь думать, что в Италии верующие все чаще отдают свои голоса тем политикам, которые безразличны к религиозным ценностям, но при этом готовы потакать самым жестким требованиям поддерживающей их церкви.

Стоит поразмыслить над словами харизматика Пэта Робертсона[2], произнесенными в 1986 году: «Представьте себе систему школьного образования, где гуманитарные предметы под запретом, и общество, жизнь которого полностью контролирует фундаменталистская церковь».

2008

Романо Проди (р. 1939) – итальянский левоцентристский политик, премьер-министр (1996–1998, 2006–2008). Между двумя премьерствами был президентом Еврокомиссии (1999–2004).

2 *Пэт Робертсон* (р. 1930) – американский религиозный и политический деятель ультраконсервативных взглядов, известный телевизионный проповедник.

Новогодние реликвии

В *Corriere della Sera* от 3 января опубликованы размышления Армандо Торно[1] о святынях и светских реликвиях, от головы Декарта до мозга Горького. Вопреки распространенному мнению, хранение реликвий не сугубо христианский обычай, на самом деле он присущ всем религиям и культурам. Культ святынь обладает своеобразной мифологическо-материалистической притягательностью, которая сулит крупицу дарования великого человека или святого в обмен на прикосновение к их телу, к тому же не стоит сбрасывать со счетов любовь к древностям (из-за нее коллекционеры готовы спускать состояния не только на первые издания популярных книг, но и на экземпляры, принадлежавшие знаменитым людям). Среди личных вещей, которые продаются за бешеные деньги на американских аукционах, все чаще можно одновременно встретить, например, перчатки Жаклин Кеннеди (настоящие) и перчатки Риты Хейворт (реквизит) из фильма «Гильда»[2]. Не послед-

Армандо Торно (р. 1953) – итальянский журналист.

«Гильда» – фильм-нуар, снятый в жанре любовной мелодрамы в США в 1946 году режиссером Чарльзом Видором. Один из нашумевших кино-

нюю роль играет и вопрос прибыльности, ведь в Средние века знаменитая реликвия была еще и бесценным туристическим ресурсом, поскольку привлекала паломников со всего света, ее можно сравнить с дискотекой в Римини, как магнит притягивающей немецких и русских туристок. С другой стороны, я видел толпы туристов в Нэшвилле, столице штата Теннеси, куда те стекались, чтобы полюбоваться «кадиллаком» Элвиса Пресли. А ведь он даже не единственный, певец их менял каждые полгода.

Не иначе как под влиянием рождественского духа, которому была посвящена моя предыдущая «картонка», на Крещение я залез в интернет, но (в отличие от всех) не ради просмотра порнофильмов: повинуясь неожиданному порыву, я стал разыскивать легендарные реликвии.

Например, голова Иоанна Крестителя: сейчас основным местом хранения считается римская церковь Сан-Сильвестро ин Капите, однако более ранняя традиция помещала ее в Амьенский собор. Как бы то ни было, нижняя челюсть находится не в Риме, а в Витербо, в соборе Сан-Лоренцо. Блюдо, на котором лежала голова Крестителя, вместе с прахом хранится в Генуе, в сокровищнице собора Сан-Лоренцо, тогда как часть праха осталась в древней церкви бенедиктинского монастыря в Лоано, палец — в Музее собора во Флоренции, рука — в Сиенском соборе, нижняя челюсть — в Витербо. В кафедральном соборе Рагузы хранится зуб, а еще один зуб и прядь волос — в Монце. Остальные тридцать зубов пропали без вести. Согласно старинной легенде, в каком-то храме должна храниться голова двенадцатилетнего Иоанна Крестителя,

фильмов «золотой эпохи» Голливуда, где *Рита Хейворт*, знаменитая кинозвезда 1940-х годов, исполнила свою коронную роль.

но я сомневаюсь, что есть официальное подтверждение этим слухам.

Крест Господень был обнаружен в Иерусалиме святой Еленой, матерью Константина. В VII веке его захватили персы, потом он перешел к византийскому императору Ираклию, после чего оказался у крестоносцев, и те вместе с Крестом отправились на поле битвы с Саладином. Увы, Саладин одержал победу, и след Креста был навеки утерян. Однако уже тогда некоторые его фрагменты существовали сами по себе. Например, один из гвоздей уцелел и теперь хранится в римской базилике Санта-Кроче ин Джерусалемме. Терновый венец, долгое время находившийся в Константинополе, был разделен на части, чтобы разным церквям и храмам досталось хотя бы по шипу. Копье Лонгина, принадлежавшее Карлу Великому и его наследникам, теперь хранится в Вене. Священный препуций[1] был выставлен в Калькате, в провинции Витербо, но в 1970 году приходской священник сообщил о краже реликвии. Однако на владении препуцием настаивают и другие города: Рим, Сантьяго-де-Компостела, Шартр, Безансон, Мец, Хильдесхайм, Шарру, Конк, Лангр, Антверпен, Фекан, Ле-Пюи-ан-Веле (Овернь). Кровь Христову, вытекшую из раны под ребрами, собрал Лонгин, после чего часть ее оказалась в Мантуе, часть — в Брюгге, в базилике Святой Крови. Ясли Христовы хранятся в римской церкви Санта-Мария Маджоре, плащаница, как известно, в Турине, пелены младенца Иисуса — в немецком Ахене. Полотенце, которым Иисус вытирал ноги апостолов после омовения, — в базилике Сан-Джованни ин Латерано и Ахене, но не исключено, что у Христа было два полотен-

Препуций (лат. *praeputium*) — крайняя плоть мужского полового члена. Речь идет о препуции Иисуса Христа.

ца или что омовение совершалось дважды. Во многих церквях хранятся волосы и молоко Богородицы, обручальное кольцо Девы Марии находится в Перудже, а кольцо, подаренное Иосифом на помолвку, — в парижском Нотр-Дам.

До XII века мощи трех волхвов покоились в Милане, пока Фридрих Барбаросса не захватил их в качестве военного трофея и не перевез в Кёльн. Не буду скрывать, что уже рассказывал об этом в романе «Баудолино», но не подумайте, что я хочу кого-то в чем-либо убедить.

2009

Распятие как светский символ

Не помню, с чего все началось, но лет шесть назад разразилась бурная дискуссия о распятиях в школах. С тех пор в этой сфере ничего особо не изменилось, не считая обозначившегося противостояния итальянского правительства и церкви с одной стороны и Европейского союза с другой.

Во французских государственных школах религиозная символика находится под запретом, однако множество течений современного католицизма расцвело именно под сенью республиканской Франции, и причастны к этому были как правые, так и левые — от Шарля Пеги и Леона Блуа до Жака Маритена и Эммануэля Мунье[1], заканчивая священниками-рабочими. Если Португалия известна Фатимой, то Франция — Лурдом[2].

Шарль Пеги (1873–1914) — французский поэт, драматург, публицист, эссеист; *Леон Блуа* (1846–1917) — французский писатель, мыслитель-мистик; *Жак Маритен* (1882–1973) — французский философ, теолог, один из основателей и виднейших представителей неотомизма; *Эммануэль Мунье* (1905–1950) — французский философ-персоналист.

2 Имеется в виду *санктуарий в Лурде* — комплекс зданий и сооружений религиозного назначения в городе Лурд (Франция), воздвигнутый вокруг грота Масабьель, где, по мнению Католической церкви, в 1858 году четырнадцатилетней местной жительнице Бернадетте Субиру явилась Дева Мария.

Очевидно, что избавление от религиозной символики в школах никак не скажется на стойкости религиозных чувств. В наших университетах не висят распятия, тем не менее студенты активно вступают в ряды движения «Общение и освобождение»[1]. И наоборот: как минимум два поколения итальянцев проучились в классах, где распятие висело между портретами короля и дуче, и из тридцати учеников часть стала атеистами, часть – антифашистами, а остальные (подозреваю, что большинство) голосовали за республику.

Хотя в корне неверно упоминать одно лишь христианство в Конституции Европейского союза, ведь на Европу также повлияли языческая греческая культура и иудейская традиция (кстати, а Библия – это что?), в то же время нельзя отрицать, что в истории каждой европейской народности есть отголоски христианских верований и символики. Поэтому на флагах многих итальянских городов, даже тех, где у власти подолгу находились коммунисты, изображены кресты, равно как и на фамильных гербах и многих государственных флагах (среди них английский, шведский, норвежский, датский, швейцарский, исландский, мальтийский и многие другие), и в результате этот символ полностью утратил религиозную окраску. Особо чувствительный христианин должен закипать от негодования при виде золотого креста, который украшает волосатую грудь ловеласа из Романьи, специализирующегося на немецких туристках, или же глубокое декольте женщины легкого поведения (вспомним кардинала Ламбертини и как он, глядя на крест, покоящийся на пышной груди прекрасной дамы, отпускал сальные

«Общение и освобождение» (итал. *Comunione e Liberazione*) – католическое движение внутри Католической церкви, основанное в 1950-х годах итальянским священником и теологом Луиджи Джуссани (1922–2005).

замечания о тяжести крестных мук). Цепочки с крестиком носят и девушки, щеголяющие в коротких маечках и мини-юбках. Будь я папой, попросил бы проявить уважение и убрать из школьных классов этот поруганный символ.

Если распятие повсеместно, разве что кроме церкви, стало светским или нейтральным символом, кто больший лицемер: жаждущая сохранить его церковь или призывающий его убрать Евросоюз?

Похожая история с мусульманским полумесяцем. Он украшает флаги Алжира, Ливии, Мавритании, Малайзии, Мальдивской Республики, Пакистана, Сингапура, Туниса и Турции, однако всерьез обсуждается вступление Турции в Евросоюз вместе с изображенным на ее флаге религиозным символом. Если же католического епископа пригласят выступить на мусульманской территории, ему придется смириться с украшающими зал цитатами из Корана.

Что можно сказать нехристианам, густо населяющим нынешнюю Европу? Что есть в этом мире обычаи и порядки, пустившие корни куда глубже, чем любая вера или противостояние вере, и эти обычаи и порядки надо уважать. Поэтому, оказываясь в мечети, я снимаю обувь, иначе я бы вообще не стал туда заходить. Поэтому же при посещении христианского храма атеистка воздерживается от чересчур откровенных нарядов или ограничивается музейной экспозицией. Крест — явление культурной антропологии, и его очертания неотделимы от общественного сознания. Иммигрантам следует досконально изучить общественное сознание новой для них страны. Я знаю, что в мусульманских странах запрещено употреблять алкоголь (для этого есть специально отведенные места, например отели для европейцев), и никогда не стану прово-

цировать местных жителей, потягивая виски у входа в мечеть.

Основа для европейской интеграции, при учете все возрастающего числа приезжих, — это взаимная толерантность. По-моему, распятие не должно смущать юного мусульманина, если к его вере относятся с уважением или если час, отведенный на религию, становится уроком истории религий, где рассказывают в том числе и о его вере.

Само собой, пожелай мы действительно решить эту проблему раз и навсегда, можно было бы повесить в школах самый простой, незатейливый крест, наподобие тех, что можно увидеть в кабинете у архиепископа, и он не ассоциировался бы ни с какой конкретной религией. Но держу пари, что такое рациональное решение воспримут как капитуляцию. Так что спорим дальше.

2009

Кто же такие волхвы?

По чистой случайности на днях я стал свидетелем двух сцен: девочка лет пятнадцати увлеченно листала альбом с репродукциями, а еще двое подростков примерно того же возраста бродили (в восторге) по Лувру. Все трое родились в нерелигиозных семьях и воспитывались в абсолютно светских государствах. В итоге, глядя на «Плот «Медузы», они понимали, что группка бедолаг едва избежала кораблекрушения, а герои находящейся в Пинакотеке Брера картины Франческо Айеца любят друг друга, но им было неясно, почему у Фра Анджелико девушка беседует с крылатым андрогином и зачем всклокоченный старик, чью голову, будто рога, венчают лучи света, вприпрыжку спускается с горы, держа в руках две тяжеленные каменные плиты[1].

Конечно, ребята не впервые видели сцену рождения Христа и распятие и располагали о них обрывочными сведениями, но при виде трех персонажей в мантиях

Автор подразумевает следующие картины: «Плот «Медузы» Т. Жерико (1819. Париж. Лувр), «Поцелуй» Ф. Айеца (1859. Милан. Пинакотека Брера), «Благовещение» Фра Беато Анджелико (1442–1443. Флоренция. Монастырь Сан-Марко), «Пророк Моисей сходит с горы Синай» Г. Доре (1864–1866).

и царских венцах они терялись и не представляли, кто это и откуда.

Не зная сюжетов Ветхого и Нового Завета и житий святых, невозможно понять добрых три четверти произведений западного искусства. Кто эта девушка, держащая глаза на блюде? Персонаж из «Ночи живых мертвецов»?[1] Всадник, рассекающий пополам свою одежду[2], иллюстрирует кампанию против Армани?

Выходит, что в школе девочкам и мальчикам подробно рассказывают о смерти Гектора, а о святом Себастьяне — ни слова, уделяют время свадьбе Кадма и Гармонии и не придают значения Браку в Кане Галилейской. Есть страны, где чтение Библии обязательно, и дети все знают о золотом тельце, но зато о волке Франциска Ассизского они даже не слышали. Еще кого-то пичкают без конца Крестным путем и при этом обходят молчанием *mulier amicta solis*[3] из Откровения Иоанна Богослова.

Однако нет ничего страшнее встречи западного человека (не обязательно пятнадцатилетнего) с другими культурами, а они теперь происходят сплошь и рядом: европейцы путешествуют по экзотическим странам, тогда как их обитатели переселяются к нам. Я сейчас говорю не о замешательстве, в которое представителя западной культуры повергает африканская маска, и не о его гоготе при виде целлюлита, украшающего статую Будды (на вопрос, кто такой Будда, они с уве-

1 Речь идет о святой Лючии, или Луции Сиракузской, — раннехристианской святой и мученице, покровительнице слепых.

2 Скорее всего, автор имеет в виду святого Мартина, который разрезал свой плащ на две части и отдал половину нищему. Этот сюжет использовали многие живописцы — Эль Греко, Мигель Хименес и другие.

3 Жена, облеченная в солнце (*лат.*). Символический персонаж (*греч.* γυνὴ περιβεβλημένη τὸν ἥλιον) Откровения Иоанна Богослова (Отк. 12:1–17). Образ Жены имеет различные богословские толкования, среди которых доминирует понимание его как христианской церкви в период гонений.

ренностью ответят, что это бог азиатов, как Мухаммед — бог мусульман). Многие из наших соседей по дому предположили бы, что изображения на фасадах индуистских храмов — дело рук коммунистов, воссоздавших сцены из жизни на *Villa Certosa*[1], и сокрушенно покачали бы головой, видя, как серьезно индусы относятся к сидящему по-турецки божку с головой слона; при этом им самим ничуть не кажется странным, что Святой Дух предстает в виде голубя.

Стало быть, и с религиозной точки зрения, и с самой светской необходимо, чтобы в школах детям хотя бы в общих чертах рассказывали о воззрениях и традициях разных религий. Отрицать это — все равно что назвать Юпитера и Минерву выдумкой пирейских старушек и предложить исключить их из учебной программы.

Нынешнее желание решить вопрос религиозного воспитания, обучая основам всего одной веры (в качестве примера возьмем Италию и католичество), таит в себе угрозу культуре. С одной стороны, нельзя запретить неверующим ученикам и детям атеистов посещать такие уроки, ведь это повлекло бы за собой лишение их хотя бы минимального набора культурных азов, с другой — из школьного образования может пропасть всякое упоминание об иных религиозных традициях. Урок католической веры мог бы стать в том числе площадкой для крайне уважительной беседы об этике, долге по отношению к себе подобным, сущности веры, а подробности об отличии Форнарины от раскаявшейся Магдалины можно и опустить.

Не буду отрицать, что мы с моими сверстниками знали всё о Гомере и ровным счетом ничего о Пяти-

[1] Вилла Сильвио Берлускони на острове Сардиния, которую посещали многочисленные именитые гости.

книжии, историю искусств нам в лицее преподавали из рук вон плохо и вместо Шекспира рассказывали о поэте Буркьелло[1], однако мы как-то справились – скорее всего, благодаря тогдашнему воздуху, в котором витали новые идеи и призывы к действию. Впрочем, пример тех пятнадцатилетних подростков, которые не знают волхвов, наводит на мысль, что полезной информации в воздухе витает все меньше, там сплошь ненужные сведения.

Да возложат три царя свои благословенные руки на наши головы.

2009

Доменико Буркьелло (1404–1449) – итальянский поэт.

Страсти по Гипатии

Фильм Алехандро Аменабара «Агора»[1] сопровождался такой рекламной шумихой и бурной полемикой, что, кажется, все уже узнали о существовании Гипатии. Если вдруг кто-то упустил подробности ее биографии, я напомню: на заре V века н. э. в империи, где к тому времени у власти уже находился император-христианин, в городе Александрия, на фоне противостояния последних представителей языческой аристократии новой религиозной власти под предводительством епископа Кирилла и обширной еврейской общины, живет и преподает прекрасная (по свидетельствам современников) и боготворимая учениками Гипатия — философ-неоплатоник, математик и астроном. Группа парабаланов[2], тогдашних христианских талибов и личных наемников

1 *«Агора»* — историческая драма режиссера Алехандро Аменабара 2009 года.

2 *Парабаланы* (или параваланы) — христианская община, члены которой в эпоху раннего христианства добровольно ухаживали за больными и хоронили умерших от болезней, в надежде таким образом принять смерть во имя Христа. Происходя, как правило, из низших слоев населения, они также прислуживали епископам. Иногда последние использовали их в качестве телохранителей и как боевые отряды в жестоких столкновениях со своими противниками. Известны только александрийские парабаланы.

Кирилла, нападает на Гипатию и буквально разрывает ее на части.

Сочинения Гипатии не сохранились (епископ мог повелеть их уничтожить), дошедшие свидетельства, как христианские, так и языческие, весьма малочисленны. Однако все они в той или иной мере указывают на причастность Кирилла к ее смерти. Никто не вспоминал о Гипатии вплоть до XVII века, когда просветители наконец оценили по достоинству мученицу, пострадавшую из-за собственного свободомыслия; кто только ее не воспевал — от Эдуарда Гиббона, Вольтера, Дидро, Нерваля и Леопарди до Пруста и Луци, и дошло до того, что она стала иконой феминизма.

Христиане и Кирилл показаны в фильме не с лучшей стороны (справедливости ради надо сказать, что жестокость язычников и евреев тоже представлена без прикрас), поэтому сразу поползли слухи, что реакционные темные силы не дремлют и собираются запретить показ фильма в Италии. В ответ была запущена петиция в поддержку «Агоры», подписали ее несколько тысяч человек. Насколько я понимаю, итальянские прокатчики не могли решить, стоит ли показывать фильм, который вызовет резкую критику со стороны католической церкви (и его дальнейшая судьба окажется под угрозой), однако собранные подписи перевесили и убедили ввязаться-таки в авантюру. Меня же интересует не фильм (хорошо снятый, несмотря на некоторые вопиющие анахронизмы), а спровоцированная им конспирологическая истерия.

В интернете католики высказываются против заострения внимания исключительно на жестокости в истории той или иной религии (хотя режиссер не раз повторял, что поставил себе целью показать спорность фундаментализма в любом его проявлении), но никто

из них не отрицает, что Кирилл — не только представитель церкви, но и политик — был крайне суров и к евреям, и к язычникам. Неслучайно святым и Учителем Церкви его провозгласил почти полтора тысячелетия спустя Лев XIII, известный своей вдохновенной борьбой с новым язычеством, представители которого — масоны и либералы антиклерикального толка — в ту эпоху держали в своих руках власть в Риме. Тем удивительнее, что 3 октября 2007 года папа Ратцингер посвятил Кириллу свою проповедь, восхитился характерной для его правления «безудержной энергией», но не сказал ничего, что могло бы хоть частично освободить епископа от приписываемой ему историками мрачной славы.

Кирилл у всех вызывает замешательство: на каком-то сайте Рино Каммиллери[1] (кстати, выступающий в защиту «Силлабуса»[2]) призывает Евсевия Кесарийского в свидетели невиновности Кирилла. Замечательный был бы свидетель, не умри он за семьдесят пять лет до казни Гипатии. Право слово, прежде чем развязывать религиозную войну, сверьтесь хотя бы с Википедией.

Вернемся к заговору: по интернету бродят слухи о цензуре, введенной (интересно кем?) с целью замять скандал вокруг Гипатии. Например, появились сообщения, что из продажи таинственным образом исчез восьмой том «Истории греческой и римской философии» Джованни Реале (*Bompiani*, 2004)[3], посвященный неоплатонизму и, в частности, Гипатии. В изда-

Рино Каммиллери (р. 1950) — итальянский журналист и писатель.

Syllabus complectens praecipuos nostrae aetatis errores (*лат.* «Список важнейших заблуждений нашего времени»), изданный папой Пием IX в 1864 году.

3 *Джованни Реале* (1931–2014) — итальянский ученый-философ, историк философии, специалист по античной философии. Речь идет о знаменитой десятитомной *Storia della filosofia greca e romana. Bompiani*, 2004.

тельстве мне подтвердили, что из десяти томов седьмой и восьмой действительно полностью распроданы, но к печати готовится новый тираж: рассматриваемые в них *Corpus Hermeticum*[1] и неоплатонизм явно интересуют не только специалистов по философии, они распаляют всех чокнутых, помешанных на оккультных науках, и неважно, истинны те или ложны. Я не успокоился, нашел в своей домашней библиотеке этот злосчастный восьмой том и выяснил, что Реале, который занимается историей философии и опирается только на надежные источники, не имея никаких письменных свидетельств о Гипатии, посвятил ей всего семь (семь!) строк и ограничился лишь немногочисленными подтвержденными фактами. Так с какой же стати было подвергать его цензуре?

На этом конспирологическая теория не исчерпывает себя: все в том же интернете сообщают, что из продажи пропали все книги по неоплатонизму, — такой идиотизм приведет в восторг любого первокурсника с философского факультета. В общем, если хотите действительно что-то узнать о Гипатии, зайдите на сайт www.enciclopediadelledonne.it и прочитайте посвященную ей чудесную статью Сильви Куайо[2], а в поисках чего-то еще более серьезного наберите в «Гугле» *Silvia Ronchey Ipazia*, и будет вам пища (без всякой цензуры) для ума.

2010

Герметический корпус (*лат.*) — сборник приписываемых древнему мудрецу Гермесу Трисмегисту трактатов религиозно-философского характера, сохранившихся на древнегреческом языке и датируемых серединой III века н. э.

Сильви Куайо — французская журналистка, популяризатор науки.

Хэллоуин, релятивизм и кельты

По случаю Дня всех святых католики ополчились на Хэллоуин с его подсвеченными изнутри тыквами и детьми в костюмах ведьмочек и вампиров, выпрашивающими у взрослых сладости. Поскольку этот праздник выступает против самой идеи смерти и, по сути своей, чествует одновременно как святых, так и усопших, его уже окрестили жалким американизмом и вдобавок обвинили в релятивизме.

Сложно сказать, что в Хэллоуине такого релятивистского, но с релятивизмом сейчас происходит то же самое, что и со словом «фашист» в 1968 году: тогда фашистом называли всякого, кто расходился с тобой во мнениях. Я сам не питаю особо нежных чувств к Хэллоуину (наверно потому, что его любил Чарли Браун[1]) и знаю, что американские сатанисты и педофилы ждут его с нетерпением, чтобы поохотиться на детей, которых беспечные родители выпускают из дома на ночь глядя. Я не согласен лишь с тем, что это жалкое заимствование из американской культуры. Здесь есть доля

Чарли Браун – один из главных персонажей серии комиксов *Peanuts*, созданных Чарльзом Шульцем (1922–2000).

истины, тем не менее Хэллоуин зародился в Европе как языческий праздник, его отмечали кельты и жители некоторых северных стран, там-то он постепенно и христианизировался.

Судьба Хэллоуина повторяет судьбу Санта-Клауса, которого изначально звали Святым Николаем: родом он был из Бари и впоследствии жил в Турции, тогда как имя «Санта-Клаус», скорее всего, произошло от финского праздника *Sinterklaas* (день Святого Николая). Свой вклад также сделала германо-скандинавская мифология, где подарки детям приносит Один, и в итоге языческий ритуал породнился с христианским праздником.

К Деду Морозу лично я отношусь настороженно, поскольку свои подарки я получал от младенца Иисуса и волхвов, и недавно, побывав в Кёльнском соборе, я даже проверил, на месте ли их мощи, которые Райнальд фон Дассель и Фридрих Барбаросса похитили из миланской базилики Сант-Эустorджо[1]. Еще меня в детстве раздражали дети, вместо волхвов верившие в Befану[2], которая тоже, кстати, пришла к нам из язычества и напоминает хэллоуинскую ведьму; однако церковь оставила ее в покое, поскольку, выбрав себе имя, созвучное Эпифании — празднику Богоявления, она сделала шаг к христианству. Так что после Латеранских соглашений[3] признали и фашистскую Befану.

Райнальд фон Дассель (ок. 1120–1167) — архиепископ Кёльна с 1159 года и архиканцлер Италии. После завоевания Милана в 1164 году он принес в Кёльн мощи трех царей, которые Фридрих Барбаросса передал ему в знак благодарности, чем положил начало строительству Кёльнского собора.

Befana (итал. *Befana, Befania*, искаженное *Epifania*, «Богоявление») — мифологический персонаж у итальянцев, бродящий по земле ночью в крещенский сочельник в облике старухи или, иногда, молодой женщины. Представляет собой своеобразный итальянский аналог Санта-Клауса.

3 *Латеранские соглашения* (1929) — система договоров, урегулировавшая разногласия между итальянским государством и Святым престолом. В них в том числе провозглашалось создание независимого Ватиканского государства.

Из хора спорящих по поводу Хэллоуина выбивается голос Роберто Беретты[1] (газета *Avvenire* от 23 октября), который предлагает не торопиться с проклятиями и призывами к пасторскому крестовому походу, поскольку Хэллоуин «аукнулся церкви. Именно так. Уже в IV веке мудрые Отцы... предпочитали улаживать, а не запрещать, доминировать и преображать, а не отменять, истреблять, предавать забвению и цензурировать. Иными словами, наши предки умели "христианизировать" языческие праздники».

Достаточно вспомнить, что, закрепив за Рождеством 25 декабря (ни одно из Евангелий не указывает на рождение Христа именно в этот день, а по расчетам астрономов Вифлеемская звезда вообще должна была появиться осенью), христиане пошли навстречу языческим обычаям, а также германским и кельтским традициям с их праздником зимнего солнцестояния Йолем — от него, кстати, мы и унаследовали рождественскую елку (я лично предпочитаю францисканский вертеп, поскольку к нему нужно подходить с фантазией, а нарядить елку способна даже ученая обезьяна).

Выходит, вместо того чтобы рвать на себе волосы, достаточно просто христианизировать Хэллоуин, что нам и предлагает Беретта: «Если Хэллоуину (напомню, что это слово означает "канун Дня всех святых") суждено вернуться к своим кельтским корням, вымышленным или настоящим, погрязнуть в коммерческой мишуре или "сатанинских" ритуалах, он всего лишь займет предназначенное ему место; нам же остается только размышлять, почему нашей культуре (а может, и духу) не хватило силы, чтобы пойти по стопам предшественников».

2011

Роберто Беретта (р. 1960) — итальянский журналист и писатель.

Проклятая философия

В *La Repubblica* от 6 апреля был опубликован анонс книги Стивена Хокинга и Леонарда Млодинова «Великий замысел»[1] (*Mondadori*, 2010), и подзаголовок отсылал к одному из ее фрагментов: «Философия мертва, устройство Вселенной может объяснить только физика». О смерти философии сообщали уже столько раз, что я ничуть не удивился, но это высказывание гениального Хокинга все же показалось мне глупостью. Чтобы удостовериться, нет ли здесь ошибки, я купил книгу, прочитал ее, и мои сомнения подтвердились.

Заявлено, что «Великий замысел» — дело рук двух авторов, только в случае с Хокингом эта метафора звучит как издевка, ведь всем известно, что его выдающийся мозг не способен контролировать конечности. Следовательно, книга в большей степени создана вторым автором, которого аннотация на клапане суперобложки представляет как известного популяризатора науки и сценариста нескольких

Издание на русском языке: Хокинг С., Млодинов Л. *Великий замысел* / Пер. М. Кононова. СПб.: Амфора, 2012.

эпизодов *Star Trek*[1] (что становится очевидным при взгляде на яркие, завораживающие иллюстрации, будто из старых детских энциклопедий, только вот они никак не проясняют содержание сложнейших физико-математико-космологических теорем, хотя их задача заключается именно в этом). Наверно, не стоило вверять судьбу философии персонажам с заячьими ушами.

Книга начинается с категорического заявления, что философия больше не может сообщить нам ничего нового и одна лишь физика способна объяснить, (i) как понять окружающий мир, (ii) какова природа реальности, (iii) нужен ли Вселенной создатель, (iv) почему есть что-то, а не ничто, (v) почему мы существуем и (vi) почему мироздание устроено так, а не иначе. Перед нами стандартный набор философских вопросов, но замечу, что книга Хокинга и Млодинова поясняет, каким образом физика отвечает на последние четыре, которые выглядят наиболее философскими из всех.

Однако подступиться к последним четырем вопросам можно, только ответив на первые два, а именно: что подразумевается под понятием «реальность» и каков на самом деле известный нам мир. Это если в двух словах. Помните школьный курс философии: познание основывается на уподоблении субъекта познаваемому объекту? Есть ли что-то вне нас (Вуди Аллен[2] добавлял к этому: «Если есть, почему они так шумят?»),

«Звездный путь» (*англ.*) – американская научно-фантастическая медиафраншиза, включающая в себя несколько телевизионных сериалов, полнометражных фильмов, сотни книг и рассказов, огромное количество компьютерных игр.

2 *Вуди Аллен* (р. 1935) – американский кинорежиссер, актер-комик, продюсер, четырехкратный обладатель премии «Оскар», писатель, автор многочисленных рассказов и пьес.

или мы воплощаем идею Беркли[1] о человеке, или же, как считал Патнэм[2], мы лишь мозг в чане?

В итоге предложенные авторами ключевые ответы оказываются типично философскими, и без этих философских ответов ни один физик не смог бы объяснить, почему и что он знает. В книге говорится о «модельно-зависимом реализме», иными словами, «нет такой концепции реальности, которая бы не зависела от наблюдений или теорий». Тем не менее «разные теории могут довольно достоверно описать одно и то же явление посредством разных концептуальных структур» и все, что мы можем почувствовать, понять и сказать о реальности, зависит от взаимодействия наших моделей с чем-то, что находится извне и что нам известно только благодаря устройству наших органов чувств и мозга.

Хотя наиболее недоверчивые читатели сейчас наверняка почуяли кантианский дух, авторы книги говорят о том, что в философии называется *холизмом*, кто-то видит здесь *внутренний реализм*, а кто-то — *конструктивизм*.

Таким образом, вместо открытий из области физики нас ждут философские допущения, которые, в свою очередь, поддерживают и оправдывают исследования физиков — а хороший физик не может не задумываться о философском обосновании своего подхода. Для нас это не новость, равно как и сенсационные открытия (само собой, сделанные благодаря Млодинову и команде *Star Trek*) из разряда: «во времена античности ответственность за природные катаклизмы, не задумываясь, возлагали на жестоких и мстительных богов Олимпа». Тьфу ты, черт знает что.

2011

1 *Джордж Беркли* (1685–1753) — ирландский философ, защищавший тезис о том, что «бытие — это или то, что воспринимается, или тот, кто воспринимает».

2 *Хилари Патнэм* (1926–2016) — известный американский логик и философ.

Уклонение от уплаты налогов и негласное возмещение

В любой стране есть те, кто уклоняется от уплаты налогов, поскольку человеку свойственно нежелание платить налоги. Однако поговаривают, что за итальянцами этот грешок водится куда чаще, чем за представителями других национальностей. Почему же?

Вернусь на много лет назад, когда я был очень привязан к отцу-капуцину, человеку бесконечной доброты и глубочайших познаний. Вкладывая в наши юные умы основные принципы этики, этот почтеннейший старец объяснил, что контрабанда и уклонение от налогов, конечно, грех, но простительный, поскольку противоречит закону не Бога, а всего лишь Государства.

Он мог бы еще упомянуть Христа и его «кесарю кесарево», а также наставление апостола Павла римлянам («Отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк»). А может, он знал, что на протяжении нескольких веков некоторые теологи утверждали, что законы о налогообложении взывают не к совести, а к страху наказания. Луиджи Лоренцетти[1], возглав-

Луиджи Лоренцетти (1931–2018) – итальянский священник и богослов.

ляющий *Rivista di Teologia Morale*[1], так прокомментировал подобные воззрения: «Мы умаляем значение идей этих богословов, если не принимаем в расчет социально-экономический контекст, в котором зародилась их теория. Общественному устройству тогда было далеко до демократического, система налогообложения отличалась крайней несправедливостью, бедняки еле сводили концы с концами из-за грабительских оброков».

В действительности же мой учитель-капуцин приводил другой пример — негласное возмещение. Вкратце: если человек полагает, что работодатель его обманул и не доплатил, он может тайком забрать себе причитающееся, и это не будет считаться грехом. Однако речь действительно должна идти о вопиющей несправедливости, отягченной невозможностью призвать на помощь профсоюзное законодательство. Подобные случаи приводили в замешательство даже Фому Аквинского. С одной стороны, «...когда человек находится в большой опасности... в таком случае человек вправе использовать для этого чужую собственность, беря ее явно или тайно, и при этом в строгом смысле слова речь не идет о воровстве или грабеже» (*Summa Theologiae*, II–II, 66, 7)[2]. С другой стороны, «тот, кто тайком забирает свою собственность, которая неправосудно удерживается другим, хотя и грешит, но не потому, что причиняет неприятности удерживающему... а потому, что, пренебрегая порядком правосудности и присваивая себе право самому судить о своей собственности, грешит против общественной правосудности» (*Summa Theologiae*, II–II, 66, 5). Аквинат придер-

[1] Журнал морального богословия (*итал.*).

[2] Цитаты приводятся по изданию: Фома Аквинский. *Сумма теологии*. Часть 2-2. Вопросы 47–122 / Пер. С. Еремеева. Киев: Ника-центр, 2013.

живался однозначного и жесткого взгляда на правосудность, и он бы не нашел общего языка с Берлускони, который утверждал, что можно понять тех, кто уклоняется от слишком непомерных налогов. Для Фомы закон — это закон.

Как бы то ни было, представление Фомы Аквинского о праве на собственность является более «социальным» с точки зрения католической церкви: к собственности было применимо «право приобретать», но не поощрялось «право пользоваться». Например, соблюдая все законы, я купил килограмм хлеба, и у меня есть право считаться его собственником, но если рядом окажется умирающий с голоду нищий, я должен отдать ему половину. Когда уклонение еще считается негласным возмещением, а когда уже нет?

«Трактат о нравственном богословии», размещенный на сайте *Totus Tuus*[1], призывает нас уважать действующие законы и отмечает, что «наиболее разумные члены общества» платят налоги и не занимаются контрабандой, впрочем, «считается, что уклонение не наносит урон чести и достоинству (закон классифицирует его как административный проступок, а не преступление), но гарантирует моральные терзания». Выходит, что Монти не прав, когда называет ворами тех, кто уклоняется от уплаты налогов, на самом деле они страдают от моральных терзаний.

Мой наставник-капуцин, о котором я говорил ранее, не опускался до таких казуистических тонкостей, он ограничивался утверждением, что уклонение и контрабанда не смертные грехи, так как противоречат «лишь» закону Государства. Я склонен полагать, что эта точка зрения явилась следствием образования, по-

[1] www.totustuus.it.

лученного им еще до Латеранских соглашений, когда Государство казалось источником всех бед, и, следовательно, с его мнением не стоило считаться. Очевидно, что отголоски этих представлений закрепились в ДНК итальянского народа.

2012

Священный эксперимент

Папа римский Франциск принял (будучи иезуитом) новое имя в честь Франциска Ассизского, переехал в гостиницу (осталось только надеть сандалии и рясу), изгнал из храма кардиналов на «мерседесах», в одиночку отправился на Лампедузу, чтобы поддержать средиземноморских отверженных, словно и нет в Италии «Закона Босси – Фини»[1]. Он единственный, кто еще говорит и поступает как «левый»? Поначалу ходили слухи о его крайней осмотрительности в отношениях с аргентинскими генералами, упоминались разногласия с последователями теологии освобождения, подчеркивалось отсутствие четко высказанной позиции по абортам, стволовым клеткам и гомосексуалам, как будто папа обязан ходить по улицам и раздавать беднякам презервативы. Кто он, папа Бергольо?[2]

По-моему, все ошибаются: он не аргентинский иезуит, а парагвайский. На его становление неизбежно должен был повлиять парагвайский «священный экспери-

1 Закон № 189 от 30 июля 2002 года, регулирующий миграционную политику Италии. Разработан Умберто Босси и Джанфранко Фини.

2 *Хорхе Марио Бергольо* (р. 1936) – 266-й папа римский Франциск.

мент». То немногое, что известно широкой публике об этом явлении, было почерпнуто из фильма *Mission*[1], создатели которого попытались уместить полуторавековую историю в два часа экранного времени, не удержавшись при этом от домыслов и допущений.

Расскажу вкратце, о чем речь. Сея смерть и разруху, испанские конкистадоры прошли от Мексики до Перу, при этом они пользовались поддержкой богословов, поскольку те считали индейцев животными (орангутанами). Однако отважный священник-доминиканец Бартоломе де Лас Касас[2] выступил против зверств бесчисленных кортесов и писарро[3] и отнесся к аборигенам совершенно иначе. В начале XVII века миссионеры-иезуиты решили признать права местного населения (в особенности гуарани, которые жили, как первобытное племя) и объединить их в «редукции» – автономные, самоокупаемые общины, которые были созданы не с целью согнать всех индейцев в одно место и заставить работать на колонизаторов, а чтобы освободить их от рабства, научить самоуправлению и совместному владению тем, что они вместе производили. Устройство поселений и местные «коммунистические» порядки напоминали «Утопию» Мора или «Город Солнца» Кампанеллы («псевдокоммунизм Кампанеллы» впоследствии встретится и у Бенедетто Кроче), но иезуиты в основном ориентировались на первые христианские общины. Они учреждали выборные

«Миссия» – фильм Ролана Жоффе (1986).

Бартоломе де Лас Касас (1484–1566) – испанский священник-доминиканец, первый постоянный епископ Чьяпаса и историк Нового Света. Известен своей борьбой против зверств в отношении коренного населения Америки со стороны испанских колонистов.

3 *Фернандо Кортес де Монрой-и-Писарро Альтамирано*, более известный как Эрнан Кортес (1485–1547), и *Франсиско Писарро-и-Гонсалес* (ок. 1471 или 1476–1541) – испанские конкистадоры.

советы, состоявшие только из аборигенов (однако правосудие вершили иезуиты), и обучали своих подопечных основам архитектуры, сельского хозяйства, животноводства, музыки, искусства, алфавита (обучали не всех, но некоторые воспитанники вырастали в талантливых художников и писателей). Естественно, иезуиты установили жесткий патерналистский порядок, поскольку приобщение гуарани к цивилизации подразумевало борьбу с прелюбодеянием, леностью, ритуальным пьянством, а порой и с каннибализмом. В общем, как это всегда бывает с идеальным государством, все восхищаются его безупречным устройством, но жить там ни за что не согласились бы.

Отказ от рабовладельческого строя, а также набеги *бандейрантов*[1], охотников за рабами, привели к созданию народного ополчения, которое доблестно сражалось и с работорговцами, и с колонизаторами. Так продолжалось до XVIII века, пока иезуитов не объявили заговорщиками и опасными врагами государства: сначала орден запретили в Испании и Португалии, а затем и вовсе упразднили. На этом «священный эксперимент» закончился.

Многие просветители выступали против подобного теократического господства и называли его самым бесчеловечным и тираническим режимом в мире; однако были и те, кто видел в нем «добровольный коммунизм религиозного толка» (Муратори[2]), считали,

Бандейранты (порт. *bandeirantes*, «знаменосцы») — «охотники за индейцами» — участники экспедиций XVI–XVIII веков на удаленные от побережья территории португальских колоний в Америке.

2 *Лудовико Антонио Муратори* (1672–1750) — священник, куратор библиотеки Эсте в Модене и Амброзианской библиотеки, крупнейший историограф своего времени. Автор многочисленных трудов по церковной истории и первооткрыватель Мураториева канона, он способствовал развитию учения об исторической критике.

что благодаря иезуитскому эксперименту начала затягиваться нанесенная рабовладельческим строем рана (Монтескьё[1]), Мабли[2] сравнивал редукции с правлением Ликурга, а Поль Лафарг[3] говорил впоследствии о «первом в мире социалистическом государстве».

Поэтому, когда кто-то с той же позиции рассматривает действия Франциска, нельзя забывать, что прошло уже четыре века, с понятием демократической свободы свыклись даже самые фанатичные католики, да и Бергольо не собирается ставить эксперименты на острове Лампедуза, ни священные, ни светские. Будет вполне достаточно, если он избавится от Института религиозных дел[4]. Но до чего же порой приятно увидеть на происходящем отблеск Истории.

2013

1 *Шарль де Монтескьё* (1689–1755) – французский писатель, правовед и философ.

2 *Габриэль Бонно де Мабли* (1709–1785) – французский социальный философ.

3 *Поль Лафарг* (1842–1911) – французский экономист и политический деятель, один из крупных марксистских теоретиков.

4 *Институт религиозных дел* (итал. *Istituto per le Opere di Religione*) – ведомство Римской курии, которое выполняет функции банка Ватикана.

Моно- и политеистические религии

В воздухе запахло войной, и не местечковым столкновением, а настоящим конфликтом, способным затронуть несколько континентов. Угроза исходит от фундаменталистов, возжаждавших исламизировать весь мир и дойти (по слухам) аж до Рима, хотя пока никто не грозился напоить верблюдов из кропильниц собора Святого Петра.

Волей-неволей приходишь к мысли, что любая серьезная трансконтинентальная угроза исходит от монотеистических религий. Греки и римляне не вторгались в Персию или Карфаген, чтобы навязать своих богов. У них могли быть территориальные или экономические притязания, но никак не религиозные, и сталкиваясь с чужими богами, они привечали их в своем пантеоне. Ты кто, Гермес? Отлично, назовем тебя Меркурий — и добро пожаловать к нашим богам. Финикийцы поклонялись Астарте? Ну и славно, египтяне знали ее как Исиду, а греки назвали Афродитой и Венерой. Никто никуда не вторгался, чтобы искоренить культ Астарты.

Первые христианские мученики пострадали не за поклонение Богу Израиля (это их личное дело), а за нежелание признавать других богов.

Ни одна политеистическая религия не развязывала масштабную войну, чтобы насадить свою веру. Конечно, политеистические народы воевали, но это были междоусобицы, не имеющие никакого отношения к религии. Северные варвары вторглись в Европу, монголы — на исламскую территорию, но у них не было цели навязать своих богов, наоборот, они сами достаточно быстро обратились в местную веру. Любопытно, что, став христианами и построив христианскую империю, те же северные варвары ввязались в Крестовые походы, чтобы утвердить господство своего бога над мусульманским, хотя по большому счету от замены одного единобожия на другое ничего бы не изменилось, бог-то один.

Активно устанавливать господство своего бога с помощью оружия начали две монотеистические религии, ислам и христианство (к завоевательным войнам я бы еще причислил колониализм, ведь, если отбросить его экономические мотивы, он всегда прикрывался стремлением облагодетельствовать завоеванные народы и обратить их в христианство, начиная с ацтеков и инков и вплоть до эфиопов, которых мы тоже «оцивилизовали», хотя они и так были христианами).

В случае с еврейским единобожием все еще любопытнее: ему абсолютно не свойственен прозелитизм, и все упоминающиеся в Библии войны были направлены на защиту территории избранного народа, а не на обращение кого бы то ни было в иудаизм. Впрочем, сторонние культы и верования еврейский народ никогда не принимал.

Я не хочу сказать, что Великий Дух прерий или божества народа йоруба — более достойные объекты веры, чем Святая Троица или единый Бог, чьим пророком является Магомет. Я только напоминаю, что никто

никогда не пытался завоевать мир во имя Великого Духа или одной из тех сущностей, которые потом перекочевали в бразильскую религию кандомбле[1], да и Барон Суббота[2] никогда не призывал приверженцев вуду начать экспансию за пределы Карибов.

Можно предположить, что лишь монотеистическое верование способствует объединению крупных территориальных единиц, которые рано или поздно начинают расширяться. Однако Индийский субконтинент никогда не стремился к экспорту своих богов, а Китайская империя с ее огромной территорией и отсутствием единой веры и единого взгляда на творца этого мира ни разу (до сих пор) не покушалась на Европу или Америку. Сейчас, правда, Китай именно этим и занимается, но исключительно с помощью экономики, а не религии: он скупает западные фабрики и акции, и ему нет никакого дела, в кого там верят люди — в Иисуса, Аллаха или Яхве.

Эквивалентом классических монотеистических религий можно назвать великие светские идеологии, нацизм (как версия язычества) и советский атеистический марксизм. Но их завоевательная война забуксовала без Господа воинств, а без него некому было околдовать и повести за собой последователей.

2014

Кандомбле (порт. *Candomblé*) — афро-бразильская религия, в основе которой лежит поклонение духам Ориша, связанным со стихиями, различными родами человеческой деятельности и духовными аспектами бытия.

2 *Барон Суббота* (гаит. креольск. *Bawon Samdi*, фр. *Baron Samedi*) — в религии вуду одна из форм Барона (*Baron*), лоа, связанное со смертью, мертвыми, а также с сексуальностью и рождением детей. Барон Суббота изображается в виде скелета или человека в черном фраке и черном цилиндре (одежда похоронных дел мастера). Основные его символы — гроб и крест.

ХОРОШЕЕ ВОСПИТАНИЕ

Кого чаще цитируют?

Обсуждая контроль качества образования в итальянских вузах, участники дебатов зачастую апеллируют к принятым в других странах критериям оценки. Например, сколько раз в специализированных изданиях были процитированы исследования того или иного доцента или кандидата на место. Даже существуют организации, скрупулезно собирающие подобную статистику, и на первый взгляд этот подход может показаться эффективным. Но любое количественное регулирование имеет свои ограничения. Та же история с другим критерием эффективности вузов, применяемым в том числе и у нас, — подсчетом количества выпускников. Когда вуз работает, как конвейер, и исправно выдает толпы выпускников, несомненно, он кажется эффективным, но несовершенство такой статистики очевидно. Какой-нибудь третьесортный университет, пытаясь привлечь студентов, завышает оценки, закрывает глаза на недостатки дипломных работ — и наш критерий уже стал отрицательной величиной. Как тогда быть с теми учебными заведениями, где к студентам предъявляют крайне строгие требования и считают, что качество знаний важнее коли-

чества выпускников? Еще один метод, заслуживающий чуть большего доверия (хотя и он не избежал критики), — подсчитывать соотношение выпускников и поступивших. Если на первый курс поступили сто человек и пятьдесят из них получили диплом, вуз выглядит куда эффективнее и достойнее, чем тот, где из десяти тысяч студентов выпускаются лишь две.

В общем, у количественных показателей есть свои особенности. Однако вернемся к подсчету цитат. Сразу поясню, что этот критерий хорошо работает в случае с точными науками (математика, физика, медицина и прочие) и менее показателен для наук отвлеченных, например гуманитарных. Приведу пример: я издаю книгу, доказывающую, что Христос — основоположник масонства (кстати, за приличное вознаграждение, которое пошло бы на благотворительность, я могу составить целый библиографический список на эту тему, причем в него войдут самые настоящие опубликованные труды, просто их никогда не воспринимали всерьез). Запасись я несколькими неопровержимыми на вид доказательствами, можно было бы с ног на голову поставить весь историко-теологический научный мир, и уверяю вас, что сотни исследований подхватили бы цитаты из моего сочинения, причем наверняка большинство авторов приводило бы их, чтобы оспорить. Есть ли специальный счетный орган, который определяет, в каком контексте, позитивном или негативном, упоминалась цитата?

Что же делать с таким серьезным и аргументированным научным трудом, как работа Хобсбаума[1] о «корот-

Эрик Джон Эрнест Хобсбаум (1917–2012) — британский историк-марксист, наиболее известный работами о «долгом девятнадцатом веке» («Эпоха революций: Европа 1789–1848», «Эпоха капитала: Европа 1848–1875» и «Век империй: Европа 1875–1914») и «коротком двадцатом веке» («Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век 1914–1991»).

ком веке», с которой многие не согласились и вступили в полемику? По какому критерию исключались бы все критические упоминания? Или нам теперь лишить Дарвина ученой степени, раз больше чем в половине случаев его цитировали и продолжают цитировать с целью доказать, что он неправ?

Если критерии оценки будут исключительно количественными, придется признать, что последние несколько десятилетий наиболее цитируемыми авторами остаются Бейджент и Линкольн с бестселлером о Святом Граале[1]. Содержание — чушь собачья, но их как цитировали, так и будут цитировать. Если бы мы придерживались количественных критериев, то вуз, предложивший этим двум авторам руководить кафедрой истории религий, тотчас взлетел бы на первую строчку рейтинга.

В применении к точным наукам подобные инициативы еще более сомнительны. Несколько лет назад научное сообщество потрясла теория (крайне спорная и, вероятно, ошибочная) Понса и его коллег о холодном ядерном синтезе. Ее цитировали бессчетное число раз, почти всегда сопровождая опровержениями, и если руководствоваться количественным критерием, мы непременно должны с ней считаться. В подобных случаях, возразят некоторые, количественный критерий надо применять только к серьезным научным журналам, но — хотя в результате критерий снова

Майкл Бейджент (1948–2013) — новозеландский писатель, автор нескольких книг в жанре, который в России называют «альтернативной историей»; *Генри Линкольн* (р. 1930) — британский писатель и телеведущий. Вместе М. Бейджент, Г. Линкольн и Ричард Ли (1943–2007) написали несколько книг: *The Holy Blood and the Holy Grail* (1982), *The Messianic Legacy* (1986). Русский перевод см.: Бейджент М., Ли Р., Линкольн Г. *Святая Кровь и Святой Грааль* / Пер. с англ. О. Фадиной, А. Костровой. М.: Эксмо, 2005; Бейджент М., Ли Р., Линкольн Г. *Мессианское наследие: в ожидании второго Пришествия* / Пер. с англ. С. Головой, А. Голова. М.: Эксмо, 2005.

станет качественным — как быть, если в пресловутых серьезных журналах этих ученых только критикуют? Нам снова нужны качественные критерии. Хотел бы я знать, сколько возражений выслушал Эйнштейн, когда обнародовал общую теорию относительности. Или вот еще один источник извечных споров: достоверность теории Большого взрыва. Известно, что многие уважаемые ученые придерживаются противоположных точек зрения. Если будет высказана новая теория, отрицающая Большой взрыв, что нам делать со всеми критическими упоминаниями у авторов, согласных с теорией? Перестать их учитывать?

Я завел этот разговор не потому, что в рукаве у меня припрятано разумное решение проблемы. Я хотел напомнить, как сложно вывести критерии превосходства, основанные на количестве, и как опасно внедрять качественные критерии (чем, как не ими, руководствовалась официальная власть во времена Сталина, изгоняя из научного сообщества всех, кто отступал от принципов диамата и не воспринимал всерьез теории Лысенко?). Я ни в коем случае не утверждаю, что достойных критериев не существует. Просто их сложно выработать, и уж больно тонкая это материя.

2003

Сучий потрох

Идеология «политической корректности», оформившаяся в полноценное движение, зародилась в американских университетах. Основываясь на понятиях *liberal* и *radical*, а значит, будучи по сути левой, она призывала к мультикультурализму и боролась с укоренившимися в языке проявлениями дискриминации по отношению к самым разным меньшинствам. Так, вместо «негров» появились «черные» и «афроамериканцы», а гомосексуалов стали называть «геями», оставив в прошлом бесчисленные унизительные прозвища. Борьба за чистоту языка неизбежно обернулась фундаментализмом, причем дошло до смешного: например, группа феминисток призывала не использовать слово *history* — «история» (начало слова похоже на местоимение *his*, или «его», поэтому должна быть и *herstory*, «ее история»; естественно, они проигнорировали греко-латинскую этимологию слова, которая не имеет ничего общего с притяжательными местоимениями).

Постепенно движение за политкорректность приобрело неоконсервативные и даже откровенно реакционные черты. Ты можешь называть колясочников

не инвалидами или людьми с ограниченными возможностями, а людьми «с иными возможностями», но если ты при этом не спешишь обустраивать рампы для въезда в общественные места, то избавляешься не от проблемы, а только от ее названия. Точно так же безработный превращается в человека «без рода деятельности на неопределенное время», а тот, кого уволили со службы, переживает «плановый переходный период между этапами профессионального роста». Странно, что банкир не сгорает со стыда и не требует называть его «оператором в сфере сбережений». Замена одного названия на другое позволяет на время забыть, что с самим явлением что-то не так.

Этим и многим другим проблемам посвящена книга Эдоардо Кризафулли «Гигиена языка. Политкорректность и лингвистическая свобода» (*Vallecchi*, 2004)[1], где приведены все противоречивые доводы как за эту тенденцию, так и против. Очень увлекательное чтение, между прочим. Листая книгу, я задумался о нашей стране. Забавно: пока где-то зарождалось и развивалось движение за «политическую корректность», у нас куда большей популярностью пользовалась «политическая некорректность». Если раньше наши политики читали по бумажке: «Очевидно, что достигнуто согласие, что асимптотическая альтернатива, исключающая даже минимальную возможность пересечения, была бы предпочтительнее, чем политика схождения, пусть и параллельных линий», — теперь они склоняются к другому варианту: «Диалог? В жопу этих говнюков!» Старые коммунисты раньше клеймили противника «навозной мухой», а во время потасовок в парламенте прибегали к выражениям, от которых по-

[1] Crisafulli Ed. *Igiene verbale. Il politicamente corretto e la libertà linguistica.* Vallecchi, 2004.

краснел бы даже портовый грузчик, и для разного рода «узких кругов» это было в порядке вещей, как, например, и для борделей — светлая им память, — где дамы были до того невоздержанны на язык, что не уступали парламентариям. В наше время культуре оскорблений учит телевидение, что является признаком непоколебимой веры в демократические ценности..

Началось все, похоже, с Босси, чья фраза «У "Лиги Севера" всегда стоит!» явно намекала на всех тех, у кого не стоит, да и прозвище «Берлусука» было весьма недвусмысленным, после чего явление стало повсеместным. В *Venerdì di Repubblica* Стефано Бартеццаги[1] цитирует в своей рубрике популярные сегодня затейливые ругательства, и все они на удивление добродушные. Посему, дабы внести и свою лепту в смягчение политически некорректного итальянского языка, я обратился к словарям, в том числе и диалектальным, и беру на себя смелость предложить ряд благопристойных и сдержанных выражений, которыми не стыдно припечатать противника, как то: сучий потрох, тюфтя, соплежуй, плешивец, тупиздень, чернядь, сморкач, дурандас, тюха, кавардачник, ссыкля, кашкалдак, шизняк, ушлепок, сикушник, насупа, сачкарь, навозник, лошпен, долбодятел, поносник, козлоебина, воблоед, гондурас, лажовщик, дуб неоструганный, чипидрос, обмудень, шлында, кривоныра, озява, жулябия, дристун, индюшара, ебалай, дроволом, чмо пещерное, утырок, распальцовщик, хрен с горы, лапшеух, тютя, долбобоб и/или долбогреб, мозга нет — считай, калека, перечник, чувырло, охлынщик, растыкень, засируха, клювощелк, хрен ослиный, бухтила, хлызда, зассыха, киселяй, некумека, шушваль, курощуп, хамыга, мудозвон, мудо-

Стефано Бартеццаги (р. 1962) — итальянский журналист и писатель.

шлеп, глумец, чумазей, задолбыш, дармоглот, кругозыря, свинота, толстопёрд, тихобздуй, фуфляжник, фуня, борзота, мордофиля, чурка с ушами, кукарекнутый, дурильщик, непрушник, хиромант, мудель, кроколыга, негораздок, раззвездяй, лохопендрик, жухало, трехнутый, выхахаль, охмуряло, никчемушник, ёлупень, тошнотвор, выпендрила, куёлда, телепень, тупец, чувахлай, зуда, жупел, дрищ, бабуин, западлист, пургамёт, лободырь, голь-шмоль, курвец, лопездюх, сморчок, чугунный дембель, дед балаганный, макака, неандертал, кишкоблуд, колоброднik, мамалыжник, мумба-юмба, талалаешник, хабальник, пендельман, грушеоколачиватель, лох чилийский, трухаль, хитрожопник, шалберник, фуфлыга, плюгавец, выблевок, шмарушник, виляльщик, салабон, козырщик, пузочес, модерняга, жиробасина, бздун, растопыря, туфтарь, божедурье, шлимазер, блудяшка, оторвист.

2004

Когда слово не расходится с делом

На той неделе Эудженио Скальфари завершил свою колонку в журнале *L'Espresso* следующей фразой: «И ни слова об иракском сопротивлении, если не хочешь прослыть фанатиком или дураком». «Преувеличивает», — подумает читатель. Однако в *Corriere della Sera* от того же числа Анджело Панебьянко[1] пишет: «..."члены сопротивления", как их иногда легкомысленно именуют на Западе...». Понаблюдай за нами какой-нибудь марсианин, он решил бы, что, пока кругом обезглавливают людей и взрывают поезда и гостиницы, в Италии играют словами.

Марсианин сказал бы, что словам грош цена, ведь, как писал Шекспир, роза останется розой, как ее ни назови. Но нет, порой замена одного слова на другое далеко не так безобидна. Очевидно, что многие из говорящих об иракском сопротивлении хотели бы поддержать эту, по их мнению, народную войну; те же, кто придерживается противоположной точки зрения, похоже, полагают, что употребление слова «сопротивление» по отношению к головорезам порочит память

Анджело Панебьянко (р. 1948) — итальянский политолог и писатель.

нашего Сопротивления. Самое забавное, что большая часть возмущенных термином «иракское сопротивление» — давние сторонники делегитимизации собственного исторического прошлого, и партизаны им тоже видятся шайкой головорезов. Стоп. Не будем забывать, что «сопротивление» — термин чисто технический и лишенный морально-нравственной окраски.

Начнем с такого понятия, как «гражданская война»: жители одной страны, говорящие на одном языке, идут с оружием друг на друга. Примерами подобной войны являются Вандейский мятеж, гражданская война в Испании, да и наше Сопротивление тоже, ведь с обеих сторон сражались итальянцы. В нашем случае это было еще и «движение сопротивления», то есть восстание граждан одной страны против оккупантов. Допустим, после высадки союзников на Сицилии и в Анцио местные жители вдруг сбились в банды и стали нападать на англичан и американцев — это снова сопротивление, и с такой оценкой согласились бы даже те, кто считали союзников «хорошими». Южноитальянский разбой тоже был своего рода пробурбонским сопротивлением, в результате которого пьемонтцы («хорошие») поубивали всех «плохих», и сегодня мы их воспринимаем не иначе как разбойников. Немцы же «головорезами» называли партизан.

Гражданские войны крайне редко приводят к масштабным сражениям (впрочем, Испания как раз тот случай), обычно речь идет о столкновениях вооруженных отрядов. Такие столкновения — это тоже движение сопротивления, проявляющееся в молниеносных атаках из разряда «кусай и беги». К войне отрядов присоединяются главари с их личными шайками головорезов, а также банды, которые не придерживаются никакой идеологии и просто пользуются всеоб-

щей неразберихой. В случае с Ираком налицо признаки гражданской войны (одни иракцы убивают других) и одновременно сопротивления, и ко всему этому прибавьте всевозможные сторонние банды. Их главный противник — иностранцы, и не имеет значения, правы те или виноваты, пусть даже они пришли на выручку кому-то из иракцев и были радушно приняты. Когда местные жители противостоят иностранным оккупантам, это называется сопротивлением, и точка.

Наконец, есть еще такое явление, как терроризм, и у него другая природа, другие цели и стратегия. В Италии нет ни сопротивления, ни гражданской войны, но терроризм как был, так частично и остался до сих пор. В Ираке терроризмом промышляют и борцы с интервенцией, и отряды повстанцев. В случае с гражданской войной и движением сопротивления ясно (почти всегда), кто враг и где его искать, но с терроризмом все не так просто, террористом может оказаться и попутчик в поезде. Поэтому для гражданских войн и сопротивления характерны открытые столкновения и облавы, тогда как с терроризмом могут совладать только секретные службы. Подавление гражданской войны и борьба с движением сопротивления происходят на месте, а охота на террористов порой ведется на той территории, где находятся их святыни и убежища.

Самое страшное, что в Ираке все перемешано: группа повстанцев может использовать террористические приемы, а террористы, которым мало просто изгнать из страны иностранцев, — выдавать себя за повстанцев. И так ситуация непростая, а если еще вдобавок отказаться от технических терминов, в ней вообще ни за что не разобраться. Возьмем замечательный фильм Кубрика «Убийство» о вооруженном

ограблении, где даже отрицательные герои обаятельные. Предположим, кто-то не согласен, что нападение на банк называется вооруженным ограблением, ему милее «виртуозная кража». Однако виртуозные кражи расследуют агенты в штатском, которые патрулируют вокзалы и места скопления туристов и уже знают в лицо почти всех местных ловкачей, тогда как защита банков от ограблений предполагает кучу дорогостоящей техники и отряды быстрого реагирования, готовые ловить неведомого врага. Так что, может, кого и успокоит замена термина, но средства в итоге будут выбраны не те. Бороться с террористами при помощи облав, подходящих для бойцов сопротивления, — это чистой воды самообман, равно как и охотиться на кусающих и убегающих повстанцев, представляя, что это террористы. Посему надлежит использовать технические термины по мере необходимости, невзирая на личные пристрастия и давление извне.

2004

«Лекари» бакалавриата

Пессимистических статей об упадке высшего образования в Италии становится все больше и больше. Неудивительно, что образовательная система дышит на ладан, когда в стране на научные исследования выделяют гроши и даже не могут ввести обязательное посещение занятий (Италия — одна из тех редких стран, где можно заявиться на итоговый экзамен, в глаза до того не видев преподавателя, и не потому, что он весь семестр избегал студентов, а потому, что студент ни разу не снизошел до его лекций). Не всем этим статьям стоит верить, поскольку часть их написана высоколобыми интеллектуалами, не запятнавшими себя презренным преподаванием и оттого разглагольствующими о неведомом им мире. На что только не пойдешь ради гонорара! Как бы то ни было, основной причиной для недовольства стало введение сокращенного университетского курса.

Все критикуют само его устройство: трехлетний курс состоит из серии краткосрочных учебных «модулей», за каждый из которых насчитывается определенное количество так называемых «кредитов», при этом объем учебных материалов ограничен и не дол-

жен превышать заданного числа страниц (издателям пришлось перекраивать учебники и выпускать какие-то брошюрки для неучей), в итоге сокращенный университетский курс больше похож на продвинутую версию лицея.

Такая форма обучения существует повсюду, и Италии только оставалось ее перенять. Например, если пишут, что Джон Кеннеди окончил Гарвард, подразумевается, что он учился в колледже по ускоренной трехгодичной программе. Нынешние выпускники американских университетов после трех лет обучения знают примерно столько же, сколько раньше знали выпускники хороших итальянских лицеев (качество их среднего образования ниже плинтуса). Тем не менее считается, что тот, кто окончил трехлетний курс, получил необходимое для освоения профессии «высшее образование». Чем же три года в американском колледже лучше нашего сокращенного университетского курса?

В Штатах никто не именует выпускников трехлетнего цикла «докторами наук» (о чем речь, называйте хоть Вашим превосходительством или Сатрапом, лишь бы учились), но зато студенты обязаны посещать все лекции без исключения, каждый день они проводят вместе и ежедневно общаются со своими преподавателями. Казалось бы, что здесь такого, но в этом-то и кроется секрет. Выходит, что проблема не в продолжительности учебной программы, а в частоте посещения вуза.

Как же нам бороться за образцовую посещаемость? В пятидесятые годы, в бытность студентом философского факультета, я тоже мог не ходить на лекции, но впереди маячили восемнадцать профильных экзаменов, один другого сложнее. Наши профессора (а это,

на минуточку, Аббаньяно, Боббио, Парейсон[1] и другие) договорились между собой и так составили программу, чтобы после четырех лет обучения мы вдоль и поперек знали всех классиков философской мысли, от Платона до Хайдеггера. Порой ты мог что-то упустить, допустим Гегеля, но зато у тебя было четкое представление о Спинозе, Локке и Канте (со всеми его тремя «Критиками»), и если уж ты одолел такие философские глыбы, то впоследствии был способен самостоятельно восполнить все пробелы. Если учесть, что для подготовки к каждому экзамену требовалось освоить около тысячи страниц, где-то больше, где-то меньше, после восемнадцати экзаменов у тебя за спиной были минимум двенадцать тысяч проштудированных страниц, а для развивающегося юноши количество всегда имеет значение. Восемнадцать экзаменов были разделены на четыре года обучения следующим образом (кто отставал, считался недоразвитым): по пять в первые три года, и на последнем курсе только три, чтобы осталось время на дипломную работу, тоже не пустяковую. И ничего, никто не умер.

Так вот, если те восемнадцать экзаменов были призваны сформировать специалиста по философии, то оставалось еще множество других, с философией не связанных, например латынь, итальянский язык, четыре экзамена по истории. Разве можно сравнить полуторагодичную службу в армии с захватывающим и формирующим личность курсом латыни у Аугусто Ростаньи[2] (он всегда настаивал на отдельном спецкурсе по поздней латинской литературе, включавшем в себя

[1] *Никола Аббаньяно* (1901–1990), *Норберто Боббио* (1909–2004), *Луиджи Парейсон* (1918–1991) – выдающиеся итальянские философы.

[2] *Аугусто Ростаньи* (1892–1961) – известный итальянский филолог-классик, латинист.

все наследие Авсония, Клавдиана, Рутилия Намациана и прочих, также он требовал переводить экспромтом все тексты — повторюсь, все — Вергилия и Горация)? Благодаря средней школе у нас к тому времени уже были пройдены итальянский, история и латынь, так что хотя бы три экзамена можно было и убрать. Тогда осталось бы пятнадцать экзаменов по философии, рассчитанных на три года (без дипломной работы), и все то, что надо было освоить, читая классиков, без всяких сокращенных модулей.

Почему эта система не прижилась? Потому что появились «кредиты» с их ограничениями и формализмом, хотя особой нужды в них не было. Но это уже другой разговор.

2008

Размышления на чистовике

Дней десять назад *La Repubblica* посвятила аж три страницы (вслушайтесь: три страницы!) сетованиям Марии Новеллы де Лука[1] и Стефано Бартеццаги на упадок, в котором пребывает искусство каллиграфии. Не новость, что подростки, помешавшиеся на компьютерах (если они ими пользуются) и эсэмэсках, разучились писать, максимум, на что они способны, — это корявые печатные буквы. Еще в каком-то интервью учитель жаловался на засилье орфографических ошибок, но это, по-моему, уже другая проблема: врачи неплохо знакомы с орфографией, но их почерк нечитабелен, тогда как дипломированному каллиграфу позволительны сомнения, как написать — «пейзаж», «пезаж» или «пизаж», как «Пиза».

Сказать по правде, я знаю детей, которые учатся в приличных школах и вполне сносно пишут (от руки и прописью), но раз упомянутые статьи говорят о «пятидесяти процентах», видимо, судьба ко мне милостива и я общаюсь с другими пятьюдесятью процентами (кстати, с политиками та же история).

Мария Новелла де Лука — итальянская журналистка.

Трагедия в том, что все началось еще до распространения компьютеров и мобильных телефонов. Мои родители писали под легким наклоном (положив лист бумаги чуть наискосок), и каждое письмо было, по крайней мере по нынешним меркам, произведением искусства. Действительно, бытовало мнение, которое наверняка распространил обладатель кошмарного почерка, что каллиграфия — занятие для идиотов, и никто не станет спорить, что красивый почерк не гарантирует выдающихся умственных способностей, но ведь до чего же было приятно читать записку или целый документ, написанный как подобает (или как подобало).

Мое поколение тоже училось писать красиво. В начальной школе мы несколько месяцев корпели над прописями, которые впоследствии признали бессмысленным издевательством, тем не менее они учили правильно держать руку и, вооружившись бесподобным пером фирмы *Perry*, выводить украшенные завитушками буквы, сочетавшие округлость и выпуклость с изяществом. Впрочем, всякое бывало: порой с наконечника пера — и так вечно заляпывавшего чернилами парты, тетрадки, пальцы, одежду — капля подло плюхалась на бумагу, и тогда добрых десять минут приходилось на все лады тереть кляксу в надежде от нее избавиться, а она лишь еще больше размазывалась.

Кризис наступил после войны, когда началась эра шариковых ручек. Поначалу они тоже страшно текли, и стоило ненароком провести пальцем по только что написанным словам, как на их месте образовывалось смазанное пятно. Так и пропадало желание писать красиво. Но дело не в кляксах: даже если их и не было, письму шариковой ручкой все равно не хватало души, стиля и индивидуальности.

Почему же мы до сих пор переживаем из-за утраченной каллиграфии? Умение быстро и без ошибок печатать на клавиатуре развивает скорость мышления; текстовый редактор, автоматически проверяющий орфографию, подчеркивает (хоть и не всегда) красным слово «терасса»; наша молодежь отправляет с мобильного сообщение *Cul8r* вместо *See you later* («Увидимся позже»); но не будем забывать, что наши предки ужаснулись бы, увидев, что «радость» теперь пишется как *gioia*, а не *gioja*, «я имел» — *io avevo* вместо *io aveva*, ну а Цицерон схватился бы за голову, прочитав у средневековых богословов *respondeo dicendum quod*[1].

Как известно, искусство каллиграфии развивает координацию и стимулирует работу мозга. Бартеццаги отмечает, что при письме от руки фразу сначала надо сформулировать в уме и только потом перенести на лист, да и процесс сам по себе, заставляющий считаться с сопротивлением ручки и бумаги, способствует неспешному течению мыслей.

Молодое поколение все чаще будет печатать на компьютере и в телефоне, а не писать. Однако человечество научилось находить спортивный интерес и эстетическое удовольствие в том, что цивилизация искоренила за ненадобностью. Больше нет нужды в путешествиях верхом, но люди учатся ездить на лошади в манеже; уже давно изобрели самолеты, но многие ходят под парусом, словно финикийцы три тысячи лет назад; несмотря на железные дороги и туннели, есть любители покорять горные тропы; даже в эпоху электронных писем не перевелись коллекционеры почтовых марок; на войне стреляют из калашникова, и при этом проводятся миролюбивые турниры по фехтованию.

[1] Я отвечаю, что следует сказать, что (*лат.*).

Родителям стоило бы отдавать детей в школы каллиграфии, отправлять их на соревнования и турниры, и это был бы не только вклад в их образование, но и польза для здоровья и психомоторики. Такие школы существуют, достаточно задать поиск в интернете: «школа каллиграфии». Да и учителям, работающим на полставки, стоит задуматься — отличная может получиться подработка.

2009

Как бы на это посмотрел Гаттамелата?

Каждый год в конце июня газеты непременно посвящают одну-две полосы темам, фигурировавшим на лицейских выпускных экзаменах. По такому случаю созываются выдающиеся умы нации, и всегда самым комментируемым предметом оказывается итальянский язык, поскольку донести до широкой публики содержание экзамена по математике — задача не из легких, зато возмутиться, что молодому поколению в очередной раз пришлось рассуждать на тему Рисорджименто, может каждый, даже недавний выпускник. Экзерсисы Общества критиков экзаменационных тем доставляют истинное наслаждение изысканностью слога и остроумием, но (при всем моем уважении) толку от них ноль.

На самом деле темы не имеют ровным счетом никакого значения, за исключением (кажется, прецедент уже был) тех случаев, когда в формулировке допущена грубейшая ошибка или заявленный вопрос откровенно абсурден, что-то вроде «разведения роз в Дубае».

Обычно ученикам предлагаются темы, о которых те должны знать хотя бы понаслышке, так что, если вернуться к вопросам этого года, у них есть выбор: если

для кого-то политические убийства — это темный лес, у него должно оказаться хоть какое-то представление о массовом обществе или исследованиях мозга. Я хочу сказать, что лицеист может ничего не смыслить в нейронауках, но он должен понимать важность исследований работы человеческого мозга; даже если он уверен, что душа непостижима и ковыряние в мозге — бессмысленная трата времени, это уже позиция, и ее можно отстаивать, активно упирая на спиритуализм.

По правде говоря, экзаменационная тема призвана доказать всего две вещи. Во-первых, умение учащегося или учащейся грамотно писать по-итальянски, и никто от них не требует быть Гаддой (даже наоборот, если кто-то на экзамене будет писать, как Гадда, то вызовет по меньшей мере недоумение, ведь от него всего-то требовалось подтвердить удовлетворительное владение родным языком, а не выставить себя непризнанным гением). Во-вторых, учащиеся должны показать, что способны четко выражать свою мысль, развивать тему, не путая причину со следствием, и чувствовать разницу между вступлением и заключением. Выявить все эти качества может любая тема, какую ни возьми. Да что там, пусть даже она будет заключаться в доказательстве заведомо ложного тезиса.

Сосед по парте в лицее однажды предложил мне следующее задание: «Проанализируйте строку Данте "Подняв уста от мерзостного брашна"[1], интерпретируя "брашно" не так, как Гаттамелата, а как Кристиан Диор[2]». По словам одноклассников, мой ответ был безупречен и казался совершенно логичным, являясь при этом иро-

Данте Алигьери "Божественная комедия": "Ад", песнь XXXIII, 1 (пер. М. Лозинского).

Эразмо да Нарни по прозвищу *Гаттамелата* (1370–1443) — итальянский кондотьер; *Кристиан Диор* (1905–1957) — французский модельер, основатель модного дома *Christian Dior*.

ничным подражанием высокопарным литературоведческим статьям; главное же, он подтверждал умение создавать осмысленный текст даже из бессмысленного тезиса.

На страницах газет не только жалуются на экзаменационные темы, но и спорят о качестве нынешнего лицейского образования, слишком строгие у него требования или слишком мягкие, а мои сверстники публикуют эссе, где с ностальгией вспоминают, как в былые времена каждый предмет преподавали на протяжении всех трех лет обучения. Да, последние месяцы до выпуска приходилось безвылазно проводить дома, кто-то помогал себе ударными дозами психостимуляторов или кофеина, и потом долгие годы (а порой и всю жизнь) приходилось бороться с последствиями этого травматического опыта — ночными кошмарами, где снова надо было сдавать итоговый экзамен. Помню, два моих одноклассника по младшей школе умерли в возрасте десяти лет, один во время бомбежки, другой утонул в реке, но никто из однокашников по лицею не умер от экзамена. Это было испытание куда более гуманное и полезное, нежели немецкие «мензурные фехтования»[1] или экстремальные гонки в духе Джеймса Дина, распространенные среди представителей потерянного поколения. Подобное испытание не гарантировало интеллектуальное развитие, но характер точно закалялся.

Зачем же наказывать нашу молодежь слишком простыми экзаменами?

2013

Традиционное для студенческих братств испытание, известное с XVI века и существующее поныне, которое заключается в поединке на саблях-шлегерах. Название происходит от латинского слова *mensura* («мера») и связано с порядком проведения поединка: дуэлянты неподвижно располагались друг напротив друга, не сходя с изначальной позиции, и расстояние между ними вычислялось исходя из длины их рук. Лица противников оставались открытыми (только глаза защищали очки), их стремились поразить в первую очередь.

Обмен взглядами на фестивале

Конец осени богат на литературно-философские фестивали. Похоже, что лавры Мантуанского фестиваля никому не дают покоя, и теперь каждый город решил обзавестись собственным, куда зазывает лучших из лучших на рынке словесности, так что порой этим лучшим приходится мигрировать с одного фестиваля на другой. В любом случае состав гостей обычно весьма достойный. Газеты и журналы взбудоражены, но не самим фактом появления новых литературных смотров (он вполне может оказаться фантазией какого-нибудь советника по культуре), а тем, что они собирают толпы зрителей не хуже рок-концертов, причем там очень много молодежи, многие специально приезжают из соседних городов на день-два, чтобы послушать писателей и философов. Всей организацией занимаются группы волонтеров (снова молодежь), и я полагаю, что давным-давно, после флорентийского наводнения, их отцы ровно с таким же энтузиазмом вылавливали книги из грязи.

Поэтому мне кажется поверхностным и в корне неверным подход ряда моралистов, утверждающих, что

подлинный интерес к культуре может разделять лишь узкий круг подобных им ценителей, все остальное — это фастфуд для мозгов. Мода на фестивали действительно заслуживает внимания, и стоит задуматься, почему молодежь предпочитает их дискотекам; только не говорите, что это одно и то же, что-то я не слышал об автомобильных авариях по вине наглотавшихся *ecstasy* подростков, которые в два часа ночи возвращались с Фестиваля мысли[1].

Напомню, что пусть за последние годы это явление и стало поистине массовым, оно не ново: еще в начале восьмидесятых годов библиотека города Каттолика стала устраивать по вечерам встречи (платные!) на тему «Чем сегодня занимаются философы», и люди были готовы трястись в автобусе даже сто километров, лишь бы туда попасть. Кто-то уже тогда начал задумываться о причине такого энтузиазма.

Также неверно было бы сравнить фестивальный бум с расцветом философских бистро вокруг парижской площади Бастилии, где воскресное утро начинается с бокальчика пастиса и терапевтической порции незатейливой философии — психоанализа для бедных. Нет, в нашем случае люди часами внимают лекциям академического уровня. Приехал, послушал — и снова приехал.

Итак, возможных ответов два. Один из них обсуждался еще на первых встречах в Каттолике: среди молодежи есть процент тех, кто устал от легкомысленных развлечений, куцых газетных рецензий (бывают и талантливые исключения, но редко), ужатых до десятка строчек и втиснутых между статьями, телепередач, где о книгах говорят только после полу-

Фестиваль мысли (итал. *Festival della Mente*), основанный в 2004 году Джулией Коголи и Рафаэле Кардоне, проводится ежегодно в первые выходные дни сентября.

ночи. Им подавай что-нибудь посложнее. Мы сейчас говорим об аудитории фестивалей, то есть о сотнях, порой тысячах человек, по сравнению с возрастным большинством их процент невелик, но именно они ходят в многоэтажные книжные магазины, и их, безусловно, можно называть элитой; однако эта элита является массовой — какой еще она может быть в мире с семимиллиардным населением? Если говорить о соотношении самодостаточных людей и марионеток, то процентная доля элиты в обществе едва ли может быть ниже или выше существующей, если же она вовсе отсутствует — то это катастрофа.

Второй ответ заключается в неполноценности новых форм виртуальной социализации, которую лишний раз подчеркивают подобные культурные мероприятия. Пусть у тебя несколько тысяч друзей на Фейсбуке, но ты должен понимать (только если не укурен до беспамятства): это не то же самое, что общаться с людьми из плоти и крови, поэтому ты ищешь возможность побыть рядом с теми, кто разделяет твои интересы, и обменяться опытом. Как советовал Вуди Аллен, не помню, где именно: если не знаешь, где знакомиться с девушками, иди на концерт классической музыки. Не на рок-концерт, где ты орешь песни, уставившись на сцену, и не знаешь, кто стоит рядом, а на концерт симфонической или камерной музыки, где в антракте хотя бы можно завязать разговор. Я ни в коем случае не утверждаю, что на литературный фестиваль люди идут в поисках партнера, но там точно есть шанс обменяться взглядами.

2013

Сладость промедления

Когда лет двадцать тому назад я читал свой цикл Нортоновских лекций[1] в Гарварде, то вспомнил, что за восемь лет до того на моем месте был Итало Кальвино, который скончался, не успев дописать шестую лекцию (этот цикл был издан под названием «Американские лекции»). Желая отдать дань уважения Кальвино, я обратился к его лекции, где он воспевает быстроту и при этом не отрицает сладость промедления, — последней я и решил посвятить одно из своих выступлений.

Господин Эмбло, директор издательского дома Олендорфа, не жаловал промедление, поэтому рукопись романа Пруста «В поисках утраченного времени» он отверг со словами: «Дорогой друг, я, быть может, глуп, как пробка, но не могу уразуметь, зачем какой-то господин изводит тридцать страниц на описание того,

[1] Ежегодный курс лекций в Гарвардском университете, который читается на кафедре поэзии имени Чарльза Элиота Нортона. На роль лектора университет приглашает крупнейших представителей творческих профессий, в разные годы лекции читали Т. С. Элиот, Р. Фрост, И. Стравинский, Х. Л. Борхес, Л. Бернстайн, Д. Кейдж, О. Памук и многие другие.

как ворочается с боку на бок в своей постели, прежде чем заснуть»[1]. Выходит, отрицание сладости промедления помешает нам понять прозу Пруста. Приведу еще один классический пример промедления, на этот раз из «Обрученных» Мандзони.

Дон Аббондио возвращается домой, читая про себя молитвы, и вдруг видит нечто, что ему никак не хотелось бы видеть, а именно двух поджидающих его головорезов, или «брави». Любой другой писатель постарался бы тотчас удовлетворить наше читательское любопытство и объяснить, в чем дело. Однако Мандзони посвящает несколько страниц подробнейшему рассказу о брави, потом он снова медлит, и дон Аббондио вместе с ним — священник запускает палец за воротник и оглядывается, не придет ли кто на помощь. Наконец он спрашивает себя: «Что делать?» (опередив Ленина).

Так ли был необходим исторический экскурс? Мандзони прекрасно понимал, что читатель будет изнывать от желания пролистать его, и каждый так и поступил, по крайней мере при первом знакомстве с романом. Время, заложенное на пролистывание неинтересных страниц, тоже является частью стратегии повествования. От промедления обостряется тревога не только героя, но и читателя, и драматизм положения еще крепче врезается в память. Разве «Божественная комедия» — не история промедления? Странствие Данте могло обернуться сюрреалистическим сном и длиться всего одну ночь, но лишь прочитав сто песен, можно действительно прочувствовать всю мощь финала. Техника промедления подразумевает соответствующее ей неспешное чтение. Вуди Аллен как-то выска-

[1] Моруа А. *В поисках Марселя Пруста* / Пер. Л. Ефимова. СПб.: Лимбус Пресс, 2000.

зался на тему *quick reading*, скорочтения, при котором текст на дикой скорости пробегается глазами по диагонали, и закончил примерно следующим: «Я так прочитал "Войну и мир" Там было про Россию».

Медленному чтению посвящена книга Анны Лизы Буццолы «Медленное чтение в эпоху спешки» (*Scripta*, 2014)[1], но она не ограничивается мечтами, как хорошо было бы вернуться к прежней неторопливости. Автор подчеркивает связь этой проблемы с присущей сегодняшнему миру скоростью, приводит результаты антропологических исследований и в итоге предлагает ряд спасительных практик, куда входит даже *slow food*[2].

Что до литературы, Буццола (как жаль, что из-за превратного толкования понятия «политкорректность» теперь не принято употреблять определенный артикль перед именем собственным, «*la* Буццола», а ведь раньше даже за границей все говорили «*la* Каллас») опирается на теории Женетта, Шкловского и других, а также анализирует в полном объеме творчество Мариаса, Макьюэна, Буфалино, Де Луки, Сарамаго, Кундеры, Делерма, Румица и Барикко. Что ж, как честный рецензент, я обязан признаться, что в этой компании есть и мое имя, и автор книги, никуда не спеша, с удовольствием погружается в круговорот списков[3].

Отсюда берет свое начало феноменология техники промедления, которая вызывает у читателя жела-

1 Buzzola A. L. *Letteratura lenta nel tempo della fretta*. Scripta, 2014.

2 *Slow food*, или «медленная пища» (*англ.*) – движение, противостоящее системе быстрого питания, возникшее в Италии в 1986 году и затем распространившееся на многие другие страны.

3 Имеется в виду книга Умберто Эко, опубликованная на русском языке под названием «Vertigo: Круговорот образов, понятий, предметов» (Пер. А. Сабашниковой. М.: СЛОВО/SLOVO, 2009).

ние освоить неспешное чтение, даже если его ожидают тридцать страниц очень подробного описания, как кто-то ворочается с боку на бок, пытаясь уснуть. Книга небольшая, всего сто тридцать страниц, не считая примечаний и библиографии, так что ее вполне можно прочитать с должной неспешностью.

2014

Закроем классические лицеи?

В Турине 14 ноября прошли публичные слушания (во главе с судьей Армандо Спатаро), где в роли обвиняемого выступил классический лицей. Прокурор Андреа Икино, вооруженный многочисленными свидетельскими показаниями и статистическими данными, выступил со следующими обвинениями: (i) утверждение, что классический лицей обеспечивает наилучшую подготовку к научной деятельности, в корне неверно; (ii) тот, кто выбирает исключительно гуманитарные предметы, рискует остаться с неполной и искаженной картиной мира (впрочем, Икино не стал скрывать, что то же самое может произойти и с поклонником строго научных и технических дисциплин); (iii) классический лицей обязан своим появлением фашистской реформе Джентиле. В итоге суд полностью оправдал классический лицей — вероятно, категоричность обвинителя сыграла свою роль. Например, свидетели, среди которых было немало выдающихся умов, показали, что инициатива Джентиле продолжала традиции предшествовавших ей либеральных реформ и в фашистских кругах популярностью не пользовалась. Реформа Джентиле должна

была сформировать новый правящий класс, ориентированный сугубо на гуманитарные знания, и научным дисциплинам она не уделяла должного внимания – в этом заключался ее основной недостаток.

Я выступал как адвокат защиты и в своей речи согласился со многими из предъявленных обвинений, добавив, что классический лицей в трактовке Джентиле не слишком жаловал не только точные науки, но и историю искусств или иностранные языки. С так называемыми мертвыми языками дело тоже обстояло не слишком гладко: многие мои сверстники после восьми лет изучения латыни в лицее, столкнувшись с незнакомым им прежде фрагментом из Горация, не могли его прочесть. Почему бы не учить искусству простейшего диалога на латыни, что еще совсем недавно было в ходу у европейских ученых мужей? Выпускник классического лицея не обязан становиться латинистом (этому учат в университетах), но он должен понимать, что такое римская цивилизация, быть знакомым с этимологией слов, узнавать латинские (и греческие) корни, лежащие в основе большинства научных терминов. Всего этого можно добиться, пристрастившись к чтению церковной и средневековой латыни, куда более доступной и привычной, и натаскав себя на поиск лексических и синтаксических соответствий между латынью и современными иностранными языками. Или возьмем греческий: зачем заставлять ученика корпеть над Гомером, который и специалистам-то не всегда по зубам, когда можно увлечь его переводами с греческого языка эллинистического периода (на нем, между прочим, говорил и Цицерон), предложив, например, труды Аристотеля о природе?

Можно создать гуманитарно-научный лицей, который сохранил бы гуманитарные дисциплины. Адриа-

но Оливетти, приложивший руку к созданию первых компьютеров, нанимал не только инженеров и гениев от информатики, но и талантливых выпускников, получивших высший балл за диплом, скажем, о Ксенофонте. Ему было ясно, что для разработки оборудования необходимы инженеры, но новое программное обеспечение может родиться только в мозгу, взращенном на творческом полете мысли и впитавшем в себя литературу и философию. Мне всегда было интересно, не учились ли нынешние молодые изобретатели мобильных приложений (они отлично справляются с ранее не существовавшими профессиями) в учебных заведениях с гуманитарным уклоном.

Но одной информатикой дело не ограничивается. Классическое образование учит считаться с историей и памятью, тогда как любая техника существует только в настоящем и историческое прошлое постепенно теряет свою значимость. Описанное Фукидидом противостояние афинян и мелосцев до сих пор объясняет многое из того, что происходит в современной политике. Читай Буш хороших историков (а в американских университетах недостатка в них не было), он понял бы, почему в XIX веке англичанам и русским не удалось подчинить Афганистан своему влиянию.

Обратимся к примеру великих ученых: у Эйнштейна были глубокие познания в философии, а Маркс написал диссертацию о Демокрите. Так что давайте будем проводить реформы, но при этом сохраним классический лицей, ведь он учит придумывать то, что еще не было придумано, а в этом и состоит отличие гениального архитектора от прораба.

2014

О КНИГАХ
И ВСЯКОЙ ВСЯЧИНЕ

Гарри Поттер опасен для взрослых?

Пару лет назад я посвятил Гарри Поттеру одну из своих «картонок». К тому моменту были опубликованы три тома, и весь англосаксонский мир бурно обсуждал, можно ли детям читать истории про волшебников, или это непедагогично: вдруг они станут восприимчивыми ко всяческим оккультным бредням? Потом вышел фильм, поттероманиа охватила весь мир, и вот две недели назад я случайно включил передачу *Porta a porta*[1], в которой принимали участие маг Отельма, на седьмом небе от счастья от такой масштабной пропаганды в поддержку ему подобных (кстати говоря, он был одет до того «по-маговски», что даже Эд Вуд не рискнул бы пригласить его в свой фильм ужасов), и прославленный экзорцист падре Аморт (*nomen omen*[2]), считающий книги о Гарри Поттере переносчиками дьявольской заразы. А веду я вот к чему: если остальные участники пе-

1 От двери к двери (*итал.*). Существующая с 1996 года передача, бессменный ведущий которой, Бруно Веспа, приглашает в студию известных людей, чтобы те прокомментировали тему дня.

2 Имя есть знамение (*лат.*). Подразумевается созвучность фамилии Аморт слову «смерть» и имени главного злодея саги Дж. Роулинг, Лорда Волан-де-Морта.

редачи, или по крайней мере большая их часть, мыслили здраво и считали вздором как белую, так и черную магию (хотя к тем, кто в них верит, стоит присмотреться повнимательнее), отец-экзорцист со всей серьезностью утверждал, что все виды магии (белая, черная, в горошек) — это происки Дьявола.

Раз в обществе витают такие настроения, я решил выступить в поддержку Гарри Поттера и сломать пару копий. Да, это истории о магах и колдунах, и в их популярности нет ничего странного, ведь детям всегда нравилось читать про фей, гномов, драконов и чернокнижников. Белоснежку же никогда не считали орудием Сатаны. Но эта книга ни за что не стала бы столь популярной, если бы автор (не знаю, был это гениальный расчет или феноменальное чутье) не сумел обыграть ряд архетипических повествовательных ситуаций.

Гарри Поттер поначалу не знал, что он сын павших в борьбе со злом добрых волшебников, и жил у недалеких и деспотичных дяди с тетей, которые сразу невзлюбили сироту. Когда герою открылись его истинные природа и призвание, он отправился в школу для юных волшебников и волшебниц, навстречу захватывающим приключениям. Вот и первая классическая схема: возьмите нежное юное существо, заставьте пострадать и испытать лишения, потом откройте ему глаза на благородное происхождение и предначертанное блистательное будущее — тут не только Гадкий утенок и Золушка, но и Оливер Твист с Реми, героем романа Гектора Мало «Без семьи». Хогвартс — школа, где Гарри осваивает магические премудрости, — похож на типичные английские колледжи, где англосаксы играют в одну из своих национальных спортивных игр, которая так очаровывает читателей: британцев, поскольку они понимают правила, и европейцев, поскольку правила

для них — темный лес. Следующая архетипическая ситуация отсылает к «Мальчишкам с улицы Пала» Молнара и «Дневнику Джанни Урагани» Вамбы: подростки основывают тайное общество и объединяются против чудаковатых (а порой и откровенно злобных) учителей. Добавьте летающих на метлах героев, и получатся Мэри Поппинс с Питером Пэном. Еще Хогвартс напоминает таинственные замки из «Юношеской библиотеки» издательства *Salani* (оно же публикует в Италии «Гарри Поттера»), в эту серию входили книги, где мальчики в коротких штанишках и девочки с длинными золотистыми волосами дружно раскрывали преступный замысел какого-нибудь злодея, коварного дяди или целой банды негодяев и отыскивали клад, исчезнувший манускрипт или тайное подземелье.

В мире Гарри Поттера звучат леденящие душу заклинания и попадаются устрашающего вида животные (все-таки юные читатели выросли на чудищах Рамбальди[1] и японских мультфильмах), однако молодые волшебники в лучших традициях бойскаутов борются за справедливость и при этом прислушиваются к высоконравственным педагогам, что приближает сагу Роулинг (со всеми историческими оговорками) к эталонной «положительности» «Сердца» Де Амичиса.

Мы всерьез полагаем, что дети, зачитывающиеся сейчас историями про чародеев, вырастут и будут продолжать во все это верить (а ведь именно так считают маг Отельма и падре Аморт, хотя и руководствуются разными чувствами)? Все мы когда-то холодели, заслышав про людоедов и оборотней, но, повзрослев, стали больше опасаться озоновой дыры, нежели отравлен-

Карло Рамбальди (1925–2012) — знаменитый создатель кинематографических спецэффектов, среди его работ фильмы «Кинг-Конг», «Чужой», «Инопланетянин».

ного яблока. Еще мы в детстве верили, что младенцев приносит аист, но это ведь нам не помешало с возрастом освоить куда более удобную (и приятную) технику по их произведению на свет.

Так что проблема вовсе не в детях — если поначалу они и верят Коту и Лисе, то потом учатся держаться подальше от куда менее сказочных мошенников. Проблема заключается во взрослых. Может, в детстве они не читали книги о волшебниках, зато теперь принимают на веру советы телеведущих и идут к гадалкам на кофейной гуще, знатокам Таро, служителям черных месс, прорицателям, знахарям, любителям столоверчения, излучающим эктоплазму медиумам и открывателям тайны Тутанхамона. Сначала они верят колдунам, а потом и Котам с Лисами.

2001

Как защитить себя от тамплиеров

Мне только что доставили книгу Пирса Пола Рида «Тамплиеры. Драматическая история рыцарей-храмовников, самого могущественного воинского ордена эпохи крестовых походов» (*Newton Compton*, 2001)[1] и прилагавшуюся к журналу *Storia e Dossier* (выпуск за август 2001 года) брошюрку авторства Барбары Фрейл «Стратегия преступления. Филипп Красивый и тайный церемониал тамплиеров»[2]. Объем первой книги — триста страниц, второй — шестьдесят, и ни одна из них не опускается до пересказа досужих выдумок. Пиши я статью о биографии Юлия Цезаря или истории отцов-пилигримов, такое вступление показалось бы неожиданным, но в случае с тамплиерами лучше подстраховаться.

Если вы жадный до денег издатель, закажите какому-нибудь писаке книгу о тамплиерах. Чем больше в ней

Read P. P. *La vera storia dei Templari*. Newton Compton, 2001. Оригинальное издание: *The Templars: The Dramatic History of the Knights Templar, the Most Powerful Military Order of the Crusades*. London, 1999. Существует русский перевод: Рид П. П. *Тамплиеры* / Пер. с англ. В. М. Абашкина. М.: АСТ; Харвест, Хранитель, 2007.

Frale B. *Strategia di un delitto. Filippo il Bello e il cerimoniale segreto dei Templari*. Giunti Editore, 2001.

недоказуемых фактов, тем длиннее окажется очередь из охочих до тайн читателей. Если же вы решили узнать, насколько серьезное исследование о тамплиерах держите в руках, откройте оглавление. Когда оно охватывает период с Первого крестового похода до сожжения на костре в 1314 году (в крайнем случае позволительно приложение, где с легкой иронией воспроизведены распространившиеся впоследствии легенды), книга скорее всего серьезная. Когда последние главы знакомят доверчивого читателя с сегодняшними тамплиерами, будьте уверены, перед вами сборник небылиц.

Исключение составляют труды о зарождении и развитии мифа (но написанные с позиции историка). Самый надежный источник такого рода — внушительное исследование Рене Ле Форестье «Тамплиерское и оккультное франкмасонство в XVIII–XIX веках» (*Aubier*, 1970)[1]. Кто готов продолжить это путешествие и окунуться в самую гущу современного оккультизма, гностических сект, сатанинских братств, спиритов, пифагорейского ордена, розенкрейцеров, иллюминатов, масонов и охотников за летающими тарелками, обратите внимание на книгу Массимо Интровинье «Шляпа волшебника» (*SugarCo*, 1990)[2]. Качественный исторический комментарий, взвешенный и внушающий доверие, который охватывает период от инквизиционного процесса до наших дней, ищите в небольшой книжке Франко Кардини «Секреты храма. Эзотерика и тамплиеры», прилагавшейся к журналу *Storia e Dossier* за апрель 2000 года[3]. Всем интересующимся «настоя-

Первое издание: Le Forestier R. *La franc-maçonnerie templière et occultiste aux XVIIIe et XIXe siècles*. Paris: Éditions Aubier-Montaigne, 1900.

2 Introvigne M. *Il cappello del mago. I nuovi movimenti magici, dallo spiritismo al satanismo*. SugarCo, 1990.

3 Cardini F. *I segreti del tempio. Esoterismo e Templari*. Giunti Editore, 2000.

щей» историей тамплиеров стоит также прочитать «Загадку Филиппа Красивого» Жана Фавье (*Jouvence*, 1982), «Жизнь и смерть ордена тамплиеров» Алена Демурже (*Garzanti*, 1987) и «Тамплиеров» Питера Партнера (*Einaudi*, 1991)[1].

Почему тамплиеры породили такое количество легенд? Потому что их история — готовый сюжет для бульварного романа. Посмотрим: они основали духовно-рыцарский орден, провели крайне успешные военные кампании, накопили несметные богатства, столкнулись с королем, который пожелал избавиться от их, по сути, государства в государстве и созвал инквизиторов, собравших всяческие слухи, частью верные, частью ложные, из них сложилась внушающая ужас мозаика (заговор, гнусные преступления, грязная ересь, колдовство, да еще и содомия в придачу), всех подозреваемых бросили в тюрьму, подвергли пыткам, пообещали сохранить жизнь в обмен на раскаяние и казнить, если они будут настаивать на своей невиновности... В итоге первыми законность этой инквизиторской махины (и порожденной ею легенды) признали сами жертвы.

История ордена заканчивается на этом трагическом событии и одновременно предвосхищает иные политико-идеологические процессы, которые в итоге затянулись вплоть до наших дней. Однако, если вернуться к безжалостному истреблению тамплиеров, возникает неизбежный вопрос: куда же делись те, кто спасся? Схоронились в монастыре, пытаясь забыть о пережитом кошмаре, или поступили как все внушающие подозрение перебежчики — объединились в новый, еще

[1] Favier J. *L'enigma di Filippo il Bello. Il re di Francia che umiliò il papato e distrusse i Templari*. Jouvence, 1982; Demurger A. *Vita e morte dell'ordine dei templari*. Garzanti, 1987; Partner P. *I templari*. Einaudi, 1991.

более тайный орден, который существует до сих пор? Второе предположение не подтверждено ни одним историческим фактом, но зато служит неиссякаемым источником псевдоисторических домыслов.

На просторах интернета полным-полно ныне действующих орденов тамплиеров. Закон никому не воспрещает присваивать мифы. Любой желающий может назваться верховным жрецом Исиды и Осириса, фараоны все равно уже ничего не смогут возразить. Так что, если почувствуете тягу к альтернативной истории, обратитесь к сенсационному псевдоисториографическому роману Луи Шарпантье «Тайны тамплиеров» (*Atanòr*, 1981) или к «Данте-тамплиеру» Роберта Л. Джона (*Hoepli*, 1987, оригинальное издание 1946 года)[1], где вы можете ознакомиться с шедеврами аргументации, например: «Облик Беатриче, "распавшийся в могиле"[2]... (повторимся) не один, их много, они рассредоточены по всей Италии в виде духовных обществ тамплиеров, и Благороднейшая донна наделила их этим откровенно гностическим именем» (с. 351).

Если вы что-то подобное и искали, не пропустите самый беспардонный образчик псевдоистории — бестселлер Бейджента, Ли и Линкольна «Святая кровь и Святой Грааль». Их фантастическая недобросовестность до того очевидна, что закаленный читатель может включиться в эту ролевую игру и получить истинное удовольствие.

2001

Charpentier L. *I misteri dei Templari*. Atanòr, 1981; John R. L. *Dante templare. Una nuova interpretazione della Commedia*. Hoepli, 1987.

2 Данте Алигьери, «Божественная комедия»: «Чистилище», песнь XXXI, 51 (пер. М. Лозинского).

Невыносимая легкость дедка из Ламбруго

Начинать положено с характеристики героя, и это задача не из легких. Но я попытаюсь: хотя предки Паоло Де Бенедетти[1], судя по фамилии, были евреями, семья его давным-давно обратилась в христианство, и сам Паоло — истово верующий католик (а также автор книг и составитель сборников на религиозные темы). Это самый иудеоориентированный католик из мне известных, и ему на роду была написана карьера библеиста и профессора иудаики на богословском факультете. Вдобавок он еще и величайший талмудист, и, чтобы не быть голословным, расскажу один случай, коему я был свидетелем еще во времена нашей совместной работы в издательстве *Bompiani*. Де Бенедетти занимался составлением «Словаря литературных произведений и персонажей»[2] и заказал французскому, кажется, исследователю статью (или даже несколько статей) о Тейяре де Шардене[3], где

1 *Паоло Де Бенедетти* (1927–2016) — известный итальянский богослов и библеист.

2 Имеется в виду двенадцатитомный *Dizionario Bompiani delle opere e dei personaggi di tutti i tempi e di tutte le letterature.*

3 *Пьер Тейяр де Шарден* (1881–1955) — французский католический философ и богослов.

тот среди прочего написал, что фонд имени Шардена возглавляла «Ее Величество Мария Жозе Бельгийская».

Де Бенедетти зачеркнул «Ее Величество» и ограничился «Марией Жозе Бельгийской». Вряд ли в нем заговорил якобинец, скорее это было естественное для составителя энциклопедии здравомыслие. Разъяренный автор статьи, очевидно не чуждый монархических пристрастий, прислал письмо с обвинениями в цензуре и написал следующее: «Королевский сан, месье, *la royauté*, никто и никогда не вычеркивает». Де Бенедетти ответил ему: «Но ведь принцесса так и не была коронована». Действительно, в тот переходный период от правления Виктора Эммануила III и Умберто II к провозглашению республики было не до «*sacre*» – церемонии коронации. Формальность есть формальность, литургия есть литургия, и возразить на это нечего. Теперь вы мне скажите, может ли такой персонаж не быть талмудистом до мозга костей.

Даже если наш герой и посвятил свою жизнь священным текстам, он не может обойтись без мирского хобби, и Де Бенедетти выбрал себе занятие поистине каббалистическое. Он балуется (то есть исследует и сам пописывает) лимериками и прочими абсурдными стишками. Его интересуют границы этого явления и продолжатели традиции, дошло до того, что он нашел переводчика и опубликовал в издательстве *Bompiani «Old Possum's Book of Practical Cats»*[1] Элиота. Он давний поклонник легкомысленного гения Фердинандо Инкарриги – кстати, у меня есть его сборник, изданный в 1860 году, и я могу подтвердить, что подписывался тот Ингаррика. Де Бенедетти упоминает

1 Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом (*англ.*).

об этих разночтениях, но упорствует в своем орфографическом заблуждении, а уж он-то точно знает, что замени одну букву в Торе — и на мир обрушится кара небесная.

Ингаррика был судьей в Салерно и со всей серьезностью, даже не подозревая об их комическом эффекте, сочинял нравоучительные стихотворения в духе Анакреонта, например:

Астрономия — чудо-наука!
Человеку открывает глаза,
что есть солнце, луна, и звезда,
и другие штуковины сверху.
Наконец человече узреет
все светила мира людского.
А гармония шара земного
только Богу доступна и всё.

Приглашение на свадьбу подвигло Де Бенедетти на следующее подражание:

Что есть бутылка?
То, что вокруг молока.
Но дрогнет рука —
о горе! И нету бутылки.

Вот еще:

Мумия — вот ведь предмет:
расковыряли, зашили
и на храненье сложили
внутрь пирамид.

Ну и напоследок:

Памятник — штука такая,
в скверах часто встречается.
Прохожие ей восхищаются,
а на них Гарибальди глядит.

Многочисленные упражнения в анализе и написании абсурдистской поэзии опубликованы издательством Шейвиллера («Бессмыслица и не только»[1], 2007, 12 евро), и сложно решить, что более ценно: исторические экскурсы и исследования метрики или созданные на их основе авторские вещицы. Процитирую несколько лимериков Де Бенедетти:

Кла́риче как-то на свете жила,
день-деньской причитала она:
будь я хотя бы Клариссой,
сидела б в ветвях кипариса,
где нет ударений на «а».

Вот еще один:

Жил да был из Ламбруго дедок,
знатный был тот дедуля едок.
Раз объелся он, ахнул,
и покорно монахом
тотчас стал аскетичный дедок.

И напоследок:

Жил да был Вальмики-индус,
полустишья твердил наизусть.
А потом искусал его гнус,

1 De Benedetti P. *Nonsense e altro*. Libri Scheiwiller, 2007.

«Сжалься, Кришна! — молвил индус, —
был неправ, признаюсь.

Далее автор этой исключительной, несмотря на небольшой размер, книги нам объяснит, что Вальмики — имя автора «Рамаяны», состоящей из двадцати четырех тысяч двустиший, поэтому продекламировать девяносто шесть тысяч полустиший, должно быть, действительно нелегко, «в отличие от лимерика или стихотворения Унгаретти». Заботясь о читателе, Де Бенедетти приводит восемь полустиший Вальмики на санскрите, так что каждый может составить свое мнение.

Первостепенную роль в творчестве Паоло Де Бенедетти играют коты, им посвящено немало прелестных стишков, которые достойны называться настоящей поэзией. То же относится и к стихотворениям об ангелах — они, конечно, не коты, но не менее любопытные создания.

Что еще сказать? Если после просмотра передач Веспы и Санторо останется время, почитайте Де Бенедетти. Грань между безумием и мудростью до того тонкая, что следует как можно чаще ее преодолевать — это отличное упражнение. И не надо сетовать, что примеров так мало, я и сам с радостью процитировал бы больше, но хочется, чтобы любопытство подтолкнуло вас потратить двенадцать евро.

2002

Осязание книги

За последнее время мне дважды довелось выступить на тему библиофильства, и оба раза среди зрителей было много молодежи. Нелегко говорить о собственной страсти к книгам. В интервью для чудесной передачи *Fahrenheit* (она прививает любовь к чтению), которая выходит на *Radio 3*, я пояснил, что выгляжу как извращенец, предпочитающий секс с козами. Когда хвастаешься, что провел ночь с Наоми Кэмпбелл или хотя бы просто с шикарной девушкой, живущей по соседству, все тебе внимают с любопытством, завистью или в злобном возбуждении. Но когда рассказываешь об удовольствии от совокупления с козой, люди не знают, куда девать глаза, и пытаются сменить тему. Если хозяин коллекционирует живопись эпохи Возрождения или китайский фарфор, его гость теряет дар речи от такого великолепия. Если же хозяин демонстрирует книжонку XVII века с красноватыми страницами, размером в одну двенадцатую долю листа, и гордо сообщает, что владельцев подобного раритета можно пересчитать по пальцам одной руки, гость тоскует и ждет не дождется, когда можно будет откланяться.

Библиофильство — это любовь к книгам, но необязательно к их содержанию. С ним, в конце концов, можно ознакомиться и в библиотеке. Нельзя сказать, что библиофилу содержание безразлично, но ему в первую очередь нужна сама книга как предмет, и желательно, чтобы это был первый экземпляр, сошедший с печатного станка. Доходит до того, что некоторые библиофилы, заполучив нетронутую книгу, не решаются ее осквернить и так и оставляют страницы неразрезанными (я этого не одобряю, но понимаю). Для таких коллекционеров разрезать страницы редкой книги — не меньшее святотатство, чем для коллекционера часов — разбить корпус, чтобы изучить механизм.

Библиофил любит не «Божественную комедию», но определенное издание и определенный экземпляр «Божественной комедии». Он хочет прикасаться к нему, листать, проводить рукой по переплету. Он на свой лад «разговаривает» с книгой в ее физическом обличье, и та в ответ рассказывает о своем происхождении и судьбе, о том, в чьих руках ей довелось побывать. Книга делится своей историей, которая состоит из отпечатков пальцев, заметок на полях, подчеркиваний, имен владельцев на фронтисписе, порой даже следов жука-точильщика, и история эта еще прекраснее, если страницы, несмотря на прошедшие века, все так же свежи, белы и похрустывают под пальцами.

Книга-предмет может рассказать захватывающую историю, даже если ей всего полвека. У меня есть изданный в начале пятидесятых экземпляр *Philosophie à Moyen Âge* Этьена Жильсона[1], с которым я не расстаюсь со времен написания диплома. Качество бумаги тогда оставляло желать лучшего, поэтому страницы

[1] См. русский перевод: Жильсон Э. *Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века.* М.: Культурная революция, Республика, 2010.

рассыпаются под пальцами, когда пытаешься их перевернуть. Будь эта книга нужна мне для работы, я бы просто купил новую, благо сейчас полным-полно недорогих изданий. Но мне нужен именно мой экземпляр, ведь своими хрупкостью и ветхостью, подчеркиваниями и заметками, сделанными в разные периоды разными чернилами, он напоминает о годах учебы, о том, что за ними последовало, то есть является частью моих воспоминаний.

Об этом и надо рассказывать молодежи, а то бытует мнение, что библиофильство — занятие лишь для богачей. Естественно, есть старинные книги стоимостью в несколько сотен миллионов евро (инкунабула, первое издание «Божественной комедии», несколько лет назад была куплена на аукционе за полтора миллиарда), однако любовь к книгам распространяется не только на старинные издания, но и просто на достаточно старые. Кто-то, например, разыскивает первое издание сборника современной поэзии, а кто-то собирает всю серию книжек из «Юношеской библиотеки» издательства *Salani*. Три года назад я обнаружил на книжном развале первое издание романа Джованни Папини «Гог», переплетенное, с оригинальной бумажной обложкой, и отдал за него двадцать тысяч лир. Лет десять назад я видел в каталоге первое издание «Орфических песен» Дино Кампаны, стоило оно тринадцать миллионов лир (бедняга, ему удалось издать только несколько экземпляров), но ведь можно собрать весьма достойную коллекцию книг, изданных в XX веке, всего лишь время от времени отказывая себе в посещении пиццерии. Мой студент бродил по книжным развалам в поисках туристических путеводителей разных лет, и поначалу его затея казалась мне чудачеством, однако на основе этих книжонок с выцветшими фотографиями он

написал совершенно замечательную дипломную работу, где проследил, как со временем меняется восприятие и подача того или иного города. Молодым посетителям блошиных рынков на Порта Портезе и пьяцце Сант-Амброджо тоже может улыбнуться удача – порой там обнаруживаются книги в шестнадцатую долю листа, изданные в XVI или XVII веке, которые не являются редкостью и стоят, как пара хороших кроссовок, но зато могут многое поведать о своей эпохе.

В итоге с книгами происходит то же, что и с марками. Само собой, у крупных коллекционеров есть экземпляры, которые стоят целое состояние; я же в детстве покупал в газетном киоске самые разные марки в обложках по десять или двадцать штук и потом долгими вечерами мечтал о Мадагаскаре или Фиджи, глядя на цветные прямоугольнички – они точно не были редкими, но казались волшебством. Почувствовали ностальгию?

2004

Вот вам и прямой угол

Издавна бытует мнение, что вещи познаются через их определения, и в части случаев это утверждение верно. Например, достаточно хотя бы минимального представления о химии, чтобы распознать в формуле *NaCl* соединение хлора и натрия и даже предположить, что имеется в виду соль, хотя в определении нет на это прямого указания. Однако химическое толкование не дает нам никакой практической информации о соли: что она незаменима для долгого хранения пищи и улучшения ее вкуса, поднимает давление, добывается из морской воды или на солеварнях, в стародавние времена считалась роскошью и стоила куда дороже, чем сейчас. Источником всех наших знаний о соли, точнее, самых необходимых из них (без целого ряда подробностей мы легко обходимся) стали не определения, а «истории». Если живо интересоваться солью во всех ее проявлениях, истории эти разворачиваются в целые приключенческие романы: караваны пересекают пустыню по соляному торговому пути и бредут от Империи Мали к морю, первобытные врачеватели обмывают раны солевым раствором... Иными слова-

ми, наши знания (не только мифологические, но и научные) являют собой хитросплетение историй.

Познавая мир, ребенок может пойти двумя путями: изучать его посредством называния — это когда малыш спрашивает, что такое собака, и мама показывает (удивительно, что увидев и запомнив таксу, ребенок потом и борзую тоже назовет собакой; узнавание может сработать в сторону увеличения — ребенок примет за собаку и первую увиденную овцу, но вряд ли в сторону уменьшения — он всегда поймет, что собака — это собака).

Второй путь связан не с определением (сами подумайте, зачем ребенку такое описание, пусть оно и таксономически верное: «собака — обладающее плацентой млекопитающее, раздельнокопытный хищник из семейства собачьих»), а с историей: «Помнишь, как мы вышли в бабушкин сад, а там бегал такой-то зверь...»

Ребенка ведь не интересует, что есть собака или дерево. Обычно сначала они попадаются ему на глаза, а потом кто-нибудь объясняет, что они называются следующим образом. Только на этом этапе и начинаются «почему». Не так сложно понять, что и бук, и дуб считаются деревьями, но ведь самое любопытное — почему они тут стоят, откуда взялись, как растут, зачем нужны, почему опадают листья. Тогда и начинаются истории. Именно они являются носителями знания: сначала надо посадить семечко, потом оно прорастает и так далее.

На любимый детский вопрос, а именно «откуда берутся дети», можно ответить только историей, будь то сказка о капусте, аисте или рассказ, как папа дал маме семечко.

Я согласен с мнением, что научное знание тоже должно подаваться в виде историй, и часто цитирую сту-

дентам чудный пассаж из Пирса[1], где он на двадцати строчках дает определение литию, чрезвычайно поэтично представляя процесс его получения в лаборатории. Когда же мне наконец довелось воочию увидеть это знаменательное событие, сомнения в достоверности описания отпали: несмотря на все свое сходство с алхимическим таинством, то был голый химический процесс.

На днях мой друг Франко Ло Пипаро[2] участвовал в посвященной Аристотелю конференции и привел любопытный факт, что Евклид, основоположник геометрии, никогда не определял прямой угол как угол в девяносто градусов. Если подумать, это была бы самая логичная формулировка, но тем не менее совершенно бесполезная для того, кому слова «угол» или «градусы» ни о чем не говорят. Надеюсь, ни одному ребенку не доведется услышать от своей мамы, что прямой угол обязательно насчитывает девяносто градусов.

Так вот, вернемся к Евклиду: «Когда одна прямая линия пересекается с другой, и образующиеся соседние углы равны друг другу, любой из этих углов — прямой. Вертикальная линия зовется перпендикуляром по отношению ко второй линии».

Теперь понятно? Хочешь знать, что есть прямой угол? Я объясню, как его начертить, то есть расскажу историю, которая поэтапно приведет к построению угла. После чего ты сам все поймешь. Про градусы можно сообщить и позже, сначала надлежит воссоздать эту поразительную встречу двух прямых.

По-моему, крайне поучительный и поэтичный опыт, в котором сближаются два мира: вымысла, где создаются новые вселенные и из них рождаются истории,

1 *Чарльз Сандерс Пирс* (1839–1914) — американский философ, логик и математик.
2 *Франко Ло Пипаро* (р. 1946) — итальянский лингвист.

и реальности, где с помощью историй мы постигаем вселенную.

(Зачем я обо всем этом рассказываю? Да затем, что в самой первой моей «картонке», опубликованной в 1985 году, я пообещал писать обо всем, что взбредет мне в голову, и сегодня взбрело именно это.)

2005

Путешествие к центру Жюля Верна

Во времена моего детства все мальчишки делились на два лагеря: одни боготворили Сальгари[1], другие — Верна. Сразу признаюсь, тогда я примыкал к первым, но со временем История вынудила меня пересмотреть свои пристрастия. Сальгари — зачитанный до дыр, растасканный на цитаты, обожаемый всеми, кто переболел им в детстве, — молодое поколение оставляет равнодушным (такое создается впечатление). Да и старшее, по правде говоря, тоже: либо перечитываешь его с ностальгией и легкой иронией, либо мучительно продираешься сквозь бесконечные чащи мангровых деревьев, населенные колониями бабирусс[2].

Зато в этом году во всем мире отмечается столетие со смерти Жюля Верна, и повсюду, в периодической печати, на конференциях, его открывают заново, удивляясь, насколько писательские фантазии опередили свое время. Я сверился с каталогами итальянских издательств и убедился, что Верна у нас переиздают ча-

1 *Эмилио Сальгари* (1862–1911) — итальянский писатель, автор исторических и приключенческих романов, в том числе пиратских.

2 *Бабирусса* — вид млекопитающих из семейства свиней.

ще, чем Сальгари, а про его родину и говорить нечего: книги Верна — отдельное направление французской букинистики, в появлении которого наверняка сыграли свою роль небывалой красоты старые фолианты издательства *Hetzel*, выпущенные в картонном переплете (в Париже, на левом берегу Сены есть по меньшей мере два магазинчика, торгующих исключительно этими роскошными красно-золотыми томами, только цены у них грабительские).

Несмотря на все достоинства Сальгари, надо признать, что чувство юмора у создателя Сандокана оставляет желать лучшего (как, впрочем, и у всех его героев, за исключением Янеса), зато романы Верна всегда читаешь с улыбкой. Взять хотя бы тот упоительный фрагмент из «Михаила Строгова» о сражении под Колыванью, когда корреспондент *Daily Telegraph* Гарри Блэнт, дабы помешать своему конкуренту Альсиду Жоливе сообщить последние известия в Париж, невозмутимо надиктовывает телеграфисту стихи из Библии, пусть редакции и придется из-за его выходки оплатить счет на несколько тысяч рублей. Жоливе дожидается удобного момента, наконец-то прорывается к конторке и оккупирует ее, цитируя куплеты Беранже. Дальше следует диалог: "— Ого! — воскликнул Гарри Блэнт. — Именно так, — ответил Альсид Жоливе». Ну разве это не мастерство?

Перечитав какое-то время спустя фантазии писателей о будущем, нередко обнаруживаешь, что многие из них в той или иной мере претворились в жизнь, но волей-неволей испытываешь разочарование, ведь реальные изобретения оказались куда удивительнее. А Жюля Верна мы любим за то, что никакая атомная подлодка, даже оснащенная последними достижениями техники, никогда не превзойдет «Наутилус»,

да и фантастический летательный аппарат Робура-Завоевателя с его многочисленными винтами оставит далеко позади любой дирижабль или аэробус.

Есть еще один повод любить Верна (и благодарить за него надо не только автора, но и издателя) — иллюстрирующие его романы гравюры. Мы, преданные поклонники Сальгари, всегда будем с ностальгией вспоминать чудесные иллюстрации делла Валле, Гамбы и Амато, но они были ближе к живописи, скажем к черно-белому Айецу или (чувствую, этого мне не простят) Рафаэлю. Зато таинственные, волнующие гравюры из книг Верна хочется разглядеть во всех подробностях, вооружившись лупой.

Вот капитан Немо стоит у иллюминатора «Наутилуса» и смотрит на гигантского спрута, летающий корабль Робура ощерился высокотехнологичными мачтами, воздушный шар терпит крушение рядом с Таинственным островом ("— Мы поднимаемся? — Нет! Напротив! Мы опускаемся! — Хуже того, мистер Сайрес: мы падаем!»[1]), огромный снаряд летит на Луну, путешественники попадают в пещеры в центре Земли... Сцены эти проступают на темном фоне, тонкие черные штрихи перемежаются белесыми пустотами, здешняя вселенная, лишенная красок, распадается на царапины, прожилки, ослепительные в своей нетронутости проблески. Таким мир может воспринимать животное, чья сетчатка устроена совсем иначе, например бык, собака или ящерица, таким мир видится ночью через узкие щели ставен — сумрачный, словно подводное царство. Даже бескрайнее небо выглядит так же: гравер процарапывает его резцом, выскабливает, и солнечные лучи проступают лишь там, где об-

1 Ж. Верн «Таинственный остров» (пер. М. Салье).

разовалось углубление или поверхность осталась выпуклой.

Как быть, если антикварные издания издательства *Hetzel* не по карману, а современные не греют душу? Зайдите на сайт Цви Харьеля http://jv.gilead.org.il/, где опубликованы все связанные с Верном новости, календарь посвященных ему мероприятий, полная библиография, антология эссе, фотографии трехсот четырех почтовых марок, выпущенных в разных странах в честь нашего героя, переводы на иврит (господин Цви — настоящий израильтянин, и на сайте есть трогательное посвящение его сыну, умершему в девятнадцать лет). Главная драгоценность — *Virtual Library*, где собраны полные тексты романов Жюля Верна на разных языках, а в случае с оригинальными французскими изданиями еще и все гравюры, которые можно сохранить себе на компьютер и разглядывать в мельчайших деталях: чем сильнее вы увеличите изображение, тем большее получите удовольствие.

2005

Пространство в форме штопора

Кто-нибудь может меня пожурить, что нельзя писать рецензию на книгу, которая опубликована с твоим предисловием. Рецензия должна быть объективной и чуждой личных интересов, однако «Картонки Минервы» по определению отражают субъективные интересы и пристрастия. Если я написал предисловие, значит, книга мне понравилась, поэтому я и решил о ней рассказать. Речь идет о работе Ренато Джованноли «Элементарно, Витгенштейн!» (*Medusa*, 2007)[1], и за озорным названием скрывается глубокий и обстоятельный текст.

Джованноли — автор (в том числе) «Науки в научной фантастике» (*Bompiani*, 2001)[2], одной из самых увлекательных околонаучных книг, где собраны и классифицированы самые распространенные идеи из наиболее популярных научно-фантастических романов (законы робототехники, повадки инопланетян и мутантов, гиперпространство и четвертое измерение, путешествия во времени и временные пара-

1 Giovannoli R. *Elementare, Wittgenstein! Filosofia del romanzo poliziesco.* Medusa Edizioni, 2007.

2 *La scienza della fantascienza.* Bompiani, 2001.

доксы, параллельные вселенные и так далее). Между идеями нет ни малейшего противоречия, кажется, что они части одной системы, по своей однородности и логичности близкой к науке. Что не так уж противоречит истине, ведь все авторы научно-фантастических романов читают друг друга, какие-то темы переходят из книги в книгу, так что постепенно формируется своеобразный канон, существующий параллельно с официальной наукой. Опять же, фантазия сочинителей никогда не вступает в конфликт с научным знанием, наоборот, именно наука становится отправной точкой для самых невероятных решений. Наконец, часть предложенных научной фантастикой идей (начиная с Жюля Верна) была претворена в жизнь и принята наукой.

С той же позиции Джованноли рассматривает детективные романы и приходит к выводу, что методы, используемые сыщиками и философами или учеными, имеют много общего. Идея не нова, но никто прежде не развивал ее в таких масштабах и с таким упорством, и в итоге возникает вопрос (им в душе задается и сам автор), является эта книга пособием по философии детективного жанра или же учебником философии, опирающимся на свойственный детективам ход мысли. Сложно определиться, кому рекомендовать этот труд: тому, кто хочет понять устройство детективного романа, или тому, кого интересует философия. Так что перестрахуюсь и порекомендую обоим.

Очевидно, что не одни писатели-детективщики следили за развитием философии и науки (обратите внимание на фрагмент о связи творчества Дэшила Хэммета с теорией относительности и топологией): многие мыслители пришли бы (возможно) к иным умозаключениям, не читай они детективных романов. Заодно

становится ясно, какую пользу извлек поздний Витгенштейн из чтения *hard boiled novels*[1].

Не знаю, что было раньше, философия или детектив, ведь даже «Царь Эдип» по своей сути — это расследование преступления, но нет сомнений, что, начиная с *gothic novel*[2] и рассказов По, детективный жанр оказывал куда большее влияние на мыслителей академического толка, чем мы можем себе представить. При помощи логических формул, диаграмм и прочих приятных подсказок Джованноли объясняет, что переход от простого рассказа о расследовании к остросюжетному детективу соответствует переходу от *Tractatus*[3] Витгенштейна к его же «Философским исследованиям». Дедуктивная парадигма (она предполагает, что мир устроен по определенным законам, а Великая цепь бытия объяснима через четкую взаимосвязь причин и следствий и подчинена некой изначальной гармонии, согласно которой порядок и связь рождающихся в голове детектива идей отражают действующие в реальности порядок и взаимосвязи) уступает место «прагматической», где сыщик не докапывается до причин, а, скорее, генерирует следствия.

Детективный роман о расследовании, несомненно, являет собой упрощенную модель метафизического поиска, поскольку оба отвечают на вопрос «Кто это сделал?» — так на языке философии звучит *whodunit*[4]. Честертон называл детективный рассказ символом высших тайн, а Делёз[5] полагал, что философский трактат должен походить на детектив. Разве Фома Аквинский,

1 Круто сваренные романы (*англ.*) — крутые детективы.

2 Готический роман (*англ.*).

3 *Tractatus Logico-Philosophicus* (*лат.* Логико-философский трактат).

4 Искаженная версия фразы *Who [has] done it?* (*англ.* «Кто это сделал?») — одно из названий произведений детективного жанра.

5 *Жиль Делёз* (1925–1995) — известный французский философ XX века.

предлагая пять доказательств бытия Бога, действовал не как идущий по Чьему-то следу сыщик? И в жанре *hard boiled* есть своя внутренняя философия. Вспомните Паскаля и его призыв: ну же, спутаем все карты и посмотрим, что из этого выйдет. Узнаю повадки Филипа Марлоу или Сэма Спейда[1].

Я бы с радостью рассказал поподробнее о той части, где говорится о возможной взаимосвязи Агаты Кристи и Хайдеггера. Само собой, Джованноли не утверждает, что «Десять негритят» (1939) оказали влияние на «Бытие и время» (1927), хотя мог бы, если учесть его интерес к временным парадоксам; в творчестве английской писательницы он обнаруживает отсылки к идее «бытия-к-смерти», почерпнутой из средневековых источников, и за это я снимаю перед ним шляпу. Еще один совет напоследок: не пропустите страницы, посвященные Хэммету и пространству в форме штопора.

2007

Филип Марлоу — частный детектив из Лос-Анджелеса, главный герой романов Раймонда Чандлера; *Сэм Спейд* — частный детектив, главный герой книг Дэшила Хэммета, «Мальтийского сокола» (1930) и других.

О книге, которую вы не читали

Мне запомнилась (как мы увидим дальше, нет гарантии, что на мою память можно полагаться) прекрасная статья Джорджо Манганелли[1] об искушенном читателе, который, даже не открывая книгу, способен понять, что читать ее не стоит. Речь идет не об умении профессионала (или увлеченного любителя) определять ценность книги по вступлению, двум открытым наугад страницам, оглавлению или списку библиографии, что, на мой взгляд, отдает ремеслом. Нет, Манганелли имел в виду озарение, особый дар, обладателем которого он, естественно (а может, ко всеобщему удивлению), считал и себя.

«Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали» Пьера Байяра (*Excelsior* 1881, 2007)[2], психоаналитика и университетского преподавателя литературы, не объясняет, каким образом определить, стоит ли

Джорджо Манганелли (1922–1990) – известный итальянский писатель, литературный критик и журналист.

Bayard P. *Come parlare di un libro senza averlo mai letto.* Excelsior 1881, 2007. (Оригинальное издание: Bayard P. *Comment parler des livres que l'on n'a pas lus?* Paris: Éditions de Minuit, 2007; русский перевод: Байяр П. *Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали* / Пер. с фр. А. Поповой. М.: Текст, 2014).

читать ту или иную книгу, но зато учит невозмутимо рассуждать о книге, которую вы не читали, — этот навык пригодится даже профессору на лекции, с ним не страшна и беседа о признанном шедевре. В основе лежит научный подсчет: фонд хорошей библиотеки насчитывает несколько миллионов томов, если читать один в день, в год мы осилим лишь 365, за десять лет — 3600, а за всю жизнь, равную условным семидесяти годам, — каких-то 25 200. Капля в море. Впрочем, тот, кому когда-то повезло с лицеем, легко может принять участие в беседе о Банделло, Гвиччардини, Боярдо, многочисленных трагедиях Альфьери и даже «Исповеди итальянца»[1], помня только название произведения, его место в литературном процессе и при этом ни разу в жизни его не открыв.

Именно положение по отношению к другим книгам играет для Байяра первостепенную роль. Без тени смущения он признается, что никогда не читал «Улисса» Джойса, однако не боится беседовать о нем, поскольку знает, что роман связан с «Одиссеей» (ее он, кстати, целиком так и не прочитал), строится на внутренних монологах, в нем описан всего один день, действие происходит в Дублине и так далее. «Поэтому на лекциях я, не моргнув глазом, частенько упоминаю Джойса», — откровенничает автор. Порой для знакомства с книгой не так важно ее прочитать, как понять ее место на литературной карте.

Маттео Банделло (ок. 1485–1561) — итальянский новеллист XVI века, на основе его произведений были написаны, в том числе, «Ромео и Джульетта», «Много шума из ничего», «Цимбелин» и «Двенадцатая ночь» У. Шекспира; *Франческо Гвиччардини* (1483–1540) — итальянский государственный деятель, историк и автор политических трактатов; *Маттео Мария Боярдо* (ок. 1441–1494) — итальянский поэт эпохи Возрождения, автор поэмы «Влюбленный Роланд»; *Витторио Альфьери* (1749–1803) — итальянский поэт и драматург-классицист, «отец итальянской трагедии»; «*Исповедь итальянца*» (1867) — роман Ипполито Ньево (1831–1861) об участниках Рисорджименто.

А еще бывает, что мы наконец беремся за книгу, до которой давно не доходили руки, и обнаруживаем, что ее содержание нам хорошо знакомо, поскольку другие авторы на нее ссылались, цитировали и обращались к схожим идеям. Байяр (приведя несколько крайне занимательных литературных примеров о непрочитанных книгах: от Музиля до Грэма Грина, от Валери до Анатоля Франса и Дэвида Лоджа) оказывает мне честь и посвящает целую главу «Имени розы». Хотя Вильгельм Баскервильский впервые держал в руках второй том «Поэтики» Аристотеля, он был прекрасно знаком с его содержанием — его удалось восстановить при помощи других сочинений Аристотеля. В финале этой «картонки» станет ясно, что я опустил цитату из чистого тщеславия.

Самым интригующим оказалось предположение (и оно куда более правдоподобно, чем кажется), что мы забываем значительную часть прочитанного и создаем некий виртуальный образ книги, причем реальное содержание мы подменяем мыслями и ассоциациями, ею вызванными. Доходит до того, что мы с легкостью «узнаём» несуществующие сюжетные ходы или сцены, упомянутые кем-то, кто эту книгу даже не читал.

Дело в том (тут на первый план выходит психоаналитик, отодвигая в сторону преподавателя литературы), что Байяра не сильно заботит, читают ли люди книги, для него важна творческая составляющая любого чтения (или не-чтения, или невнимательного чтения) и, если совсем упростить, личный вклад в него читателя. Рассуждение о непрочитанных книгах позволяет лучше понять самого себя, поэтому автор мечтает о такой школе, где студенты смогут выдумывать книги, которые им не придется читать.

Даже тот, кто читал ту или иную книгу, в разговоре о ней может не признать ошибочную цитату, и в конце книги Байяр кается, что в пересказах «Имени розы», «Третьего человека» Грина и «Академического обмена» Лоджа есть три ложных факта. Забавно, но читая главу о Грине, я сразу обнаружил ошибку, возникло у меня сомнение и насчет Лоджа, зато описание моего собственного романа не вызвало никаких возражений. Возможно, я невнимательно читал книгу Байяра или (и автору, и моим читателям не возбраняется меня в этом заподозрить) просто пролистал ее. Однако самое любопытное не это: заявив о трех своих (подстроенных) ошибках, Байяр, сам того не заметив, подспудно признал, что разным книгам подходит свой тип чтения и тексты, анализ которых подкреплял его исследование о не-чтении, он читал с поразительной дотошностью. Это противоречие до того очевидно, что неминуемо рождается сомнение, читал ли Байяр свою собственную книгу.

2007

О ненадежности носителей информации

В прошлое воскресенье был последний учебный день в венецианской Школе книготорговцев имени Умберто и Элизабетты Маури, и речь зашла (в том числе) о ненадежности носителей информации. В письменной форме информация хранилась на египетских стелах, глиняных табличках, папирусе, пергаменте и, само собой, в печатной книге. Последняя доказывает свою живучесть на протяжении уже пятисот лет, при условии, что бумага была сделана из ткани. С середины XIX века бумагу стали производить из древесной целлюлозы, и продолжительность ее жизни сократилась примерно до семидесяти лет (если взять в руки изданные после войны газеты или книги, большинство из них рассыпается под пальцами). Многочисленные конференции и исследования посвящены тому, каким образом сохранить книги, которыми переполнены наши библиотеки, и одно из самых популярных решений (хотя маловероятно, что его удастся применить ко всем книгам без исключения) — сканировать страницы и переносить их на электронные носители информации.

Но тут возникает новая проблема: все носители для переноса и хранения данных — от фотографии до кино-

пленки, от диска до компьютерной USB-флешки — еще менее надежны, чем книги. Вспомните старые аудиокассеты с зажеванной пленкой: ее иногда удавалось распутать, перемотав с помощью карандаша, но это редко срабатывало; видеокассеты со временем теряли цветопередачу и качество изображения, а если по каким-нибудь исследовательским надобностям их приходилось постоянно перематывать вперед и назад, они выходили из строя еще быстрее. Нам довелось узнать на своем опыте, как долго может прослужить виниловая пластинка, пока на ней не появятся царапины, однако мы не представляем, сколько способен продержаться компакт-диск: поначалу он считался инновационной заменой традиционным книгам, но быстро сошел с дистанции, ведь те же данные можно было найти в Сети по более привлекательной цене. Нам неведом срок службы DVD-диска, но мы уже замечаем, что при частой перемотке он начинает чудить. Также нам не посчастливилось проследить за стойкостью компьютерных дискет: их вытеснили жесткие диски, потом все стали пользоваться перезаписываемыми компакт-дисками, а там и флеш-накопители появились. Исчезали не только носители информации, но и компьютеры, способные их воспроизводить (думаю, вряд ли кто-то сейчас может похвастаться компьютером с дисководом), и стоило забыть перенести данные со старой версии накопителя на новую (эту процедуру придется повторять каждые два-три года, возможно — до скончания времен), как с ними можно было попрощаться (если только не хранить в подвале с десяток устаревших компьютеров, по одному на каждый вышедший из употребления носитель).

Выходит, обо всех механических и цифровых запоминающих устройствах мы знаем что-то одно: либо они быстро выходят из строя, либо пока неясно, как долго они прослужат, и мы можем никогда этого так и не выяснить.

В конце концов, достаточно скачка напряжения, удара молнии неподалеку от дома или какого-нибудь не менее банального происшествия, чтобы накопитель размагнитился. Останься мы на долгое время без электроэнергии, и любой цифровой носитель окажется бесполезным. Даже если бы я записал на свой накопитель всего «Дон Кихота», я бы не смог прочитать его при свете свечи, лежа в гамаке, сидя в лодке, нежась в ванне или качаясь на качелях, тогда как к книге я могу обратиться в любых обстоятельствах. Если я уроню с пятого этажа компьютер или электронную книгу, то совершенно точно лишусь их содержимого, если же эта участь постигнет бумажную книгу, она разве что развалится на части.

Похоже, что цель современных носителей — не хранение, а распространение информации. Книга способствовала распространению информации (подумайте о значении печатной Библии для Реформации), но одновременно и сохраняла ее. Может так случиться, что через несколько веков все запоминающие устройства выйдут из строя и единственным источником сведений о прошлом окажется старая добрая инкунабула. Из современных книг выживут только те, что напечатаны на дорогой и качественной бумаге или же на бескислотной — *acid-free paper*, как ее называют издатели.

Я ни в коем случае не ретроград. На внешний жесткий диск объемом двести пятьдесят гигабайт я сохранил главные шедевры мировой литературы и философской мысли, так я в мгновение ока нахожу нужную цитату из Данте или *Summa Theologiae*, и не надо тянуться к верхним полкам книжного шкафа за тяжеленными фолиантами. Но меня успокаивает, что эти книги хранятся в моей библиотеке, — они никуда не денутся, когда все электронные приборы прикажут долго жить.

2009

Футуризм не был катастрофой

По случаю столетия «Манифеста футуризма» открылось немало выставок, которые воскрешают и переосмысляют это движение, но и тут не обошлось без разногласий: в Париже футуристов представили как подражателей кубизму, тогда как итальянские кураторы постарались подчеркнуть их оригинальность и самобытность. Среди всего многообразия выставок особенно выделяется та, что в миланском Королевском дворце. Рецензент одной из газет жаловался на отсутствие легендарных полотен, например «Динамизма футболиста» Умберто Боччони и «Похорон анархиста Галли» Карло Карра, однако не стоит расстраиваться: в конце концов, эти картины уже не раз привозили и выставляли, а на нынешней выставке много не менее достойных экспонатов. Вместо прославленных работ можно увидеть, что было до футуризма и одновременно с ним, в частности в Милане, откуда, окрепнув, он впоследствии отправился покорять Францию. Выставка не обходит стороной и то, что было после футуризма, и проводит параллели с творчеством некоторых крупных современных художников. Это как раз не так удивительно, ведь

ни одно художественное течение не проходит бесследно, куда интереснее то, что предшествовало роковому 1909 году.

По большому счету, мы привыкли представлять себе ту эпоху как время дорогих сердцу Д'Аннунцио реалистов в духе Микетти, обожаемых дамами портретистов а-ля Больдини, символистов и пуантилистов наподобие Превьяти и всех тех, кто очаровывал буржуазных посетителей музеев и галерей; после чего существующий порядок вещей вдруг пошатнулся (будто случился молниеносный переворот, который изменяет ход истории, или природный катаклизм), и из ничего образовалось авангардное искусство, в случае Италии – футуризм.

Многие знакомы с теорией катастроф математика Рене Тома[1]: под катастрофой понимается резкое изменение, переход от ничего ко всему или наоборот. К таким катастрофам можно отнести сон или смерть (как в песенке – месье Ла Палис перед смертью был еще жив) и, как утверждают некоторые интерпретаторы, исторические события из разряда мятежей или тюремных бунтов (тогда чудесное излечение тоже следует причислить к катастрофам). Так вот, миланская выставка позволяет нам на своем опыте убедиться, что футуризм не был катастрофой. Достаточно взглянуть на представленные работы, чтобы обнаружить, как в самом начале XX века (а ведь в конце XIX века Медардо Россо уже создавал свои «зыбкие» скульптуры), задолго до появления основных футуристических шедевров, когда Карра, Балла и Боччони еще занимались

Рене Фредерик Том (1923–2002) – французский математик, занимался теорией особенностей, создал самый известный ее раздел – теорию катастроф, которую Том старался применить к различным вопросам – от лингвистики до объяснения формы цветков.

фигуративной живописью (критики давно разглядели в тех картинах черты зарождающегося футуризма), намек на свойственный течению динамизм проступает там, где его не ждешь, где никто и никогда не стал бы его искать. В 1904 году Пеллицца да Вольпедо пишет «Автомобиль на перевале Пениче», где сам автомобиль почти не виден, зато резкие мазки кисти передают ощущение скорости и убегающей дороги. В 1907 году Превьяти создает картину «Солнечная колесница», где черты вымученного символизма соседствуют со стремительным, порывистым движением светила. Можно привести еще много примеров, но возникает такое чувство, будто поздние символисты, в том числе Альберто Мартини, возвещали приближение футуристов, тогда как будущие футуристы следили за творчеством пуантилистов и символистов. Взять хотя бы Анджело Романи, который между 1904 и 1907 годами создает серию портретов и неопределенных форм под названием «Крик» и «Похоть», точнее всего было бы обозначить их эпитетом «симво-футуро-абстрактно-экспрессионистские», и по смелости они значительно превосходят будущие творения футуристов; зато сразу становится ясно, почему Романи, поначалу примкнув к «Манифесту футуризма», откололся от него: похоже, он находился в постоянном поиске чего-то иного.

Помимо этого, миланская выставка наводит на размышления, никак не связанные с художественными течениями. Так называемая хроникальная история приучила нас воспринимать все значимые исторические события как катастрофы: горстка санкюлотов двинулась на Бастилию — и разразилась Великая французская революция, несколько тысяч оборванцев (хотя фотография может быть подделкой) взяли штурмом Зимний дворец — и разгорелась Октябрьская рево-

люция, выстрелили в эрцгерцога — и союзники обнаружили, что больше не могут уживаться с соседними империями, убили Маттеотти — и фашисты решили перейти к диктатуре... Но мы-то знаем, что в этих случаях факты послужили только поводом. Они подобны книжной закладке, которая намечает отправную точку, тогда как сами эпохальные события, чьим символом являются факты, под воздействием внешних обстоятельств неспешно проходят все ступени развития, от вызревания до распада.

История сродни вязкой, зловонной трясине. Не стоит об этом забывать, потому что завтрашние катастрофы, не подавая виду, назревают уже сегодня.

2009

А этот анекдот ты знаешь?

Книги, которые пытаются дать философское или психологическое определение комическому, — кладези острот. Лучшие еврейские анекдоты можно найти на страницах фрейдовского «Остроумия и его отношения к бессознательному», а в «Смехе» Бергсона спрятаны настоящие жемчужины, взять хотя бы эту цитату из Лабиша: «Ни с места! Только Бог имеет право убивать себе подобных!» Само собой, анекдоты в этих трудах появляются не смеха ради, а как иллюстрации к той или иной теории.

Бывает и наоборот, когда весь смысл в анекдотах, а теории служат лишь предлогом. Джим Холт не имеет отношения к философии, он лишь написал для *New Yorker* несколько статей, которые потом вошли в книгу «Как в анекдоте. Краткое руководство по истории и философии шутки» (оригинальное название переводится как «А этот анекдот ты знаешь?»)[1]. Холт не пренебрегает даже противоречащими друг другу теориями (он довольно хорошо знает материал), чтобы процитировать как можно больше анекдотов. Особую

[1] Holt J. *Senti questa. Piccola storia e filosofia della battuta di spirito.* I Libri di Isbn / Guidemoizzi, 2009.

слабость автор питает к соленым шуткам, поэтому на адаптированную версию для школьников рассчитывать не стоит. Он не обходит вниманием и американских *comedians*[1], например Ленни Брюса, и понять их остроты, не зная языка и контекста, довольно трудно. Например: «Почему Нью-Джерси называют Садовым штатом? Потому что у них в каждом квартале по Розенблюму». Смеются те, кто знает, что Розенблюм — еврейская фамилия, которую можно перевести как «розы в цвету», и что в Нью-Джерси много евреев. Смеются только жители Нью-Йорка.

Страшно представить, с какими трудностями столкнулся итальянский переводчик Альфонсо Винасса де Реньи, и в итоге ему пришлось прибегнуть к сноскам, а ведь нет ничего хуже, чем объяснять шутку. Не сдержусь и скажу, что одной сноски в переводе не хватает, я имею в виду анекдот, высмеивающий архиереев, которые рукополагают в сан священника даже гомосексуалов: «Почему архиереи всегда продувают в шахматы? Потому что не могут отличить слона от королевы». Вся соль шутки потерялась, ведь ясно, что геи прекрасно отличают мужчин от женщин. В сноске дается пояснение, что слон на английском называется *bishop*, другое значение этого слова — «епископ», и теперь, при наличии религиозного контекста, шутка становится чуть логичнее. Но ничего не сказано о том, что словом *queen* на сленге называют гомосексуалов, и это одна из самых презрительных кличек. Иными словами, «они не могут отличить епископа от пидора». Неполиткорректно и ядовито.

Что сказать, перевод анекдотов — титанический труд, но нельзя не отметить, что многие шутки в итал-

[1] Комиков (*англ.*).

янском издании действительно смешные, и их стоит процитировать. Есть тут анекдоты из древнегреческой литературы (Парикмахер: «Как вас постричь?» Клиент: «Молча!»), и Холт приводит один из них, дошедший до нас в виде фрагмента. Житель города Абдеры, чье население было известно своей глупостью, спрашивает у евнуха, сколько у него детей, и тот говорит, что нисколько, так как у него нет детородных органов. Однако ответ абдерита до нас не дошел, и Холт никак не может из-за этого успокоиться. Я бы предложил такую концовку: «Ну и что, мои детородные органы тоже уже давно ни на что не годятся, а жена все равно родила мне троих».

Отдельной похвалы заслуживают замечательная глава о «Фацециях» Поджо Браччолини и сноски о взаимосвязи сексуальных извращений и садистских анекдотов, вроде шуток о мертвых детях, которые несколько десятилетий назад были популярны в Штатах («Что это: красное и качается? Ребенок на крюке мясника»). Затем следует трогательное воспоминание об Алане Дандесе, антропологе юмора («Первая советская премия авторам анекдотов о режиме: пятнадцать лет»), который исследовал глупейшие шутки о слонах, возможно, с излишней серьезностью. Вот еще одна шутка, очень остроумная: «Что говорит улитка, едущая верхом на черепахе? *Уии-иии!*», ее и детям рассказать не зазорно. Анекдот о диете Клинтона не для детских ушей: «Он так похудел, что теперь видит лицо своей стажерки». Неплохой анекдот о парне, который заходит в бар и говорит, что все полицейские — мудаки. Посетитель за стойкой с ним не соглашается. «Почему? Ты полицейский?» — спрашивает парень. «Нет, — отвечает посетитель, — я мудак». Детям можно рассказать, как скелет заходит в бар (может, в тот же самый) и заказывает пиво и половую тряпку.

Раз уж Холт ни в чем себя не ограничивает, процитирую шутку о богоубийстве, приписываемую писателю Леону Уисельтиру: «Что за сыр-бор? Мы его умертвили всего на пару дней!» Опущу логико-философские анекдоты, они будут интересны только специалистам. Обидно, что у Холта нет шутки, которая однажды действительно прозвучала на конгрессе по логике. Логическая формула *modus ponens*[1] выражается так: «если *P*, то *Q*», по-английски она произносится [ɪf pi: ðɛn kju:]. Во время конференции один из участников отправился в туалет, где обнаружил очередь. На что он сказал: *if pee then queue.* Звучит фраза так же ([ɪf pi: ðɛn kju:]), но в данном случае означает: хочешь отлить — стой в очереди.

2009

[1] Правило вывода (*лат.*) — термин средневековой логики, обозначающий правило вывода в исчислении высказываний.

Festschrift

На академическом жаргоне словом *Festschrift* называют сборник, выпущенный по случаю юбилея того или иного ученого и составленный его друзьями и учениками. Порой такие издания включают в себя исследования деятельности юбиляра, которые обычно стоят авторам немалого труда, и тогда есть риск, что откликнутся лишь самые верные ученики, поскольку у именитых коллег нет времени или желания связываться со столь ответственным заданием. Чтобы не распугать всех знаменитостей, прибегают ко второму варианту: сборник на свободную тему, когда статьи пишутся не «о Мистере Икс», а «в честь Мистера Икс».

Как можно догадаться, на написанное для *Festschrift* (особенно второго типа) эссе можно махнуть рукой, ведь никто и никогда не узнает, что в таком-то сборнике опубликована твоя статья на такую-то тему. Как бы то ни было, прежде все с готовностью шли на эту жертву, иногда впоследствии используя ту же статью в другом месте. Но раньше *Festschrift* составляли по случаю шестидесятилетия профессора Икс — этот возраст считался преклонным, и, если все удачно складывалось,

профессор умирал, не дожив до семидесяти. В наше время медицина достигла такого прогресса, что профессор Икс рискует дожить до девяноста, и его ученикам придется издавать *Festschrift* не только на шестьдесят лет, но и на семьдесят, восемьдесят и девяносто.

Поскольку за последние полвека география международных отношений значительно расширилась, сегодня каждый ученый тесно общается с гораздо большим количеством людей, чем прежде, в итоге такой среднестатистический научный работник ежегодно получает двадцать — тридцать запросов на участие в юбилейном сборнике в честь кого-то из его разбросанных по всему миру коллег, счастливо доживших до глубоких седин. Если учесть, что очерк для *Festschrift* должен насчитывать никак не меньше двадцати страниц (не то прослывешь жмотом), в среднем каждый ученый должен ежегодно исписывать шестьсот страниц, желательно не повторяясь, и прославлять своих обожаемых друзей-долгожителей. Само собой, никому такое не под силу, однако отказ может быть воспринят как недостаток уважения.

Бороться с этой напастью можно лишь двумя способами. Договориться, что юбилейный сборник полагается только тем, кому за восемьдесят, или взять пример с меня: я отправляю во все *Festschrift* одну и ту же статью (заменяя только первые десять строк и финальный абзац), и до сих пор никто ничего не заметил.

2010

Старый добрый Холден

Когда умер Сэлинджер, все стали вспоминать свое знакомство с романом «Над пропастью во ржи»[1]: одни с ностальгией называли эту книгу важным подростковым переживанием, другие (или слишком молодые, или слишком старые) отстраненно ее анализировали, поскольку для них она ничем не отличалась от всех остальных произведений. Читатели из второй категории недоумевали и задавались вопросом, войдет роман «Над пропастью во ржи» в историю литературы или же останется временным явлением, связанным с конкретной эпохой и конкретным поколением. Однако никто об этом не задумывался, перечитывая «Герцога» после смерти Сола Беллоу[2] или «Нагих и мертвых» после смерти Нормана Мейлера. Что не так с Сэлинджером?

Возьмем меня в качестве подопытного. Роман вышел в 1951 году, год спустя был переведен на итальянский и опубликован в издательстве *Casini* под сомни-

Итальянское название романа – *Giovane Holden*, «Молодой Холден», отсюда перекличка с заглавием.

Сол Беллоу (1915–2005) – американский писатель еврейского происхождения, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1976 год.

тельным названием «Человеческая жизнь» (*Vita da uomo*), но оказался никому не интересен. Успех пришел к нему в 1961 году после публикации в издательстве *Einaudi* уже под привычным своим названием. Получается, эта книга играет роль прустовского пирожного *madeleine* для тех, чей подростковый возраст выпал на начало шестидесятых. Мне в то время было уже за тридцать, я исследовал творчество Джойса, и Сэлинджер прошел мимо меня. Лет десять назад, видимо из чувства долга, я наконец-то прочитал «Над пропастью во ржи», но роман оставил меня совершенно равнодушным. Почему?

Прежде всего я не обнаружил никаких параллелей со своими юношескими переживаниями. К тому же молодежный язык, когда-то поражавший своей оригинальностью, теперь выглядел анахронизмом (как известно, молодое поколение меняет жаргонные словечки каждый сезон) и звучал фальшиво. Наконец, начиная с шестидесятых годов «стиль Сэлинджера» пользовался такой популярностью, что копировался многими авторами, и спустя столько лет я воспринял его исключительно как манеру письма, в которой нет ничего уникального или провокационного. Роман потерял притягательность из-за своего успеха.

Поневоле задумаешься, насколько важны для судьбы произведения обстоятельства, исторический контекст и взаимосвязь с жизнью самого читателя. Приведу пример из другой области: я не принадлежу к *Tex generation*[1] и удивляюсь, когда кто-то заявляет, что вырос на историях об этом персонаже. Тому есть простое объяснение: первый выпуск был опубликован

[1] Поколение Текса (*англ.*). «Текс» – легендарная серия итальянских комиксов в жанре вестерн, названная по имени главного героя, бывшего техасского рейнджера.

в 1948 году, я в то время учился в лицее и давно забросил комиксы; вернулся я к ним лет в тридцать, когда на пике популярности был Чарли Браун, в моду возвращались классические комиксы о Дике Трейси и Крейзи Кэт, и одновременно делали первые шаги будущие легенды итальянского комикса Гвидо Крепакс и Уго Пратт. Та же история с Бенито Яковитти: для меня он создатель прежде всего Коротышки, Каланчи и Карапуза, а не Кокко Билла.

Главное — не сводить все к личным предпочтениям. Кто-то может на дух не переносить «Божественную комедию», поскольку ее проходили в школе именно тогда, когда он страдал от неразделенной любви, но ведь на месте Данте легко могли оказаться, например, фильмы с Тото. Как бы то ни было, не следует потакать губительной тяге к псевдодеконструкции и соглашаться, что текст лишен какого-либо смысла и все зависит от интерпретации читателя. Кто-то может с грустью вспоминать «Тото, Пеппино и распутницу», ведь его бросила девушка как раз в тот день, когда они собирались посмотреть этот фильм, однако при беспристрастном размышлении нельзя не признать, что сцена с письмом актрисе Дориан Грей — настоящий шедевр с точки зрения ритма и соблюдения меры в использовании комических эффектов.

Если художественная ценность произведения не зависит от обстоятельств нашего личного восприятия, как быть с причинами его успеха или неуспеха в ту или иную эпоху? Насколько может повлиять время публикации (и культурный контекст) на популярность книги? Почему в начале пятидесятых роман «Над пропастью во ржи» околдовал американскую молодежь и оставил равнодушной итальянскую, которая открыла его для себя лишь спустя десять лет? Разница в пре-

стижности и мощи рекламных ресурсов двух издательств — не единственная причина.

Я могу привести еще много примеров популярных и обласканных критикой литературных произведений, которые лишились бы всего этого, будь они опубликованы на десять лет раньше или позже. Для появления некоторых книг необходим благоприятный момент. Однако еще греческие философы, а потом и их последователи признавали, что с «благоприятным моментом», или *kairos*[1], всегда связана куча проблем. Заявление, что книжка появилась или не появилась в благоприятный момент, не объясняет, в чем заключается пресловутая благоприятность. Это задача, не имеющая решения, — все равно что предугадать, где в среду будет находиться шарик для пинг-понга, который в понедельник упал в море.

2010

[1] *Греч.* καιρός.

Ох уж этот Аристотель!

В Италии на днях вышла занятная книжка американца Питера Лисона «Невидимый крюк: секреты экономики пиратов» (*Garzanti*, 2010)[1], где автор, специалист по истории капитализма, объясняет основные принципы современных экономики и демократии на примере экипажа пиратских кораблей XVII века (да-да, тех самых под предводительством Черного корсара и Пьетро-олонца[2], плававших под флагом с черепом, который изначально был не черного, а красного цвета, и называли его *Jolie rouge*[3], пока англичане не исковеркали произношение и не породили *Jolly Roger* — «Веселого Роджера»).

Лисон утверждает, что флибустьеры с их непреложными для каждого уважающего себя пирата драконовскими законами являли собой «просвещенное», демократическое, эгалитарное и толерантное братство, ни дать ни взять — идеальная модель капиталистического общества.

1 Leeson P. *L'economia secondo i pirati. Il fascino segreto del capitalismo*. Garzanti, 2010.

2 *Черный корсар* и Пьетро Нау, или *Пьетро-олонец* (его прототипом был французский флибустьер Франсуа Л'Олоне), — герои пиратских романов Э. Сальгари.

3 Дословно — красивый красный (*фр.*).

О том же говорит во вступлении Джулио Джорелло[1], однако я не стану углубляться в книгу Лисона, а лучше поделюсь мыслями, на которые она меня натолкнула. Черт возьми, когда о капитализме еще никто слыхом не слыхивал, сходство между пиратами и торговцами (то есть «независимыми предпринимателями», на которых потом будет опираться капитализм) уже подметил Аристотель.

Одна из его заслуг заключается в том, что на страницах «Поэтики» и «Риторики» он впервые дал определение метафоре, отказавшись считать ее декоративным украшением и назвав формой познания. На самом деле это очень ценное замечание, хотя в последующие века за метафорой надолго закрепилась слава приема, способного расцветить речь, не изменив ее содержания. А некоторые и по сей день так думают.

В «Поэтике» сказано, что для сложения хороших метафор необходимо «подмечать сходство (в природе)»[2]. Аристотель употребляет глагол *theorêin*[3], который можно перевести как «подмечать, изучать, сравнивать, выносить суждение». Познавательной роли метафоры уделено много внимания в «Риторике»: по словам философа, приятно то, что восхищает, поскольку дает нам возможность обнаружить неожиданное соответствие или же «представляет перед глазами» (так он выражается) то, что мы никогда не замечали, и нам остается только воскликнуть: «Надо же, все так и есть, а я этого никогда не знал».

Как мы видим, Аристотель приписывал хорошим метафорам чуть ли не научное значение, пусть эта наука и не стремилась обнаружить нечто уже существую-

1 *Джулио Джорелло* (р. 1945) — итальянский философ.
2 Пер. В. Аппельрота.
3 *Греч.* θεωρεῖν.

щее, а, скорее, помогала чему-то впервые проявиться, позволяла по-новому увидеть привычные вещи.

Каков наиболее убедительный пример метафоры, впервые что-то представляющей перед нашими глазами? Это грабители, которые стали называть себя «сборщиками чрезвычайных податей» или «поставщиками товара» (интересно, откуда взялся этот пример). Говоря о других метафорах, Аристотель утверждал, что даже при сравнении двух совершенно разных и несовместимых явлений обнаруживается хотя бы одна общая черта, после чего эти два явления предстают как части одного целого.

Пусть торговцы обычно и считались достойными людьми, которые перевозили на кораблях свои товары и продавали их на законных основаниях, а пиратами называли голодранцев и грабителей, нападавших на суда торговцев, метафора подразумевала, что у них есть общая черта: они доставляли груз от владельца к покупателю. Ведь очевидно, что, обобрав свою жертву, пираты сбывали награбленное, то есть они были сразу сборщиками податей, перевозчиками и поставщиками товара. Только вот их клиентов можно было бы обвинить в приобретении краденого. Таким образом, удивительное сходство негоциантов и разбойников вызывало все больше подозрений, и в итоге читатель говорил: «так и есть, а я всегда заблуждался».

С одной стороны, метафора вынуждала пересмотреть роль пиратов в экономике Средиземноморья, с другой — заставляла задуматься о сомнительной роли и методах торговцев. Использованное Аристотелем сравнение предвосхитило фразу Брехта о том, что настоящее преступление — это не налет на банк, а основание его. Само собой, великий Стагирит не мог знать, как зловеще будет звучать брехтовский каламбур в кон-

тексте того, что в последние годы происходит на международном финансовом рынке.

В общем, не будем притворяться, что Аристотель (кстати, воспитатель царя) был единомышленником Маркса, но вы можете себе представить, как меня позабавила вся эта пиратская история. Ох уж этот Аристотель!

2010

Монтале и бузина

В чудесной книжке «Монтале и Лиса» Мария Луиза Спациани[1] рассказывает о своем многолетнем союзе с Эудженио Монтале, вспоминает разные случаи из жизни, и один из них не мешало бы ввести в школьную программу. Однажды Спациани и Монтале проходили мимо зарослей бузины, к которой поэтесса всегда питала слабость, потому что, «если приглядеться, соцветие с его расходящимися веером мелкими бутонами оборачивается звездным небом, и это похоже на самое настоящее волшебство». Вероятно, поэтому из всех стихотворений Монтале, которые она знала наизусть, ей был особо мил удивительным образом интонированный одиннадцатистопник: «Куст бузины ввысь устремляет шпили».

Увидев неподдельный восторг своей спутницы, Монтале заметил: «Какие красивые цветы» — и спросил, как они называются. Спациани «взвыла, как раненый зверь». Не может быть! Он создал столь дивный поэтический образ и при этом не узнал бузину в ее естественной среде обитания? Монтале развел руками:

[1] Spaziani M. L. *Montale e la volpe. Ricordi di una lunga amicizia.* Mondadori, 2011.

«Все-таки поэзия состоит из слов». Этот случай — лучшее объяснение разницы между поэзией и прозой.

Проза говорит о вещах, и если писатель упоминает бузину, то должен хорошо ее себе представлять и давать соответствующее действительности описание, иначе лучше вовсе обойтись без нее. В прозе действует закон *rem tene, verba sequentur*[1] — «говори по делу, слова найдутся». Начало «Обрученных» (кстати, написанное девятистопником), как и последующее напевное описание пейзажа, не было бы столь прекрасным, не наблюдай Мандзони подолгу за двумя непрерывными цепями гор, высоким мысом с правой стороны и обширным низменным побережьем с левой, мостом, соединяющим оба берега, а также горой Резегоне[2]. В поэзии все наоборот: сначала ты влюбляешься в слова, а потом приходит все остальное — *verba tene, res sequentur*, или «держись слов, а суть дела приложится».

Выходит, Монтале никогда не видел стебель вики, водоросли и морские звезды, меч-траву, живую изгородь из питтосфор, в серебре двойном росу, сорванную черепицу, белую бабочку, перепелиный хор, кадриль и ригодон, стезю на дне овражка?[3] Сложно сказать, но слово поистине самоценно в стихотворении, где ручей лишь потому задушенный до хрипа, что нужна рифма для выброшенной на берег рыбы[4], в против-

1 Удерживай суть дела, а слова последуют (*лат.*). Фраза принадлежит Марку Порцию Катону (234–149 до н. э.).

2 Неточная цитата приведена по переводу Н. Георгиевской.

3 Большинство цитат из стихотворений Э. Монтале приведены в переводе Е. Солоновича: стебель вики («Погрузиться в сад, ища прохлады...»), меч-трава («Прибрежья»), живая изгородь из питтосфор («Я помню — бабочка в окно влетела...»), в серебре двойном роса («Под новым впечатлением луны»), белая бабочка («Лето»), перепелиный хор («Моей матери»), кадриль и ригодон («Когда она дарует...»), стезя на дне овражка («Камыш, который с алым...»).

4 Цитируется стихотворение «Зло за свою держалось непреложность...» (пер. Е. Солоновича).

ном случае он бы булькал, бормотал, клокотал, задыхался или бурлил. Однако звуковая партитура потребовала, чтобы ручей чудесным образом хрипел, и «это навсегда, — / как то, что длится полноценный кон / подобно ходу суток, и что память / растит в себе»[1].

2011

Цитата из стихотворения Э. Монтале «Я помню — бабочка в окно влетела...» (пер. Е. Солоновича).

Лгать и притворяться

Читатели наверняка обратили внимание, что в нескольких последних «картонках» я рассуждал о лжи. Это не случайно: я как раз готовился к фестивалю «Миланезиана»[1], в этом году посвященному «лжи и правде», и в прошлый понедельник выступил там с речью, затронув в том числе тему художественного вымысла. Роман — это ложь? Казалось бы, встречу дона Аббондио с двумя разбойниками в окрестностях Лекко можно смело назвать враньем, ведь Мандзони прекрасно знал, что это плод его собственной фантазии. Но Мандзони и не думал лгать: он *притворялся*, что случившееся — правда, и предлагал нам присоединиться к его выдумке. Так же мы, подыгрывая ребенку, соглашаемся, что он держит в руке не палку, а меч.

Обычно художественный вымысел подразумевает наличие неких указаний на условность повествования, к примеру, слово «роман» на обложке или зачин «Давным-давно...», но часто начало книги подает нам ложный сигнал о правдоподобности. Приведу пример:

[1] Фестиваль *La Milanesiana Letteratura Musica Cinema Scienza* проводится в Милане с 2000 года.

«Около трех лет тому назад мистер Гулливер, которому надоело стечение любопытных к нему в Редриф, купил небольшой клочок земли с удобным домом близ Ньюарка... <...> Перед отъездом из Редрифа мистер Гулливер дал мне на сохранение нижеследующую рукопись... Я три раза внимательно прочел ее... Все произведение, несомненно, дышит правдой, да и как могло быть иначе, если сам автор известен был такой правдивостью, что среди его соседей в Редрифе сложилась даже поговорка, когда случалось утверждать что-нибудь: это так же верно, как если бы это сказал мистер Гулливер»[1].

Посмотрим на титульный лист первого издания романа: там нет ни слова об авторе Джонатане Свифте, зато сообщается, что перед нами подлинная автобиография, написанная самим Гулливером. Читатели могут и не поддаться на уловку, зная благодаря «Правдивой истории» Лукиана и его последователям, что нарочитые уверения в правдивости сразу выдают подделку. Однако порой в романах до того плотно переплетены вымышленные факты и элементы действительности, что читатели оказываются сбиты с толку.

Иной раз они до того серьезно подходят к романам, что верят, будто там описаны реальные события, а персонажи высказывают подлинные мысли автора. И уж поверьте мне, автору романов, на слово: когда тираж переваливает за десять тысяч экземпляров, на смену ценителям художественной литературы приходят читатели, которые принимают на веру все происходящее в книге. Один в один театр марионеток, где зрители осыпают проклятьями злодея Ганелона.

Диоталлеви, герой моего романа «Маятник Фуко», издевается над своим другом Бельбо, который поме-

[1] Пер. А. Франковского.

шался на компьютерах, и на странице 45 говорит ему: «Истинная Машина, разумеется, существует, но она создавалась не в какой-то силикатной долине»[1]. Мой коллега, специалист по точным наукам, с сарказмом заметил, что вообще-то долина называется Силиконовой, потому что в переводе с английского «*silicon*» означает «кремний». Я ответил, что прекрасно осведомлен о роли кремния в производстве компьютеров, и дочитай он до 275-й страницы, то обнаружил бы диалог господина Гарамона с Бельбо, где издатель предлагает включить компьютер в «Историю металлов», поскольку в нем используется кремний, на что Бельбо возражает: «Но кремний — это же не металл, а металлоид». Еще я напомнил ему, что на странице 45 говорил не я, а Диоталлеви, который не обязан разбираться в химии или тонкостях английского языка, к тому же было ясно, что он пародирует неточные переводы, все равно что он назвал бы хот-дог горячей собакой.

Мой коллега (не испытывающий особого доверия к гуманитариям) скептически усмехнулся, утвердившись во мнении, что я пытаюсь удержать хорошую мину при плохой игре.

Вот вам пример читателя, который, несмотря на всю свою образованность, не способен воспринять роман как одно целое и найти связь между разными его частями. К тому же он совершенно невосприимчив к иронии и не отличает мнение персонажа от мнения автора. Подобным негуманитариям понятие *притворства* неведомо.

2011

Цитаты из романа У. Эко «Маятник Фуко» приводятся по переводу Е. Костюкович.

Легковерие и самоидентификация

На той неделе я писал о читателях, которым трудно отличить правду от вымысла и поэтому они частенько приписывают автору мысли или чувства его персонажей. Приведу наглядный пример. Я наткнулся на сайт с цитатами самых разных авторов и на странице «Высказывания Умберто Эко» прочел следующее: «Итальянцы коварны, лживы, подлы, они предатели, предпочитают кинжалы честным дуэлям, предпочитают яды лекарствам, ускользчивы в переговорах и верны только одному принципу — принципу двурушничества»[1]. Здесь, несомненно, есть доля правды, но все же это стереотип, веками кочевавший по зарубежной литературе. Слова принадлежат персонажу романа «Пражское кладбище», который на протяжении нескольких страниц только и делает, что разбрасывается расистскими заявлениями, понося весь мир с помощью самых избитых клише. Обещаю сделать все возможное, чтобы моих героев нельзя было обвинить в банальности, еще не хватало, чтобы мне однажды приписа-

1 У. Эко «Пражское кладбище» (пер. Е. Костюкович).

ли философское изречение из разряда «мама у каждого своя».

Я сейчас как раз читаю колонку Эудженио Скальфари в последнем выпуске *L'Espresso*, где он развивает тему моей предыдущей «картонки». Скальфари согласен, что бывают люди, принимающие вымысел за чистую монету, но полагает (и полагает, что я полагаю), что художественный вымысел может быть истиннее истины, влиять на самоидентификацию и оценку исторических событий, развивать восприятие и так далее. С такой точкой зрения можно только согласиться, кто бы спорил.

Этим дело не ограничивается. Художественный вымысел оказывает и эстетическое влияние: хотя читатель знает, что мадам Бовари никогда не существовала в действительности, он все равно наслаждается многогранностью созданного Флобером образа. Однако именно категория «эстетического» выводит нас на полярную ей категорию «алетического» (то есть «истинного», как его понимают логики, ученые или судьи, которым предстоит определить, насколько правдивы показания свидетеля). Две категории диаметрально противоположны друг другу, ведь если судья расчувствуется, услышав эстетически безупречную ложь подсудимого, — это катастрофа. Я же обращался к алетической категории и в своих размышлениях отталкивался от темы лжи и обманчивости. Лосьон, который, по словам Ванны Марки[1], обеспечит вас роскошной шевелюрой, — это ложь? Ложь. Встреча дона Аббондио с двумя головорезами — это ложь? С алетической точки зрения ложь, но ведь автор не говорит нам, что его текст правдив, он притворяется, что это правда,

Ванна Марки (р. 1942) — итальянская телеведущая, которая продавала через «магазин на диване» всяческие чудодейственные снадобья и прочие якобы эффективные товары. Впоследствии была осуждена за мошенничество.

и ждет, чтобы читатели ему подыграли. От нас ему нужна, если воспользоваться термином Кольриджа, «приостановка неверия».

Скальфари приводит в пример «Страдания юного Вертера» и всех тех юношей и девушек, которые совершили самоубийство, отождествляя себя с главным героем. Принимали ли они роман за правду? Может, и нет, как и мы знаем, что Эмма Бовари — плод фантазии автора, однако ее судьба трогает нас до слез. Даже осознавая, что перед нами вымысел, мы можем идентифицировать себя с персонажем.

Мы догадываемся, что Эмма Бовари — вымышленный персонаж, однако в нем воплотились судьбы реальных женщин, и у нас с ней тоже может оказаться что-то общее, мы извлекаем урок из ее истории, познаем жизнь и самих себя. Древние греки верили, что злоключения Эдипа — быль, и его судьба служила поводом поразмыслить о злом роке. Фрейд знал, что Эдипа не существовало, тем не менее анализировал миф и делал выводы о работе подсознания.

Что же происходит с читателями, о которых я говорил? С теми, что не отличают вымысел от реальности? В их случае не приходится говорить об эстетическом воздействии, поскольку они так самозабвенно верят всему описываемому в книге, что ее качество их уже не заботит, они не извлекают никаких уроков и не отождествляют себя с героями. Я бы назвал это явление «художественным дефицитом», такие читатели неспособны на «приостановку легковерия». А раз их куда больше, чем нам кажется, стоит уделить им внимание, ведь мы знаем, что все остальные эстетические и нравственные вопросы этой категории людей недоступны.

2011

Три заметки о добродетели

Инвестиции. Всех нас привело в негодование известие, что один господин заплатил ндрангете[1] двести тысяч евро, чтобы гарантировать себе на выборах четыре, кажется, тысячи голосов. Конечно же, такое поведение неприемлемо. Однако все обошли вниманием три важные проблемы. Проблема первая: откуда у этого господина двести тысяч евро (это, на минуточку, четыреста миллионов в пересчете на лиры)? Допустим, он их заработал потом и кровью. Проблема вторая: почему за членство в региональном совете он выложил сумму, практически равную пятнадцати годовым зарплатам простого служащего? Даже если у него были накопления, на что бы он жил весь первый год, раз все сбережения уже истрачены? Возможно, на новой должности он мог заработать куда больше, чем двести тысяч евро.

Проблема третья: по Милану ходят четыре тысячи человек, которые за пятьдесят евро продали свои го-

Ндрангета (итал. *'ndrangheta*, от греч. ἀνδραγαθία «доблесть») — крупная итальянская организованная преступная группировка, происходящая из Калабрии — самой бедной провинции Италии.

лоса. Может, ими двигало отчаяние, а может, хитрость. В любом случае это все очень грустно.

Изъятие инвестиций. Всех любителей книг возмутили действия синьора Де Каро, директора неаполитанской библиотеки Джироламини, который долгие годы на ней наживался: он не только приторговывал украденными книгами, но, похоже, еще и изготавливал неотличимые от оригинала подделки. Если верить журналистскому расследованию Кончиты Саннино, опубликованному 2 ноября в *La Repubblica*, многие из этих книг были проданы на *eBay*, в том числе знаменитая инкунабула «Нюрнбергская хроника», которая обошлась покупателю в тридцать тысяч евро. Знакомства с книжными каталогами (или пятнадцатиминутного поиска в интернете) достаточно, чтобы разобраться со стоимостью «Хроник» Шеделя: от семидесяти пяти тысяч евро до ста тридцати, в зависимости от качества экземпляра. Экземпляр за тридцать тысяч евро либо неполный, либо в том состоянии, про которое честные книготорговцы сочувственно говорят «учебный экземпляр» (и тогда он должен был стоить дешевле тридцати тысяч). В любом случае покупатель, выложивший такие деньги за «Нюрнбергскую хронику», не мог не знать, что совершает нелегальную сделку (а если называть вещи своими именами, то это скупка и хранение краденого). Кругом сплошные негодяи: одни продаются за пятьдесят евро, другие дают скидку в шестьдесят процентов от рыночной стоимости.

Ноги растут из детства. С удивлением прочитал на сайте *Yahoo Answers* следующий запрос: «Ребят, помогите! Нужен пересказ "Вещи" Умберто Эко. Может кто помочь?? Спасибо». До сих пор ни одного ответа. Зато

есть комментарий на еще одну просьбу о помощи, уже по другому поводу: «Влияние новых технологий на детей. Помогите, пожалуйста». (Все эти запросы обязательно сопровождаются смайлом.) Отвечает некая Луиджа: «Ахахахах, по-моему, как раз благодаря новым технологиям дети теперь ищут ответы в социальных сетях и на форумах, бедняжки уже неспособны самостоятельно сформулировать свою мысль, вот и ищут того, кто им все разжует. Всеведущий интернет заменил им мамочку, балует их и разрешает не включать мозг... ахахахах».

Молодец Луиджа, здраво мыслит. Но вернемся назад, к тому греющему душу факту, что учитель или профессор задал ученикам подготовить краткое изложение моего рассказа. Сомневаюсь, что он сообщил детям название и велел самостоятельно найти текст, рассказ до того короткий, что проще было его распечатать и раздать. Пора сообщить вам горькую правду: этот рассказик (не скажу, где опубликованный, если вам так неймется, сами поищите) насчитывает пять — пять! — страниц. То есть куда быстрее прочитать весь текст, чем включить компьютер, разыскать нужный сайт, написать сообщение и дождаться ответа. Или же автор этого крика о помощи текст прочитал, но не понял, о чем он (поверьте, речь идет о незатейливой притче, с ней даже ребенок справится).

Так что, думаю, дело в обычной лени. Как мне говорили в детстве: сначала ты воруешь яблоко, потом кошелек, а там уже и мать не грех задушить. Сначала они просят помочь с пересказом, потом продают свой голос за пятьдесят евро, а потом крадут инкунабулу, ведь работать утомительно, по словам сами знаете кого[1].

2012

[1] Имеется в виду название стихотворного сборника Чезаре Павезе «Работать утомительно» (1936).

Кто боится бумажных тигров?[1]

В начале шестидесятых годов Маршалл Маклюэн[2] предрекал грядущие изменения в области мышления и коммуникации, в том числе превращение мира в «глобальную деревню», и многие из его теорий подтвердились в эпоху господства интернета. После «Галактики Гутенберга», где анализировалось влияние печатного слова на развитие культуры и нашего личного восприятия, в книге «Понимание медиа: внешние расширения человека» и других своих работах Маклюэн провозгласил закат линейной алфавитной культуры и господство изображения. Эта идея получила широкое распространение в донельзя упрощенной формулировке: «все перестанут читать и будут смотреть телевизор (или на вспышки стробоскопа на дискотеке)».

1 *«Бумажный тигр»* — китайская поговорка, ставшая популярной на Западе в 1956 году после речи Мао Цзэдуна, где он так назвал американский капитализм, подразумевая, что тот только выглядит страшным, а на самом деле его нечего бояться.

2 *Герберт Маршалл Маклюэн* (1911–1980) — канадский философ, филолог, литературный критик, один из самых выдающихся теоретиков XX века в области культуры и коммуникаций.

В 1980 году, когда умер Маклюэн, персональные компьютеры как раз входили в повседневную жизнь (экспериментальные модели появились уже в конце семидесятых, но широкое распространение ЭВМ получили в 1981 году, когда в продажу поступили IBM PC). Проживи он чуть дольше, то пришел бы к выводу, что, хотя в мире и господствует изображение, для успешного пользования компьютером все равно необходимо уметь читать и писать. Хотя современные дети осваивают айпад еще до поступления в первый класс, вся информация, получаемая нами через интернет, электронную почту и текстовые сообщения, подразумевает знакомство с алфавитом. Компьютер явился продолжением тенденции, обозначенной еще архидьяконом Фролло из «Собора Парижской Богоматери», когда он сперва указал на книгу, затем на украшенный бесчисленными скульптурными изображениями собор за окном и сказал: «Вот это убьет то». Компьютер с его мультимедийными ссылками, безусловно, стал орудием «глобальной деревни», он способен воскресить даже готическое «то», но основной принцип его работы заложил еще Гутенберг.

Итак, алфавит вернулся в обиход, а изобретение электронных книг позволило читать печатные тексты на экране вместо бумаги, что породило пророчества о гибели книг и газет (на них отчасти повлияли и падения продаж). Поэтому уже много лет все обделенные фантазией журналисты в разговоре с каждым маломальски пишущим человеком не обходятся без вопроса, что тот думает о гибели бумажных носителей. Им мало того, что книга до сих пор остается главным средством для переноса и хранения информации и что некоторые напечатанные пять веков назад фолианты прекрасно сохранились, тогда как нет никаких научных доказа-

тельств, что современные цифровые носители данных протянут дольше десяти лет (проверить мы не можем, поскольку нынешние компьютеры уже не читают выпущенные в восьмидесятые годы дискеты).

А теперь расскажу о нескольких вызывающих недоумение событиях, которые освещали в прессе, но мы пока не можем осознать их истинное значение и возможные последствия. В августе глава *Amazon* Джефф Безос купил *Washington Post*, и, пока все продолжали оплакивать гибель печатных периодических изданий, Уоррен Баффет приобрел коллекцию аж из шестидесяти трех местных изданий. Как недавно написал в *La Repubblica* Федерико Рампини, Баффет — мастодонт традиционной *old economy*, а не революционер, однако у него потрясающий нюх на возможности для инвестиций. Похоже, что и другие акулы Силиконовой долины двинулись в направлении периодических изданий.

По мнению Рампини, осталось только, чтобы Билл Гейтс или Марк Цукерберг купил *New York Times*. Хотя сбыться этому не суждено, уже ясно, что цифровой мир вновь открывает для себя бумагу. Что за этим стоит: коммерческая выгода, политическая спекуляция, желание сохранить за прессой статус оплота демократии? Я еще не готов вынести свое суждение. Но как интересно наблюдать за очередным ниспровержением пророчеств. Может, Мао и ошибался: присмотритесь повнимательнее к бумажным тиграм.

2013

ЧЕТВЕРТЫЙ РИМ

Падение Четвертого Рима

В середине третьего тысячелетия edwardgibbon@history.uk написал свою знаменитую «Историю упадка и разрушения Западных империй», повествующую о закате Четвертого Рима XX века, грандиозной системы, состоящей из огромной центральной империи и прилегающих союзных царств[1]. В качестве сильной стороны этой работы отметим хороший слог; недостатком является то, что автор попытался (слишком механически) осмыслить падение Четвертого Рима, используя выражения, в которых его предшественники толковали и описывали падение первой Римской империи.

Например, Четвертый Рим гордился тем, что одержал победу над Третьим Римом Сарматов, но — по-новому и оригинально толкуя призыв *parcere subiectis et debellare superbos*[2] — не разместил там свои легионы, наоборот, способствовал развитию свободной мафии в условиях свободного рынка. Первый Рим пал, поскольку был вве-

1 Аллюзия на знаменитое сочинение Эдуарда Гиббона (1737–1794), английского историка XVIII века, «История упадка и разрушения Римской империи» (1776–1788).

2 Покоренных щадить и усмирять горделивых (*лат.*). *Вергилий, Энеида, VI, 853.*

рен войскам наемников, не готовых умереть в сражениях против варваров; Четвертый Рим выработал модель войны, на которой не погиб ни один из его наемников и, на первый взгляд, не был убит ни один варвар. Таким образом, трагедия Четвертого Рима началась с того, что империя, не проигрывая больше войн, их не выигрывала. Поскольку войны (которые, по определению, заканчиваются, когда одна из сторон побеждает) в этом случае не могли никогда закончиться, Четвертый Рим больше не мог учредить свой *pax*[1].

В Первом Риме утверждались на императорском престоле посредством дворцовых переворотов, когда диктатор возвышался, с жестокостью устраняя своих соперников. В Четвертом Риме, наоборот, династический кризис наступал, когда на императорском престоле демократически утверждались одновременно два императора, и никто не мог сказать, кто же из них законный. Династическая борьба переместилась даже в самые отдаленные из вассальных территорий, но борьба эта состояла не в том, как захватить власть, а в том, как потерять ее. Обычно в борьбе за власть действуют две группировки, каждая из которых стремится к максимальной внутренней сплоченности, одновременно ставя своей задачей внести разлад и смятение в ряды противника. В вассальных же царствах Четвертого Рима возникли драматические тупиковые ситуации, когда группировки не враждовали между собой, но каждая была озабочена собственной внутренней борьбой. Поэтому побеждала та фракция, чьи противники (более искусные) первыми уничтожали сами себя.

edwardgibbon@history.uk правильно назвал исторический период, которым он занимался, новой эпо-

1 Мир, отсутствие войны (*лат.*).

хой упадка. Если в первый период упадка опасность представляли «варварские орды» на границах империи (это были большие белые варвары, как пел Поэт), то во второй империя дрогнула под мирным нашествием варваров маленьких цветных. В обоих случаях империя реагировала, слагая (как сказал тот же Поэт) «безразличные акростихи»[1]. Общедоступный эротизм изменил прежние нравы: процессии юных дев, весьма лаконично одетых, привносили веселье в крупные общественные события, а облеченные властью мужи появлялись на публике, обнимая пышногрудых гетер и распевая гимны радости и удовольствию. Народ хотел зрелищ и с удовольствием наблюдал, как молодые люди, закрытые на несколько месяцев в одной комнате, пожирают друг друга. Кризис затронул даже религию предков: вместо того чтобы заниматься важными богословскими вопросами, лежащими в основе их веры, верующие практиковали магические культы, поклоняясь говорящим и плачущим идолам, слушая оракулов, смешивая традиционные ритуалы и оргиастические обряды.

2000

Эко цитирует слова из сонета «Изнеможение» (*Langueur*) французского поэта Поля Верлена (1844–1896): *Je suis l'Empire à la fin de la décadence, / Qui regarde passer les grands Barbares blancs / En composant des acrostiches indolents / D'un Style d'or où la langueur du soleil danse.* Я чувствую себя Империей на грани / Упадка в ожиданьи варварской орды, / Когда акростихи, как дряблые плоды / Изнеможения, слагаются в дурмане (пер. М. Яснова).

Настоящий Великий коммуникатор?

Когда выйдет эта «картонка», вероятно, утихнет обсуждение заявления, сделанного председателем Совета министров на официальной международной встрече, о его пресловутых семейных проблемах, и должен сказать, что пресса всех оттенков повела себя в этой связи с образцовой сдержанностью, отмечая и комментируя событие в первый день, но избегая погружать нож в рану[1]. Однако возвращаюсь я к этому теперь не потому, что плохо воспитан, а потому, что данный эпизод должен на ближайшие годы стать предметом обсуждения в курсе по теории коммуникации, а право на научное познание суверенно.

Итак, я надеюсь, что за прошедшие почти две недели все забыли о том, как, принимая премьер-министра иностранного государства, наш премьер-ми-

[1] В 2002 году итальянская пресса много писала о скандальном высказывании премьер-министра Италии Сильвио Берлускони на встрече с премьер-министром Дании Андерсом Фогом Расмуссеном. Берлускони назвал Расмуссена «самым красивым премьер-министром Европы» и сказал, что хотел бы познакомить его со своей женой, потому что он лучше Массимо Каччари. Таким образом Берлускони публично обнародовал слухи о предполагаемых отношениях между своей женой и мэром Венеции Массимо Каччари.

нистр сделал несколько заявлений, которые касались предполагаемых (в смысле — по слухам, то есть, по сути, это сплетни) отношений между его собственной женой и одним господином, сказав о своей жене «бедная женщина». Газеты тут же ухватились за этот эпизод, который, судя по их сообщениям, можно трактовать по-разному. Интерпретация первая: поскольку наш премьер рассержен, он дал волю инвективе личного характера в общественном месте. Вторая: Великий коммуникатор, коим является наш председатель Совета министров, сообщив, что гуляют слухи на довольно пикантную тему, превратил все в шутку, что позволило немедленно закрыть вопрос, лишив его остроты.

Ясно, что в первом случае «бедная женщина» звучит оскорбительно для жены, в то время как во втором случае — оскорбительно для предполагаемого третьего лишнего (имелось в виду: «вот бедняжка!», все так думают, но, очевидно же, это не так, поскольку я над этим подшучиваю). Если первая интерпретация, которую я бы хотел исключить, верна, случай относится больше к компетенции психиатра, чем политолога. Рассмотрим тогда вторую. Именно она должна стать темой для обсуждения не только на семинарах по социальным наукам, но и на семинарах по истории.

Действительно, Великий коммуникатор, судя по всему, проигнорировал очевидный принцип, согласно которому опровержение — это новость, данная дважды. Если бы дважды! Я, например (возможно, потому, что в последнее время много путешествовал и был в странах, не озабоченных нашими проблемами), никогда не слышал об этой сплетне, которая, вероятно, имела хождение в кругах ряда политиков, интеллектуалов и ряда гостей на яхтах, путешествующих по Изумруд-

ному побережью[1]. В меру своей щедрости могу предположить, что это тысяча, максимум — две тысячи человек. После публичного выступления председателя Совета министров, учитывая существование Европейского союза, инсинуация стала достоянием нескольких сотен миллионов. Не думаю, что в плане эффективности прием Великого коммуникатора является хрестоматийным примером.

Ладно, посоветуем нашим студентам не делать так, потому что реклама зубной пасты, начинающаяся словами «в пику тем, кто утверждает, что зубная паста вызывает рак», породит в сознании покупателей ряд сомнений и приведет к обвалу продаж этого полезнейшего предмета личной гигиены. Объясним, что иногда, как старик Гомер, Берлускони тоже дремлет, что поделаешь — возраст[2].

Для историографии же важно второе размышление. Как правило, политик всячески стремится отделить свои бытовые проблемы от проблем государственных. Клинтон застукан с трусами в руках, но делает все возможное, чтобы выкрутиться, и даже призывает жену сказать по телевизору, что все это сущие пустяки. Муссолини, каким бы он ни был, решал свои проблемы с донной Ракеле в четырех домашних стенах, а не обсуждал их на площади Венеции. И если он отправил на верную смерть в России столько солдат, то сделал это, воплощая свою мечту о славе, а не для того, чтобы угодить Кларетте Петаччи. В каком историческом периоде мы отмечаем столь полное слияние политиче-

Изумрудное побережье (итал. *Costa Smeralda*) — 55-километровая полоса северного побережья Сардинии, излюбленное место отдыха богатейших людей мира.

2 Аллюзия на крылатую фразу «Иногда и добрый наш Гомер дремлет» (лат. *Quandoque bonus dormitat Homerus*).

ской власти и личных проблем? В Римской империи, где император является полновластным правителем государства, не контролируется более сенатом, ему достаточно поддержки преторианцев, и тогда он может избавиться от собственной матери, сделать сенатором коня, заставить придворных, не оценивших его стихи, вскрыть себе вены...[1]

То есть это происходит в том случае, когда создается не конфликт интересов, а полное совпадение интересов собственной жизни (и частных интересов) и Государства. Такая абсолютная идентичность предопределяет режим, по крайней мере в фантазии тех, кто его лелеет, который не имеет ничего общего с режимами других времен, но очень напоминает нравы поздней Римской империи. С другой стороны, помните, в начале эпохи абсолютизма (у Дюма), чтобы предотвратить похищение Миледи подвесок королевы, лорд Бэкингем (любовник Анны Австрийской) приказывает закрыть все английские порты и объявляет войну Франции? Вот когда есть абсолютная идентичность интересов, случаются такие истории.

2002

Преторианцы (преторианская гвардия) – личные телохранители императоров Римской империи; император Нерон (37–68 н. э.) после ряда неудачных попыток убил свою мать Агриппину; император Калигула (12–41 н. э.), согласно легенде, назначил любимого коня римским сенатором.

Убить птичку[1]

В связи с дискуссиями об особенностях «режима», который правительство Берлускони насаждает медленно, но верно, стоит прояснить некоторые понятия, а именно: консерватор, реакционер, фашист, квалюнквист, популист и так далее. Реакционер — тот, кто считает, будто некогда бытовал исконный уклад, традиционная модель общественного порядка и нравственности, к которой нужно вернуться любой ценой, отвергая все так называемые достижения прогресса — от либерально-демократических идей до современной технологии и науки. Реакционер, таким образом, — это не консерватор, а, скорее, революционер «наоборот». История знает великих реакционеров, которые никак не связаны с фашистской идеологией, возникшей в XX веке. Наоборот, в сравнении с классической реакционностью фашизм отличался «революционно-модернистскими» взглядами, прославлял скорость и современную технику (футуристы), однако впоследствии со свойственным ему бестолковым

Это эссе под названием «Птичек жаль» опубликовано в сборнике Умберто Эко «Полный назад! "Горячие войны" и популизм в СМИ» (Пер. Е. А. Костюкович. М.: Астрель, CORPUS, 2012).

синкретизмом вобрал в себя и реакционеров в историческом смысле этого термина, таких как Эвола[1].

Консерватор — это не реакционер и уж тем более не фашист. Вспомним, к примеру, Черчилля, человека либеральных и антитоталитарных взглядов. Популизм, в свою очередь, — это такая форма власти, которая, минуя парламентское посредничество, стремится установить прямую плебисцитную связь харизматического лидера с толпой. Известны такие варианты, как популизм революционный, когда путем прямого обращения к народу осуществляются социальные реформы, и популизм реакционный. Популизм — это метод воздействия на глубоко укорененные в сознании масс представления и предрассудки (которые принято называть пужадистскими[2] или квалюнквистскими[3]). Босси, в частности, использует популистские методы, апеллируя к таким квалюнквистским чувствам, как ксенофобия или недоверие к государству. В этом смысле, конечно, квалюн-

Юлиус Эвола (1898–1974) — итальянский философ, писатель, поэт и художник, автор ряда работ по эзотерике и оккультизму. В молодости — анархист и нигилист, затем — теоретик «Консервативной революции», идеолог возврата к духовным традициям. Работы Эволы оказали влияние на многих представителей ультраправой идеологии в Европе и других частях мира.

2 *Пьер Пужад* (1920–2003) — французский крайне правый политик, «национал-синдикалист», в 1950-х годах был одним из наиболее ярых критиков неэффективного парламентаризма Четвертой республики. В 1953 году основал «Союз по защите владельцев магазинов и ремесленников», отстаивавший интересы мелких предпринимателей. «Пужадизм» предполагает популистские лозунги, связанные с борьбой против крупного предпринимательства, банковской и налоговой системы, аристократии и интеллектуалов, во имя «здравого смысла» и защиты «маленького человека». Пужадизм, сторонником которого был Жан-Мари Ле Пен, является одним из предшественников правой партии «Национальный фронт»во Франции.

3 *Квалюнквизм* — недолговечное политическое движение, существовавшее в Италии в послевоенный период. Отрицает или сознательно игнорирует политический аспект в социальной жизни. Название произошло от газеты *L'Uomo Qualunque* (Обычный человек), с 1944 года издаваемой Гульельмо Джаннини. Обычно под термином понимается безразличное отношение к политике, «пофигизм», обывательство.

квистским является обращение Берлускони к таким глубинным и «примитивным» эмоциям, как представление о том, что уклонение от налогов — это правильно, что все политики — воры, что нельзя доверять правосудию, потому что судьи сажают всех в тюрьму. Серьезный и ответственный консерватор никогда не станет призывать граждан утаивать доходы, потому что это подорвет систему, которую он стремится «законсервировать».

Характерно, что при разной политической ориентации лагеря могут сближаться в некоторых вопросах. Взять хотя бы смертную казнь. Консерваторы относятся к ней неоднозначно — одни за, другие против. Как правило, ее поддерживают реакционеры в соответствии со своими идеями жертвенности и возмездия, крови как искупительного элемента (по де Местру[1]). За смертную казнь выступают и популисты, играя на страхах населения, порожденных известиями о жестоких преступлениях. Смертная казнь никогда не ставилась под сомнение коммунистическими режимами. Или отношение к экологическим проблемам: тема защиты планеты, даже ценой устранения человека как биологического вида, — это тема определенно реакционная. За защиту окружающей среды может выступить и сознательный консерватор (только не Буш, которым манипулируют крупные промышленные корпорации, заинтересованные в неконтролируемой сверхприбыли), и революционер из крайних левых.

Защищать природу мог бы и популист, но ему, как правило, приходится считаться с настроением «наро-

Жозеф-Мари, граф де Местр (1753–1821) — религиозный философ, литератор, политик и дипломат, основоположник политического консерватизма. Подданный Сардинии, в 1802–1817 годах посланник сардинского короля в России. В «Размышлениях о Франции» (1797), считая Французскую революцию «сатанической», рассматривал ее как род искупительной жертвы.

да», своего электората. Крестьянский мир на протяжении веков оберегал природу, если дело касалось обработки ограниченной территории в пределах его собственного участка. Окружающие леса вырубались без сожаления всякий раз, когда это было выгодно, и никого не заботили геологические последствия в широком масштабе. Если нам кажется, что раньше крестьяне относились к природе уважительнее, чем сейчас, это заблуждение. Просто леса и рощи были в таком изобилии, что на их вырубку не обращали внимания. «Каждый имеет право построить себе домик там, где захочет, и не обязан считаться с экологическими ограничениями» — вот вам удачный популистский лозунг.

Сейчас обсуждается законопроект о безмерном расширении правил охоты. Охота — это распространенное увлечение и страсть, атавистическая по природе. Поскольку человечество соглашается с разведением кур, коров и свиней для их последующего убийства и поедания, можно допустить, что в особых заповедниках вдали от населенных пунктов в определенные сезоны разрешается забавы ради убивать съедобных тварей, сохранение и воспроизведение которых находится под контролем. Но в разумных пределах. А новый закон норовит вернуть все во времена «доэкологические». Почему? Потому что апеллирует к примитивным людским импульсам, обращаясь к «глубинному человеку», который с недоверием относится ко всякого рода критикам и реформаторам традиций, то есть обращаясь к толпе — культурному бульону различных пужадистских толков.

Этот законопроект еще раз подчеркивает ограниченно-популистскую природу ползучей системы, живущей за счет призывов к неконтролируемым инстинктам электората, наименее критически мыслящего.

2004

О режиме медийного популизма

В день, когда Берлускони сообщил в программе *Porta a Porta* о предполагаемом выводе итальянских войск из Ирака, я находился в Париже, где открывался Парижский книжный салон, и, естественно, обсуждал итальянскую политику с французами, которые часто совершенно не понимают, что у нас происходит, и не без оснований.

Первый вопрос: почему ваш председатель Совета министров объявил о таком серьезном решении в телевизионной передаче, а не в парламенте, у которого, вероятно, нужно было узнать мнение или получить одобрение? Я объяснил, что это — медийный популизм, форма правления, вводимая Берлускони, когда между вождем и народом с помощью средств массовой информации устанавливается прямой контакт, а полномочиями парламента можно пренебречь. Вождю не нужно одобрение, потому что одобрение ему гарантировано, следовательно, парламент выступает лишь в роли нотариуса, который регистрирует соглашения между Берлускони и телеведущим Бруно Веспой.

Еще я объяснил, что Италия — особая страна, устроенная на семантическом лукавстве. Когда речь

идет об Ираке, газеты или радио в США говорят про *insurgency* (что можно перевести как «борьба» или «повстанческое движение»), но если кто-то в Италии использует термин «сопротивление», то тут итальянцы бьют себя в грудь и кричат о том, что терроризм фундаменталистов ни в коем случае нельзя уравнивать со славным итальянским Сопротивлением. Они не допускают, что «сопротивление» — такой же нейтральный термин, как «мятеж» или «восстание», который используется, когда часть населения страны оказывает вооруженное сопротивление иностранному оккупанту, даже если то, что делают восставшие, нам не нравится и к борьбе мятежников присоединяются откровенно террористические элементы. Еще я заметил, что наиболее горячо сокрушаются об оскорбленной славе итальянского Сопротивления те, кто в иных обстоятельствах стремится доказать, что в нашем Сопротивлении действовали одни бандиты и убийцы. Но это совсем другая история.

Я понял также (еще одна занятная семантическая слабость), что многие рвут на груди рубаху, когда речь заходит о «режиме» Берлускони. Они считают, что у нас был только один режим, фашистский, и с легкостью демонстрируют, что Берлускони не заставляет итальянских детей носить черные рубашки и не стремится завоевать Эфиопию (даже Стораче[1], я думаю, не собирается этого делать). Но «режим» означает «строй», «форма правления», говорим же мы о демократическом режиме, монархическом режиме, респуб-

Франческо Стораче (р. 1959) — итальянский журналист и политик, президент региона Лацио (2000–2005) и министр здравоохранения в третьем правительстве Берлускони (2005–2006). Возможно, здесь Эко намекает на схожесть фамилий Стораче и Стараче. Акилле Стараче (1889–1945) — политик, генерал, член фашистской партии, в разное время занимавший в ней различные высокие должности. Воевал в Эфиопии.

ликанском режиме и так далее. Устанавливаемая Берлускони форма правления уникальна, она отличается от закрепленной в Конституции. Это тот самый медийный популизм, о котором я говорил, и это так, поскольку для его улучшения Берлускони пытается даже изменить Конституцию.

Вопросов прибавилось в следующие дни, когда после сурового разноса, полученного от Буша и Блэра, Берлускони заявил, что никогда не говорил, будто собирается вывести войска из Ирака. «Как можно так себе противоречить?» — спрашивали мои собеседники. Я отвечал, что в этом-то и заключается прелесть медийного популизма. Все, что говорится в парламенте, будет запротоколировано, и назавтра тебе не отвертеться, что ничего подобного не говорил. А выступив в телепередаче, Берлускони мгновенно получил желаемый результат (добавочную популярность в преддверии выборов), после чего, заявив, будто бы ничего не говорил, с одной стороны — успокоил Буша, с другой — не растерял заработанные очки. Такова уж специфика телепередач: кто их смотрит (и не читает газеты), ровно на следующее утро забывает, что там вчера говорилось, самое большее — смутно припоминает, что Берлускони накануне сказал что-то скорее приятное, чем неприятное.

Это типичный прием из практики, например, телемагазина: продавец бальзама для волос в восемь тридцать может показать две фотографии: на одной совершенно лысый господин, на другой — с благоприобретенной густой шевелюрой. Затем в десять тридцать продавец скажет, что, конечно же, предлагаемый им отличный продукт не вернет вам потерянных волос, но чудодейственным образом остановит выпадение тех, которые пока есть. Между тем на смену одним те-

лезрителям пришли другие, а если и остались прежние, они забыли, что было сказано двумя часами раньше, у них сохранилось лишь впечатление, что продавец предлагает серьезный товар, а не призрачные надежды.

«Но, — удивились мои собеседники, — разве итальянцы не замечают, что таким образом Берлускони (и с ним Италия) теряет международное доверие, не только Ширака или Шредера, но и Блэра с Бушем?» «Нет, — ответил им я, — это могут заметить итальянцы, читающие газеты, но их ничтожно мало по сравнению с теми, кто узнает о событиях только из телевизора, а телеканалы предлагают исключительно те новости, которые нравятся Берлускони». Это и есть режим медийного популизма.

2005

Американка в Риме

У журналистки Алисы Оксман есть ряд недостатков. Она американка, и это может не нравиться левым радикалам, но она не участвовала в *USA-Day*, на котором были замечены дамы, завернутые в американские флаги, и что должно было вызвать неприязнь газеты *Il Foglio*. Она еврейка, и это сейчас может не нравиться многим, как правым, так и левым. Она относит себя к левым, и это не по душе правым. Кроме того, она жена Фурио Коломбо[1], и это может навлечь подозрения как справа, так и слева. К счастью, она недурна собой.

Неудивительно поэтому, что горечью пропитана ее книга «Под Берлускони. Дневник американки в Риме 2001–2006» (*Editori Riuniti*, 2007)[2]. Горечь в ее переписке по электронной почте с дочерью, которая была 11 сентября (и после) в Нью-Йорке; горечь в рассказах о журналистских буднях мужа (быть может, слишком много

Фурио Коломбо (р. 1931) – итальянский журналист, писатель, эссеист, политический обозреватель и преподаватель школы журналистики при Колумбийском университете. Известен как главный редактор крупнейшей итальянской левой газеты *L'Unita*.

2 Оксман А. *Sotto Berlusconi. Diario di un'americana a Roma 2001–2006*. Editori Riuniti, 2007.

цитат, подозрительный конфликт интересов); и особая горечь и холод в том, когда она без комментариев приводит сообщения прессы и новостных агентств. Это потрясающий документ для тех, кто забыл об одном из самых мрачных и гротескных периодов в нашей истории. Я ограничусь скромным флорилегием[1].

2001. «Я намерен избавить страну от опухоли судебной системы» (Карло Таормина, адвокат). «Генуя is so nice. – Президент, на улице война, там убит человек. – Oh yes, I know, it's tragic» (Буш на саммите *G8*). «Это религиозная война» (Ориана Фаллачи). «Существует полное совпадение взглядов между Бушем и Берлускони» (новости *TG2*).

2002. «То, что Бьяджи, Санторо и Луттацци[2] сделали с телевидением, – это преступление» (Берлускони на пресс-конференции в Софии). «У меня в гостях на Сардинии дочери моего друга Путина» (Берлускони). «Порто Ротондо уготовано будущее итальянского Кэмп-Дэвида[3]» (журнал *Panorama*). «На юге за мной следует процессия, как за святыми, с пением» (Берлускони, *RAI 1*).

2003. «Апичелла[4] настраивает гитару, берет пару аккордов, и он, президент-песенник, бодро начинает.

Флорилегий (лат. *Florilegium*) – латинское название, эквивалентное греческому «антология» и церковнославянскому «цветник», так назывались средневековые сборники цитат из авторитетных авторов, составлялись чаще всего для нужд богословской полемики.

Энцо Бьяджи (1920–2007) – итальянский журналист и писатель. В 2002 году на пресс-конференции в Болгарии премьер-министр Сильвио Берлускони открыто призвал телеканал *RAI1* не продлевать контракт с Бьяджи, а также еще с двумя журналистами – *Микеле Санторо* (р. 1951) и *Даниэле Луттацци* (р. 1961). По истечении срока контракта Бьяджи покинул телевидение, на котором проработал более сорока лет. Факт давления власти на СМИ вызвал скандал в Италии.

3 *Порто Ротондо* – городок на Сардинии, где находится известная вилла Сильвио Берлускони «Ла Чертоза»; *Кэмп-Дэвид* – загородная резиденция президента США.

4 *Мариано Апичелла* (р. 1962) – итальянский певец, ставший известным благодаря исполнению песен, написанных Сильвио Берлускони.

В этом страсть и музыкальная вселенная председателя Совета министров, итальянского Хулио Иглесиаса» (газета *Libero*). «Судьи сошли с ума, у них разум повредился» (Берлускони). «Если меня убьют, не забудьте, это случится по вине негласного лингвистического мандата Антонио Табукки[1] и Фурио Коломбо. Срочно сообщите полиции» (Джулиано Феррара[2], журналист и телеведущий). «Берлускони — человек подлинно либеральных взглядов. Он очень хороший человек, исключительно хороший. Прав Феррара, когда сравнивает его с Моцартом по чистоте и гениальности» (Сандро Бонди, политик, министр культуры в четвертом правительстве Берлускони). «Мы отдадим наш дом первому приезжему Бинго-Бонго?[3] Бросьте шутить» (Умберто Босси, политик, лидер партии «Лига Севера»).

2004. «Эти судьи, коммунисты проклятые» (Карло Таормина, адвокат). «Берлускони? Ты не знаешь, какой он молодец. Я им восхищаюсь. Путин нас ценит, Буш нас ценит. Наконец-то кто-то нас ценит!» (Симона Вентура, актриса и телеведущая). «Люди кричали Берлускони: "Уходи". Мы тоже кричали. Тогда он сказал мне: "Ну и рожа у вас"» (Анна Галли, горожанка). «Мне стыдно, что пожизненным сенатором назначен поэт Марио Луци. Это человек, который оскорбляет наше общество... Лучше было бы назначить Майка Бонджорно»[4] (Маурицио Гаспарри, политик).

1 *Антонио Табукки* (1943–2012) — известный писатель, филолог-португалист, переводчик.

2 *Джулиано Феррара* (р. 1952) — журналист, телеведущий и политический деятель, основатель и главный редактор миланской правоцентристской газеты *Il Foglio*.

3 *Бинго-Бонго* — персонаж одноименной комедии 1982 года, человек, воспитанный обезьянами, которого из джунглей привозят в Милан.

4 *Марио Луци* (1914–2005) — итальянский поэт. В октябре 2004 года президент Италии Карло Чампи назначил его пожизненным сенатором; *Майк Бонджорно* (1924–2009) — американский и итальянский телеведущий, стоящий у истоков телевидения в Италии.

2005. «У вас какой рост? Метр семьдесят восемь? Не преувеличивайте, подойдите к зеркалу, видите, я — метр семьдесят. Вы считаете, что человек ростом метр семьдесят может называться карликом?» (Берлускони в газете *La Stampa*). «Электорат отвлекся на смерть папы, и это, несомненно, повлияло на явку избирателей» (Энрико Ла Лоджа, адвокат и политик). «Италия благоденствует... В классе моего сына у ребят по два телефона» (Берлускони в новостях *TG2*). «Из моей виллы открывается прекрасный вид... в этом году я тоже заметил много яхт. Если есть яхты богатых, значит, у нас их очень много. Зарплаты растут быстрее инфляции, благосостояние наших семей не имеет себе равных в Европе» (Берлускони в газете *La Stampa*).

2006. «От этих гомиков уже тошнит» (Роберто Кальдероли, политик, член партии «Лига Севера»). «Я фашистка и горжусь этим. Лучше фашист, чем пидор» (Алессандра Муссолини в программе *Porta a porta*). «У нас все замечательно... Вчера пошел с друзьями в ресторан — не нашлось свободных мест. В итоге пришлось сказать, что это я, и кого-то попросили освободить столик» (Берлускони на телеканале *La7*).

Кого-то попросили освободить столик. К счастью, это не диктатура. Жаль, что книга заканчивается 2006 годом. Она могла бы рассказать про *Family Day*[1], где в первых рядах были многочисленные разведенцы, пары, сожительствующие на постоянной основе, и аскетически отвергающие брак холостяки (куда, по статистике, может затесаться и педофил).

2007

Family Day (*англ.* День семьи) — манифестация, впервые проводившаяся в Италии в мае 2007 года возле Латеранской базилики в Риме, с целью поддержки традиционного брака между мужчиной и женщиной. «День семьи» стал первой акцией в рамках кампании по защите гетеросексуального брака в ответ на предложения о правовом признании однополых пар.

My heart belongs to daddy

Размышление номер один. Читаю о высказывании нашего премьер-министра, что нет ничего плохого в том, чтобы выдвигать на государственные посты привлекательных женщин. Вопрос в том, как сформулированы некоторые положения. Все помнят анекдот про монахов — иезуита и доминиканца, которые молятся, и иезуит, читая молитвенник, блаженно курит. Доминиканец его спрашивает, разве можно курить во время молитвы, и тот отвечает, что получил разрешение у начальства. Наивный доминиканец говорит, что он тоже просил разрешения и ему было отказано. «А как ты спрашивал?» — интересуется иезуит. «Могу ли я курить во время молитвы?» — отвечает доминиканец. Естественно, ему ответили «нет». Иезуит же спросил: «Могу ли я молиться во время курения?» — на что ему было сказано, что молиться можно в любых обстоятельствах.

Если бы Берлускони сказал, что нет ничего плохого в том, чтобы выдвинутая кандидатура ко всему прочему была еще и хороша собой, все, включая феминисток, ему бы аплодировали. Но он имел в виду, что нет ничего плохого в выдвижении красотки, в том-то и де-

ло. Пожалуй, плохо двигать девушку в правительство только за то, что она красива.

Размышление номер два. Про неаполитанку, которая называет Берлускони «папочка», конечно же, не нужно думать плохо. И все-таки вспоминается бессмертная песня Коула Портера, ставшая знаменитой благодаря Мэрилин Монро и Эрте Китт, *My heart belongs to daddy*[1], в которой девочка очень сексуальным голосом рассказывает, что не может иметь настоящих отношений со сверстниками, потому что ее сердце принадлежит *daddy*, то есть «папочке». Много чернил было изведено на любовь этой девушки (инцест, педофилия, верность семейным ценностям?), и замысел автора по существу остается неясным — Коул Портер, кстати, был не так-то прост... Сказанное не отменяет того, что песня очень красивая и чувственная, и странно, что Апичелла ее не знает.

Размышление номер три. Похоже, сам премьер-министр сказал, что мы не хотим становиться многонациональным государством, поэтому нужно, как настаивает «Лига Севера», усилить иммиграционный контроль. На первый взгляд кажется, будто он сказал то же самое, что и Фассино[2]: нужно контролировать нелегальную иммиграцию и помогать иммигрантам легальным. Но за этим стоит другой посыл, а именно, что решение, стать или нет многонациональной цивилизаци-

My Heart Belongs to Daddy (*англ.* «Мое сердце принадлежит папочке») — песня, написанная в 1938 году американским композитором Коулом Портером для бродвейского мюзикла «Оставь это мне!» (*Leave It to Me!*). С песней дебютировала Мэри Мартин, сыгравшая юную «протеже» богатого газетного магната. *Эрта Мэй Китт* (1927–2008) — американская певица и актриса; звезда кабаре, прославившаяся своим «мурлыкающим» вокалом.

Пьеро Франко Родольфо Фассино (р. 1949) — итальянский политик.

ей, — это свободный выбор. Как будто императорский Рим (и даже раньше) мог решать, хочет ли он быть захвачен варварами или нет. Когда варвары теснят границы, они просто приходят, и все. Мудрость императорского Рима (которая позволила ему продлить существование на несколько столетий) заключалась в том, чтобы издать законы, признающие права варварских поселений, дать гражданство тем, кто мирно проживал в пределах империи, и даже принимать их на воинскую службу. Таким образом он получил иллирийских и африканских императоров, новую религию, основанную турком по имени Саул, а среди его последних мыслителей был бербер по имени Августин[1].

Когда огромные массы напирают на границы нашего мира, нельзя лукавить, что решение о том, впустить их или нет, зависит от нас. Кстати, если бы за последние десятилетия Италия создала себе образ нищей оборванки, возможно, тысячи африканцев (и балканцев) никогда бы не решились прийти к нам. Но дело в том, что они смотрели итальянское телевидение, особенно программы на каналах *Mediaset*, в которых наша страна представлена населенной невероятными красотками, где достаточно ответить, что Гарибальди — это не ве-

Иллирийские императоры — совокупное название для группы императоров, правивших Римом в 268–282 годах. Название происходит от провинции Иллирия на Балканском полуострове, откуда были родом наиболее значимые императоры этого периода: Клавдий II, Аврелиан и Проб. *Африканские императоры* — династия римских императоров Северов (193–235), ведущая начало от полководца Луция Септимия Севера (146–211), выходца из провинции Африка. Апостол Павел, сначала носивший имя *Саул*, родился в Тарсе, историческом городе на юго-востоке центральной части Турции и одном из крупнейших центров эллинистической культуры. Павлом были созданы многочисленные христианские общины на территории Малой Азии и Балканского полуострова. Блаженный *Августин* (354–430) — выходец из Северной Африки, христианский богослов и философ, проповедник, епископ Гиппонский (с 395 года), один из Отцов христианской церкви. Является святым католической, православной и лютеранской церквей.

лосипедист, чтобы заработать золотые жетоны[1]. Разумеется, все бросились сюда вплавь, не подозревая, что придется спать в картонной коробке в подземном переходе на вокзале и насиловать, если повезет, шестидесятилетних синьор.

Размышление номер четыре. Читаю, что хакеры не только взламывают банковские системы, но и ставят под удар спецслужбы, проникая даже на сайты ЦРУ. Этого следовало ожидать. Я думаю, что скоро (или уже сейчас) в Сети останутся только неверные супруги, блаженно не ведающие, что обманутая половина может все узнать, и те идиоты, которым нравится оплакивать пустой счет. Спецслужбы же откажутся от интернета. Отправить секретное сообщение из Лондона во вторник утром и быть уверенным, что оно сразу будет получено в Нью-Йорке, конечно, удобно, но, в сущности, агент, вылетающий из Лондона утренним девятичасовым рейсом, будет в Нью-Йорке в полдень по местному времени. И тогда гораздо удобнее спрятать сообщение в каблук ботинка, выучить наизусть или, в крайнем случае, засунуть в сфинктер. Итак, полный назад к прогрессу!

2007

Mediaset – итальянская частная медиа- и телекоммуникационная компания. Контролируется холдинговой компанией *Fininvest*, принадлежащей семье Берлускони. Золотые жетоны вручаются на итальянском телевидении победителям телевикторин. Поскольку по итальянскому законодательству запрещены азартные игры, выдача призов наличными деньгами невозможна. Жетоны выполнены в виде монеты, имеют разный вес (эквивалент выигрыша), на одной из сторон нанесен логотип компании, по заказу которой они сделаны, например *RAI* или *Mediaset*.

Разве я расист? Это он негр

Возможно, вскоре улягутся споры на национальном, но не на международном уровне. От друзей из разных стран еще приходят письма с вопросом, как же президент Берлускони мог совершить такую историческую оплошность, пошутив, что новый американский президент молодой и красивый и к тому же загорелый[1].

Многие пытались дать объяснение словам Берлускони. Версии недоброхотов: от скандала (Берлускони хотел оскорбить новоизбранного президента) до формата *trash*: Берлускони прекрасно понимал, что дает маху, но знал также, что его электорат обожает подобные ляпы. Интерпретации сочувствующих: от нелепо оправдательных (приверженец соляриев, Берлускони хотел сделать Обаме комплимент) до сдержанно-снисходительных (всего лишь невинная шутка, не будем преувеличивать).

В ноябре 2008 года на пресс-конференции в Москве Сильвио Берлускони, отвечая на вопрос одного из журналистов о его будущих отношениях с новым президентом США, сказал: «Он (Барак Обама) молодой, красивый и даже хорошо загорелый. Поэтому думаю, что с ним можно на самом деле завязать хорошее сотрудничество». См.: http://www.infox.ru/authority/foreign/2008/11/07/document2653_print.phtml.

Иностранцы недоумевают, почему Берлускони, вместо того чтобы защищаться, заявив, что его неправильно поняли, что он имел в виду совсем другое (в сущности, его обычный метод), настаивал на правомерности своего выражения. Единственный ответ — Берлускони на самом деле верит, что ничего такого не сказал; искренне не понимает, что же в этом плохого.

Он сказал (как он думает), что Обама — темнокожий; разве не так, кто-то отрицает? Берлускони, как ему кажется, подразумевает: Обама — темнокожий, это очевидно, все американские темнокожие писатели обрадовались тому, что темнокожий займет кресло президента. С давних времен темнокожие в Америке повторяют: *black is beautiful*, темнокожий и загорелый — это одно и то же, поэтому можно сказать, *tanned is beautiful*[1]. Не так ли?

Нет. Вы помните, что белые американцы называли «неграми» (*negro* произносится как «нигро») выходцев из Африки, а когда хотели выразить свое презрение, говорили *nigger*. Затем афроамериканцы добились, чтобы их называли *black*; но сегодня термин «ниггер» может употребляться в шутку или для провокации. Вообще-то между собой они так говорят, но если это скажет белый, не исключено, что получит по физиономии. Точно так же как есть геи, которые используют для самоопределения выражения гораздо более сильные, но если так их назовет тот, кто геем не является, как минимум они обижаются.

Значит, сказать, что темнокожий занял президентское кресло, — это обычная констатация, можно произнести это как с удовлетворением, так и с ненавистью, но это может сказать кто угодно. Назвать же темно-

[1] *Black is beautiful* (чернокожий — это красиво (*англ.*)) — лозунг негритянского освободительного движения, берущего начало в США в 1960-е годы.

кожего загорелым — это способ сказать и не сказать, то есть намекнуть на различие, не осмелившись назвать вещи своими именами. Сказать, что Обама «темнокожий», — очевидность; сказать, что он «черный», — намек на цвет его кожи; сказать, что он загорелый, — злобная насмешка.

Уверен, что Берлускони не хотел дипломатического конфликта с США. Но существуют речевые обороты или манера поведения, позволяющие различать людей разного социального происхождения или культурного уровня. Возможно, это снобизм, но в определенных кругах человек, который говорит «манагер», будет воспринят негативно, как и тот, кто говорит «университет Гарварда», не зная, что Гарвард — это не город (а некоторые вообще произносят «Гаруард»). Изысканное общество не примет того, кто пишет *«Поминки Финнегана»* в родительном падеже (а не *«Поминки по Финнегану»*)[1]. Как раньше простонародьем считались те, кто оттопыривал мизинец, поднимая бокал, в ответ на угощение кофе говорил «с меня должок» и вместо того, чтобы сказать «моя жена», говорил «моя супруга».

Иногда речевая характеристика может быть обманчива: я вспоминаю одного человека, известного своей аскетичностью, который после моего выступления на открытии выставки подошел меня поблагодарить и сказал: «Профессор, вы не представляете, какое удовольствие я получил». В аудитории смущенно заулыбались, но этот человек всегда имел дело с людьми добропорядочными, он не знал, что выражение стало использоваться у нас главным образом в смысле плотского наслаждения. Что же касается духа, говорят: «на-

«Поминки по Финнегану» (англ. *Finnegans Wake*) — экспериментальный роман ирландского писателя Джеймса Джойса, написанный в технике «потока сознания». *Finnegan's Wake* — ошибочное написание в родительном падеже.

стоящий интеллектуальный восторг». «Разве это не одно и то же?» — спросил бы Берлускони. Нет, обороты речи — это разные способы сказать, казалось бы, одно и то же.

Просто Берлускони не вхож в определенные круги, где знают, что можно назвать этническую принадлежность, но не упоминать о цвете кожи, как знают и то, что рыбу не едят ножом.

2008

Берлускони и Писториус

Литература о Берлускони достаточно обширна. Среди новейших памфлетов отмечу книгу, верстку которой я только что смотрел (выйдет в издательстве *Manifestolibri*), «Феноменология Сильвио Берлускони» Пьерфранко Пеллиццетти[1], которая откровенно желчно затрагивает вопросы от эстетики до сексуальности нашего лидера. Уже вышла книга «Тело вождя» Марко Белполити (*Guanda*, 2009)[2], в которой рассматривается только одна особенность героя — его отношения с собственным телом и непрерывно создаваемый его образ.

Может показаться странным, однако не все вожди у нас имеют тело; взять хотя бы такого крупного лидера, как Де Гаспери[3]. Конечно, те, кто жил в пятидесятые годы, вспомнят его хищный профиль, но ограничатся лишь чертами лица. Посмотрите на памятник

Пьерфранко Пеллиццетти (р. 1947) — журналист, политический обозреватель, писатель. См.: Pellizzetti P. *Fenomenologia di Berlusconi*. Manifestolibri, 2009.
Марко Белполити (р. 1954) — литературовед и писатель. См.: Belpoliti M. *Il corpo del capo*. Guanda, 2009.

3 *Альчиде Де Гаспери* (1881–1954) — политик, член Христианско-демократической партии, премьер-министр Италии с 1945 по 1953 год.

ему в городе Тренто: тело теряется в складках мешковатого костюма. С другой стороны, не было тела (максимум узнаваемое лицо) у всех лидеров прошлого, от Ненни[1] до Фанфани[2], и даже у Тольятти, несомненное обаяние которого было главным образом интеллектуального свойства. Это характерно и для других стран: никто не помнит тела президентов Франции, кроме разве что де Голля (просто из-за роста и, считай, карикатурного носа); у англичан есть образ Черчилля — по большому счету лицо добродушного выпивохи с сигарой, в остальном — лишь смутное воспоминание о тучности. Отсутствовала телесность и у Рузвельта (если не рассматривать ее негативно, потому что он был инвалид). Трумэна можно принять за обычного страхового агента, Эйзенхауэр был похож на дядюшку, и первым, кто поставил на кон физические свойства (но опять же только лицо), был Кеннеди, который обошел Никсона благодаря выигрышным кадрам на телеэкране.

Было ли тело у великих вождей древности? У некоторых, как у Августа, было прекрасное телосложение, про других можно предположить, что они пришли к власти благодаря своей силе и определенному влиянию не на народ (не имеющий возможности видеть их), а на свое окружение. Об остальном заботилась легенда, приписывая, к примеру, французским монархам чудодейственную способность исцелять золотуху[3]. Од-

Пьетро Ненни (1891–1980) — политический и государственный деятель, журналист. Долгое время был лидером Итальянской социалистической партии.

2 *Аминторе Фанфани* (1908–1999) — политик, член Христианско-демократической партии. Неоднократно избирался Председателем Совета министров Италии, занимал должности министра иностранных и внутренних дел, председателя Генеральной Ассамблеи ООН.

3 См.: Блок М. *Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии* / Пер. с фр. В. Мильчиной. М.: Языки русской культуры, 1998.

нако не думаю, что Наполеон вел солдат на бой силой телесного совершенства.

Чтобы вождь обрел тело и стал одержим заботой о нем (заметьте, речь идет не только о лице, но обо всем теле), нужно было дождаться прихода эры массовой коммуникации, отправной точкой которой стала фотография.

И здесь можно начать, как, впрочем, и делает Белполити, с изучения отношений Муссолини с собственным телом, настолько неотделимым от его могущества, что для того, чтобы узаконить его свержение, нужно было, так сказать, низвергнуть его соматическое влияние и изуродовать тело, повесив его вниз головой.

Если и сравнивать Берлускони с Муссолини, поймите правильно, не хотелось бы вызвать чье-то негодование, то не потому, что Берлускони — «фашист», а потому, что он, как и Муссолини, стремится установить популистские отношения с толпой благодаря маниакальной заботе о собственном образе. Я не хочу пересказывать исследование Белполити, которое он проводит, опираясь главным образом на фотографии разных лет, начиная с того времени, когда Берлускони пел на кораблях, и до наших дней. Я только пожалуюсь, что такому качеству анализа не соответствует количество иллюстраций, которые читатель ожидает увидеть (штук двадцать из них действительно «говорящие», но хотелось бы, естественно, больше).

В качестве совета читателю хочу обратить внимание на прекрасный анализ рук, улыбки, неожиданную и провокационную трактовку женского в персонаже, очевидное развитие нарциссизма (Белполити цитирует авторитетов и ссылается на различные источники,

от Юнга до Мишеля Фуко[1] и Ричарда Сеннета[2]), заметки об использовании семьи как дополнительной пролонгации собственной телесности.

В любом случае принципиальная разница между Муссолини и Берлускони в том, что первый (униформа не в счет) использовал свое тело, в том числе голый торс, так сказать, такой какой мама родила, смело подчеркивая собственную лысину. А в Берлускони преобладает элемент киборга, постепенное изменение своих естественных черт (Белполити дает необычное сравнение Берлускони с Оскаром Писториусом, бегуном с искусственными ногами). Тут и пересадки волосяных луковиц, и подтяжки лица, чтобы предстать перед поклонниками в тонусе, в том образе, какой бы ему хотелось, — без возраста. Любопытное стремление к вечности у тех, кого Белполити в итоге характеризует как «немеркнущую звезду мимолетности».

2009

Поль Мишель Фуко (1926–1984) — французский философ, теоретик культуры и историк. Книги Фуко о социальных науках, медицине, тюрьмах, проблеме безумия и сексуальности сделали его одним из самых влиятельных мыслителей XX века.

2 *Ричард Сеннет* (р. 1943) — американский социолог, литературовед и писатель. Профессор Нью-Йоркского университета и Лондонской школы экономики и политологии. На сегодняшний день считается одним из наиболее радикальных теоретиков урбанистической культуры и критиком современного капитализма. Несколько его работ переведено на русский язык.

Странная история неизвестного сотрапезника

Только сейчас мне попалась на глаза заметка в газете *Giornale* от 13 июля. Лучше поздно, чем никогда. Там говорится: «Профессору нравится кухня фьюжн. Умберто Эко, считающийся оплотом левой мысли, в прошлую субботу был замечен за столиком в ресторане азиатской кухни на виа Сан-Джованни суль Муро в Милане в компании неизвестного. Заведение симпатичное, но не эксклюзивное, а вот и любимая "классика" автора романа "Имя розы": в меню рис по-кантонски, соевая лапша с карри, курица с овощами и бамбуком и более экзотические блюда. Должно быть, орудовать палочками – общее пристрастие либеральной элиты. В том же китайско-миланском ресторане обедал недавно и Гвидо Росси[1], юрист, бывший сенатор, бывший президент *Telecom* и чрезвычайный комиссар Итальянской федерации футбола во время коррупционного скандала жарким летом 2006 года. Китай близко[2]. Особенно если за столиком найдется место».

1 *Гвидо Росси* (р. 1931) – итальянский юрист, адвокат.

2 «Китай близко» (итал. *La Cina è vicina*) – фильм Марко Беллоккьо 1967 года.

Ничего удивительного. Есть журналисты, зарабатывающие на хлеб досужими баснями. Но, подозреваю я, автор статьи не сидит каждый день в «не эксклюзивном» китайском ресторане (где трудно подловить за ужином при свечах, предположим, Паолу Бинетти, Рокко Сиффреди или Карлу Бруни с министром Брунеттой[1]). Скорее всего, начинающий папарацци просто иногда заходит в это светлое, аккуратное заведение, к тому же экономически доступное тем, кто занимает достаточно скромный пост в редакционной иерархии. Устав, однако, есть в очередной раз китайские голубцы, аноним, должно быть, подпрыгнул на стуле от мысли, что ухватил сенсацию, которая перевернет его карьеру.

Нет ничего странного в том, чтобы поесть в китайском ресторане, и совершенно естественно, что туда хожу и я, и Гвидо Росси. Я, кстати, не знал, что он тоже туда ходит, но, поскольку ресторан находится метрах в ста от наших домов, само собой разумеется, мы пойдем туда, если только не хотим отведать орхидею, запеченную с морскими ежами, за несколько сотен евро в мишленовском ресторане.

Зачем же сообщать столь банальную новость? Не лучше ли сообщить о том, что собака покусала человека, или даже написать, что собака лает?

Попробую разобраться с этим. Прежде всего нужно навлечь подозрения, пусть и смутные, на того, кто не разделяет ваши идеи. Все помнят эпизод из одной телевизионной передачи, где скрытой камерой был

Паола Бинетти (р. 1943) – известная врач-психиатр, депутат итальянского парламента; *Рокко Сиффреди* (р. 1964) – итальянский порноактер; *Карла Бруни-Саркози* (р. 1967) – итало-французская топ-модель и певица, третья жена 23-го президента Франции Николя Саркози; *Ренато Брунетта* (р. 1950) – политик правой ориентации, член кабинета министров с 2008 по 2011 год.

снят судья Мезиано (виновник решения по так называемому «делу Мондадори», доставившего неприятности нашему премьер-министру). Судья прогуливался, курил сигареты, сходил в парикмахерскую и, наконец, присел на скамейку, продемонстрировав бирюзовые носки, — все это в закадровом комментарии называлось «странностями», а значит, указывало на то, что вероломный судья не в здравом уме.

Говорилось о нем плохо? Ничего подобного. Но ведь он ходил в парикмахерскую в бирюзовых носках (а добропорядочные граждане ходят стричься исключительно в амарантовых)! Кто-то очень хотел донести до нас определенную информацию, представив ее как закодированное сообщение. Журналистский прием, заметим, на Пулитцеровскую премию не тянет, но может воздействовать на людей, предпочитающих длинным носкам короткие.

Вероятно, *Giornale* полагает, что его читают лишь люди преклонного возраста, которые всегда едят на обед спагетти с сыром и вареные овощи и приходят в ужас от известия, что кто-то обедает у китайцев (предпочитающих, как известно, обезьян и собак); или жители отдаленных селений, где о китайских ресторанах и не слыхивали; или люди, с опаской воспринимающие все, что касается народов, слишком инвазивных, китайцев в первую очередь; или те (об этом в статье говорится), кто считает использование палочек для еды «пристрастием либеральной элиты», потому что умеренные консерваторы пользуются вилкой, как мама учила. Или даже те, кто думает, что в Китае все еще правит Мао и пойти в китайский ресторан означает, как в шестьдесят восьмом, признать (на это статья намекает), что «Китай близко» (заметьте, действительно близко, но основания для этого скорее правого, а не левого толка).

И еще, что значит, я был за столом «в компании неизвестного»? Что это за человек, имя которого я не удосужился написать крупными буквами? Откуда он взялся? Почему он встречался со мной? И почему в китайском ресторане, как в романах Дэшила Хэммета[1], а не в трактире «Холмы Пистойи» или в пиццерии «Белла Наполи»? Естественно, неизвестным он был репортеру, но не мне, потому что это мой друг. И все-таки в самой идее, что кто-то встречается с «неизвестными» в китайском ресторане, есть нечто от доктора Фу Манчу и концепции «желтой угрозы»[2].

Вот что творит «либеральная элита». Хорошо, что пресса не дремлет.

2010

Сэмюэл Дэшил Хэммет (1894–1961) – американский писатель и критик, автор детективных романов, повестей и рассказов.

2 *Доктор Фу Манчу* (в русском переводе иногда «Фу Манчи») – литературный персонаж, созданный английским писателем Саксом Ромером. Воплощение зла, криминальный гений, вроде профессора Мориарти или Фантомаса. Его образ используется в кино, телевидении, радио, комиксах уже более чем девяносто лет. *«Желтая опасность»*, *«Китайская угроза»* – концепции, связанные с опасениями потенциальной агрессии со стороны отдельных азиатских народов и государств, прежде всего КНР.

В добрый час, Критон...

Можно только поддержать наше правительство, когда оно официально требует у Бразилии экстрадиции Чезаре Баттисти[1]. Полагаю, с этим должны быть согласны и те, кто считает, что Баттисти стал жертвой судебной ошибки. Даже если речь идет о судебной ошибке, не бразильскому правительству это решать, если только оно публично не заявит, что итальянское государство было на момент вынесения приговора и является до сих пор диктаторским режимом, попирающим политические и гражданские права и свободы своих граждан.

Запрос об экстрадиции был сделан, поскольку предполагается, что три судебные инстанции, которые прошел Баттисти, являют собой отправление правосудия демократическим государством с судебной системой, независимой от какого-либо политического диктата

Чезаре Баттисти (р. 1954) – член леворадикальной организации «Вооруженные пролетарии за коммунизм». Обвиняется в экстремизме и причастности к ряду убийств, совершенных в конце семидесятых годов. Приговорен заочно к пожизненному заключению. Долгое время находился в Бразилии в статусе политического беженца.

(кстати, напомню тем, кто по каким-либо причинам склонен не доверять правительству Берлускони, что судопроизводство осуществлялось в то время, когда Берлускони был еще простым итальянским гражданином).

Следовательно, запрос на экстрадицию Баттисти означает защиту чести и достоинства нашей судебной системы, и каждый демократически настроенный гражданин должен быть в этом случае солидарен с действиями правительства (и руководства республики).

Молодец, уважаемый премьер-министр Берлускони! Можно сказать, безупречное поведение. Почему же тогда сам уважаемый премьер-министр Берлускони, в то время как судебная власть возбуждает в отношении него уголовное дело (заметим, не приговаривает несправедливо к пожизненному заключению, а просто призывает ответить на обвинения, возможно необоснованные, учитывая, что он защищен депутатской неприкосновенностью), не только отказывается явиться в суд, но и оспаривает право судебной системы заниматься его делом? Может быть, он хочет заявить о своей солидарности с Баттисти в совместных действиях по делегитимизации судебной системы Италии? Может быть, он собирается эмигрировать в Бразилию, чтобы попросить у ее правительства той же защиты, под которой находится Баттисти, протестуя тем самым против якобы незаконных действий наших судей? Или он считает, что осудившие Баттисти судьи были людьми честными, их нужно защищать, ибо это защищает честь и достоинство итальянского государства, а Ильда Боккассини[1] честной женщиной не явля-

Ильда Боккассини (р. 1949) — прокурор города Милана, главный обвинитель премьер-министра Италии Сильвио Берлускони на процессе по «делу Руби», названному так в честь главной героини скандала — марокканки Каримы эль-Маруг, которая выступала в ночном клубе под именем «Руби — похитительни-

ется? В таком случае он использует в отношении нашей судебной системы два разных подхода, две разные меры: все честно и справедливо при вынесении приговора Баттисти, но бесчестно и несправедливо, когда расследуется «дело Руби».

Защитники Берлускони скажут, что Баттисти поступает плохо, уклоняясь от итальянского правосудия, потому что в глубине души он знает, что виновен, а Берлускони делает то же самое по праву, потому что в глубине души он считает, что невиновен. Но насколько состоятелен этот аргумент?

Те, кто его использует, кажется, не размышляли над текстом, который должны изучать все, кто учился в лицее (как уважаемый премьер Берлускони). Это «Критон» Платона. Если кто забыл, напомню фабулу: Сократ приговорен к смерти (несправедливо, как мы знаем, и он тоже это знал) и находится в тюрьме в ожидании чаши с ядом. Его навещает ученик Критон, который говорит, что все готово для побега, и использует все возможные доводы, чтобы убедить Сократа, что он имеет право и должен избежать несправедливой смерти.

Но Сократ отвечает отказом, напоминая Критону о позиции добродетельного человека перед величием Законов полиса. Согласившись жить в Афинах и пользоваться всеми правами гражданина, Сократ признал справедливость этих Законов, и если он посмеет восстать против них лишь потому, что в определенный момент они действуют против него, отказ подчиниться Законам будет способствовать их делегитимизации и, следовательно, уничтожит их. Нельзя извлекать вы-

ца сердец». Дело в отношении Берлускони было возбуждено по подозрению в злоупотреблении служебным положением и сексуальных связях с несовершеннолетними.

году из Закона, пока он работает в нашу пользу, и отвергать его, когда он решает что-то, что нам не нравится, потому что с Законами заключен договор и этот договор нельзя нарушать по своему усмотрению.

Заметим, что Сократ не входил в правительство, потому что в таком случае он бы добавил, что если ты считаешь себя вправе игнорировать законы, которые тебе не нравятся, в таком случае, как представитель власти, ты не можешь претендовать, что другие будут подчиняться тому, что им не по душе. То есть не уклоняться от уплаты налогов, не проезжать на красный свет, не грабить банки или (просто к слову) не состоять в связи с несовершеннолетними.

Всего этого Сократ не говорил, но главная мысль его речи все та же: возвышенная, несокрушимая, крепкая, как камень.

2011

Норма и пуритане

Критика поведения нашего премьер-министра вызвала ряд возражений, можно сказать, непристойного характера. Первое имело цель не столько обелить президента, сколько поднять на смех его противников: «Вы, шестидесятники, — говорилось, — когда-то проповедовали свободную любовь и психоделические наркотики, а сегодня вы лицемерные пуритане, осуждающие сексуальные пристрастия премьер-министра, хоть речь и не о сексе, а всего лишь об ужинах с кока-колой лайт» (что за унылые вечеринки, замечу, даже без глотка «Гави» или «Греко ди Туфо»![1]). О свободной любви шестидесятников мне лично известно немного, потому что мне в то время было уже тридцать шесть (тогда это считалось возрастом зрелости), двое детей, профессор. Поэтому я никогда не ходил, голый и длинноволосый, на рок-концерты и не курил марихуану. Однако, мне кажется, тогда под сексуальной свободой подразумевалось, что два человека могут заниматься сексом по свободному выбору и (особенно важно) бес-

1 *«Гави»* и *«Греко ди Туфо»* — известные итальянские белые вина.

платно. Что сильно отличается от секса до революции шестьдесят восьмого; времени, так сказать, приснопамятных борделей, где можно было заниматься сексом свободно, но за деньги.

Несомненно, правы те, кто называет пуританами критиков премьер-министра, возмущающихся тем, что он посещает девушек, неустойчивых морально. Каждый имеет право на ту форму секса, которая его удовлетворяет (гомо или гетеро, по-собачьи, садомазо, фелляция, куннилингус и *жемчужное ожерелье*, онанизм, излияние семени в неподобающий сосуд, любострастные грезы, а также копрофилия, клизмофилия, эксгибиционизм, фетишизм, трансвестизм, фроттеризм, урофилия, вуайеризм — и без совокупления), при условии, что все совершается сторонами добровольно, не причиняется вред тем, кто не хочет в этом участвовать либо не в состоянии дать информированного согласия (поэтому у нас осуждается изнасилование, педофилия, зоофилия и прочие парафилии), и дело происходит подальше от посторонних глаз, чтобы не оскорблять чувства пуритан — как нельзя публично богохульствовать, чтобы не оскорблять чувства верующих.

Должен согласиться, что противники премьер-министра слишком акцентируют сексуальные аспекты «дела Руби». В этом нет ничего удивительного, потому что если итальянцам рассказать о конфликте интересов, коррупции судей, финансовых махинациях или законах *ad personam*[1], они перелистнут статью, а если дать Руби сразу на первой полосе, проглотят всю газету, вплоть до прогноза погоды. Но оппозиция премьер-министру — это не оппозиция его сексуальным предпочтениям. Это несогласие с тем, что участникам

[1] В расчете на одну личность (*лат.*).

вечеринок премьер-министр раздавал в качестве вознаграждения должности в региональных, национальных или европейских органах власти, и за наш счет. Если зарплату советнику областной администрации, условной госпоже Минетти плачу я (в процентном соотношении) и (пусть и в минимальной доле) тот, кто живет на тысячу евро в месяц, речь не о Пуританах, а о Норме (закона).

Моральная проблема не в том, что нельзя заниматься любовью (поскольку заниматься любовью однозначно лучше, чем войной, как говорили в шестидесятых), а в том, что за это не должны платить те, кто не имеет к этому никакого отношения. Марраццо[1] подлежит критике не за то, что пользовался услугами трансвеститов, а за то, что ездил к ним на автомобиле карабинеров.

Но попробуем предположить, что премьер-министр не тратил на своих гостей государственное добро. Да, у себя дома можно делать все что угодно. Однако это верно для банкира, врача или состоящего в профсоюзе рабочего, но если становится известно, что политик дома занимается чем-то не подобающим его статусу, избежать скандала практически невозможно. Джону Профьюмо и Гэри Харту[2] достаточно было связи с одной-единственной женщиной (по одной на каждого), чтобы

Пьеро Марраццо (р. 1958) — итальянский журналист, в прошлом политик, губернатор столичной области Лацио с 2005 по 2009 год. Подал в отставку после попыток его шантажа карабинерами и обвинениями в том, что он употреблял наркотики и развлекался с трансвеститами.

2 *Джон Профьюмо* (1915–2006) — военный министр Великобритании, ушедший в отставку в 1963 году из-за скандала с девушкой по вызову Кристин Килер (так называемое «Дело Профьюмо»); *Гэри Харт* (р. 1936) — американский политик, бывший сенатор США от штата Колорадо. Участвовал в президентской кампании 1987 года. Вскоре после самовыдвижения Харта на пост президента стали распространяться слухи о его внебрачной связи. Скандал в СМИ привел к тому, что ему пришлось снять свою кандидатуру.

разрушить карьеру. Если же женщин много и их возят на вечеринку на автобусе, нельзя помешать появлению шуток о Рубигейт даже в корейских газетах или на тунисском телевидении (проверьте в интернете).

Кое-кто из защитников премьер-министра скажет, что все это происходит потому, что пуритане подсмотрели за частным лицом в замочную скважину и раструбили за рубежом о его предполагаемых проделках. Но начал-то как раз товаропотребитель, когда пошел на день рождения Ноэми и когда побеспокоил полицейский участок, чтобы освободить Руби. Это действия публичные. И когда глава правительства оправдывается, говоря, что искренне верил тому, будто Руби — племянница Мубарака, ведь она сама ему об этом сказала (как поверил ей, когда она сказала, что совершеннолетняя), то, очевидно, за рубежом со смеху помирают, потому что это очень карикатурно: человек, который отвечает за всю страну, принимает за чистую монету то, что говорит ему какая-то профурсетка.

2011

«Гауно!»

Все заметили, что, покинув пост премьер-министра, Берлускони перестал появляться на первых страниц газет. И не потому, что он так решил. Вот он прекрасно съездил в гости к другу Путину, будто президент Ротари-клуба государства Вануату; прекрасно спустился с вертолета с новыми девицами, а люди подумали, что это его личное дело. И его рейтинг в опросах начал неумолимо падать.

Теперь, когда он объявил о своем возвращении, он снова завоевал себе место на первых страницах. Заметьте, неважно, вернется он в политику или нет, известно, как виртуозно меняет он свое мнение; однако сегодня он здесь, он улыбается нам на каждом углу.

Берлускони, этого не отнять, гений рекламы, и один из принципов, которым он руководствуется: «Говорите обо мне, пусть плохо, но говорите». Впрочем, это техника всех эксгибиционистов: конечно, возмутительно спустить штаны и предъявить свой половой аппарат у входа в лицей, где учатся одни девочки, но тому, кто так сделает, первая полоса обеспечена — а некоторые ради нее даже становятся серийными убийцами. Так что можно предположить, что часть (я говорю

про часть, но весьма существенную) харизмы Берлускони для многих избирателей зависела не столько или не только от того, что он говорил или делал, но от того постоянства, с которым его оппоненты в качестве критики неизменно помещали его на обложку. Как вести себя с ним (я говорю это не для его сторонников, а для тех, кто считает его несчастьем для нашей слабой республики) ввиду грядущих выборов?

Семейное предание, многократно рассказанное мне, гласит, что едва начав говорить, после слов «мама», «папа» и «баба» в один прекрасный день я принялся кричать «гауно!», произнося «У» на французский манер вроде «Ю», как в наших северных диалектах, — звук, невозможный в нижней части сапога. Как я придумал это выражение, совершенно неизвестное лексикографам, понятно не до конца; возможно, я услышал, как ругаются строители, работавшие в доме напротив, за которыми я с восхищением наблюдал с балкона. Бесспорно одно: упреки, подзатыльники, окрики — все было напрасно. Я беспрерывно повторял «гауно!», все более довольный тем вниманием, которое мне доставалось.

Пока не разразился скандал. Однажды в воскресенье, ровно в полдень, мама держала меня на руках в городском соборе, и как раз, когда зазвенел колокольчик (в этот момент в храме так тихо, что слышно, как муха пролетит), ободренный этим внезапным гробовым молчанием, я потянулся к алтарю и что есть мочи закричал: «Гауно!»

Похоже, что на мгновение священник прервал евхаристическую молитву, и каменные взгляды прихожан обратились в сторону моей бедной матери, которая, вспыхнув от стыда, покидала святое место.

Очевидно, что назрела необходимость решить вопрос кардинально, и решение было торжественно най-

дено. В последующие дни я кричал: «Гауно!», а мама делала вид, что не слышит. Я настаивал: «Мама, гауно!», а она отвечала (продолжая взбивать подушки): «Ах, да?» Я орал: «Гауно!», а мама сообщала отцу, что вечером к нам придут в гости сестры Фаччо.

В общем, любезные мои читатели, вы уже догадались, как развивались дальше события: раздосадованный отсутствием какого-либо ответа, я перестал говорить «гауно!» и занялся изучением лексики более богатой и сложной, используя ее *ore rotundo*[1] к превеликому удовольствию моих родителей, которые умилялись, что ребенок — почти академик.

Не хочу злоупотреблять своими детскими воспоминаниями, чтобы давать советы политикам, авторам передовиц и верстальщикам газет. Полагаю, если они не заинтересованы стать рупорами своего противника, они вполне могут взять пример с моей мамы.

2012

[1] Говорить складно, стройно, изящно (*лат.*).

Каста неприкасаемых

Джованна Козенца в своей новой книге *SpotPolitik* (издательство *Laterza*, 2012)[1] изучает хроническую неспособность итальянских политических деятелей убедительно общаться со своими избирателями. Конечно, бюрократический жаргон у политиков в прошлом (хотя Козенца безжалостно находит его следы у представителей нового поколения, Вендолы[2] например). Не столько с Берлускони, скорее, с Кеннеди началась эпоха политической коммуникации, основанная не на определенном символе или программе, а на образе (и теле) кандидата; мы являемся свидетелями перехода — окончательного и неизбежного — от митингов к рекламным роликам. Отмечу тему, сквозной линией проходящую через всю книгу: наши политики не умеют общаться, потому что они не идентифицируют себя с проблемами людей, к которым обращают-

Джованна Козенца — философ, семиотик. Ученица Умберто Эко. Преподает в Болонском университете. См.: Cosenza G. *SpotPolitik. Perché la casta non sa comunicare.* Laterza, 2012.

2 *Никола Вендола* (р. 1958) — итальянский политик, с 2005 по 2015 год был главой области Апулия.

ся, но «самореферентно» сосредоточены на своих личных проблемах.

Но как, а Берлускони, который умел говорить простыми словами, яркими лозунгами, в нужный момент улыбнуться и даже пошутить? И он тоже. Быть может, не в те счастливые моменты, когда он умел подать себя, по мнению его аудитории, и, проникая в самую глубину ее сокровенных желаний, утверждал, что не платить налоги — это правильно. Но в целом, и особенно в последнее время, он страстно ругал своих врагов, тех, кто вставлял ему палки в колеса, зловредных судей, а не говорил о том, что «народ» заметил-таки экономический кризис, который невозможно было скрыть.

Оставив читателям смаковать подробности, а Козенца не щадит никого (возможно, больше всего достается Берсани[1]), я спрашиваю у себя, почему наши государственные мужи не умеют вникать в проблемы простых людей.

Ответ дал Ханс Магнус Энценсбергер[2], отметив в одной статье (не помню ни названия, ни где она опубликована), что современный политический деятель — это существо, слишком далекое от обычных людей, потому что он живет в охраняемых замках, ездит на бронированных автомобилях, ходит в окружении громил-телохранителей, а людей видит только издалека. Он никогда не делает покупки в супермаркете и не стоит в очереди к окошку для оплаты коммунальных услуг. Политика под угрозой терроризма породила касту, обреченную ничего не знать о стране, которой она пра-

Пьер Луиджи Берсани (р. 1951) — политик, министр в левоцентристских кабинетах в 1996–2001 и 2006–2008 годах. Председатель Демократической партии с 2009 по 2013 год.

Ханс Магнус Энценсбергер (р. 1929) — немецкий поэт, писатель, переводчик, издатель и общественный деятель левого толка.

вит. Касту — да, но в смысле париев, неприкасаемых у индусов, лишенных социальных контактов с другими людьми.

Решение? Необходимо определить, что политик может занимать место в правительстве либо в парламенте лишь ограниченное время (скажем, пять лет — срок полномочий или, будем снисходительными, два срока). После он должен вернуться к нормальной жизни и жить, как обычный человек, без эскорта, как раньше. Если же потом, спустя какое-то время, он вернется во власть, у него за плечами будет несколько лет опыта жизни вне касты.

Развивая эту мысль, можно додуматься до того, что не должно быть категории профессиональных политиков, а в парламенте и правительстве должны заседать рядовые граждане, которые на определенный период посвятят себя служению стране. Однако это было бы вреднейшей ошибкой, в духе низкопробного «грилизма»[1]. Те, кто занимается ремеслом политика в различных организациях, осваивают методы социального управления и, так сказать, этику служения, как было у политиков-профессионалов в ХДП или ИКП[2], которые поднимались по карьерной лестнице сначала в молодежных объединениях, а затем в партии. И к сделанному им выбору они не присовокупляли частные компании, конторы, заводики или строительные фирмы. То есть, попав в парламент или в правительство,

Гриллизм — протестное политическое движение «5 звезд», основанное в 2009 году и возглавляемое актером-комиком Беппе Грилло. Партия стала популярной и добилась серьезных успехов в политической борьбе современной Италии.

2 *ХДП* — Христианско-демократическая партия (итал. *Democrazia Cristiana*) — политическая партия Италии, начиная с сороковых годов XX века, долгие годы была ведущей политической силой страны. *ИКП* — Итальянская коммунистическая партия (итал. *Partito Comunista Italiano*) — наиболее успешная в XX веке коммунистическая партия в капиталистическом обществе.

не стремились сохранить или даже увеличить свои капиталы, как это происходит с теми, кто оказался в парламенте благодаря Вождю, которого непременно нужно отблагодарить и который сам, цинично создавая конфликт интересов, подает пример для подражания. И потом даже тот, кто трудится на благо партии, может подвергнуться коррупции, но это все же будет несчастным случаем, а не пороком всей системы.

2012

Давайте читать Конституцию

На эту тему я высказывался в «картонке» два года назад, но повторяюсь не только я. Действительно, в разных спорах о правительстве, парламенте, избирательном законодательстве я нахожу два утверждения, которые еще недавно казались достоянием правых популистских групп, но встречаются иногда и у людей иной политической породы, иного культурного содержания.

Первое утверждение: этот парламент незаконный, поскольку он был избран в соответствии с законом, получившим название «Порчеллум»[1], который признан неконституционным. Однако на тот момент, когда парламент избирался, Порчеллум был законодательной нормой, действующей в нашем государстве. Разве можно было голосовать по другому закону? То есть парламент был избран в соответствии с действующим законодательством. Конечно, новые выборы нужно прово-

Порчеллум, или *закон Кальдероли*, – итальянский закон № 270 от 21 декабря 2005 года «Об изменении порядка выборов Палаты депутатов и Сената Республики», получивший название по имени его автора, Роберто Кальдероли, министра институциональных реформ в правительстве Берлускони. В прессе также широко используется введенное политологом Джованни Сартори жаргонное наименование *Porcellum* (свинство, дрянь, барахло).

дить по новому закону, но принимать-то новый закон будет нынешний парламент, в полном соответствии со своими полномочиями, поскольку был избран согласно нормам, действующим на момент его избрания.

Понимаю, что ситуация может вызвать недоумение, но что уж есть, как говорится, или ешь, что дано, или прыгай в окно — любое утверждение о незаконности этого парламента выглядит пустым сотрясанием воздуха. Другой распространенный тезис: действующий глава правительства и его министры не избраны народом. Да, для Ренци[1] было бы лучше пойти на новые выборы и появиться на политической арене в качестве лидера, выдвинутого партией, получившей большинство голосов, но это совершенно не означает, что Ренци, как будущий глава правительства, будет избран народом. Хитрый ход Берлускони заключался в том, чтобы поставить свое имя и свое лицо в качестве символа партийного списка и убедить многих избирателей, что, голосуя за его список, они выбирают его в качестве главы правительства.

Это очень обманчиво, ведь Берлускони мог бы выиграть выборы, а затем предложить главе государства кандидатуру премьер-министра на свой выбор — Сантанке, Шилипоти или Рацци[2], к примеру, не нарушая конституционного порядка.

Маттео Ренци (р. 1975) — политический и государственный деятель. Возглавлял администрацию провинции Флоренция, был мэром Флоренции (2009–2014). Председатель Совета министров Италии (2014–2016). Лидер (национальный секретарь) Демократической партии (ДП) с 2013 года. В 2012 году принял участие в предварительных выборах левоцентристской коалиции «Италия. Общее благо» за право выдвижения единой кандидатуры на пост премьер-министра, победив с небольшим отрывом Пьера Луиджи Берсани, также кандидата от ДП.

2 *Даниэла Сантанке* (р. 1961), *Доменико Шилипоти* (р. 1957), *Антонио Рацци* (р. 1948) — члены правоцентристской партии «Вперед, Италия», возглавляемой Сильвио Берлускони.

Конституция определяет, что народ избирает парламентариев (преференциальным голосованием либо по закрытым партийным спискам, это другая проблема, но Конституция тут ни при чем), парламент избирает президента республики, который, выслушав представителей различных партий, назначает, *sponte propria*[1], главу правительства и министров. В принципе, он мог бы назначить премьер-министром даже свою бабушку или начальника железнодорожной станции Баньякавалло, если большинство политических сил назовет ему их имена.

А далее парламент должен выразить доверие правительству, назначенному президентом республики (устанавливая, таким образом, контроль со стороны народных избранников), а если доверия нет, все начинается сначала, до тех пор, пока президент республики не предложит правительство, удовлетворяющее парламент. Известны случаи, когда президенты республики назначали в качестве главы правительства внепарламентских деятелей, например Дини и Чампи[2], а в качестве министров — различных экспертов, и даже когда президент назначил премьер-министром Монти[3], сделав его за минуту до этого пожизненным сенатором,

По собственной инициативе, по своему усмотрению (*лат.*).

Ламберто Дини (р. 1931) — итальянский экономист и политик, был назначен премьер-министром в 1995 году после отставки Сильвио Берлускони и занимал этот пост до внеочередных выборов 1996 года. *Карло Адзельо Чампи* (1920–2016) — десятый президент Итальянской Республики (1999–2006). Был назначен премьер-министром в апреле 1993 года после правительственного кризиса, вызванного антикоррупционным скандалом, получившим известность как операция «Чистые руки». Создал техническое правительство, которое возглавлял до парламентских выборов 1994 года.

3 *Марио Монти* (р. 1943) — итальянский беспартийный государственный и политический деятель, экономист, пожизненный сенатор. Утвержден на пост председателя Совета министров Италии после отставки по собственному желанию премьер-министра Сильвио Берлускони в ноябре 2011 года. Возглавлял техническое правительство до парламентских выборов 2013 года.

Монти вовсе не был избран народом, наоборот, как раз назначен президентом.

А ведь это все прописано, пусть и не прямо, в статье 64 Конституции, где, кроме всего прочего, уточняется: «Члены правительства, даже если они не входят в состав палат, имеют право, а при наличии запросов обязаны присутствовать на заседаниях. Они должны быть заслушаны всякий раз, когда того потребуют». Ясно? Для составителей Конституции было настолько очевидно, что члены правительства могут не иметь никакого отношения к парламенту, что уточнялось, каким образом они могут или должны участвовать в его ассамблеях. По правде говоря, когда Берлускони упрекали за то, что он редко появляется в парламенте, нужно было бы его осуждать не как премьер-министра, а как нерадивого депутата или сенатора.

2012

Keep a low profile[1]

Ожидался победный рывок Демократической партии и незначительный подъем Берлускони, однако прогнозы не оправдались. Мы помним прецедент, когда Оккетто уверенно заявил о победе, а затем началась эпоха Берлускони[2]. Равным образом в ходе прошедшей предвыборной кампании Демократическая партия показала себя триумфатором: Берсани не сомневался, что получит большинство голосов, утверждая, что победитель (то есть он) будет у руля[3]. Тогда как многие из нас надеялись, что лидер ДП проведет грандиозную избирательную кампанию не спустя рукава, как его про-

Не выделяться, вести себя сдержанно, держаться на заднем плане (*англ.*).

Акилле Оккетто (р. 1936) – итальянский политик, последний лидер Итальянской коммунистической партии (1988–1991), первый национальный секретарь Демократической партии левых сил (1991–1994). В 1994 году Оккетто ушел в отставку с поста лидера новой партии после ее поражения на парламентских выборах, которые прошли 27 марта 1994 по смешанной системе и принесли победу коалиции, возглавляемой Сильвио Берлускони.

3 *Демократическая партия* (итал. *Partito Democratico*) – политическая партия левоцентристской ориентации. Лидер партии – Маттео Ренци, премьер-министр Италии (2014–2016). Эко пишет об избирательной кампании, стартовавшей в Италии в конце 2012 года, когда прошли праймериз левых, на которых определился их лидер, председатель Демократической партии *Пьер Луиджи Берсани*.

тивники, на деле она оказалась достаточно вялой, поскольку опиралась на стойкую уверенность, что, согласно опросам, ДП непременно выиграет.

Вывод: всякий раз, когда левые считают, что победа им обеспечена, они проигрывают. Невезение? В каком-то, не помню, ток-шоу Паоло Мьели[1] отметил такой непреложный факт: уже как минимум шестьдесят лет в Италии пятьдесят процентов избирателей не хочет левого или левоцентристского правительства. Возможно (комментирую я), сказывается атавистический страх, восходящий к временам «кремлевского тирана Сталина», о котором нам, детям, еженедельно рассказывал журнальчик *Il Balilla*[2]. Ужас перед большевиком, который придет напоить своих коней в водосвятных чашах собора Святого Петра (на чем хорошо сыграла в свое время пропаганда «Гражданских комитетов»[3] в 1948 году). Постоянный страх, что левые увеличат налоги (кстати, они этого никогда не скрывали, а увеличили их как раз правые). В принципе, так думает добропорядочная буржуазия средних лет и старше, которая не читает газет, а лишь смотрит телевизионные каналы *Mediaset* и к которой обращается Берлускони, когда пугает возвратом коммунизма. Страх перед левым правительством можно сравнить со страхом перед турками, его необходимо культивировать как можно дольше, хотя после битвы при Лепанто и начался закат Османской империи.

Паоло Мьели (р. 1949) — итальянский журналист, историк и публицист.

Il Balilla — иллюстрированный еженедельник, основан в 1923 году как официальный орган молодежной фашистской организации *Balilla*, просуществовал до 1943 года.

3 *«Гражданские комитеты»* — организации, созданные в Италии в период подготовки избирательной кампании 1948 года при активной поддержке Католической церкви. Проводили антикоммунистическую пропаганду и в значительной мере обеспечили победу Христианско-демократической партии.

Итак, возвращаясь к высказыванию Мьели, если половина итальянских избирателей живет с этими навязчивыми опасениями, ей не остается ничего другого, как обратиться к тем, кто предлагает противоядие: пятьдесят лет это была ХДП, и двадцать — Берлускони.

Думаю, что Мьели дал такую оценку, когда казалось, что выход Монти на политическую сцену предложит альтернативу, — и, очевидно, опасаясь этого, Берлускони всегда вел борьбу против Монти, выставляя его бестолковым прислужником левых. Ладно, у Монти ничего не вышло, и защита от левых снова стала монополией Берлускони. И здесь напрашивается вывод: правые выигрывают, когда левым удается убедить умеренный электорат в своей несомненной победе. Левые, в свою очередь, побеждают, как в случае с избирательной кампанией Проди[1]: он не выказывал излишней уверенности, но безотчетно дал посыл «Будем надеяться, у меня получится» и смог победить, хотя многие в этом сомневались.

Иногда нужно разыграть из себя жертву, чтобы охладить противника. Беппе Грилло триумфально провел избирательную кампанию, однако сумел убедить всех, что с телевидения его гонят прочь и он вынужден искать прибежища на площадях, — вот, пожалуйста, он снова на телеэкранах, но теперь в качестве преследуемого системой. Что и говорить, плакать умели многие: Тольятти сокрушался, что рабочие отстранены от управления страной; Паннелла[2] вечно жаловался, что средства массовой информации игнорируют ради-

Романо Проди (р. 1939) — итальянский левоцентристский политик, премьер-министр (1996–1998, 2006–2008). Между двумя премьерствами был президентом Еврокомиссии (1999–2004).

2 *Джачинто Паннелла*, более известен как Марко Паннелла (1930–2016) — политик и журналист, один из основателей Радикальной партии Италии.

калов, и смог монополизировать постоянное внимание газет и телевидения; Берлускони любил выставлять себя жертвой газетчиков, лоббистов и судебной системы, а когда был у власти, жаловался, что ему не дают работать. То есть в основе лежит принцип «лей крокодиловы слезы» или, выражаясь мягче, не труби о своих успехах, *keep a low profile.*

Когда наступление левых не представляет опасности, среднестатистический гражданин не идет голосовать либо голосует за мелкие партии. Если же левые торжествуют победу, умеренный избиратель бежит под крыло Помазанника Божьего.

2013

А судьи кто?

Нечто подобное я уже писал в «картонке» 1995 года, но не моя вина, что за эти восемнадцать лет мало что изменилось, по крайней мере в этой стране. Кстати, как-то в другой «картонке» я упоминал о том, что, отмечая свое двадцатилетие, *La Repubblica* поместила на своих страницах репринт номера двадцатилетней давности. Я по рассеянности не заметил и прочитал старый выпуск с большим интересом и, только когда в конце увидел программы лишь двух телеканалов, начал что-то подозревать. В остальном же двадцать лет назад сообщалось то же самое, что я и ожидал найти двадцать лет спустя, и виновата в этом не *La Repubblica*, а Италия.

Итак, в «картонке» 1995 года я с прискорбием отмечал любопытное поведение ряда газет, которые встали на сторону некоторых известных обвиняемых, но вместо того, чтобы выступить защитниками и представить доказательства их невиновности, публиковали неоднозначные статьи с туманными намеками, не обвиняя заведомо, но всячески стараясь дискредитировать судей.

Теперь, обратите внимание, показать в процессе предвзятость или несправедливость обвинения само

по себе явилось бы прекрасным доказательством демократии, что, увы, немыслимо было бы в различных процессах, поставленных диктатурами различных оттенков. Но это нужно делать в исключительных случаях. Если в обществе, всегда и априори, не только обвинение, но и судебные органы систематически дискредитируются, в этом обществе что-то не работает. Или не работает правосудие, или не работает система защиты.

Тем не менее как раз это мы видим в последнее время. Первым делом подозреваемый стремится не доказать несостоятельность доводов обвинения, а показать общественному мнению, что и обвинение не застраховано от подозрений. Если подозреваемому это удастся, ход процесса уже не важен. Потому что в судебных процессах, транслируемых по телевидению, решение выносит общественное мнение, которое выражает недоверие следствию и стремится убедить суд в том, что непопулярно признавать его правоту.

Следовательно, процесс выходит за рамки состязания двух сторон, представляющих доказательства и опровержения. Он еще до своего начала становится медийным поединком между предполагаемым подсудимым и предполагаемыми прокурорами и членами судейской коллегии, у которых обвиняемый оспаривает право судить его.

Если сможешь доказать, что твой обвинитель был замечен в прелюбодеянии, совершил иные грехи, легкомысленные поступки или преступления, — даже если это не имеет никакого отношения к процессу — ты выиграл. И не нужно доказывать, что судья совершил преступление. Достаточно (и это реальность) сфотографировать, как он бросает на тротуар окурок (чего, конечно же, не следует делать даже по рассеянности) или даже (и такое было) как он разгуливает в неверо-

ятных бирюзовых носках. И сразу же судящий становится осуждаемым, поскольку — закрадывается мысль — какой-то он странный и не заслуживающий доверия; есть в нем какой-то изъян, делающий его непригодным к исполнению служебных обязанностей.

Очевидно, этот способ, поскольку его используют по крайней мере лет двадцать, работает. А с другой стороны, эти инсинуации будят худшие инстинкты в обывателе, который, если его оштрафовали за то, что он припарковался в третьем ряду, жалуется на ненормального полицейского, который выписал штраф, движимый чувством зависти к владельцу BMW, как это обычно бывает с коммунистами. В любом процессе все чувствуют себя персонажем *К.* у Кафки, невиновными перед лицом непостижимо параноидального правосудия.

Так вот, как я уже говорил восемнадцать лет назад, помните: в следующий раз, когда вас схватят с поличным в тот самый момент, когда вы даете взятку полицейскому, который застукал вас в то время, как вы топором проламывали череп вашей бабушки, не спешите смывать следы крови или выдумывать алиби, что именно в это время у вас была назначена встреча с кардиналом. Достаточно доказать, что тот, кто вас поймал на взятке (или с топором в руках), десять лет назад не заявил в налоговой декларации о рождественском куличе, полученном в подарок от такой-то компании (а еще лучше, если с генеральным директором компании-дарителя его, как подозревают, связывает давняя и нежная дружба).

2013

Сын мой, все это будет твоим

Пока я писал эту «картонку» (прошу прощения, если тем временем кто-то передумал, сейчас это происходит сплошь и рядом), Марина Берлускони решительно заявила, что не намерена перенимать политическое наследство отца и считает разумным оставаться в бизнесе, вероятно руководствуясь известной миланской поговоркой о том, что сапоги должен тачать сапожник, пироги печь пирожник, а не наоборот.

Однако если Марина отказывается, ничто не запрещает Берлускони поискать другого члена семьи для упрочения династии. Наследников у него хватает — сыновья и дочери и, вероятно, двоюродные братья, а поскольку от этого человека всего можно ожидать, не исключено, что он введет в игру Веронику Ларио, ведь у каждого Перона есть своя Эвита. А если не госпожа Ларио, почему бы не подумать о приемном наследнике, им могли бы стать, к примеру, Николь Минетти, Руби или кто-то еще из его девиц?

Бесполезно возражать, что при демократии нет династий, что это прерогатива монархии, что они существовали у римских императоров, если только на сцену

не выходили преторианцы, смешивая все карты, и существуют у северокорейских диктаторов. Нет, династии бывают и при демократии, примером тому переход власти от Ле Пена — отца к дочери. Можно вспомнить и Кеннеди (там наследование было предотвращено рукой убийцы, убравшего Боба), и двух Бушей, и не исключено, что подобное случится с госпожой Клинтон.

Да, в Америке президент не может передать власть братьям, женам или детям по личному почину. Нужно ждать всенародного голосования, которое узаконит возвращение президента из той же семьи, то есть власть не передается, как эстафетная палочка, должно пройти какое-то время. Однако, безусловно, в этих возвращениях знакомой фамилии в политическую жизнь заложено чувство династии, глубокое убеждение, что порода всегда скажется.

Когда мы говорим о передаче дел от одного Берлускони к другому, в этом есть нечто большее, чем чувство династии и отношение к «породе». Берлускони считает, что нормально и даже законно передать бразды правления преемнику, потому что видит себя хозяином политической партии. Он уверен, что можно передавать власть по наследству, потому что капитал принадлежит ему, и он ведет себя как великие промышленные магнаты, для которых компания была фамильным достоянием и которые считали своим долгом передать ее потомкам по наследству. Возьмем показательный случай семьи Аньелли: дедушка Джованни передает руководство компанией FIAT внуку Джанни (Валетта выступает этаким кардиналом Мазарини, пока наследник не достигнет подходящего возраста), и после смерти Джанни за неимением прямых потомков рода Аньелли по мужской линии президентом концерна становится племянник, который носит другую фамилию, но в жилах которого

течет та же кровь[1]. Вспомните богатого американского землевладельца, который (в разных фильмах) показывает своему отпрыску необъятные луга и тучные стада и произносит: «Сын мой, однажды все это будет твоим».

Разве нормально, что партия является семейным капиталом, как металлургический завод или кондитерский цех? Кстати, такая мысль никогда не приходила в голову даже Муссолини (тем не менее партия была действительно его, и с его исчезновением исчезла и партия), но вы можете себе представить, что Альчиде Де Гаспери захотел бы передать дочери Христианско-демократическую партию, Беттино Кракси оставил бы Социалистическую партию в наследство своим детям, Бобо или Стефании, Энрико Берлингуэр решил бы передать божьей милостью руководство ИКП по старшинству дочери Бьянке и так далее? Нет, потому что они не создавали партий, не финансировали их, отчитывались перед различными комитетами, их избравшими, то есть не относились к власти как к собственности, передаваемой по наследству.

Принять решение о передаче власти наследнику – значит четко понимать, что партию создал Вождь, что она не выживет без имени Вождя, что Вождь ее финансирует и что все остальные члены партии – не избиратели Вождя, а его подчиненные. Если партия находится в частной собственности, монарх имеет полное право на собственного дофина.

2013

Джованни Аньелли (1866–1945) – основатель автомобильного концерна FIAT, один из богатейших и влиятельнейших людей планеты в первой половине XX века; *Джанни Аньелли* (1921–2003) – внук Джованни Аньелли, предприниматель, главный акционер и исполнительный директор FIAT после смерти Джованни Аньелли – старшего; *Витторио Валлетта* (1883–1967) с 1921 года был управляющим, а затем и президентом компании FIAT, поскольку единственный сын Джованни Аньелли, Эдоардо, погиб в результате несчастного случая. В настоящее время концерном руководит Джон Элканн (р. 1976), американец по происхождению, внук Джанни Аньелли.

Власть и левые

Меня при этом не было, но я слышал рассказ человека, которому вполне можно доверять. Итак, в 1996 году Проди только что выиграл выборы, впервые к власти пришли левые[1]. Представляю себе ликование на Пьяцца дель Пополо, ошалевшая толпа. И вот когда Д'Алема направлялся к сцене, одна женщина схватила его за руку с криком: «Товарищ Массимо, теперь-то мы создадим сильную оппозицию!»

Конец истории, но не проклятия, признаком которого она была. Эта активистка поняла то, что ее партия победила, но не то, что партия теперь обязана войти в правительство. Для нее непостижимо, что партия должна говорить «да» на многое, потому что эту партию она всегда представляла себе как силу героическую и несгибаемую, которая всегда говорила «нет».

В этом трагедия истории европейского левого движения: более чем полтораста лет оно было оппози-

На выборах 1996 года левоцентристская коалиция «Оливковое дерево» одержала победу над правоцентристами во главе с Сильвио Берлускони. Романо Проди возглавил первое в истории послевоенной Италии правительство левого толка.

ционной силой; революционной, да, но мучительно и долго ожидавшей, когда же вспыхнет революция (кстати, в России и Китае, где революция свершилась, левые были у руля, а не в оппозиции, но постепенно стали силой консервативной).

Поэтому левые были всегда наготове сказать «нет» и, шельмуя их как социал-демократов, с подозрением смотрели на те свои течения, которые осмеливались произнести половинчатое «да», а с другой стороны были активисты, которые отмежевывались от партии, чтобы создать новую, более радикальную. То есть левое движение всегда было фракционным, обреченным на вечный митоз, и поэтому, естественно, никогда не обладало достаточной силой, чтобы прийти к власти. Я бы ехидно заметил: к счастью для него, потому что тогда ему пришлось бы говорить «да», со всеми вытекающими из принятия правительственных решений компромиссами, и, говоря «да», оно потеряло бы ту моральную чистоту, которая воспринималась как вечное поражение и способность упорно отказываться от соблазнов власти. Достаточно было думать, что та власть, которую оно отвергало, в один прекрасный момент может рухнуть.

История про женщину на Пьяцца дель Пополо объясняет многое из того, что происходит и сегодня.

2015

ОТ ГЛУПОСТИ ДО БЕЗУМИЯ

Нет, это не загрязнение. Это примеси в воздухе

В округ гуляет ветер войны, а мы все в руках самого влиятельного в мире человека, коим является Буш. Сегодня никто не претендует, как мечтал Платон, чтобы государствами управляли философы, но было бы неплохо, если б у власти стояли люди вменяемые. Стоит посмотреть в интернете различные веб-сайты, собирающие знаменитые фразы Буша. К примеру, без указания даты и места, я нашел: «Если мы не одержим победу, мы рискуем проиграть. Наступило время, когда человечество должно войти в Солнечную систему. Это не загрязнение наносит вред окружающей среде, а те примеси, которые находятся в воздухе и воде».

Из обращений к журналистам: «Я должен спросить того, кто задал мне вопрос. У меня не было возможности спросить тех, кто мне задал вопрос, какой вопрос они задали» (Остин, Техас, 8 января 2001). «Думаю, если вы действительно уверены в том, что говорите, мне будет гораздо легче ответить на ваш вопрос. Я не могу ответить на ваш вопрос» (Рейнольдсбург, Огайо, 4 октября 2000). «Женщина, которая знала, что у меня дис-

лексия. Как она могла это знать, если я даже никогда с ней не встречался?» (Оранж, Калифорния, 15 сентября 2000).

О политике: «О незаконности мы должны говорить так, словно у нас ее нет» (20 мая 1996). «Полагаю, что мы на пути к еще большей свободе и демократии, с которого невозможно свернуть. Но все может измениться» (22 мая 1998). «Я намерен сохранить исполнительную власть не только за собой, но и за моими предшественниками» (Вашингтон, 29 января 2001). «Мы готовы вести работу с обеими сторонами, чтобы снизить уровень террора до уровня, приемлемого для обеих сторон» (Вашингтон, 2 октября 2001). «Я знаю, что у Вашингтона много амбиций. Это естественно. Но надеюсь, люди амбициозные понимают, что гораздо легче добиться успеха, если тебе сопутствует успех, а не поражение» (интервью агентству *Associated Press*, 18 января 2001). «Величайшее достижение Америки — каждый должен голосовать» (Остин, 8 декабря 2000). «Мы хотим, чтобы каждый, кто может найти работу, был способен найти работу» (программа *60 Minutes II*, 5 декабря 2000). «Один из общих знаменателей, которые я нашел, — это то, что ожидания возникают вокруг того, что ожидается» (Лос-Анджелес, 27 сентября 2000). «Важно понимать, что чем больше существует торговых отношений, тем больше торговля» (*Summit of the Americas*, Квебек-Сити, 21 апреля 2001).

Об образовании: «Откровенно говоря, учителя — единственная профессия, представители которой преподают нашим детям» (18 сентября 1995 года). «У нас будут самые образованные американцы в мире» (21 сентября 1997). «Я хочу, чтобы об администрации Буша

говорили, что она ориентируется на результат, потому что я верю в результат, направленный на тотальную концентрацию внимания и энергии на обучение наших детей чтению, потому как наша образовательная система с вниманием относится к детям и их родителям, достаточно лишь взглянуть на эту систему, которая сделает из Америки такую страну, которую мы хотели бы видеть: страну, где люди умеют читать и ждать» (Вашингтон, 11 января 2001). «Система народного образования является одной из основ нашей демократии. Именно там американские дети учатся быть ответственными гражданами и получают все необходимые навыки, чтобы пользоваться всеми возможностями, которые предоставляет наше замечательное общество приспособленцев» (1 мая 2002).

О науке: «Марс, по сути, на одной с нами орбите. И почти на таком же удалении от Солнца, что очень важно. Мы видели фотографии, на которых есть каналы и, как мы думаем, есть вода. Если есть вода, значит, есть кислород, а если есть кислород, значит, мы можем дышать» (8 ноября 1994). «NASA все еще интересуется космосом» (5 сентября 1993). «Природный газ — он полусферический. Я его называю полусферическим, потому что это такая вещь, которую мы можем найти по соседству» (Остин, Техас, 20 декабря 2000). «Я знаю, что люди и рыбы могут мирно сосуществовать» (Сагино, Мичиган, 29 сентября 2000).

Внешняя политика: «Мы потеряли слишком много времени, пытаясь говорить с Африкой справедливо. Однако Африка — это нация, страдающая от немыслимого заболевания» (выступление на пресс-конференции, 14 сентября 2000). «Я беседовал с новым президентом

Мексики Винсенте Фоксом по поводу поставок нефти в Соединенные Штаты. Таким образом, мы больше не будем зависеть от поставок нефти из-за рубежа» (первые президентские дебаты, 10 марта 2000). «Проблема французов в том, что у них нет слова антрепренер» (из дискуссии с Блэром). «У вас тоже есть негры?» (вопрос президенту Бразилии Фернандо Кардозо, штат Сан-Пауло, 28 апреля 2002). «В конце концов, неделю назад Ясир Арафат находился в окружении в своем дворце в Рамаллахе, дворце, который явно был наполнен немецкими пацифистами и им подобными людьми. Теперь они ушли. Теперь Арафат спокойно может всем демонстрировать, что он лидер и что он может править миром» (Вашингтон, 2 мая 2002). «Большая часть импортируемых товаров поступает из-за рубежа» (*NPR's Morning Editing*, 26 сентября 2000). «Я понимаю, что волнения на Ближнем Востоке приводят к волнениям во всем регионе» (Вашингтон, 13 марта 2002). «Моя поездка в Азию начинается в Японии по очень важной причине. Она начинается здесь, потому как вот уже на протяжении полутора веков Америка и Япония составляют самый крепкий и самый продолжительный из всех союзов новейшего времени. Из этого союза родилась эра мира в Тихоокеанском регионе» (Токио, 18 февраля 2002).

2002

Как разбогатеть на чужой боли

Если ваше финансовое положение вас не устраивает и вы хотите сменить работу, деятельность ясновидящего — одна из самых прибыльных и (вопреки тому, что вы могли подумать) самых легких. Достаточно обладать некой привлекательностью, минимальной способностью понимать других и определенной непробиваемостью. Однако и без этих качеств статистика работает на вас.

Попробуйте провести такой эксперимент: подойдите к любому человеку, да хотя бы к случайному прохожему (лучше, конечно, если этот человек готов проверить ваши экстрасенсорные способности). Посмотрите ему в глаза и скажите: «Вижу, что кто-то много думает о вас, кто-то, с кем вы давно не виделись, но кого вы раньше сильно любили, страдая, потому что вам не отвечали взаимностью... Теперь он понял, что причинил вам боль, и жалеет об этом, хоть и понимает, что слишком поздно...» Найдется ли на свете хоть один человек, дети не в счет, у которого в прошлом не было несчастной любви или по крайней мере любви, не полностью взаимной? И вот, пожалуйста, участник вашего эксперимента первым придет вам на помощь и станет

работать на вас, говоря, что он знает, о ком речь, и вы очень точно угадали.

Вы также можете сказать: «Кое-кто вас недооценивает, перемывает вам кости при всяком удобном случае и делает это из зависти». Вряд ли испытуемый ответит вам, что все вокруг его обожают и он понятия не имеет, о ком идет речь. Скорее он незамедлительно распознает завистника и будет восхищаться вашими экстрасенсорными способностями.

Или объявите, к примеру, что вы можете общаться с потусторонним миром. Подойдите к человеку средних лет и скажите, что видите рядом с ним тень родственника, умершего из-за проблем с сердцем. У любого из нас, живущих, было двое родителей, два дедушки и две бабушки, а если кому-то повезло, еще и дяди-тети или дорогие сердцу крестный отец или крестная мать. Если ваш испытуемый далеко не молод, скорее всего, кто-то из его близких уже умер, и как минимум один из шести умерших, вероятно, скончался от сердечной недостаточности. Предположим, здесь вам не повезло, но вы же догадались выбрать объект, который обступили зеваки, оценивающие ваши способности. Смело заявляйте, что вы, вероятно, ошиблись и тот, кого вы видите, возможно, родственник не вашего собеседника, а кого-то другого, кто стоит рядом. Я почти уверен, один из присутствующих скажет, что это его отец или мать, и тогда все в порядке, вы можете говорить о тепле, исходящем от этой тени, о любви, которую она посылает тому или той, кто уже готов пасть жертвой ваших чар...

Проницательные читатели, должно быть, узнали методы некоторых харизматических личностей, которые то и дело появляются на наших телеэкранах. Нет ничего проще, чем убедить родителя, недавно по-

терявшего ребенка, или человека, еще не оправившегося после смерти матери или мужа, что душа близкого не канула в Лету, она посылает сообщения из потустороннего мира. Повторяю, стать экстрасенсом легко, боль и доверчивость людей работают на вас.

Если, конечно, поблизости нет кого-то из *CICAP*, «Итальянского комитета по контролю за паранормальными явлениями», о котором вы можете узнать на сайте www.cicap.org или из журнала *Scienza e Paronormale*[1]. Ученые *CICAP* действительно охотятся за феноменами, претендующими на звание паранормальных (полтергейст и левитация, спиритуализм и странные круги на полях, НЛО и лозоходство, а также привидения и предвидения, способность гнуть вилки силой мысли, чтение карт Таро, плачущие мадонны и так далее). А дальше разбирают механизм, показывают обман, научно объясняют то, что кажется чудом, часто проводят эксперименты, показывая, что, зная трюки, магом может стать любой из нас.

Два сыщика из *CICAP* — Массимо Полидоро и Луиджи Гарласкелли[2] — опубликовали совместный труд (используя тексты и других сотрудников *CICAP* за прошедшее десятилетие) «Исследователи тайн. Изучая паранормальные явления» (*Avverbi*, 2000), в котором (если вы не из тех, кто плачет, узнав, что Деда Мороза не существует) вас ждет много забавных историй.

Однако ситуация не слишком веселая. То, что у *CICAP* всегда много работы, означает, что легковерие встречается куда чаще, чем можно подумать. В конце

[1] Наука и паранормальные явления (*итал.*).

[2] *Массимо Полидоро* (р. 1969) — научный журналист, писатель, популяризатор науки, секретарь Итальянского комитета по контролю за паранормальными явлениями (*CICAP*); *Луиджи Гарласкелли* (р. 1950) — ученый-химик, писатель и популяризатор науки.

концов, книга разойдется тиражом в несколько тысяч, тогда как Розмари Альтеа[1], играя на чужой боли, вещает с телеэкранов и ее видят миллионы. Кого упрекнуть в том, что это портит зрителя? Аудитория есть аудитория.

2002

Розмари Альтеа (р. 1946) — английская писательница, считает себя экстрасенсом и ясновидящей.

Красавицы и чудовища

Когда этот номер *L'Espresso* появится в киосках, большинство читателей, возможно, уже забудет о событиях в Нигерии, где более двухсот человек было убито из-за конкурса «Мисс мира»[1]. Однако нельзя оставлять эту тему без внимания. Иначе ситуация может ухудшиться даже после перенесения конкурса в Лондон, потому что всем ясно, что прибытие мисс в Нигерию было лишь поводом для разжигания розни, событием, спровоцировавшим беспорядки и кровопролитие. В самом деле, непонятно, почему в знак протеста против конкурса красоты нужно убивать христиан и сжигать церкви, ведь не епископы же были инициаторами его проведения. Если бы все пошло своим чередом, тем более стоило бы проанализировать причины столь ужасной реакции.

В 2002 году жертвами беспорядков в нигерийском городе Кадуна во время проведения в стране международного конкурса «Мисс мира» стали более двухсот человек. Беспорядки начали молодые сторонники мусульманских экстремистских организаций, недовольные проведением в стране конкурса красоты.

Воле Шойинка[1], нобелевский лауреат по литературе, который побывал в нигерийской тюрьме за то, что пытался защищать основные свободы граждан в своей несчастной стране, написал статью (опубликована в газете *La Repubblica*), где он, размышляя о нигерийских конфликтах, сказал (вкратце), что не испытывает никакой симпатии ни к национальным, ни к международным конкурсам на звание лучшей мисс, но фанатизм мусульманских фундаменталистов заставил его задуматься о необходимости защиты прав тела и красоты. Полагаю, если бы я был нигерийцем, я бы думал так же, однако мне хочется посмотреть на события со своей колокольни.

Разумеется, непростительно, что подобная лицемерная реакция на конкурс, где представлены девушки в купальниках, проявилась в убийстве более двухсот человек, которые, кстати, совершенно ни при чем. Очевидно, если так рассматривать ситуацию, все мы будем на стороне девушек. Однако я считаю, что организаторы «Мисс мира», решив провести конкурс в Нигерии, заведомо совершили ужасную ошибку. Не только потому, что могли и должны были предвидеть подобную реакцию, но потому, что проводить ярмарку тщеславия (а на нее, кстати, потрачены немалые деньги, которых с лихвой хватило бы некоторым племенам на пропитание в течение месяца) в такой отсталой стране, как Нигерия, где дети умирают от голода, а за внебрачную связь побивают камнями, — все равно что крутить кассеты с порнографическими фильмами и комедиями в отделении для слепых или раздаривать в лепрозории декоративную косметику, рекламируемую Наоми Кэмпбелл. И не говорите, что конкурс красоты — это тоже способ изменить веко-

Воле Шойинка (р. 1934) — нигерийский драматург, писатель, поэт. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1986 года «За создание театра огромной культурной перспективы и поэзии».

вые традиции и обычаи, потому что подобное воздействие имеет смысл, если дается в гомеопатических дозах и не является такой откровенной провокацией.

Этот случай, помимо рассуждений о том, что мы имеем дело с ужасной ошибкой, совершенной в рекламных целях и крайне цинично, интересно рассмотреть поближе именно сейчас, поскольку он связан с клубком проблем, именуемым глобализацией. Я отношу себя к тем, кто считает, что из десяти явлений глобализации по крайней мере пять могут иметь положительные результаты. Но если говорить о негативном аспекте глобализации, он проявляется как раз в усердном насаждении западных моделей в слаборазвитых странах с целью вселить надежды и побудить к потреблению, этим странам недоступному... Одним словом, тебе показывают девушек в купальниках, создавая спрос на покупку купальников западного образца, возможно сшитых голодными детьми в Гонконге. И тогда даже в Нигерии эти купальники будут приобретать те, кто не умирает от голода. Но их лишние деньги заработаны, в свою очередь, за счет тех, кто от голода умирает, и в сотрудничестве с Западом, который их использует и стремится удержать в доколониальных условиях.

Вот почему я бы не огорчился, если бы самые активные антиглобалисты съехались в Нигерию на время проведения конкурса, разделившись между бунтарями из «Белых халатов» и «Черным блоком»[1]. Белые

«Черный блок» (англ. *Black Bloc*) — наиболее радикальное движение антиглобалистов, зародилось в Германии. Название происходит от внешнего вида участников движения, одетых в одежду черного цвета и скрывающих свои лица за такого же цвета масками. *«Белые халаты»* (*Tute bianche*) возникли в Италии. Они специализируются на защите прав больных и малоимущих, иммигрантов, женщин, детей. Устраивают «социальные центры помощи» бездомным и безработным, объединяют их в группы взаимодействия, учат бороться за свои права.

халаты должны мирно (но энергично) поколотить организаторов конкурса, оставить их в трусах (как их мисс), намазать медом, вывалять в перьях страуса или любой другой птицы, имеющейся под рукой, и, вдоволь над ними поиздевавшись, отправить дефилировать по улицам. А черные халаты должны разобраться с местными фундаменталистами — пособниками западного колониализма, для которого очень кстати, что некоторые страны остаются слаборазвитыми, — и использовать все свои боевые способности, чтобы не допустить кровопролития. И тогда мы все, быть может, наградим аплодисментами (хоть разочек, один-единственный раз) этих воинов мира, ведь если ты агрессивен, ты должен иметь мужество сразиться с достойным тебя противником.

А что же конкурсантки? Возможно, попав под влияние умеренных антиглобалистов, они могли бы (один-единственный раз) пройти, покачивая бедрами (но в одежде), по деревням, раздавая мясные консервы и мыло, а в придачу молоко и антибиотики. Вот тогда мы назовем их воистину красавицами.

2002

Выстрелы с уведомлением о вручении

Старая поговорка гласит, что война слишком серьезное дело, чтобы доверять ее военным. Сегодня можно сказать: мир стал делом слишком сложным, чтобы доверять управление тем, кто правил им раньше. Все равно что доверить проект «Манхэттен» по разработке ядерного оружия строителям Мон-Сенисского тоннеля[1]. Я думал про это две недели назад в Вашингтоне, как раз в то время, когда еще бродил снайпер, знаменитый стрелок, весело убивающий случайных прохожих, которые остановились на заправке или выходили из ресторана[2]. Он прятался — винтовка с оптическим прицелом — где-то у дорожной развязки или на зеленом холме и спокойно делал свое дело. Получив сигнал об очередной жертве, приезжала полиция и на два или три часа блокирова-

1 *«Проект Манхэттен»* — кодовое название программы США по разработке ядерного оружия, запущенной 17 сентября 1943 года; *Мон-Сенисский тоннель*, он же тоннель Фрежюс, — первый железнодорожный тоннель через Альпы, соединивший Италию и Францию.

2 *Джон Аллен Мухаммад* (1960–2009) — американский серийный убийца, известен как «вашингтонский снайпер». В 2002 году вместе со своим младшим партнером Ли Бойдом Малво убил десять и тяжело ранил трех человек из снайперской винтовки в окрестностях Вашингтона.

ла дороги, но, естественно, никого не находила, потому что у стрелка было сколько угодно времени, чтобы скрыться. Так что несколько дней люди не выходили из дома и не пускали детей в школу.

Конечно, нашлись те, кто говорил, что причина трагедии кроется в свободной торговле оружием, но оружейное лобби ответило, что проблема не в том, чтобы иметь оружие, а в том, чтобы правильно его использовать. Как будто использовать его для убийства вовсе не означает использовать правильно. Или обычно люди покупают себе ружье, чтобы делать клизму?

Вашингтонского стрелка взяли только потому, что тот специально оставлял повсюду следы, — в конце концов, такие люди просто хотят попасть на страницы газет. Но тот, кто не хотел бы быть пойманным, мог бы продолжать убивать, пока количество жертв не превысило бы число погибших в *Twin Towers*[1]. Поэтому Америка жила и все еще живет в напряжении: ведь если террористическая организация, вместо того чтобы тратить время на угон самолета, подготовит и выпустит на охоту штук тридцать снайперов, это может парализовать всю страну. Более того, в состязании примут участие не только террористы, но и просто сумасшедшие, которые с превеликой радостью устроят себе праздник.

Что же предлагают нам те, кто, очевидно, более не в состоянии управлять миром? Выпускать оружие, которое автоматически будет «кодировать» пулю и гильзу, так что, когда пулю извлекут из тела убитого, у нас будет адрес убийцы. Они не подумали, что если я захочу кого-то убить, я возьму не свое ружье, а украденное у кого-то, кто и сядет вместо меня в тюрь-

1 Башнях-близнецах (*англ.*).

му. И если я террорист, у меня есть надежные каналы для получения краденого оружия, или оружия с фальшивым кодом, или вообще не американского производства. Не понимаю, почему об этом задумываюсь я, а не специалисты по безопасности.

Но если бы только это. В *La Repubblica* от 8 ноября прошлого года читаю, что обеспокоенные дефляцией (народ покупает мало, цены падают, кризис хуже, чем при инфляции) управляющие Федеральной резервной системой (то есть не простые парни) предлагают ввести скоропортящийся доллар, точнее, доллары с магнитной полосой, которая обеспечивает постепенное обесценивание денег, если ты не тратишь их сразу (на хранении в банке деньги тоже обесцениваются).

Пытаюсь представить себе, что же будет делать условный мистер Смит, сантехник, который, работая на износ, зарабатывает сто долларов в день. Прежде всего снизится его производительность. Зачем убиваться, стараясь заработать хоть что-то, если что-то через некоторое время ничего не стоит и ты даже не можешь положить заработанное на сберегательную книжку, чтобы купить себе домик? Он будет работать ровно столько, чтобы обеспечить себе тридцать долларов в день на пиво и стейки. Или он может ежедневно инвестировать свои сто долларов в бесполезные траты: футболки, банки с вареньем, карандаши, после чего начнется бартерная экономика — три банки варенья за футболку, но в итоге дома у людей накопится куча ненужного хлама, а деньги практически выйдут из обращения. Еще мистер Смит мог бы купить домик, но в длиннейшую рассрочку, выплачивая каждый раз, когда руку ему будут жечь сто долларов. Но тогда не только дом, с процентами и прочим, будет стоить в десять раз больше, тогда непонятно, зачем первому

владельцу его продавать, поскольку в таком случае он останется без дома и с пачками долларов, которые он должен непременно потратить все до единого по мере того, как будет их получать? Это прямая дорога к обрушению строительного рынка: у кого есть дом, тот оставит его при себе. И, поскольку деньги обесцениваются даже в сбережениях, кто же будет хранить их в банке?

Я жду, что какой-нибудь экономист укажет мне, где я ошибся, потому что, конечно, я плохо разбираюсь в теме. Однако у меня сложилось впечатление, что многие инициативы, которые в последнее время предпринимаются, включая войну в Ираке, призванную удержать тысячи потенциальных снайперов-фундаменталистов, которые затаились на перекрестках американских дорог, подпадают под категорию «мир стал делом слишком сложным, чтобы доверять управление тем, кто правил им раньше».

2002

Лишний мертвец не помешает

Читаю в *Venerdì di Repubblica* следующую новость: правительство Франции, кажется, решило ввести, как у нас, но раньше, чем у нас, водительское удостоверение с системой баллов, и через год было отмечено, что количество аварий значительно сократилось: по статистике на 18,5 процента меньше смертельных исходов. Это отличная новость. Но председатель *Groupement National des Carrossiers Réparateurs*, то есть профсоюза автомехаников, заявил, что как гражданин он, конечно, радуется сокращению количества смертей, однако как автомеханик вынужден признать, что в его отрасли намечается кризис. Меньше аварий — меньше ремонтов. Похоже, не только механики, столкнувшись с такой серьезной экономической проблемой, пребывают в смятении и обращаются за помощью к государству, а некоторые из них даже выступают за менее строгий контроль. Проще говоря, если это правда, просят меньше штрафовать, чтобы сломанных машин было больше.

Не хотелось бы думать, что они ратуют за увеличение количества смертей, потому что, как правило, если в аварии погибает человек, его машина попадает

не в автосервис, а прямиком на свалку. Но вообще-то лишнее дорожно-транспортное происшествие, пусть без смертельных исходов, достаточно раненых (машина не должна превращаться в гроб, который годен только в утиль), явно не помешало бы.

Ничего удивительного. Любые технологические новинки, каждый шаг прогресса всегда создавал безработицу, история началась с ткачей XVIII века, уничтожающих станки из-за страха остаться без работы. Полагаю, что появление такси разорило извозчиков. Я помню старого Пьетро: в детстве, когда мы уезжали в деревню, он со своей коляской приезжал, чтобы отвезти всех нас и багаж на вокзал. Прошло несколько лет, и появились общественные авто, но старому Пьетро возраст не позволял получить права и стать водителем такси. Однако в то время новшества входили в нашу жизнь достаточно медленно, и Пьетро, должно быть, остался без работы, когда был уже близок к пенсии.

Сегодня дела идут быстрее. Думаю, увеличение средней продолжительности жизни могло бы создать определенные трудности работникам похоронных бюро и кладбищ, однако ситуация менялась постепенно и, когда стало понятно, что шестидесятилетние стали умирать меньше, пришло время хоронить восьмидесятилетних, которые не умерли в шестьдесят лет. Поэтому работа для данной категории (согласно известной посылке одного из древнейших силлогизмов, «все люди смертны») найдется всегда. Но если завтра откроют пусть не сыворотку бессмертия, а, скажем, препарат, который вмиг продлит жизнь в среднем до ста двадцати лет, мы увидим, что сотрудники похоронных бюро выйдут на площади с требованием государственных субсидий.

Проблема в том, что ускорение инновационных процессов будет все чаще выбрасывать на улицу целые специальности. Можно вспомнить, что в восьмидесятые годы практически исчезла профессия специалистов по ремонту пишущих машинок. Или они были достаточно молоды и расторопны, чтобы переучиться и стать специалистами по компьютерам, или вмиг оказались за бортом.

Значит, необходимо предусмотреть профессиональное образование таким образом, чтобы оно позволяло повышать квалификацию. Ткач былых времен, когда появились первые механические ткацкие станки, не мог быстро превратиться в конструктора этих станков. Но сегодня машины, можно сказать, универсальны, их физическая конструкция значит гораздо меньше, чем встроенная в них программа, и специалист, способный разобраться с программой работы стиральной машины, может, немного подучившись, переквалифицироваться в специалиста по работе с программой приборной панели автомобиля.

Итак, профессиональное образование, чтобы дать возможность быстрой переквалификации, должно стать по большей части образованием интеллектуальным, направленным на обучение скорее *software*[1] (или тому, что французы называют *logiciel*), чем *hardware*, «железу», то есть физическим компонентам взаимозаменяемых машин, которые могут быть созданы на основе какой-то другой программы.

Следовательно, нужно думать не о школе, образование в которой в определенный момент раздваивается — с одной стороны, готовит для поступления в вуз, а с другой — к работе, — а о школе, выпускники которой,

[1] Программное обеспечение (*англ.*).

даже те, кто завтра пойдет работать, к примеру, дворником, будут иметь такую интеллектуальную базу, которая позволит им однажды задуматься о собственной профессиональной переподготовке и реализовать ее.

Это не абстрактный идеал равенства и демократии, это логика труда в информационном обществе, которая требует равного образования для всех и отформатирована на более высокий, а не более низкий уровень. В противном случае инновации будут всегда и везде причиной безработицы.

2003

С позволения сказать

В начале 1981 года, говоря о войне в Персидском заливе, я объяснял, что «дружественный огонь»[1] — это «бомба, которую кидает в тебя по ошибке один засранец, одетый в ту же форму, что и ты». Может быть, сегодня, после дела Калипари[2], читатели поймут, что дружественный огонь убивает, но пятнадцать лет назад многие отреагировали не на безнравственность дружественного огня, а на безнравственность слова «засранец». Было много писем от читателей и, насколько я помню, критика в других газетах, так что мне пришлось даже написать очередную «картонку», в которой я вспомнил наших известных писателей, использующих подобные слова.

За пятнадцать лет нравы изменились, и сегодня издательство *Rizzoli* может позволить себе опубликовать эс-

Дружественный огонь, или огонь по своим, — военный термин, обозначающий атаку, произведенную подразделением (или единицей военной техники) на подразделение (или единицу военной техники) своей армии или армии союзника. Термин впервые введен Вооруженными силами США (*friendly fire*).

Никола Калипари (1953–2005) — сотрудник итальянских спецслужб, убитый американскими военными в Ираке при освобождении захваченной в заложники иракскими боевиками журналистки Джулианы Сгрены.

се «О брехне» Гарри Г. Франкфурта[1] (шесть евро, читается за час). Франкфурт — почетный профессор философии, кажется, в Принстоне, и итальянский перевод «брехня» (*stronzate*) значительно смягчает оригинальное английское название *Bullshit*, что буквально означает «бычье дерьмо», но используется в тех же ситуациях, когда мы сказали бы «фигня» или даже «х**ня».

К примеру, мы называем фигней то, на что не стоило тратить деньги, поскольку оно не работает («этот электронный штопор — фигня»), но наиболее часто термин используется в применении к чему-то, что утверждается, говорится, сообщается: «он говорил всякую фигню; этот фильм — полная фигня». Франкфурт разбирает фигню, или брехню, в семиотическом смысле, отталкиваясь от определения, которое другой философ, Макс Блэк[2], дал слову «надувательство» (в смысле глупость или чепуха) как «граничащее с ложью искажение собственных мыслей, чувств или взглядов для введения в заблуждение, в особенности сопровождаемое претенциозностью на словах или на деле».

Нужно заметить, что американские философы весьма щепетильно относятся к проблеме истинности наших высказываний и много спорят, справедливо или нет говорить о том, что Одиссей вернулся на Итаку, принимая во внимание, что Одиссея никогда не существовало. То есть Франкфурт ставит себе задачу, во-первых, определить, в каком смысле брехня — вещь более

Гарри Гордон Франкфурт (р. 1929) — американский философ. Почетный профессор философии в Принстонском университете. См.: Франкфурт Г. Г. *К вопросу о брехне. Логико-философское исследование* / Пер. с англ. М. Ослон. М.: Европа, 2008. Все цитаты даются по русскому изданию.

Макс Блэк (1909–1988) — британско-американский философ, оказавший значительное влияние на развитие аналитической философии первой половины XX века. См.: Black M. *The Prevalence of Humbug*. Ithaca: Cornell University Press, 1985 (цитата в пер. М. Ослона).

сильная, чем надувательство, и, во-вторых, что значит граничащее с ложью искажение собственных мыслей, чувств или взглядов для введения в заблуждение.

Если рассуждать о второй проблеме, на эту тему существует обширная литература, начиная от Августина Блаженного и до наших дней: тот, кто лжет, знает, что он говорит неправду, и делает это заведомо, чтобы обмануть. Кто говорит неправду, не зная, что это неправда, — он, бедняга, не лжет, он ошибается, либо он просто сумасшедший. Допускаю, что если кто-то, искренне заблуждаясь, скажет, что Солнце вращается вокруг Земли, мы заметим, что это глупость и брехня. Определение Блэка опирается на тот факт, что говорящий глупости представляет тем самым искажение не только внешней реальности, но и своих собственных мыслей, чувств и взглядов.

Подобное случается и с теми, кто лжет: некто, утверждающий, что у него есть сто евро в кармане (что неправда), делает это не только для того, чтобы мы поверили, будто в кармане у него действительно есть сто евро, но и для того, чтобы убедить нас в том, что он верит в наличие этих ста евро в своем кармане. Но Франкфурт уточняет, что, в отличие от лжи, главная цель надувательства — создать не ложное мнение о реальном положении вещей, о которых говорится, а, скорее, ложное впечатление о том, что происходит в сознании говорящего. Поэтому надувательство не перерастает в ложь, а лишь граничит с ней. Следуя примеру Франкфурта, президент Соединенных Штатов, выступая по случаю Дня независимости, может использовать пафосные выражения, подчеркивая, что божественный промысел руководил отцами-основателями. Он делает это не для того, чтобы убедить слушателей в том, что сам не считает истиной, а для того, чтобы

создать у них впечатление о себе самом, показать, что он верит в Бога и любит родину.

Брехня отличается от надувательства тем, что она является утверждением заведомо ошибочным и прибегающие к ней так или иначе рисуют ложный образ самих себя, совершенно не беспокоясь о том, истинно или ложно то, что они говорят. «Брехун же скрывает от нас другое — свое безразличие к истине или лживости своих слов...» Подобные утверждения заставляют насторожиться, и, действительно, Франкфурт подтверждает наши худшие опасения: «Такие сферы, как реклама, пиар и бурно срастающаяся с ними в наши дни политика, изобилуют примерами столь откровенной брехни, что их можно безоговорочно признать классическими образцами ее воплощения». Цель брехни даже не в том, чтобы солгать о реальном состоянии вещей, а в том, чтобы произвести впечатление на слушателей, плохо отличающих истину от лжи, — они ведь тоже не заинтересованы в этих нюансах. Ко всему прочему, я думаю, брехуны полагаются на слабую память своей аудитории, что позволяет им производить бесконечную брехню, которая сама себе противоречит: «В отличие от честного человека или лжеца, брехун сверяется с фактами лишь там, где это необходимо, чтобы брехня сошла ему с рук».

2005

Примирительные оксюмороны

Еще несколько лет назад, используя слово «оксюморон», приходилось объяснять, что это. Если ты употреблял такое известное выражение, как «параллельное сближение», нужно было уточнить, что оксюморон — это сочетание слов с противоположным значением, то есть сочетание несочетаемого, как «сильная слабость», «отчаянная надежда», «мягкое насилие», «бессмысленный смысл» (Манганелли[1]), и не забудем о латинских выражениях — *formosa deformitas*[2], *concordia discors*[3] и *festina lente*[4].

Сейчас все говорят про оксюморон: его можно найти в печати, услышать от политиков на телевидении — в общем, или все принялись читать трактаты по риторике, или в мире стало больше оксюморона. Вы можете возразить, что это совершенно ничего не значит, что всегда есть некая лингвистическая мода, подпитываемая ленью и подражанием. Какие-то выражения

Джорджо Манганелли (1922–1990) — писатель, переводчик и литературный критик, теоретик неоавангардизма.

2 Прекрасное уродство (*лат.*).

3 Несогласное согласие (*лат.*).

4 Поспешай медленно (*лат.*).

доживут лишь до утра, другие продержатся дольше, но, к примеру, в пятидесятые годы девушки говорили «зверски», а потом стали говорить «абсурдно», совершенно не имея в виду ни зоологию, ни Ионеско. Был период, когда все говорили «секундочку», но не потому, что время сократилось, или «верно» вместо «да» (даже венчаясь в церкви), но не в смысле математического равенства, а под влиянием телевикторин. Еще сохраняется невыносимая привычка «бракосочетаться», и бог знает почему, в наше-то время, когда знакомят не с мужем, а с партнером.

Однако я подозреваю, что оксюморон как таковой снискал популярность потому, что мы живем в мире, где, пережив закат идеологий (которые старались — иногда грубо — уменьшить противоречия и дать нам однозначное видение), сегодня мы постоянно барахтаемся в противоречивых обстоятельствах. Хотите убедительный пример? Пожалуйста — Виртуальная Реальность, почти как Ничего Конкретного. Есть Умные Бомбы, что на оксюморон не похоже, но это так, если учесть, что бомба глупа по своей природе и должна падать туда, куда ее бросают. Иначе она полетит туда, куда ей захочется, и может стать Дружественным Огнем — прекрасный оксюморон, если под огнем подразумевается нанесение удара по созданию (еще одна языковая причуда, пусть и не оксюморон), которое другом не является. Мне кажется вполне оксюморонным выражение Экспорт Свободы, ведь свобода по определению — это то, что отдельные личности или группы людей завоевывают по личному выбору, а не в результате навязывания чужого. Если задуматься, оксюморон кроется и в выражении Конфликт Интересов, ведь его можно перевести как Приоритет Личного Интереса над Общественным Благом или

Коллективный Интерес, Используемый для Собственной Выгоды.

Хотел бы обратить внимание на такие оксюморо-ны, как Глобальная Мобилизация антиглобалистов, Вооруженный Мир и Гуманитарная Интервенция (если под интервенцией подразумевается, а это так и есть, ряд военных действий на чужой территории). Я вижу вокруг все больше, если послушать предвыборные программы новых союзников Берлускони, сторонников Левого Фашизма и считаю оксюмороном Клерикальных Атеистов вроде наших политиков Пе-ры или Феррары[1].

Я бы вспомнил еще, хоть это стало привычным, Искусственный Интеллект и Электронный Мозг (если мозг — это такая мягкая штука у нас в черепной коробке), не говоря уже о Душе Эмбриона, и даже Вариант Перевала, поскольку перевал по определению — это единственное место, доступное для перехода между двумя горами. Можно быть *двухпартийным* (и скажите, разве не оксюморон такое выражение: Принять Смелое Решение, Сидя Между Двух Стульев). Очередным оксюмороном мне кажется проект, предложенный коалицией «Оливковое дерево»[2], о Добровольном Прохождении Обязательной Гражданской Службы.

То есть, не понимая, как свести воедино несочетаемые варианты, мы прибегаем к Примирительным Оксюморонам (еще один прекрасный оксюморон). И тогда, как нам кажется, то, что не может быть вместе, прекрасно уживается: миротворческая миссия в Ира-

Марчелло Пера (р. 1943) — философ и политик; *Джулиано Феррара* (р. 1952) — политик, журналист и телеведущий.

«Оливковое дерево» (итал. *L'Ulivo*) — крупнейшая итальянская левоцентристская коалиция, историческим лидером и идеологом которой был Романо Проди, профессор экономики и бывший левый христианский демократ, который придумал название и символ «Оливкового дерева» в 1995 году.

ке; законы против судей (которые законами должны руководствоваться); политика на телевидении и балаган в парламенте; цензура запрещенной сатиры; запоздалое пророчество (как третья тайна Фатимы); арабские камикадзе (почти как синтоистские сарацины); шестидесятники, работающие с Берлускони; либеральный популизм. И конечно, гражданское партнерство, которому виртуозно противостоят разведенные сожители.

2006

В погоне за предисловием

То, о чем я хочу поговорить, касается, конечно, не только меня, но и вообще всех, кто, публикуя книги или статьи, пользуется некоторой известностью в определенной области. Речь не идет о каком-то великом поэте, лауреате Нобелевской премии, выдающемся ученом. Я считаю (точнее, знаю), что это может коснуться и директора провинциальной гимназии, который, пусть в рамках лишь местного сообщества, даже если он за всю свою жизнь ничего не опубликовал, имеет репутацию человека образованного, уважаемого и заслуживающего доверия. Но не только. Бывает, это человек, которого нельзя назвать ни образованным, ни заслуживающим доверия, ни уважаемым, но который прославился, к примеру, благодаря тому, что пришел в одних трусах на телевизионное ток-шоу.

Итак, у всех их время от времени просят написать предисловие для какой-то книги. На подобные обращения каждый реагирует по-своему. Для одних такая просьба звучит как долгожданное признание, но другим, включая и меня, просьбы написать предисловие поступают десятками каждый месяц — на самые разные

темы и от самых разных людей, от талантливого коллеги до стихоплета-графомана, от начинающего романиста до изобретателя вечного двигателя.

Теперь я обычно отвечаю так (кроме того, что не имею возможности прочитать все эти рукописи и опасаюсь стать махровым сочинителем предисловий): раз уж я отказываю близким друзьям, сказать «да» кому-то другому будет выглядеть для них оскорбительно. Как правило, на этом все и заканчивается. Но когда просит друг, я трачу время, сочиняя подробное письмо, в котором пытаюсь объяснить то, чему научили меня долгие годы работы в мире книг. И прежде всего объясняю, что мой отказ призван спасти его или ее от издательского провала.

Есть только два случая, когда предисловие не навредит. Первый — это когда тот, кому необходимо предисловие, уже умер: в этом случае даже двадцатилетний юноша может позволить себе написать вводную статью к «Илиаде», и Гомер от этого не пострадает. Второй — когда знаменитейший и всеми уважаемый автор пишет предисловие для молодого дебютанта. Безусловно, жест покровительства, но новичка это не беспокоит, напротив, он горд, потому что он восхищается недосягаемым автором предисловия, преклоняется перед ним и счастлив, что тот может поручиться за его первую работу.

Первый случай — это предисловие Живущего Почившему, второй — предисловие Великого Старца Юноше. Во всех остальных случаях — Живущего Живущему и Взрослого Взрослому — кроется риск смертельного удара по тому, для кого предисловие пишется.

Как правило, автор или издатель, обращаясь к условному господину Предисловелли с просьбой написать что-нибудь для книги условного господина Автори-

ни, считают, что известность Предисловелли позволит им продать чуть больше экземпляров. Вполне возможно, так оно и случится, прибыль возрастет, пусть и незначительно, однако посыл, полученный при этом мудрым читателем, заключается в следующем: «Если этот Авторини, о котором я никогда не слышал, должен заручиться поддержкой Предисловелли, значит, хорошо, что я о нем ничего не слышал, ведь ясно же, что это незначительный автор, которому, скорее всего, Предисловелли уступил по дружбе, из жалости, политической солидарности или, быть может, в обмен на деньги или сексуальные услуги».

Когда я захожу в книжный магазин и вижу книгу Авторини, скажем, о мемуарной литературе в поствильгельмовскую эпоху[1], моя первая реакция: «Надо же, какой я невежа, я ничего не знал об этом Авторини; должно быть, он большой специалист по германскому поствильгельминизму!» Заметьте, это естественная реакция: если кто-то на конференции или в примечании к книге упомянет неизвестную мне работу некоего Авторини, моя первая реакция (если я умный человек) — это осознание пробела в собственном образовании и твердое решение немедленно или позднее познакомиться с трудами этого Авторини. Если же я найду в книжном магазине работу Авторини с предисловием Предисловелли, я сразу успокоюсь: понятно, почему этот Авторини мне незнаком, ведь ему необходимо заручиться чьей-то поддержкой, чтобы с ним считались.

Вильгельминизм (от имени Вильгельма, также вильгельмовская эпоха, вильгельмовская эра) — исторический термин для обозначения 30-летнего периода правления в Германской империи кайзера Вильгельма II в 1888–1918 годах. Эта эпоха обладала характерными признаками в политике, общественной жизни, культуре и искусстве.

Эти аргументы кажутся мне очевидными, прямыми и убедительными. Приводя их тем, кто просит у меня предисловие, я добавляю, что лично я (можно расценивать это как прискорбный избыток *hybris*[1], не спорю) не хотел бы, чтобы кто-то писал ко мне предисловие, скорее наоборот. Я против даже таких случаев, когда университетский преподаватель пишет предисловие для студента, потому что это наиболее убийственный способ (по причинам, изложенным выше) подчеркнуть молодость и незрелость автора.

Однако, как правило, это не убеждает моего собеседника, считающего, что мои доводы продиктованы лишь нежеланием. Так что по мере того, как я старею, многие люди, которых я пытался облагодетельствовать своим отказом, стали мне врагами.

Если только (поверьте, это действительно было) некто, публикующий книгу за свой счет, не включит в нее в качестве предисловия мой вежливый отказ. Чего не сделаешь в погоне за предисловием!

2006

Гибрис (греч. ὕβσίτ) – надменная дерзость, гордыня, спесь.

Заблуждения одного не-товарища

На интернет-сайте, который называется «Тайная история», приведена цитата якобы моего высказывания для испанской газеты *El País*, и там мне приписываются такие слова: «У "Красных бригад" была правильная идея борьбы с международными корпорациями, но они ошиблись, сделав ставку на терроризм». Далее следует, что я мог употребить выражение «товарищи заблуждаются» и утверждать, что «идеи были стоящие, методы неподходящие». И делается вывод: «Если это вклад в оценку итальянской культуры, тридцать лет спустя после убийства Альдо Моро, это мы уже проходили. К сожалению».

На сайте представлены также комментарии посетителей, и мне кажется толковым высказывание одного анонима, который пишет: «Я сомневаюсь, что профессор Эко говорит так тривиально. В "Маятнике Фуко" есть (среди прочего) его личная оценка свинцовых семидесятых, где он, конечно, не превозносит терроризм. Было бы любопытно услышать его точные слова, а не ту версию, которую дают нам газеты». Между тем владелец сайта не только не читал ни мой «Маят-

ник Фуко», ни статьи, которые я писал для *La Repubblica* во времена дела Моро и которые переизданы в моей книге «*Семь лет желания*» (это его право!), но, подозреваю, не читал даже мое интервью в *El País*, а опирался на итальянскую прессу, резюмирующую некоторые высказывания. Вывод из неполных и сомнительных предпосылок является логической ошибкой и не может считаться правильным.

Тем не менее отвечаю из уважения к благоразумному анониму, который умеет читать, и для других посетителей этого зловредного сайта, которые могут (не по своей воле) быть введены в заблуждение. В своем интервью испанской газете я повторил ровно то, что писал тридцать лет назад. Я говорил, что газеты называли «бредом» высказывания «Красных бригад», когда те утверждали, что существует так называемое «транснациональное империалистическое государство», или заговор транснациональных корпораций, тогда как это (хоть в терминологии и слышны отголоски конспирологической теории) было единственной их разумной идеей, которая, однако, принадлежала не им, а была заимствована из различных европейских и американских публикаций, в частности из журнала *Monthly Review*[1]. Говорить в то время о господстве транснациональных корпораций означало признать, что существенная часть мировой политики зависит не от конкретных правительств, а от мировых экономических империй, которым подвластны, кроме всего прочего, вопросы войны и мира. Главным примером тогда были «Семь нефтяных сестер»[2],

Monthly Review (*англ.* «Ежемесячное обозрение») – североамериканский независимый левый теоретический журнал, основанный в 1949 году.

«Семь сестер» – термин, введенный в 1950 году бизнесменом Энрико Маттеи, тогдашним главой итальянской государственной нефтяной компании

но в наше время даже подростки говорят о глобализации, а глобализация означает, что мы едим салат, выращенный в Буркина-Фасо, помытый и упакованный в Гонконге, отправленный затем в Румынию для дальнейшей дистрибуции в Италии или во Франции. Это и есть господство транснациональных корпораций, и если данный пример кажется вам тривиальным, подумайте, как крупные международные авиакомпании влияют на решения нашего правительства о судьбе «Алиталии».

Действительно бредовыми в доктрине «Красных бригад» и связанных с ними террористических групп были выводы, к которым они пришли: во-первых, чтобы победить транснациональные корпорации, нужна революция в Италии; во-вторых, чтобы ввергнуть эти компании в кризис, нужно убить Моро и других достойных людей; в-третьих, что деятельность этих компаний подтолкнет пролетариат к революции.

Эти идеи были бредовыми прежде всего потому, что от революции в отдельно взятой стране транснациональным корпорациям было бы ни жарко ни холодно, и в любом случае международное давление быстро навело бы порядок; во-вторых, роль какого бы то ни было итальянского политика в этой игре интересов совершенно незначительна; и, в-третьих, нужно отдавать себе отчет, сколько бы людей террористы ни убили, рабочий класс не поднялся бы на революцию. И чтобы это понимать, не нужно было предугадывать развитие событий, нужно было просто вспомнить, что произошло в Латинской Америке с уругвайскими «ту-

Eni, чтобы описать семь нефтяных компаний, которые преобладали в мировой нефтяной промышленности с середины 1940-х до 1970-х годов. В состав группы входили: *British Petroleum, Exxon, Gulf Oil, Mobil, Royal Dutch Shell, Chevron* и *Texaco*.

памарос»[1] и подобными движениями (самое большее, они смогли убедить аргентинских полковников совершить не революцию, а государственный переворот), в то время как пролетарские массы и пальцем не пошевелили.

Выходит, тот, кто делает три ошибочных вывода из одной, в целом приемлемой предпосылки, — это не товарищ, который заблуждается. Если бы мой школьный товарищ утверждал, что, поскольку Солнце восходит и заходит, оно вращается вокруг Земли, я бы сказал, что товарищ не заблуждается, я бы сказал, что он просто дурак. Тот факт, что сегодня можно встретить даже красного террориста, готовящего взрывы в мечети во имя «Лиги Севера», показывает, что все они были не слишком умными.

Поэтому единственный товарищ (но чей?), который заблуждается, — это господин, делающий этот сайт.

2008

Тупамарос, или Движение национального освобождения, — леворадикальная уругвайская организация, первой в мире начавшая в 1960–1970-х годах применять тактику городской герильи.

Риусский танцовщик

История про тему о творчестве Монтале[1] всем уже известна, но, поскольку эта «картонка» выйдет через восемь дней после злополучных событий, расскажу суть. На выпускном экзамене за курс средней школы темой сочинения было предложено стихотворение Эудженио Монтале о загадочной улыбке. Все последующие рассуждения имеют смысл, если перед нашими глазами есть оригинал, вот он:

Память возвращает мне твою улыбку, родниковую воду
подмогу в странствиях по камням высохшего русла,
в зеркальной глади соцветий плюща отражение;
и распахнутые объятия бескрайнего белого неба.
Таково мое воспоминание; и мне трудно сказать,
о далекий,
являет ли образ твой свободную чистую душу,
или ты один из скитальцев, кто истерзан злом
в этом мире

Эудженио Монтале (1896–1981) — итальянский поэт, прозаик, литературный критик. Лауреат Нобелевской премии по литературе за 1975 год. Пожизненный сенатор.

и носит свои страдания, как оберег.
Скажу тебе, однако, что твой придуманный образ
смывает волной безмятежности странную грусть,
и облик твой проникает в мою тусклую память,
прямой, как верхушка молоденькой пальмы.

Откровенно говоря, из всей поэзии Монтале это стихотворение — одно из наиболее «каменистых», и ожидать, что его разбор будет по плечу выпускнику, который, возможно, никогда не изучал Монтале, мне кажется излишне. Но, как известно, министерская комиссия сделала еще хуже. Она дала «наводку», которая (как было и в мои школьные годы) подсказывает студенту, что он должен сказать: что поэзия возвышает спасительную роль женщины, что воспоминания о женщине сосредоточены на ее улыбке и так далее, призывая в конце высказать свои оригинальные мысли — интересно какие, поскольку наиболее оригинальные соображения высказало само министерство. На самом деле пикантность этой истории, как все уже знают, связана с тем, что адресат этого стихотворения («К.») — не женщина, а мужчина[1]. Мало того, русский танцовщик. Хотя все считают, что Монтале был гетеросексуален, известно, что когда речь заходит о русском танцовщике, образ которого был предметом скабрезных шуток в комедийных фильмах пятидесятых годов, это всегда вызывает двусмысленную улыбку.

Первой моей реакцией после прочтения газетных новостей, хотя я и не помнил стихотворения (я знаю наизусть много стихов из сборника «Кости каракатицы»[2],

Адресатом стихотворения, о котором идет речь, был русский эмигрант, артист балета, балетмейстер, педагог Борис Князев (1899–1975).

«Кости каракатицы» — первый поэтический сборник Монтале, вышедший в 1925 году.

но не это, замечу, что мне лично оно кажется менее музыкальным), была мысль о том, что нужно прекратить биографические сплетни об авторах. Авторы, покойные, как в данном случае, оставляют нам текст. И если текст говорит об улыбке, не уточняя чьей, читатель имеет право приписать эту улыбку кому хочет, как читающий Шекспира не обязан подозревать в образе «смуглой леди сонетов» не даму, а молодого человека. Однако, размышляя о правах текста, я нашел это стихотворение и убедился, что сам текст подсказывает нам, что адресован мужчине. Обращение «о далекий», безусловно, при всем желании не может быть истолковано как «издалека» или «пусть ты далеко». Так что эксперты министерства не читали текст, тогда как из текста можно понять, о чем речь, даже не обращаясь, как советует Марио Баудино[1] в газете *La Stampa*, к изданию Контини – Беттарини[2], в котором стихотворение опубликовано на странице 30, а скупая информация о К. дается только на странице 872.

Я также считаю преувеличением обвинения в гомофобии, адресованные кем-то министерским чиновникам. Если вы не хотите, чтобы студенты подумали, что это стихотворение посвящено мужчине, достаточно просто выбрать другое. Нет, дело как раз в том, что в министерстве никто не прочитал предложенный текст.

Но если мы намерены со всей строгостью осудить министерских чиновников, не стоит быть снисходительными и к их критикам. Ведущая итальянская газета публикует статью на двух страницах, в которой го-

Марио Баудино (р. 1952) – итальянский поэт и писатель, журналист, работающий в газете *La Stampa*.

2 Речь идет об издании поэзии Монтале под редакцией Розанны Беттарини и Джанфранко Контини. См.: Montale E. *L'opera in versi*. Einaudi, 1980.

ворится, что эти стихи написаны в 1975 году, тогда как всем известно, что сборник «Кости каракатицы» вышел в двадцатые годы (кстати, это уточняется в другом месте на той же странице), а также говорится, что личность «К.» установил Сильвио Рамат[1], который защитился «у» Монтале, что вряд ли, потому что Монтале никогда не преподавал в университете (на самом деле Рамат защитился, как я думаю, «по» Монтале). Я просто хочу заметить, что невнимательность — наш общий порок, а в одной интернет-газете даже утверждалось (конечно, в спешке, присущей моменту), что этот «К.» был одноклассником поэта. Что тут скажешь? Остается лишь улыбнуться.

2008

Сильвио Рамат (р. 1939) — итальянский поэт и литературовед. В 1962 году окончил филологический факультет Флорентийского университета, защитив дипломную работу по творчеству Э. Монтале. С 1976 года заведует кафедрой современной итальянской литературы в Падуанском университете.

Попросить прощения

В прошлой «картонке» я говорил о слишком распространенной привычке «просить прощения», а поводом к этому стали извинения за Ирак раскаявшегося Буша. Сделать нечто, что заведомо делать не стоило, а потом просто попросить прощения — этого мало. Надо хотя бы пообещать больше так не делать. Буш не станет еще раз вторгаться в Ирак просто потому, что американцы любезно освободили его от занимаемой должности, однако не исключено, что, если бы он мог, он снова сделал бы это. Многие, кто бросает камень и прячет руку, извиняются как раз для того, чтобы поступать, как прежде. Ведь попросить прощения ничего не стоит.

Это немного похоже на историю с «пентити»[1]. Раньше тот, кто раскаивался в своих злодеяниях, прежде всего как-то исправлялся, а затем вел покаянную жизнь, обретя пристанище в Фиваиде[2], побивал себя

«Пентито» (итал. *pentito*) — в итальянском правосудии — якобы раскаявшийся преступник, помогающий следствию в расчете на сокращение срока и тяжести наказания.

Фиваида — старинное название области в Верхнем Египте; термин происходит от греческого названия его столицы Фив. Название фигурирует в легендах о первых христианских отшельниках.

в грудь острыми камнями или шел лечить прокаженных в Черной Африке. Сегодня «пентито» просто сдает своих бывших подельников, а потом или переходит под опеку государства, получая новые документы и хорошее жилье, или досрочно выходит из тюрьмы и пишет книги, дает интервью, встречается с руководителями государства и получает восторженные письма от романтических девушек.

Знайте, что по ссылке http://www.sms – pronti.com/*sms_scuse_3.htm* вы найдете меню «Готовые фразы, чтобы просить прощения». Наиболее лапидарная — «Прости Я Настоящий Засранец». На http://news2000.libero.it/*noi2000/nc63.html* на странице, озаглавленной «Искусство просить прощения» (вообще-то посвященной раскаяниям за измену), читаем: «Основное и универсальное правило: прося прощения, никогда не чувствовать себя проигравшим. Просить прощения — это признак не слабости, а контроля и силы. Необходимо немедленно принять сторону справедливости, располагая к себе партнера, который должен вас выслушать. Признать свои ошибки — это и освобождающий жест: помогает избавиться от эмоций, не подавляя их, и жить более интенсивно». Что и требовалось доказать: попросить прощения — значит набраться сил, чтобы начать все сначала.

Проблема в том, что если тот, кто сделал что-то плохое, еще жив, он просит прощения лично. А если уже умер? Пример подал Иоанн Павел II, извинившись за процесс над Галилео Галилеем. Даже если ошибку совершил его предшественник (или кардинал Беллармино), прощения просит законный наследник. Однако не всегда ясно, кто же законный наследник. Кто, например, должен извиняться за избиение младенцев? Виновным был Ирод, который правил в Иерусалиме, так что его единственным законным наследни-

ком является правительство Израиля. Вопреки тому, в чем нас пытался убедить апостол Павел, прямая ответственность за смерть Иисуса лежит не на пресловутых иудеях, а на римском правительстве. У подножия креста стояли римские центурионы, а не фарисеи. Исчезла Священная Римская империя, единственным наследником древних римлян осталось итальянское государство, значит, Джорджо Наполитано придется просить прощения за распятие.

А кто попросит прощения за Вьетнам? Непонятно, будет ли это новый президент США или кто-либо из семьи Кеннеди, быть может, милая Керри. По поводу русской революции и убийства Романовых сомнений нет, потому что единственный законный наследник ленинизма и сталинизма — это Путин. А за Варфоломеевскую ночь?[1] Французская Республика, как наследница монархии. Но поскольку в то время всю кашу заварила королева Екатерина Медичи, настал черед Карлы Бруни извиняться за предшественницу.

Есть и довольно щекотливые ситуации. Кто будет просить прощения за ошибки Птолемея, настоящего вдохновителя приговора Галилею? Если, как считается, он родился в Птолемаиде, столице Киренаики, то извиняться должен Каддафи[2], но если он родился в Александрии — тогда правительство Египта. Кто попросит прощения за лагеря смерти? Единственные живые наследники нацизма — различные движения скинхедов, а они не очень хотят извиняться, наоборот, если б могли, вернулись бы к этому снова.

Варфоломеевская ночь — массовое убийство гугенотов во Франции, устроенное католиками в ночь на 24 августа 1572 года, в канун дня святого Варфоломея.

2 *Клавдий Птолемей* (ок. 100 — ок. 170 н. э.) — позднеэллинистический астроном, астролог, математик, механик, оптик, теоретик музыки и географ; *Птолемаида* (совр. Тахира) — древний город в Ливии, столица Киренаики, исторической области в Северной Африке.

А за убийство Маттеотти и братьев Росселли?[1] Проблема в том, кто именно является сегодня «истинным» наследником фашизма, и, скажу откровенно, этот вопрос ставит меня в затруднительное положение.

2008

Джакомо Маттеотти (1885–1924) – один из лидеров Итальянской социалистической партии, юрист. Был похищен и убит фашистами; *Карло Росселли* (1899–1937) – итальянский левый политик, журналист, историк, деятель антифашистского движения. Вместе с братом Нелло был убит французскими кагулярами (членами подпольной ультраправой организации), действовавшими в сговоре с итальянской фашистской разведкой.

У кого-то кружится солнце

Эдоардо Бончинелли[1] выступил в Болонском университете с лекциями по теории эволюционного учения (происхождение и развитие), и среди прочего меня поразили не столько общепризнанные сейчас доказательства эволюции (пусть и в изложении неодарвинизма), сколько то, что связанные с ними наивные и путаные теории можно встретить сегодня не только у противников, но и у сторонников этого учения. Взять хотя бы положение дарвинизма о том, что человек произошел от обезьяны. (При проявлениях расизма в наши дни советую воспользоваться ответом Дюма-отца одному недоброжелателю, подтрунивавшему над его происхождением: «Моя родословная начинается с обезьян, а ваша, сударь, на них заканчивается»[2].)

Дело в том, что наука всегда находится в конфликте с мнением обывателей, которое обычно не столь

1 *Эдоардо Бончинелли* (р. 1941) – итальянский биолог и генетик.

2 Александр Дюма (отец) считался квартероном, так как его бабушка по отцовской линии была чернокожей рабыней с острова Гаити. Квартероном в колониальной Америке называли человека, у которого один предок во втором поколении принадлежал к негроидной расе.

прогрессивно, как можно подумать. Все мы, люди образованные, знаем, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот, и тем не менее в повседневной жизни мы ведем себя, руководствуясь принципами так называемого наивного восприятия, и спокойно говорим, что солнце встает, садится, солнце в зените. Но сколько у нас «образованных» людей? Опрос, проведенный в 1982 году во Франции журналом *Science et vie*, показал, что один из трех французов считает, что Солнце вращается вокруг Земли.

Новость почерпнута мною из *Les Cahiers de l'Institut* (4, 2009), где Институт — это международный научно-исследовательский институт для *fous littéraires*[1], то есть авторов разной степени сумасшествия, которые выдвигают самые невероятные концепции. Франция здесь в авангарде, и пару древних «картонок» (1990 и 2001 года) я посвятил библиографической теме, в том числе и в связи с кончиной главного специалиста в этом вопросе, Андре Блавье[2]. Но в этом номере *Cahiers* Оливье Жюстафре пишет об отрицателях земного вращения и сферичности нашей планеты.

Предположения Коперника отрицались еще в конце XVII века даже некоторыми выдающимися учеными, и это не удивительно, поражает масса исследований, вышедших в XIX и XX веках. Жюстафре ограничивается трудами французов, но и этого предостаточно, начиная с аббата Маталена, сообщившего в 1842 году, что диаметр Солнца всего лишь тридцать два сантиметра

1 Литературных безумцев (*фр.*).

2 *Андре Блавье* (1922–2001) — бельгийский поэт, литературный критик, искусствовед. Занимался изучением так называемых литературных безумцев (*fous littéraires*) — авторов, которым не удалось снискать признания ни у публики, ни у интеллектуалов, ни у критиков, ни у издателей, поскольку они, как правило, публиковались за свой счет, а сюжеты их книг считались странными или смешными.

(впрочем, об этом уже говорил Эпикур, но на двадцать два столетия раньше), и до Виктора Маркуччи, который считал, что Земля – плоский диск, в центре которого находится Корсика.

Ну что возьмешь с девятнадцатого века? Однако в 1907 году выходит книга «Опыт рационализации экспериментальной науки» (*l'Essai de rationalisation de la science expérimentale*) Леона Макса (выпущенная серьезным научным издательством), а в 1936 году «Земля не вращается» (*La terre ne tourne pas*), где некто Райович добавляет, что Солнце меньше Земли, но больше Луны (хотя аббат Бувре в 1815 году утверждал обратное). В 1935 году Густав Плезан (который говорит о себе как об *ancien polytechnicien*[1]) издает работу с драматическим названием *Tourne-t-elle?* (то есть «Неужели Земля вращается?»), а в 1965 году выходит книга Мориса Оливье (еще один *ancien élève*[2] Политехнической школы) тоже о неподвижности Земли.

В статье Жюстафре упоминается лишь один нефранцузский автор, Сэмюэл Бёрли Роуботэм[3], который доказывает, что Земля – это плоский диск с центром на Северном полюсе и расстояние от нее до Солнца составляет шестьсот пятьдесят километров. Труд Роуботэма первоначально был опубликован в 1849 году в виде брошюры под названием «Зететическая астрономия: Земля не шар» (*Zetetic Astronomy: Earth Is Not a Globe*), но за тридцать лет ее объем вырос до версии в четыреста тридцать страниц, и работа эта положила начало Всемирному зететическому обществу (*Universal*

1 Выпускник Политехнической школы в Париже (*фр.*).

2 Выпускник (*фр.*).

3 *Сэмюэл Бёрли Роуботэм* (1816–1884) – английский изобретатель и писатель. Книга *Zetetic Astronomy: Earth Not a Globe* была опубликована под псевдонимом Параллакс сначала как 16-страничный памфлет (1849 год), который позднее автор расширил до 430-страничной книги (1881 год).

Zetetic Society), просуществовавшему до Первой мировой войны.

В 1956 году член Королевского астрономического общества Сэмюэл Шентон[1] возродил Всемирное зететическое общество под названием *Flat Earth Society*[2]. *NASA* в шестидесятые годы опубликовало первые фотографии Земли, сделанные из космоса, так что никто теперь не смел отрицать, что она сферической формы, но Шентон прокомментировал, что подобные фото могут обмануть только неопытный глаз: вся космическая программа была сфальсифицирована, а высадка человека на Луну — кинематографическая мистификация, созданная с целью убедить общественное мнение в том, что Земля круглая. Преемник Шентона, Чарльз Кеннет Джонсон[3] продолжал разоблачать сговор противников теории плоской Земли, написав в 1980-х годах, что идея вращающегося земного шара — это заговор с целью скрыть от людей правду, против него выступали Моисей и Колумб... Один из аргументов Джонсона таков: если бы Земля была шаром, то поверхность большой массы воды искривлялась бы, тогда как он проанализировал поверхность озер Тахо и Солтон-Си и не нашел каких-либо искривлений.

Стоит ли после этого удивляться, что есть среди нас антиэволюционисты?

2010

Сэмюэл Шентон (1903–1971) возродил в 1956 году «Всемирное зететическое общество» под названием «Международное общество плоской Земли», которое считается одной из разновидностей *дениализма* — иррационального отрицания общепринятых фактов и научных данных. Общество распространяло информационные бюллетени, листовки, брошюры и тому подобную литературу, в которой отстаивалась модель плоской Земли.

2 Общество плоской земли (*англ.*).

3 *Чарльз Кеннет Джонсон* (1924–2001) был с 1972 года президентом Международного общества плоской Земли.

Чего не следует делать ни в коем случае

Если кто-то высказывает обидное мнение о вашем литературном или художественном творчестве, не стоит обращаться в суд, даже если выражения вашего противника выходят за грань (порой незаметную), проходящую между жестким критическим суждением и оскорблением. В 1958 году Беньямино даль Фаббро[1], энергичный и довольно неоднозначный музыкальный критик, в статье, опубликованной в миланской газете *Il Giorno*, разгромил в пух и прах выступление Марии Каллас[2], прославленной певицы, которую он не любил. Не помню, что именно он написал, но помню эпиграмму, которую этот любезный и острый на язык критик повторял друзьям в баре «Ямайка» в миланском квартале Брера: «Певица Эпидавра заслужила помидавра»[3].

Беньямино Даль Фаббро (1910–1989) – музыковед, музыкальный критик, поэт и переводчик.

Мария Каллас (1923–1977) – греческая и американская певица, одна из величайших оперных певиц XX века.

3 *Эпидавр* – город в Греции, в античный период был центром небольшой области Эпидаврии. Известен развалинами древнего театра, где с 1955 года проводится театральный фестиваль. В разные годы в фестивале участвовали величайшие греческие и зарубежные артисты, в том числе Мария Каллас.

Каллас, тоже девушка с характером, в бешенстве подала на него в суд. Помню, как даль Фаббро рассказывал об этом в «Ямайке»: в тот день, когда на суде должен был выступать его адвокат, он явился одетым во все черное, чтобы защитник мог представить его как сурового и неподкупного ученого; а в тот день, когда должен был выступать адвокат Каллас (который не исключено, что воспользовался бы, как говорил даль Фаббро, тем, что некоторые злые языки представляли его неудачником), он надел просторный льняной костюм белого цвета и соломенную шляпу.

Естественно, суд оправдал даль Фаббро, признав его право на критику. Самое смешное во всем этом, что значительная аудитория, которая следила за полемикой в прессе, но имела смутное представление о законах и конституционном праве на свободу убеждений и свободное их выражение, сочла решение суда не признанием прав критика, а признанием того, о чем он говорил, то есть что Каллас пела плохо. Получилось, Каллас вышла из этой истории с (незаслуженным) дипломом плохой певицы, подписанным судом Итальянской Республики.

Вот вам доказательство мысли, что глупо тащить в суд того, кто ругает нас, не стесняясь в выражениях. По всей вероятности, суд признает его право на критику, а для невежественной толпы решение суда как раз подтвердит то, что мы заслуживаем всех этих выражений.

Вывод: нужно придерживаться двух древних правил: согласно первому, опровержение — это новость, данная дважды; согласно второму, если ты оказался по горло в липком веществе, лучше не шевелись, чтобы не гнать волну.

А что делать с тем, кто тебя оскорбил? Ничего, потому что если ты решил заняться литературой или ис-

кусством, значит, ты готов получать негативные отзывы и разносы, понимая, что это часть твоего ремесла. Тебе придется покорно ждать, что миллионы грядущих читателей ниспровергнут зависть врагов, ведь история расставляет все на свои места, пусть даже Луи Шпор[1] назвал Пятую симфонию Бетховена «оргией шума и пошлости», Томас Бейли Олдрич[2] написал об Эмили Дикинсон[3]: «Бессвязность и отсутствие формы ее стишков — по-другому их не назвать — ужасны». А продюсер киностудии «Метро Голдвин Майер» после проб Фреда Астера[4] заявил, что тот «не умеет играть, не умеет петь и лысый. Ну, танцует немного».

И если кто-то отрицательно отзывается о тебе, вступив с тобой в поединок за приз, который ему не достанется или не достался, это тоже плохо, это однозначно не делает ему чести. Один весьма известный писатель, когда его жена участвовала в университетском конкурсе, написал разгромную критику на книгу ее соперника. Конечно, и Караваджо не был образцом добродетели, и Фрэнсис Бэкон, великий мыслитель, был осужден за взяточничество и (как тогда было принято) лишен права занимать государственные посты; но писателя, о котором я упомянул, не умаляя его литературных заслуг, многие сочли достойным морального порицания.

2012

Луи (Людвиг) Шпор (1784–1859) — немецкий скрипач, композитор, дирижер и педагог, один из первых представителей романтического стиля в музыке.
Томас Бейли Олдрич (1836–1907) — североамериканский писатель, поэт и новеллист.

3 *Эмили Элизабет Дикинсон* (1830–1886) — американская поэтесса. Первая книга ее стихов вышла лишь в 1890 году. Ныне Эмили Дикинсон считается одной из важнейших фигур американской и мировой поэзии.

4 *Фред Астер* (1899–1987) — американский актер, танцор, хореограф и певец, звезда Голливуда, один из величайших мастеров музыкального жанра в кино.

Чудодейственный «Мортакк»

От суставных болей врач посоветовал мне препарат, который, дабы избежать утомительных правовых споров, назову вымышленным именем — «Мортакк».

Как любой здравомыслящий человек, прежде чем принимать лекарство, я прочитал вкладыш, в котором говорится, в каких случаях не следует принимать препарат (например, если ты решишь выпить его вместе с бутылкой водки, если должен всю ночь вести грузовик из Милана в Чефалу, если у тебя проказа и если ты беременна тройней). Мой листок предупредил, что прием «Мортакка» может вызывать ряд аллергических реакций, отек лица, губ и горла, головокружение и сонливость, случайные падения (у пожилых людей), снижение или потерю зрения, болезни позвоночника, сердечную и/или почечную недостаточность, затруднение мочеиспускания. У некоторых пациентов появляются суицидальные мысли, поэтому рекомендуется (полагаю, когда пациент хочет выброситься из окна) проконсультироваться с врачом (я бы сказал, лучше с пожарными). Конечно же, «Мортакк» может вызывать запоры, конвульсии, кишечную непроходимость,

а его прием одновременно с другими препаратами может привести к дыхательной недостаточности и коме.

Не говоря уже об абсолютном запрете на вождение автомобиля или на управление сложными механизмами и выполнение других видов работ, связанных с повышенной опасностью (представляю себе, что кто-то управляет прессом, стоя на балке перекрытия на высоте пятидесятого этажа). Если принимать «Мортакк» в дозировке, превышающей предписанную, то возможны сонливость, заторможенность, возбужденное и беспокойное состояние. Если уменьшить дозировку или резко прервать лечение, это может вызвать нарушение сна, головную боль, тошноту, беспокойство, диарею, судороги, депрессию, повышенную потливость и головокружение.

Более чем у одного человека из десяти отмечено повышение аппетита, возбуждение, спутанность сознания, снижение либидо, раздражительность, нарушение внимания, речевые расстройства, неповоротливость (*sic!*), ухудшение памяти, тремор, онемение конечностей, летаргия и бессонница (одновременно?), упадок сил, снижение зрения, двоение в глазах, головокружение и потеря равновесия, сухость во рту, рвота, вздутие живота, проблемы с эрекцией, отеки, ощущение опьянения, нарушения походки.

Как минимум у одного из ста человек выявлено снижение сахара в крови, изменение самооценки, депрессия, перепады настроения, затрудненность речи, потеря памяти, галлюцинации, нарушения сна, приступы паники, апатия, странные ощущения (*sic!*), неспособность достижения оргазма, задержка эякуляции, трудности с мышлением, притупление чувств, нарушения движения глаз, снижение рефлексов, чувствительности кожи, потеря вкусовых ощущений, изжога, двига-

тельные нарушения, спутанность сознания, обмороки, повышенная чувствительность к шуму, сухость и отечность глаз, слезотечение, нарушения сердечного ритма, низкое давление, высокое давление, вазомоторные нарушения, затруднение дыхания, сухость в носу, вздутие живота, повышенное слюноотделение, изжога, онемение в области рта, потливость, озноб, мышечные судороги и спазмы, боли в суставах, боли в спине, боли в конечностях, недержание мочи, затруднения и боль при мочеиспускании, слабость, падения, жажда, чувство дискомфорта в груди, изменение анализов крови и функций печени.

О том, что может случиться с одним человеком из тысячи, я даже не говорю: мало найдется на свете таких бедолаг.

Я не принял ни одной таблетки, потому что был уверен, что сразу обнаружу у себя все симптомы (как описывал бессмертный Джером К. Джером), вплоть до родильной горячки, хоть она во вкладыше и не упоминалась. Подумал было выбросить лекарство на помойку, но это могло бы вызвать в популяции мышей мутации с эпидемическими последствиями. Я сложил все в металлическую коробку и закопал ее в парке на глубине одного метра.

Должен сказать, что за это время у меня прошли боли в суставах.

2012

Джойс и «мазерати»

Листая каталоги аукционных домов, таких как *Christie's* или *Sotheby's*, можно увидеть, что, кроме картин, старинных книг, автографов и прочих раритетов, пользуется спросом то, что называют *memorabilia*[1], например туфельки, которые были на знаменитой актрисе на съемках такого-то фильма, авторучка, принадлежавшая Рональду Рейгану, и тому подобное. Однако есть разница между экстравагантным коллекционированием и фетишистской охотой за реликвиями. Коллекционер всегда немного сумасшедший, даже когда отдает последнее за инкунабулу «Божественной комедии», но его страсть можно понять. Есть любители, которые собирают пакетики от сахара, крышки от кока-колы или телефонные карты. Конечно, коллекционирование марок представляется мне более благородным занятием, чем собирание пробок от пива, но сердцу не прикажешь.

Другое дело, когда ты мечтаешь любой ценой заполучить обувь, которую носила звезда в таком-то фильме. Если ты собираешь все туфли всех знаменитостей,

Memorabilia (лат.) – памятные вещи; вещи, принадлежавшие известной личности или связанные с определенным событием.

начиная с Мельеса[1], тогда ты коллекционер и твое безумие имеет смысл, но зачем тебе одна пара?

На страницах газеты *La Repubblica* от 28 марта мне попались две интересные новости. Одна из них, размещенная и в других газетах, касается выставленных на онлайн-аукцион *eBay* «синих авто» Ренци[2]. Я еще могу понять, что кто-то мечтает о «мазерати» и пользуется случаем приобрести ее за умеренную цену, пусть и с большим пробегом и предстоящими значительными тратами на ремонт. Но какой смысл соревноваться на аукционе и тратить тысячи евро, чтобы заполучить машину, купленную (на наши деньги) министром Ла Руссой[3], и платить вдвое или втрое больше по сравнению со стоимостью аналогичного подержанного автомобиля, указанной в журнале *Quattroruote*? Однако именно это и происходит с «синими авто» на аукционе. Здесь явно прослеживается фетишизм, поскольку трудно понять, какое удовольствие испытывает приобретающий возможность сесть на кожаное сидение, согретое прежде кем-то из министров. Не говоря уже о том, кто тратит огромные деньги, чтобы вальяжно развалиться в машине какого-то референта или заместителя.

Теперь перейдем к теме, иной лишь на первый взгляд, которая была затронута в том же номере на целом га-

Мари Жорж Жан Мельес (1861–1938) – французский режиссер и цирковой артист, один из основоположников мирового кинематографа, изобретатель первых спецэффектов и пионер кинофантастики.

Весной 2014 года премьер-министр Италии *Маттео Ренци* объявил о продаже на онлайн-аукционе *eBay* автомобилей, принадлежащих правительственным учреждениям. Более ста машин премиум-класса были ранее приобретены в собственность министерствами юстиции, обороны и внутренних дел. История с продажей дорогих «синих авто», которые в глазах итальянцев выглядят символом коррумпированности и расточительства правительства, получила большой резонанс. Многие, однако, бросились покупать подержанные правительственные автомобили.

3 *Иньяцио Ла Русса* (р. 1947) – итальянский политик, министр обороны в правительстве Сильвио Берлускони (2008–2011).

зетном развороте. На аукцион выставлены любовные письма, написанные двадцатишестилетним Яном Флемингом[1], ценой около шестидесяти тысяч евро за каждое. В них молодой агент, еще не слишком секретный, писал: «Я хотел бы целовать твои губы, грудь, спускаясь все ниже и ниже». Сейчас многие вполне законно коллекционируют рукописи, и вот так, автограф за автографом, можно собрать интересную во всех смыслах коллекцию. В самом деле, даже не коллекционер был бы рад заполучить письмо, в котором Джойс писал Норе: «Я — твой ребенок, я хотел бы, чтобы ты меня шлепнула, ударила даже... и не в шутку, по заду, по голой плоти». Или письмо Оскара Уайльда, адресованное его возлюбленному, лорду Дугласу: «Чудесно, что твои красные губы, схожие с лепестками роз, созданы не только для пения, но и для безумных поцелуев». У обладателей таких писем всегда найдется что показать друзьям, коротая вечерок за обсуждением слабостей великих.

Но я не понимаю, какое значение могут иметь эти находки для истории литературы и литературоведения. Разве от того, что мы узнаем, что в двадцать шесть лет Флеминг писал письма, типичные для сгорающего от желания подростка, изменится что-либо в нашем восприятии историй Джеймса Бонда или в критической оценке стиля автора? Чтобы понять литературную эротику Джойса, достаточно прочитать «Улисса», особенно последнюю главу, хотя его автор прожил весьма целомудренную жизнь. Однако у многих великих, напротив, целомудренные страницы сочетаются с распутной жизнью. Но неужели мы изменим свое отношение к роману «Обрученные» Мандзони оттого,

Ян Флеминг (1908–1964) — британский журналист, офицер военно-морской разведки и писатель; автор романов о супершпионе Джеймсе Бонде.

что про автора скажут, что он любил пошалить в постели, погубив своим сладострастием двух жен?

Я понимаю, что желание иметь «мазерати» бывшего министра Ла Руссы отличается от стремления продемонстрировать документы, подтверждающие физическую (или только ментальную?) способность некоторых писателей к эрекции. Но по сути дела, это две формы фетишизма.

2014

А был ли Наполеон?

Нечто развлекательное в качестве подарка под елку. И, вы увидите, еще и совет, как противостоять любителям «мистических тайн». Последний раз охотник за тайнами появился на телевидении в передаче, названной (каббалистически) «Адам Кадмон»[1], где ведущий был в маске. Но я сейчас не про это, такие передачи еженедельно разбирает Кроцца в своей программе «Кроцца в стране чудес»[2], лучше поговорим о разных Кроццах прошлого.

Был у меня поздний итальянский перевод (1914) памфлета Жан-Батиста Переса[3] под названием «Напо-

Адам Кадмон («Адам первоначальный», «человек первоначальный») – в каббале первое явление Божества, универсальный архетип всего сущего.

2 *Маурицио Кроцца* (р. 1959) – итальянский комик, шоумен и телеведущий. *«Кроцца в стране чудес»* – формат телепрограммы (2012–2016), представляющей собой концентрат сатиры, музыки, пародий и импровизации.

3 *Жан-Батист Перес* (1752–1840) – французский ученый и писатель. Работал профессором математики и физики в Лионском университете, позже был адвокатом и библиотекарем в Ажене. Известен своим памфлетом о том, что Наполеон никогда не существовал (опубликован в 1827 году). Памфлет представлял собой остроумную пародию на труды Шарля Франсуа Дюпюи и других представителей мифологической школы, доказывавших, что Иисус Христос – вымышленная личность. Памфлет получил большую известность, многократно переиздавался и переводился на другие языки. Русский пере-

леона никогда не существовало», но как раз в эти дни мне удалось найти первое издание 1835 года с подзаголовком «Великая ошибка – источник бесконечного числа ошибок». Автор утверждает, что Наполеон – это всего лишь аллегорическая фигура, олицетворение солнца, и подробнейшим образом доказывает это, находя аналогии с великим светилом. Аполлон (а *Napoleo* переводится как «воистину губитель Аполлон») также родился на средиземноморском острове; Летиция – имя его матери, означает «утренняя заря», а имя Летиция не что иное, как имя Латона, именно так звали мать Аполлона. У Наполеона было три сестры, и это, конечно же, три грации; четыре брата, которые символизируют четыре времени года, и две жены (Луна и Земля соответственно). Его двенадцать маршалов – это знаки зодиака, и, как Солнце, Наполеон восторжествовал на юге и потерпел поражение на севере.

Наполеон положил конец гидре Революции, стало быть, это схоже с убийством Аполлоном легендарного дракона Пифона, или Питона. Солнце восходит на востоке и садится на западе, а Наполеон явился из Египта, царствовал во Франции и исчез затем в западных морях. Его правление длилось двенадцать лет, то есть двенадцать часов дня. «Итак, доказано, что мнимый герой нашего века не что иное, как аллегорическая фигура, все атрибуты которой заимствованы от Солнца».

Перес умел, конечно же, плести чушь, но делал это, пародируя книгу Шарля Франсуа Дюпюи *L'origine de tous les cultes* (1794)[1], в которой утверждалось, что мифологи-

вод сделан А. М. Васютинским в 1912 году.

Шарль Франсуа Дюпюи (1742–1809) – французский ученый, политический деятель, философ. Объяснял мифологические и религиозные представления как астрономические аллегории. Его труды («Происхождение всех культов или всеобщая религия» и другие) оказали влияние на становление мифологического направления в исследовании христианства.

ческие и религиозные представления — это всего лишь аллегории астрономических и физических явлений.

Вслед за Пересом некто Аристарх Ньюлайт (*Historic certainties*, 1851), оригинальное издание книги которого я не смог найти, использовал аналогичные аргументы для полемики с «Жизнью Иисуса» Давида Штрауса и его критико-рационалистическим прочтением Евангелий[1]. Но еще до Переса Ричард Уотли опубликовал свои *Historic doubts relative to Napoleon Buonoparte*, и я даже нашел первое издание 1819 года[2]. Уотли, английский богослов и архиепископ Дублина, писал очень серьезные произведения, как на религиозные, так и на философские темы, его труд по логике оказал влияние на Чарльза Сандерса Пирса[3]. Уотли пытался оспаривать доводы писателей-рационалистов (в частности, Дэвида Юма), отрицающих псевдоисторические факты, к которым относили, к примеру, события, описанные в Священном Писании, и рассказы о чудесах, поскольку им нет эмпирических доказательств. Уотли не критикует Юма сотоварищи, но доводит тезисы до абсурдных выводов, показывая, что, если следовать этим принципам, сомнению можно подвергнуть любой достоверный факт, ведь и сведения о наполеоновских деяниях (где тоже много чудесного) не все-

Давид Фридрих Штраус (1808–1874) — германский философ, историк, теолог и публицист. Автор двухтомного труда «Жизнь Иисуса». Штраус доказывал, что Евангелия несут в себе элементы ненамеренного мифотворчества, возникшего после смерти Иисуса, но до их письменной фиксации, когда истории о Христе передавались из уст в уста и обрастали невероятными подробностями.

2 *Ричард Уотли* (1787–1863) — английский философ, теолог и экономист. Автор работ по широкому спектру вопросов, в том числе шуточного исследования «Исторические сомнения относительно Наполеона Бонапарта», которое вышло в 1819 году.

3 *Чарльз Сандерс Пирс* (1839–1914) — американский философ, логик, математик, основоположник прагматизма и семиотики.

гда доходили до нас из первых уст. Далеко не многие из современников Наполеона действительно его видели, и значительная часть того, что о нем говорится, — это рассказы, рожденные, в свою очередь, из других рассказов.

Эти антикварные *trouvailles*[1], о которых я рассказал, — предмет страсти коллекционера, но, к счастью для читателей, все три упомянутых мной текста вошли в сборник «Несуществующий император», выпущенный издательством *Sellerio* под редакцией Сальваторе Нигро (1989), и эту книгу (за семь евро) вы можете положить под елку[2]. Признаюсь, я весело провел время, анализируя *ante litteram*[3] предшественников Маурицио Кроццы. Вообще-то все три моих автора высмеивали не охотников за тайнами, а мыслителей, которые пытались разоблачить тайны, и, следовательно, были реакционерами. Однако метод стоит взять на вооружение: довести высказываемые кем-то положения до абсурда и уничтожить их здоро́вым смехом.

2014

Находки (*фр.*).

Сальваторе Сильвано Нигро (р. 1946) — итальянский филолог и литературовед. Речь идет о книге: Pérès B., Whately R., Newlight A. *L'imperatore inesistente.* Sellerio, 1989.

3 Букв. «до буквы» (*лат.*). Выражение, которое употребляется относительно личностей или явлений, которые выступили провозвестниками идей или событий, концептуально систематизированных позже.

Мы все сошли с ума?

В последние недели мы стали свидетелями ряда поступков, объяснимых разве что безумием. Сумасшедший, конечно же, немецкий пилот, который потянул за собой на смерть всех вверенных ему пассажиров; сумасшедший, без сомнения, миланский предприниматель, устроивший перестрелку в здании суда[1]. Беспокойство вызывает также пилот, открывший стрельбу у себя дома, — и не важно, что он обвиняется в аварии, причиной которой, возможно, стало повышенное содержание алкоголя в крови, — подобное может случиться со всяким. Если командир экипажа, лично возивший президента республики, садится за руль в пьяном виде, это внушает опасения[2].

Имеется в виду крупная авиакатастрофа, произошедшая в марте 2015 года в Прованских Альпах, когда самолет по вине второго пилота врезался в горный склон и полностью разрушился. Все находившиеся на его борту сто пятьдесят человек погибли. Официальной причиной катастрофы стало самоубийство пилота. Миланский предприниматель — Клаудио Джардиелло, устроивший в апреле 2015 года стрельбу в здании Миланского суда, в результате которой четыре человека погибли и один был ранен.

2 Пилот авиакомпании «Алиталия» Маурицио Фольетти в ходе семейной ссоры открыл стрельбу в собственном доме в городе Тоди (регион Умбрия). Обошлось без пострадавших, однако перепуганные домочадцы и соседи вы-

Не сошли ли с ума полицейские, устроившие «мексиканскую бойню» в школе Диас[1]? За минуту до этого они были обычными стражами порядка. Что на них нашло? Какое умопомрачение помешало им понять (умолчим о моральной стороне дела), что в итоге об их действиях обязательно станет известно?

Вспоминается фраза Роберта Оуэна: «Все в этом мире сумасшедшие, кроме тебя и меня. Да и ты тоже, если хорошенько подумать...» Ведь мы уверены, что благоразумие — это норма, а безумцы — исключения, которых в свое время помещали в психиатрические лечебницы. Но так ли это? Что, если нормальное состояние — это как раз безумие, а так называемая норма — состояние временное? Отбросив парадокс, не разумнее ли убедить себя в том, что в каждом человеке имеется некоторая доля безумия? У кого-то она не дает о себе знать вовсе, другими овладевает время от времени и проявляется не в агрессии, а в продуктивных формах — у многих из тех, кого мы считаем гениями, пророками, мечтателями; но есть и такие, чье безумие выражается в действиях явно криминальных.

Если теория верна, то все люди, живущие на нашей планете (а нас целых семь миллиардов), носят в себе семена безумия, которые могут произрасти внезапно

звали наряд карабинеров, которые изъяли огнестрельное оружие и составили протокол о происшествии. Ранее Фольетти как одному из лучших пилотов было доверено управление самолетом, на котором летел президент Италии Серджо Маттарелла. Фольетти, отстраненный от работы после инцидента, покончил жизнь самоубийством.

Спецоперация в школе «Армандо Диас» была организована против антиглобалистов итальянской полицией во время саммита «Большой восьмерки» в Генуе в июле 2001 года. По скандальному делу о спецоперации Европейский суд по правам человека признал Италию виновной в нарушении статьи 3 (запрещение пыток) Европейской конвенции о защите прав человека. Названа «мексиканской резней» по аналогии с событиями 1968 года в городе Мехико, когда правительственные силы в канун XIX летних Олимпийских игр расстреляли студенческую демонстрацию («резня Тлателолько»).

пышным цветом или проявляться лишь в отдельные моменты. Не исключено, что и головорезы ИГИЛ в повседневной жизни верные мужья и любящие отцы, и, возможно, в течение дня они тоже смотрят телевизор или отводят детей в мечеть. Но вот они встают в восемь утра, вешают на плечо своего калашникова, жена, возможно, готовит им яичницу и бутерброды, и идут себе, чтобы кого-нибудь обезглавить или расстрелять сотню-другую детей. А впрочем, не такую ли жизнь вел, скажем, Адольф Эйхман?[1] С другой стороны, даже самый лютый убийца, если послушать потом его мать, всегда был образцовым мальчиком, разве что выглядел немного раздраженным или грустным.

Неужели мы должны жить в постоянном страхе, опасаясь, что в любой момент наша жена или наш муж, сын или дочь, сосед, с которым мы здороваемся по утрам на лестнице, или наш лучший друг вдруг схватят топор и размозжат нам череп или добавят мышьяка в суп?

Наша жизнь в таком случае стала бы невыносимой, и, потеряв доверие к окружающим (даже к вокзальному громкоговорителю, объявляющему, что поезд на Рим отправляется с пятого пути, ведь ответственный за объявления служащий, быть может, спятил), мы сделаемся параноиками, держащими непрерывную оборону.

А значит, чтобы выжить, необходимо хоть кому-то доверять. Остается лишь смириться с тем, что абсолютного доверия не существует (хотя и случается иногда на этапах влюбленности), доверие может быть лишь относительным. Если поведение моего лучшего друга на протяжении многих лет внушало доверие, держу пари, что этому человеку можно доверять. Как

Отто Адольф Эйхман (1906–1962) – немецкий офицер, сотрудник гестапо, непосредственно ответственный за массовое уничтожение евреев.

пари Паскаля: верить в существование вечной жизни гораздо приятнее, чем не верить в нее. Это именно ставка. На которую полагаться, конечно, рискованно, но ставка эта (если не на жизнь вечную, так хоть на друга) очень важна для нашего психического здоровья.

Как когда-то написал, если не ошибаюсь, Сол Беллоу[1], в эпоху безумия надеяться на то, что безумие тебя минует, — это тоже форма безумия. Следовательно, не принимайте за чистую монету все, что я тут написал.

2015

Сол Беллоу (1915–2005) — американский писатель еврейского происхождения, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1976 год.

Идиоты и ответственная пресса

Меня очень позабавила история про идиотов в Сети. Для тех, кто не в курсе: на интернет-порталах и в ряде газет появилась информация, что будто бы в ходе так называемой *lectio magistralis*, то есть лекции по случаю присвоения звания почетного доктора в Турине, я сказал, что Сеть полна идиотов. Неправда. Лекция была о другом, но это прекрасно свидетельствует о том, как передаются и искажаются новости в газетах и в Сети.

История с идиотами возникла на последующей за лекцией пресс-конференции, когда я, отвечая не помню, на какой вопрос, высказал одно здравое наблюдение. Я заметил, что среди семи миллиардов жителей планеты неизбежно есть определенная часть идиотов, многие из которых прежде высказывали свои бредни лишь родным или друзьям в баре, так что их суждения не выходили за пределы узкого круга. Сегодня же значительная часть этих людей получила возможность выразить свои взгляды в социальных сетях. Следовательно, у них есть широкая аудитория, их мнения перемешиваются со множеством других, высказанных людьми разумными.

Обратите внимание, что в моем определении «идиотов» не было расистского подтекста. Никто не является дураком по профессии (за редким исключением), но отличный лавочник, отличный хирург, отличный банковский служащий может наговорить глупостей по вопросу, в котором он не разбирается или над которым недостаточно долго размышлял. Еще и потому, что комментарии в интернете оставляют сгоряча, не имея времени подумать.

Интернет позволяет высказаться всем, даже тем, кто не говорит ничего разумного, и это правильно, однако избыток глупостей его засоряет. И некоторые сбивчивые комментарии, которые я потом увидел в Сети, подтверждают справедливость моего тезиса. Кто-то заявил, что, по моему утверждению, в интернете одинаково бесспорны мнения как дурака, так и лауреата Нобелевской премии, и сразу же разгорелась бессмысленная дискуссия о том, получил ли я Нобелевскую премию. И никто даже не заглянул в Википедию. Это к тому, как мы склонны к пустой болтовне. В любом случае теперь можно подсчитать количество идиотов: минимум триста миллионов. Считается, что в последнее время Википедия потеряла триста миллионов посетителей. Это те, кто больше не использует интернет для поиска информации, а предпочитает висеть онлайн и болтать (как правило, впустую) с себе подобными.

Нормальный пользователь Сети должен уметь отличать бессвязные мысли от четко сформулированных, но так бывает не всегда, и здесь возникает проблема фильтрации, которая касается не только мнений, высказанных в различных блогах или в Твиттере. Вопрос актуален для всех веб-сайтов, где (хотел бы я посмотреть на того, кто станет это отрицать) можно найти как информацию полезную и заслуживающую доверия,

так и разного рода бред, разоблачение несуществующих заговоров, отрицание общепризнанных фактов, расистские высказывания, да и просто сведения искаженные, неточные, сляпанные кое-как.

Как фильтровать? Каждый из нас способен отфильтровывать информацию при просмотре веб-сайтов, которые касаются предмета его интересов. Я, например, приду в замешательство, если мне потребуется выяснить, насколько верна информация, данная на сайте, посвященном теории струн. Школа тоже не в состоянии научить этой фильтрации, поскольку учителя находятся в том же положении, что и я: преподаватель греческого языка может оказаться беспомощным на сайте, где говорится о теории катастроф или даже о Тридцатилетней войне.

Остается только одно решение. Газеты зачастую находятся в плену Сети, так как берут оттуда новости, а то и обычные россказни, отдавая, таким образом, право голоса своему главному конкуренту, — и все время запаздывают по сравнению с интернетом. Лучше было бы ежедневно посвящать по крайней мере две страницы анализу веб-сайтов (как делают обзоры книг или фильмов), разбирая, какие из них добросовестные, а какие распространяют нелепые или сомнительные сведения. Тем самым они оказали бы общественности неоценимую услугу, и, возможно, это послужило бы для многих интернет-пользователей, которые пренебрегают газетами, поводом снова пролистывать их каждый день.

Разумеется, чтобы выполнять такую работу, газете понадобится целая команда аналитиков, большей частью внештатных. Затея эта, конечно же, дорогостоящая, однако неоценимая в культурном отношении, ознаменовала бы начало новой функции печати.

2015

Литературно-художественное издание

УМБЕРТО ЭКО

ЗАКЛЯТИЕ САТАНЫ

Хроники текучего общества

Главный редактор Варвара Горностаева

Художник Андрей Бондаренко

Ведущий редактор Алексей Белоусов

Ответственный за выпуск Ольга Энрайт

Технический редактор Наталья Герасимова

Корректор Инна Безрукова

Верстка Марат Зинуллин

Настоящее издание не содержит возрастных ограничений, предусмотренных Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (№ 436-ФЗ)

Подписано в печать 12.09.18. Формат 84×108 1/32
Бумага офсетная. Гарнитура «NewBaskervilleC»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,96.
Тираж 4000 экз. Заказ № 7398/18.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

ООО "Издательство АСТ"
129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Электрониый адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

"Баспа Аста" деген ООО
129085 Мәскеу қ., Жұлдызды гүлзар, 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО "РДЦ-Алматы"
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию
в Республике Казахстан: ТОО "РДЦ-Алматы"

Интернет-дүкен: www.book24.kz
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы "РДЦ-Алматы" ЖШС
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі "РДЦ-Алматы" ЖШС
050039 Алматы қ., Домбровский көш., 3 "а", литер Б, офис 1
Тел.: +7 (727) 251-59-89, 90, 91, 92, факс: +7 (727) 251-58-12, доб. 107
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

По вопросам оптовой покупки книг обращаться по адресу:
123317 г. Москва, Пресненская наб., д. 6, строение 2, БЦ "Империя", а/я №5
Тел.: +7 (499) 951-60-00, доб. 574
E-mail: opt@ast.ru

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

UMBERTO ЭКО

PAPE SATÀN ALEPPE

9 785171 005290
Цена: 859,00
Заклятие сатаны

Последняя книга Умберто Эко, которую автор успел подготовить к печати незадолго до смерти, является своего рода остроумным, ученым и в то же время ироничным завещанием всемирно известного итальянского писателя. "Заклятие сатаны" — собрание очерков и заметок, публиковавшихся в журнале *L'Espresso* с 2000 по 2015 годы, посвященных самым разнообразным вызовам "текучей" современности; от интернета до религии, от телевидения до философии, от Гипатии до Берлускони.